

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АНДРЕЙ ВЕЛИЧКО
ГЕНЕРАЛ
ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

Annotation

Что может сделать великий князь и цесаревич для предотвращения поражения России в Русско-японской войне? Ну, например, попытаться убедить царя вовсе не ввязываться в эту авантюру. Однако этим занимались многие помимо наследника, и результат известен. Или добиться дополнительного финансирования флота? Не факт, что получится, еще более не факт, что поможет, да и денег в казне все равно нет. Может быть, поставить во главе армии толковых генералов? Но где их взять, да и нет у цесаревича таких полномочий. Зато у него есть недавно приобретенный друг, бывший советский инженер дядя Жора, который уже два года живет в России начала двадцатого века. А значит, еще не все потеряно!

- [Андрей Величко](#)

-
- [ПРОЛОГ](#)
- [ГЛАВА 1](#)
- [ГЛАВА 2](#)
- [ГЛАВА 3](#)
- [ГЛАВА 4](#)
- [ГЛАВА 5](#)
- [ГЛАВА 6](#)
- [ГЛАВА 7](#)
- [ГЛАВА 8](#)
- [ГЛАВА 9](#)
- [ГЛАВА 10](#)
- [ГЛАВА 11](#)
- [ГЛАВА 12](#)
- [ГЛАВА 13](#)
- [ГЛАВА 14](#)
- [ГЛАВА 15](#)
- [ГЛАВА 16](#)
- [ГЛАВА 17](#)
- [ГЛАВА 18](#)
- [ГЛАВА 19](#)
- [ГЛАВА 20](#)
- [ГЛАВА 21](#)

- [ГЛАВА 22](#)
 - [ГЛАВА 23](#)
 - [ГЛАВА 24](#)
 - [ГЛАВА 25](#)
 - [ГЛАВА 26](#)
 - [ГЛАВА 27](#)
 - [ГЛАВА 28](#)
 - [ГЛАВА 29](#)
 - [ГЛАВА 30](#)
 - [ГЛАВА 31](#)
 - [ГЛАВА 32](#)
 - [ГЛАВА 33](#)
 - [ГЛАВА 34](#)
 - [ГЛАВА 35](#)
 - [ГЛАВА 36](#)
 - [ГЛАВА 37](#)
 - [ГЛАВА 38](#)
 - [ГЛАВА 39](#)
 - [ГЛАВА 40](#)
 - [ГЛАВА 41](#)
 - [ГЛАВА 42](#)
 - [ЭПИЛОГ](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
-

Андрей Величко
ГЕНЕРАЛ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

ПРОЛОГ

Поняв, что заснуть мне так и не удастся, я встал и оделся. За окном было темно, до рассвета оставалось часа полтора. Сунул было в зубы сигарету, но она сразу показалась натуральной мерзостью. Так и есть, простудился, вот ведь некстати-то как...

Начало 1904 года в Гошином мире сильно отличалось от нашей реальности, — главным образом, отсутствием войны с японцами, ведь сегодня шестое, то есть теперь уже седьмое февраля. Правда, вчера они заявили о разрыве дипломатических отношений, так что завтра-послезавтра, глядишь, начнется...

Всю предыдущую неделю погода была абсолютно нелетной — шторм, иногда со снегом. Но вчера это безобразие начало помаленьку утихать, пора выпускать разведчиков — взлететь можно и затемно, а над целью уже рассветет. Я распорядился по телефону, выслушал «есть» дежурного и уже собрался положить трубку, как дежурный взволнованно закричал:

— Со стороны Порт-Артура какая-то стрельба!

— Узнайте, в чем дело, и доложите, — буркнул я, подозревая, что мы имеем запоздавшую на неделю с лишним атаку миноносцев. Только почему под самое утро, им же трудно будет потом уйти, ведь рассветет скоро.

В течение следующего полчаса я выслушал несколько докладов: не то «Цесаревич», не то «Ретвизан», не то оба вместе торпедированы, «Паллада» обстреляна непонятно кем, береговые батареи лупят неизвестно куда, и вроде бы в свете прожекторов мелькнул вражеский миноносец, ибо все наши были на внутреннем рейде и мелькать никак не могли.

— Дежурную тройку на разведку, — приказал я, глядя на начинающий светлеть горизонт. Похоже, наконец-то распогодилось... Прошло еще минут сорок.

Снова дзинькнул телефон. Уже с первых слов я понял — вот оно, и у нас началось!

— Объявляйте боевую тревогу, первую эскадрилью к вылету без бомб, остальных комэсков ко мне, — сказал я, вешая трубку.

Ситуация казалась не очень понятной. Только что разведчик сообщил, будто неподалеку от скалы Рок он видит около двадцати «варриоров» — так назывались английские бомбардировщики, аналоги наших «пересветов» — после чего связь с ним прервалась. Неужели он ухитрился сунуться под их пулеметы? Не новичок вроде...

Снова зазвонил телефон, и я услышал взволнованный голос дежурного:

— Третий наблюдательный пункт сообщает: с северо-запада приближаются две девятки «варь»!

— Первая эскадрилья — взлет, вторая, третья — готовность, — среагировал я.

Интересно, это те, которых видели у Рока? Вряд ли, тут даже «бобики» долететь не успели бы... Выходит, другие. Откуда, япона мать, они взялись? А ведь сейчас аэродром начнут бомбить. Первая эскадрилья — это, конечно, хорошие пилоты, командует ими сам Полозов, и две девятки «варь» им на один укус, но ведь пока одних будут кусать, другие перед смертью точно успеют напакостить!

— Подготовить ко взлету мой «бобик», — скомандовал я. Как-то мне было не по себе, и вряд ли только из-за болезни... При бомбежке самое безопасное место — в воздухе.

— Вторая, третья — взлет, четвертая, пятая — готовность! Второй полк — есть какие-нибудь известия?

— Нет, в Чалиндзе пока все тихо, но боевая тревога объявлена.

— Пусть поднимают дежурное звено.

В этот момент из-за сопки выползла первая девятка японцев. Два были сбиты тут же, остальные пытались отстреливаться, но «бобики» атаковали их или снизу, или спереди, то есть из мертвых зон. Кажется, эти до аэродрома не доберутся... а вот другие уже добрались, блин! Рядом с командно-диспетчерским пунктом застучала зенитная спарка.

— Вторая, третья, вы-то куда смотрели! — рявкнул я и бросился к своему самолету. Мотор был уже заведен, и я сразу пошел на взлет. Ух, кажется, успел... Разворачиваясь после набора высоты, я увидел, как две «вари» вышли точно на начало полосы. С них посыпались бомбы, и из клубов черного дыма полетели обломки задержавшегося на старте «тузика»... Третья эскадрилья, то есть девять «тузиков», кучей кинулись на врага. «Правильно, что я туда не полез, затоптали бы», — мелькнула мысль. Я попытался что-то скомандовать, но помешала дрожащая челюсть — то ли от озноба, то ли от возбуждения, то ли просто от страха... Наконец мне удалось справиться с речевым аппаратом.

— Я «Дядя», — сообщил я. — Всем, кто в воздухе: да прекратите же вы метаться ошпаренными кошками! Спокойно крутите головами, смотрите, где противник, вспоминаете, чему вас в школе учили! «Змей», организуйте наконец нормальный бой!

— Я — НП первый, — слышался в наушниках голос наблюдателя с

горы Ляотешань, — с юга к Артуру идут три «скаута» и три «вари»!

Я осмотрелся. Кажется, тут уже все более или менее ничего — обломки «варь» догорают на аэродроме и около, у нас сбит один «тузик» и два уничтожено на земле... Пора посмотреть, что в Артуре делается. В конце концов, сбить «скаут» будет полезно для имиджа и безопасно для здоровья, машина-то совершенно беззащитная...

Я связался с командно-диспетчерским пунктом и приказал поднять в воздух вторую эскадрилью второго полка, чтобы она летела к Артуру и там поступала под мое начало.

— «Змей», — распорядился я, набирая высоту, — всем сесть, пополнить боезапас, дозаправиться и ждать либо дальнейших приказов, либо изменения обстановки.

На подлете к Порт-Артуру снова что-то заголосил первый «НП», но я его уже не слушал. Действительно, летят, как и было обещано, три «скаута» и три «вари», а за ними еще штук пятьдесят, если не больше...

— «Змей», — у меня пропал голос, я почти шептал, — всех в воздух — и к Артуру, для охраны аэродрома оставить два звена «тузиков».

— Я «Лом», комэск два-два, — вступил в переговоры новый персонаж, — нахожусь прямо под вами, жду приказаний.

Так, у меня сейчас эскадрилья «тузиков», то есть три звена-тройки... Вторая второго полка — это совсем новички, или вроде у них было одно звено с предыдущего потока? Я осмотрелся сверху.

Японцы шли двумя группами: слева полтора десятка «скаутов», справа — орава «варь». «Скауты» уже почти приблизились к болтающемуся у самого фарватера кораблю, кажется «Палладе». Надо бы их разогнать, но мне для этого пришлось бы пройти над строем «варь»... Я просто не мог заставить себя повернуть налево. Да, одиночный «пересвет», пусть и английский, машина не очень опасная, но пять десятков стволов... кто-нибудь да попадет. А вот первое звено расположено удачно, они могут и не соваться под огонь...

— Первое, атакуете «скаутов»!

Случившееся внизу заставило меня застонать. Выгодно расположенное звено оказалось не первым, а вторым, и сейчас, выполняя мой приказ, первое шло прямо над строем японцев, под ураганным огнем.

— Второе, атакуйте! — заорал я и все-таки вспомнил, в каком именно звене были сравнительно опытные летчики — именно во втором...

Второе звено поднырнуло под строй «варь» и открыло огонь. Так как стрелки палили по первому, да и пилоты чуть повернули машины для их удобства, эффект атаки оказался огромным — несколько машин

посыпались вниз, строй смешался, двое даже столкнулись...

— Третье, теперь вы по «варям», сверху!

Они и без моей команды уже кинулись в свалку, и я поймал себя на мысли, что никому мои приказы не нужны, а я просто оттягиваю момент, когда надо будет броситься вниз, где стреляют...

Оставшийся от первого звена «тузик» увлеченно гонял «скаутов», тут вроде все было терпимо. Во всяком случае, им стало не до бомбежки «Паллады», которая уже горела.

Я сжал зубы и двинул было ручку от себя, но тут же снова перешел в горизонталь. Из-за близкого облачного фронта выплыло еще четыре самолета. Три были «варями», а четвертый... Так вот ты какой, «Максим Голиаф»! Огромный, двухэтажный триплан, вся верхняя надстройка которого оцетинилась пулеметами. «И этот слон тащит две тонны бомб», — вспомнил я отрывочные донесения Собакиной. А еще говорили, что с ним были какие-то неприятности на испытаниях... У нас они будут, если эта туша прорвется в гавань! Но к нему же не подойдешь, стволы во все стороны торчат, разве только... пусть его отвлекут...

— Второе звено, атакуйте «Голиаф» спереди!

Дальше я буквально оцепенел. Оставшиеся от второго звена два «тузика» атаковали... именно атаковали, а не изобразили что-то для отвлечения стрелков, — они пошли гиганту прямо в лоб. Первый палил из пулемета, второй шел не стреляя, — видно, боезапас у него уже кончился. Вот от первого полетели обломки, и он закувыркался вниз, но второй сбить не успели — на месте «тузика» и «Голиафа» вспухал огромный огненный шар... Ну что мне, уроду старому, помешало точнее выбрать слова — надо же было сказать «отвлеките внимание»!

А в следующий момент я понял, почему разведчик прервал свое донесение на полуслове, — из-за облаков примерно в километре мористее^[1] и чуть выше меня вывалились две стремительные тупоносые тени и ринулись мне наперерез... «Спитфайры ДХ-5», двухсотсильные бипланы-истребители, их же сделано всего шесть штук и официально ни один япам не продавался!

Но случившийся на моих глазах таран наконец-то позволил мне сбросить оцепенение — вдруг все опасности стали глубоко по фигу. Стреляют? И пусть, в меня еще попасть надо. «Спитов» у японцев не может быть? Вот сейчас и не будет! Мотор уже визжал на форсаже, и я тянул ручку на себя. На виражах с бипланами лучше не тягаться, а вот как у вас с вертикальным маневром? Вижу, хреновато!.. Да куда же ты, дурашка?! А ну-ка обратно в прицел... так, молодец, свободен. Второй где? В хвост

решил зайти? Так надо было сначала скорость набрать! А теперь боевой разворот, и вот он уже я — у тебя за спиной... ну и что ты головой мне тут вертишь, поздно уже, гори, дорогой, гори ясно. Вот и нету «спитов»... Но что-то не дает мне покоя, как будто забыл какую-то важную деталь. Ладно, потом вспомню, а как у нас там внизу дела? Опа, на горизонте дымы, не иначе сам господин Хэйхатири Того хочет поучаствовать в празднике...

Оставшиеся «вари» сбились в кучу и, отстреливаясь от двух последних «тузиков», тянули в сторону Электрического утеса. Батареи вам, значит, не нравятся? Я дал ручку от себя, и «бобик» ринулся вниз. У самой воды я вывел машину из пике, задрал нос... все правильно, не промахнулся, вот они, варины брюхи, плывут надо мной... Патроны кончились раньше противников. Переходя в горизонталь, я вдруг вспомнил, что мне показалось неправильным. Тактической единицей для «спитов» у англичан считалась тройка, и, значит, где-то рядом может быть третий... а у меня скорость всего сто двадцать и ноль патронов. Быстрее вниз, может, успею разогнаться... нет, поздно. Откуда-то возник «спит», и на сей раз у него была скорость, а у меня ее как раз не было! Мой самолет вдруг сотрясли два удара подряд, меня кинуло вперед... в плечо попал, гад! Левая рука была сброшена с газа и висела плетью, я ее даже не чувствовал. Все, сейчас добьет, вверх пока рано, скорость всего сто семьдесят... а, ладно.

Я рванул ручку на себя. Не оборачиваясь, я чувствовал, что проклятый «спит» не отстает, но сделать ничего не мог... скорость падала. Пора сваливать машину на крыло, пока она сама не свалилась в штопор! Перед глазамиплыли красные круги, но я был почему-то все еще жив, «спит» исчез... Однако надо было срочно что-то делать. Мотор наполовину сбросил мощность и гремел, как ведро с гайками — то ли его задело, то ли он сам развалился, да и я, того и гляди, потеряю сознание, до аэродрома мне не дотянуть. А что подо мной, Тигровая коса? Вот туда и надо. Так, чуть левее... Мотор заглох, я попытался выровнять машину, но получилось плохо. Удар о землю, треск разваливающегося шасси... Я повис на ремнях и с каким-то отстраненным интересом смотрел, как из пробитого бака на гальку течет веселая струйка. «Ну вот, сейчас и согреюсь», — подумал я напоследок и отрубился.

Девятого февраля 1904 года в порт-артурском дворце наместника Дальнего Востока состоялось совещание — надо было подвести итоги первого дня начавшейся войны. Для флота они оказались неутешительными.

Вся эскадра, за исключением дозора, в момент атаки находилась на

внутреннем рейде. Этот дозор не заметил японские миноносцы в сопровождении двух транспортов, а береговые батареи хоть и заметили, но приняли за возвращающийся дозор. В результате два миноносца проскочили на внутренний рейд, а следующее за ними судно развернулось поперек фарватера и начало тонуть. Второе удалось утопить при подходе.

Миноносцы выпустили торпеды в упор, да еще по освещенным целям, и добились попадания в броненосцы «Ретвизан» и «Цесаревич», причем «Ретвизан» оказался поврежден весьма серьезно. Правда, миноносцам уйти не дали. Но один, поняв, что все равно утопят, взорвался сам — аккурат рядом с только что затопившимся транспортом...

Так что теперь внутренний рейд Порт-Артура могли покинуть только миноносцы и канонерки. Ну, может быть, еще «Новик» — в прилив и при определенном везении.

— Теперь перейдем к действиям авиации, — подвел итог обсуждению флотских вопросов наместник. — У меня сложилось впечатление, что, несмотря на некоторые несущественные... — адмирал Макаров покачал головой, — ошибки генерал-лейтенанта Найденова, она действовала успешно... Господин генерал-майор, вы что-то хотите сказать?

Командир второй авиационной дивизии генерал-майор Михаил Романов встал:

— Да, господин генерал от авиации. Моя группа собрала самые полные сведения о позавчерашнем воздушном бое. Свидетелей более чем достаточно, мы смогли расписать по секундам положение каждого самолета. Вот схемы. Итак, генерал-лейтенант принял решение руководить боем не с КДП, а с воздуха. Учитывая отсутствие боевого опыта у всех без исключения пилотов, я считаю его правильным. Сначала он обеспечил безопасность аэродрома, а затем выдвинулся к Порт-Артуру. Уточняю, еще до поступления сведений о полете основной армады. Далее, его распоряжение первому звену пролететь над строем... следующая минута показала, что по-другому было нельзя. Жестоко, конечно, но первое звено состояло из наименее опытных летчиков, вряд ли они смогли бы нанести существенный ущерб «варриорам», а так они дали возможность сделать это второму звену. Затем самый спорный момент... — Генерал-майор бросил косой взгляд на Макарова.

— Да уж, — вздохнул тот, — пожертвовать... ну прямо как двумя пешками в обмен на ферзя!

— Мне непонятно, — сухо сказал генерал-майор, — почему вы считаете лейтенанта Ломакина и сержанта Красновского пешками. Это

офицеры ИВВФ, дававшие присягу! И исполнившие ее именно так, как подобает офицерам. Получив приказ, они выполнили его точно и в срок. Смотрите сюда. — Михаил расправил на столе один из листов. — Три десятка «варриоров» продолжают лететь к Электрическому утесу. Даже семь прорвавшихся натворили там бед. А что осталось бы от батарей, долети все тридцать? «Голиаф» с сопровождающими держал курс на внутренний рейд, а там не только вся эскадра, но и танкер с двумя тысячами тонн бензина и тремя — солярки! И вот здесь — два «спитфайра». Если бы генерал-лейтенант атаковал «Голиаф», то почти наверняка он бы его сбил, но при этом растратил бы весь боезапас! Далее его сбили бы «спитфайры», а уж разделаться с двумя «тузиками» им было бы нетрудно. Результат по нашим потерям был бы тем же самым, но тогда все «варриоры» прорвались бы к батареям!

Михаил отложил лист, взял следующий и продолжил: — Нужно обратить внимание еще на одну тонкость. Вот траектория командирского «бобика» — он идет прямо на «спитфайры». И в момент отдачи приказа о таране он отвернул, но потом сразу вернулся на курс! Этому может быть только одно объяснение: генерал-лейтенант не был до конца уверен, что его приказ будет выполнен. Мне стыдно думать, что он сомневался в подготовленных нами летчиках, но... наверное, он имел на это право, ведь до сих пор случаев убедиться в этом не было... И наконец — Михаил отложил бумаги, — финал боя. Командовать генерал-лейтенанту осталось только собой. Кроме него в воздухе всего один «тузик» с летчиком-новичком и без патронов. И себе он отдал столь же жестокий, как и подчиненным, приказ и столь же точно его выполнил. Оставшийся «спитфайр» представлял опасность только для него — и он без колебаний расстрелял весь боезапас по «варриорам».

— А откуда он знал про третий «спитфайр»? — удивился Макаров.

— Еще за две недели до этого, — сказал Михаил, — на тактических занятиях он говорил нам, что «спитфайры» летают тройками.

— Кстати, — спросил Макаров, — а как генерал-лейтенанту удалось его сбить?

Ему ответил наместник:

— Заманил на вертикаль. Тут надо очень тонко чувствовать скорость, иначе сорвешься в штопор. Вот японец и сорвался.

— В общем, — подвел итог своему выступлению Михаил, — я считаю, что генерал-лейтенант Найденов не допустил ни одной ошибки. Более того, по вполне понятным причинам до сих пор в авиации не было конкретных примеров грамотного руководства воздушным боем. Теперь

такой пример есть, и я предлагаю распространить его по всем Подразделениям ИВВФ.

Литературно-политическая газета «Санкт-Петербургские Ведомости», 16 февраля 1904 года

Наш корреспондент в Порт-Артуре сообщает: 7 февраля в воздушном бою был убит генерал-лейтенант Найденов. Большие жертвы среди летчиков и моряков. Город Порт-Артур сильно разрушен. Другие подробности неизвестны.

Письмо ЕИВ вдовствующей императрицы Марии Федоровны, 26 февраля 1904 года

Здравствуй, дорогой Джордж. Наконец-то мне описали состояние твоего здоровья и подробности того боя. Боже мой, чего только не пишут в газетах! Спасибо милой Т., она еще 9 числа позвонила мне и сказала, чтобы я не верила никаким сообщениям о твоей гибели.

Я не все поняла в описании воздушного сражения, где ты был ранен, но главное не вызывает сомнений — ты все сделал правильно, Мишель прислал в Гатчинский авиаотряд подробное описание твоих действий с пояснениями, почему в каждый момент времени можно было поступать только так. Я знаю, как ты не любишь громких слов, но позволь все же сказать: я горжусь тобой. Кстати, Мишель мне написал: он уверен, что это не первая твоя война и не первый бой. Тешу себя надеждой, что когда-нибудь ты расскажешь мне о себе, а то ведь после двух лет знакомства я по-прежнему почти ничего о тебе не знаю.

Я не буду тебя просить меньше летать или летать осторожней — я понимаю, что такое долг. Просто помни, что в Петербурге тебя ждет хоть и не очень молодая, но все же надеющаяся на малую толику счастья женщина.

Выздоровливай побыстрее.

Твоя Мари.

ГЛАВА 1

— Проходите, дамы и господа, садитесь, почувствуйте себя как дома. Чай, кофе, лимонад, сигареты — вот они. Надеюсь, знакомить мне вас не надо?

— Ну что вы, Георгий Андреевич, как я могу не знать такую женщину?

— Ах, Беня, вы меня буквально вгоняете в краску, — вздохнула Татьяна.

Встреча в моем кабинете была не то чтобы исторической, но, скажем так, не совсем обычной. Мое положение в России начала двадцатого века неплохо подходило под определение «олигарх» — достаточно высокая должность, знакомства в высших правительственных кругах и нехилый финансовый вес. Насколько я в курсе, любой уважающий себя олигарх должен иметь свою личную спецслужбу. Я, будучи в душе немножко перестраховщиком, сейчас, то есть в середине лета 1902 года, на всякий случай имел их две.

Шестой отдел Службы безопасности официально представлял собой группу моих личных порученцев и охранников, численностью рыл двадцать. Ими командовал ушлый одессит Беня, и не только ими, но еще и примерно тремястами другими, в штатном расписании не зафиксированными.

А еще в Георгиевске с моей подачи появилась очень прогрессивная организация, аналогов которой пока не было ни в просвещенной Европе, ни в свободолюбивой Америке — Департамент охраны материнства и детства. Естественно, что такие архиважные вопросы, как охрана материнства, а особенно детства, трактовались весьма широко. Этот нелегкий груз гордо несла на своих прекрасных плечах Татьяна Князева.

Ну и, понятное дело, обе службы с энтузиазмом присматривали друг за другом, во избежание... А вот сегодня их руководители впервые встретились в официальной и в какой-то мере дружественной обстановке.

— Собрал я вас потому, — сообщил им я, закуривая, — что настала пора от решения частных задач, пусть и очень важных, переходить к общим. У России, а значит, и у нас с вами есть враги внешние и внутренние. Тонкость тут в том, что даже они сами часто не знают, к какой из этих категорий относятся, поэтому разделять задачи я счел лишним. Наоборот, потребуется тесная координация всех прогрессивных сил, то

есть обеих ваших контор. Итак, имеются различные подрывные элементы, они же революционеры. Имеются разведки вероятных противников. Я не верю, что этих двоих не тянет друг к другу — наверняка ищут подходы, если уже не нашли! Значит, в этот процесс пора вклиниться и нам. В конце концов, какая разница тем же эсерам, в Токио или на Алтае родился полковник японского Генштаба, от которого они получают задания и деньги? А если в упомянутом Токио кто-то решит профинансировать российских борцов за права трудового народа — мы к его услугам! Мало того что не откажемся от денег, но и в ответ можем поделиться информацией. Наконец, есть еще и третья сила — высшее чиновничество и высшая знать. Среди них очень много людей, с которыми в будущем возможны конфликты, вот список. И надо заранее озаботиться хорошими, доказательными материалами и о связях этих людей со всеми возможными разведками, и об их революционно-подрывной деятельности. Здесь будут уместны как скрупулезные расследования уже случившихся прискорбных фактов, так и некоторый полет фантазии. В общем, подумайте, посоветуйтесь... Спешка тут не нужна, но и затягивать ни к чему. При необходимости можно подключить информбюро. Обращайтесь ко мне, скорее всего, решение будет положительным.

Разумеется, я не стал говорить своим гостям, что для присмотра за их совместной деятельностью создается еще одна, третья служба, совсем небольшая... Чай, не маленькие, сами догадаются.

Прожив в этом мире первые полгода, я с некоторым удивлением заметил, что в качестве родного дома он нравится мне куда больше, чем свежепокинутый. А уж любой новосел не даст мне соврать — даже если в новом жилище и есть все необходимое, то как минимум оно расположено не в том порядке и требует перестановки. Вот я и начал — сперва потихоньку, с авиации...

Мало того что самолеты всегда были одним из моих увлечений, так еще благодаря авиастроению мне удалось помочь Гоше обрести политический вес. Общество теперь воспринимало его не только как одного из великих князей (а более информированные — и одного из самых богатых людей России), но и как покорителя пятого океана, который, найдя инженера Найденова, с его помощью открыл человечеству дорогу в небо. Тут, однако, была зарыта небольшая собачка — авиация не должна прятаться, она обязана быть на виду! А значит, наши зарубежные друзья и прочие соседи в ближайшее время могли не только догнать нас в этой области, но и, благодаря более развитой промышленности, перегнать.

Поэтому на всеобщее обозрение были выставлены максимально уродливые самолеты, в которых соотношению грузоподъемности к весу приносились в жертву все остальные параметры. И вроде пока весь мир считал, что так и надо, все ведущие авиаконструкторы (ровно два — де Хэвилленд и Максим) совершенствовали свои аппараты именно в этом направлении. Хорошо совершенствовали, у меня аж душа радовалась при каждом получении подробностей об их творчестве! Более того, сейчас в качестве авиационных моторов все видели исключительно двухтактники. Надо сказать, затратили они немалые средства как на добычу секретов с нашего моторного завода, так и на свои разработки.

Правда, уже ясно было видно: я недооценил одну тонкость. Дело в том, что несколько первых английских аэропланов успели принять участие в бурской войне и очень неплохо там себя показали. Причем они использовались не только как разведчики, но под конец и как бомбардировщики. Был получен первый опыт их боевого применения, и он даже начал анализироваться... То есть англичане уже четко делили авиацию как минимум на два класса и, по моим сведениям, начали задумываться над концепцией третьего, то есть истребительного. А тут еще Конан Дойль, и чего ему здесь про затерянные миры не писалось! С войны он вернулся ярким энтузиастом-авиатором, разразился серией статей о новой эре в развитии военного искусства, и, блин, вскоре даже Шерлок Холмс раскрыл очередное преступление методом осмотра местности с аэроплана. В результате, по крайней мере в Англии, авиация получила государственное финансирование, причем его размеры вызывали у меня серьезное беспокойство.

В отличие от летающей техники, радиодело развивалось в строжайшей тайне. Сам факт наличия у нас телефонных коротковолновых радиостанций был большим секретом, с которым знакомили далеко не всех и под расписку о неразглашении. А уж все работники стоящего несколько на отшибе связного цеха приборного завода были на полном серьезе предупреждены, что даже слово «радиолампа», произнесенное не на рабочем месте, будет означать немедленную ликвидацию не только болтуна, но и всех, кто его мог слышать хоть краем уха. Пока прецедентов не было, к счастью, а то ведь пришлось бы брать грех на душу... И если в ближайшие полтора года не произойдет утечки, на войне у нас будет качественная и недоступная для прослушивания связь. Причем Гоша хочет, чтобы она была не только у авиации и наших пехотных частей, но и у флота. Но тут я встал насмерть: пока на каждом корабле не будет взвода особистов, имеющих право пристрелить любого, вплоть до капитана, при

малейшем намеке на возможность разглашения тайны, — никаких раций! Точнее, только искровые разработки Попова. Гоша что-то бурчал о дискриминации флота, о том, что этим я специально его подставляю... Будь моя воля, я бы его и не так подставил, — жаль, руки коротки! Пообщавшись немного с флотскими офицерами, я сразу заметил их общее свойство, которое высочество величало кастовостью, а я — совершенно необоснованным снобизмом. Вот наши летчики — эти с полным основанием считали себя особой кастой. Они получали огромные по меркам любых других войск оклады, каждый имел право по личным вопросам обращаться хоть прямо к Гоше. Но специально созданная совместными стараниями информбюро и отдельных энтузиастов церкви воспитательная служба таки смогла донести до них простую мысль: все это не просто так — это аванс. За то, что в случае надобности — даже не обязательно войны — Россия может потребовать их жизни, которые надо будет отдать без малейших колебаний... Не знаю, что будет в случае именно таких приказов, но все прочие исполнялись без колебаний. Правда, средний возраст наших пилотов составлял лет восемнадцать, это сильно упрощало их идеологическую обработку, в отличие от флотских.

Кроме человеческого фактора флот раздражал меня и сам по себе. Не пожалев несколько вечеров, я оценил ущерб, нанесенный в двадцатом веке российским флотом его противникам. Сразу выяснилась интересная вещь: он оказался обратно пропорционален водоизмещению! То есть эффективность линкоров и броненосцев можно было отличить от нуля только под микроскопом. Крейсера вроде иногда что-то такое делали... А топили супостатов минзаги, миноносцы и торпедные катера. Зато каждый утюг-броненосец тянул на пятнадцать миллионов! Эх, если бы можно было продать их хотя бы за полцены и на вырученные деньги укрепить границу с Кореей до состояния линии Маннергейма! А так ведь все равно они окажутся или на дне, или у японцев, но при этом еще сожрут дикую прорву денег на поддержание себя в якобы боеготовности... Да просто утопить их и то дешевле было бы. А если чуть серьезнее — то никак нельзя сдавать Порт-Артур японцам, иначе после войны и на металлолом сдать будет нечего!

В полном соответствии с моей, извиняюсь за выражение, военноморской доктриной и были сделаны две яхты-катамарана — одна мне, другая Гоше. Это были двухсоттонные суденышки с двухтактными дизелями — такие моторы здесь назывались тринклерами. Каждое имело по четыре движка общей мощностью шесть тысяч лошадей. На спокойной воде посудинка разгонялась до сорока узлов, но реально можно было

рассчитывать на тридцать пять. Заявлены они были как личные ВИП-яхты, но могли нести под брюхом два торпедных аппарата, на поплавах — по трехдюймовке и катапульту для самолета-снаряда на крыше.

Такие кораблики, на мой взгляд, нуждались в соответствующих именах, и я полез в энтомологические справочники — познакомиться с миром мелких водоплавающих насекомых. Но наследник престола почему-то наотрез отказался плавать на личинке всякой водяной мошки и, применив административный ресурс, назвал свою яхту «Мария». Тогда я решил назвать свою в честь какого-нибудь знаменитого утописта и ради интереса спросил нескольких знакомых офицеров, кто такие Мор и Кампанелла. Увы, эти имена им были незнакомы. Кончилось тем, что моя посудина обрела имя «Герасим» — а что, тоже утопист, причем отечественный, Муму вон у него и не булькнула лишняя раз.

Так что вскоре мне предстоял вояж на Черное море, где уже переделанный в авианесущий крейсер «Мономах» должен был сплаваться со своей эскадрой, то есть «Машкой» и «Герой». И заодно хотелось посмотреть, как там дела у Налетова с его подводными лодками «Краб» и «Рак». А еще нужно было организовать официальный отряд морской авиации в Севастополе, восемь «пересветов» были уже переставлены на поправки. Но до отпуска в Крыму оставался еще почти месяц...

Кстати, подумалось вдруг мне, а не вспомнить ли молодость и не махнуть ли в Крым на мотоцикле? Правда, тут бензина в дороге не найдешь, придется «оку» с цистерной гнать в качестве сопровождения. А почему только одну «оку»? Пусть едут штуки три, и грузовичок на ее базе, «нара», в качестве бензовоза. Действительно, и как это я до сих пор не удосужился ударить автопробегом по бездорожью и разгильдяйству? Технику надо испытывать не только на полигоне.

Так что отпуск обещает быть насыщенным, а пока...

Вздыхнув, я сел разбирать бумаги. Чего там такого интересного пишет его младшее высочество? Хм, что-то тут есть, надо подумать...

Начальник второй летной школы капитан Михаил Романов предлагал летать не только парами «ведущий — ведомый», но и тройками. Мотивировал он это тем, что опытных летчиков у нас очень мало, а новичков, наоборот, много. И что лучше пусть один хоть как-то умеющий летать пилот таскает за собой двоих совсем зеленых, чем они будут летать вдвоем вообще без присмотра. А в случае необходимости «старики» образуют эскадрилью асов, и в этом случае тактической единицей будет двойка.

Я сообразил, что в его предложении есть еще один резон.

Производство радиостанций хронически отставало от производства самолетов, но если ставить на машины ведомых только приемники, то, похоже, мы выкрутимся. Так что я нацарапал под письмом резолюцию «Согласен» и взял следующую бумагу.

Она оказалась весьма своеобразной, я бы даже сказал, зовущей к немедленным действиям. Какой-то аспирант из Московского университета предлагал вместо брони использовать мощное магнитное поле, чтобы оно, значит, тяжелые снаряды просто отклоняло, а легкие вообще запузыривало обратно к противнику. Далее шли полторы страницы какой-то абракадабры, непонятно почему обозванные расчетами. В конце автор скромно сообщал, что для реализации данного изобретения ему хватит двухсот тысяч рублей.

Я сразу решил отправить папку в шестой отдел, но с резолюцией на письме слегка замешкался. Сначала, повинаясь душевному порыву, написал было: «Начистить рыло», но потом чуть подумал, зачеркнул и резюмировал несколько мягче: «Разобраться, что за гусь».

Письмо в простом конверте, без адресов и вообще каких-либо надписей, оказалось от моей ненаглядной, то есть вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Там она сообщала мне, что скучает (по условленному с ней набору кодовых фраз это означало «есть новости»), выражала соболезнование моей бесконечной занятости, из-за которой я никак не могу выбраться в Питер. Была там и приписка, что по дороге в Ливадию она собиралась навестить сына.

«Хрен с ним, — подумал я, — что два дня насмарку, нельзя же быть такой свиньей, действительно, ведь уже почти два месяца не виделись. Надо с ней как-нибудь помягче, поромантичней, или как там это называется... Книжку, что ли, типа дамского романа прочитать на ночь для расширения кругозора? Может, и не стошнит. Хотя на фиг, она уже достаточно на меня насмотрелась, наверняка понимает, что я за сокровище. Так что раз ее такое устраивает — нечего суесть, лучше схожу-ка я завтра в цех, где для нее делают бронированную „оку“. Глядишь, и получится успеть к ее приезду, будет чем порадовать даму сердца. А то ведь просто позор — любовница самого инженера Найденова разъезжает в какой-то допотопной карете! И китайский зонтик обязательно надо подарить, а то такой пока есть только у другой императрицы, не вдовствующей».

ГЛАВА 2

Если мы с высочеством были не в отъездах, то, как правило, обедали вдвоем: я у него, потом он у меня, потом наоборот. Второго августа 1902 года принимающей стороной был Гоша. За обедом он почти не ел, а только с едва заметным нетерпением ждал, пока я покончу хотя бы со вторым, чтобы подсластить мне десерт какой-то явно назревшей проблемой. Деликатный, однако... Я начал демонстративно быстро жрать, стараясь чавкать погромче. Гоша обреченно вздохнул и закатил глаза к потолку.

Наконец я залпом выпил стакан компота, вытер рот салфеткой (рукавом — это был бы уже перебор) и спросил:

— Так что у нас там опять пошло раком? Приятные новости на тебя вроде бы эффекта шила в заднице не производят. Впрочем, давай сам догадаюсь... Наверняка ты жаждешь прокомментировать последние инициативы Сергея Юльевича.

— Уже знаешь?

— Он меня с ними еще на прошлой неделе ознакомил, когда ты в Москве очередной миллион зарабатывал. В целях получения дополнительной поддержки.

— И что ты ему сказал?

— Что в таком виде это поддерживать мы не будем. Именно «мы», тут уж я взял на себя смелость говорить и от твоего лица тоже.

— Какая поддержка, — возмутился Гоша, — он хочет урезать ассигнования флоту почти на двадцать процентов! Если бы не маман, пожалуй, у нас хватило бы влияния его прижать. Может, ты с ней поговоришь на эту тему?

— Конечно, но сначала хотелось бы с тобой. Тебя что возмущает — сама цифра или направление перераспределения средств?

— Все!

— Как в подобной ситуации сказал Василий Иванович: «Да, Петька, и меня тоже». То есть мне цифра тоже не нравится, тридцать процентов смотрелось бы гораздо лучше. При условии, что экономию направить в нужное русло. Вот тут мы с Витте расходимся.

— Я считал, — помрачнел Гоша, — если проводить боевую подготовку имеющихся кораблей в полном объеме, придется заморозить практически всю судостроительную программу.

Я встал и, закулив, начал ходить по комнате. Привыкший к моей

манере вести беседы Гоша ждал ответа.

— Два вопроса, риторических: зачем морозить всю программу и зачем тратить деньги на поддержание боеготовности всех кораблей? Вот ты много читал про Русско-японскую войну, про флот... Скажи мне, летающей сухопутной крысе, какой из имеющихся у нас сейчас броненосцев самый лучший?

— «Цесаревич», — уверенно сказал Гоша. — «Ретвизан» чуть хуже. Предлагаешь все средства направить только на их нужды?

— А вот меня гложут сомнения. Если посмотреть, как все эти утюги воевали, то доброго слова заслуживает только один. «Севастополь».

— Это просто пример, что может хороший командир даже на корабле-недоделке, — возразило высочество.

— А хотя бы. Но мне кажется, что он и конструктивно больше подходит под конкретные условия. Да, медленный, с мореходностью не ах, зато лучше всех бронирован. Этаким монитор-переросток. Прикрывать минные поля вполне пригоден. Вот на него денег можно выделить. А остальные... Они же все равно разные, для нормального эскадренного боя мало пригодны. А главное — где ты на них моряков наберешь? Был бы твой «Цесаревич» с неисправной из-за недофинансирования машиной, глядишь, и не смог бы удрать в Циндао, от безысходности принял бы бой... хотя, наверное, просто сдался бы.

— И что ты предлагаешь?

— Много чего, — вздохнул я, — но все равно не пройдет. Так что предложу я это только тебе. Значит, выбрать из всего флота несколько кораблей. Главные усилия и главные расходы — на подготовку личного состава в духе наших летчиков. То есть придется похерить ценз, если двадцатилетний мичман окажется способным, ставить его хоть старпомом или главным артиллеристом! Матросам платить больше, чем сейчас получают лейтенанты, отбор по жесточайшему конкурсу. Офицеры — отдельная песня. Ты в авиации можешь себе представить, чтобы летчик получил приказ и спокойно забил на него болт? А про флот ты лучше меня знаешь. Далее — боевая подготовка: корабль может стоять у стенки только для заправки, профилактики и ремонта, все остальное время он плавает и стреляет. Хоть что-нибудь из этого возможно?

— Нет, — вынужден был согласиться Гоша.

— И зачем, скажи на милость, тогда вкладывать деньги в технику?

— Так что, пусть ржавеют у стенки?

— Броненосцы — да, у них железо толстое, до дыр не проржавеют. А вот владивостокский отряд крейсеров можно и усилить. Если бы Витте

предлагал нечто подобное, я бы был всеми четырьмя руками «за». А ему нейдет в Дальнем гешефты крутить... Слушай, давай свою программу составим. Кого заморозить, кого поставить в вооруженный резерв, кому — все высвободившиеся деньги... Мало ли, вдруг и удастся продать. Вот тут и Марию Федоровну можно будет подключить, а то сейчас что я ей скажу? Витте предлагает не дело, а как надо? Как-то примерно так...

По Гоше было хорошо видно, что он расстроен. Ругаться со мной ему не хотелось, но и принять мою точку зрения он тоже не мог. Тут меня осенило.

— Ваше высочество, — вкрадчиво предложил я, — а на кой хрен нам ломать свои неокрепшие мозги в поисках решения, кому дать денег, а кому фигу? Пусть сами разберутся!

— Учения? — с ходу просек Гоша.

— Да, причем максимально приближенные к реальности. Делим флот на две группировки. Внезапно ставим задачу — и вперед, за славой! В смысле за ее материальным выражением. Проигравшая сторона вместо денег получает красиво оформленные соболезнования. Причем делать это надо быстро, не позже ноября. Как, удастся сподвигнуть Николая на такое действие? Вроде ему нравились игры в войнушку... И Витте на финансирование этой заварухи растрести будет проще.

— Командовать нашими будет Макаров, — начал рассуждать Гоша, — а не нашими кто?

— То есть как — кто? Гордость российского флота и самый крупный в нем по званию. По весу, кажется, тоже, но это не страшно, корабль не самолет — выдержит. Главой посредников быть тебе, это ясно.

— А ты что будешь делать?

— А я буду вокруг дяди Алексея отираться в качестве технического советника, отношения у нас с ним нормальные. Ну как?

— Согласен, — кивнул Гоша. — Пожалуй, чтоб не откладывать, я завтра лечу в Питер уговаривать брата. Только получается нечестно — у не наших флотской авиацией будешь командовать ты, а у наших кто?

— Мишель, естественно, — пожал плечами я, — у него не хуже выйдет. Да и было бы там чем командовать — по десятку «пересветов» с каждой стороны... Безобразить, похоже, придется на Балтике, больше негде. Например, наши базируются в Кронштадте, а не наши — в Гельсингфорсе. Заранее, ничего, никому кроме нашего и ихнего адмиралов, не говоря, разводим их по командам. А потом одним прекрасным утром объявляем: сегодня в полдень начинается серьезная игра в войну. Можете сразу плыть на битву, можете готовиться — время пошло! Вот бардак-то

начнется... Надо только заранее продумать, как засчитывать результативность стрельбы. Например, никто не имеет права начинать боевые действия, не расстреляв расположенные там-то мишени. Ну и по проценту реальных попаданий потом считать условные.

Гоша поежился. Дело было в том, что с нашей подачи генерал-адмирал уже почти полгода гонял экипаж своей «Светланы» — его артиллеристы стреляли чуть ли не ежедневно. Вкупе с доработанными орудийными станками это привело к совершенно невиданной в российском флоте цифре — четыре процента попаданий с пяти миль. Если за флот не наших будет отстреливаться «Света», дела у наших будут тухлые. То есть как в Русско-японской войне моего мира, где стрелять-то они стреляли, а вот с попаданиями было весьма не очень...

— Ладно, — тряхнул головой Гоша, — быть по сему, должны же и у Макарова найтись несколько приличных артиллеристов. Вот только делить стороны на наших и ихних... Пусть наши будут синие. А твои — красные?

— Ну я же тебе не дедушка Ленин! Мои по определению будут зеленые, как крокодил Гена. А еще лучше — пусть они будут северные и южные.

После обеда я отправился к себе. Как всегда в такой (послеобеденной) ситуации, преобладающим чувством была лень... И кто меня за язык тянул, мало мне штатных дел, еще поплавать решил в ноябрьской водичке! Даже если в октябрьской, все равно дурак. Однако возраст имеет свои преимущества — почти за шестьдесят лет жизни я успел изучить свой организм и знал, что если сейчас дать ему вздремнуть пару часиков, то проснется он вполне конструктивно настроенным. Так что я закрыл свой кабинет, предупредил секретаря, что в ближайшие два часа меня можно беспокоить только в случае войны или визита императрицы, и принял горизонтальное положение. «Зря я все-таки у Гоши так обожрался в спешке», — мелькнула сонная мысль.

На следующий день Гоша улетел, а я занялся испытаниями бронированной «оки» — ее наконец сделали. Так как она предназначалась не неизвестно кому и даже не Николаю, а его матери, то там стоял нормальный мотор от «фольксвагена жука». Конечно, для двухтонной машины он был откровенно слабоват, но только по современным меркам. Для начала века получился просто суперлимузин. Подвеска с гидравликой создавала достаточный комфорт. О такой мелочи, как отделка салона натуральной кожей и красным деревом, я и не говорю. В общем, теперь я

мог спокойно ждать визита императрицы — она собиралась на днях посетить Георгиевск. По официальной версии — повидать сына, который улетел как раз в Питер. Разумеется, любой интересующийся уже знал, к кому она ездит в Георгиевск на самом деле, и думал, что знал зачем. Нет, не стану отнекиваться — этот мотив в наших встречах тоже присутствовал, но ведь нельзя же в моем и ее возрасте двое суток не вылезать из койки! Просто пора было в очередной раз обсудить наши дела в связи с грядущей сменой российских императоров.

Императрица приехала в своем вагоне — проездом в Ливадию. Я встретил ее на только что изготовленном лимузине, для прислуги подогнали «нару». На сей раз я был не за рулем и пригласил даму в задний отсек авто. Выдернув затычку из перегородки между салоном и водительским местом, я сказал: «Домой!» — и сунул ее обратно.

Императрица с интересом осмотрелась.

— Дорогой, ты не заболел? — наконец спросила она. — Я даже выразить не могу, насколько тебе не подходит этот автомобиль! Комфорт, роскошь... это что, золото?! Я понимаю, если бы он предназначался императору...

— Император пока перебьется, это авто для императрицы, — сообщил я и уточнил: — Естественно, для тебя, дорогая.

«Или она отличная артистка, или поражена в самое сердце, — подумал я, глядя на ее реакцию. — Скорее всего, имеет место быть понемножку и то и другое...»

Императрица решительным жестом задернула шторы на окнах и прильнула ко мне в поцелуе. У меня мелькнула мысль: «Хорошо хоть, что здесь еще до секса в машине не додумались...» Впрочем, должным образом ответить на поцелуй она мне не помешала.

По приезде я отправился по делам, а Мари — приводить себя в порядок с дороги. Как будто что-то мешало ей сделать это в персональном вагоне! Встретились мы за ужином, естественно тет-а-тет.

— Очень хорошо, что ты стал вхож к Алексею Александровичу, — без всяких предисловий начала императрица. — Я понимаю, он тебя заинтересовал в силу должности, но и в политическом плане это к месту. Однако придется тебе еще раз мобилизовать все свое обаяние...

— Дорогая, — удивился я, — с каких это пор Николай Николаичу (младшему)^[2] нужно какое-то там мое обаяние? Если оно у меня и есть, оно принадлежит исключительно тебе. А для него пусть копят совсем другие особы!

— Ирина или Анна? — осведомилась дама.

— Обе.

Мы улыбнулись, довольные друг другом.

— Но все равно ты должен с ним познакомиться, — продолжила Мари.

— Разумеется. Мотив знакомства — грядет Русско-японская война. Я делаю что могу, но могу очень мало... Попытки раскрыть глаза тому, этому и прочим — ты уж мне подскажи, дорогая, кому именно, — ни к чему не привели... У меня и у России осталась одна надежда — вы. Вот примерно в таком духе я собираюсь действовать... Сойдет?

— Только в самых общих чертах. Так что допивай, Джордж, свое пиво, и начинаем вместе уточнять акценты.

На это ушло около часа. Действительно, великий князь Николай Николаевич (младший) в смысле влияния на просто Николая Второго был очень важной фигурой, строить игру без него не дело...

— А как ты поступишь с этой актрисочкой, его подругой? — поинтересовалась Мари.

— Я — никак. Зачем она мне? Ее судьба поручена профессионалам. Им сказано — силовое решение вопроса нежелательно. Без меня все сделают. Если интересно, потом расскажу подробности, а сейчас не могу, я их просто не знаю.

— Только... — императрица слегка запнулась, — я не знаю, дорогой, нужно ли тебя предупреждать... но после нашей победы излишняя... э-э-э... прямолинейность Николая Николаевича и...

— Не нужно, — кивнул я. — И не потому, что я хорошо знаю именно его, а просто часть наших соратников останутся таковыми и после победы, а часть — не останутся в силу различных причин и со всеми вытекающими последствиями... Так что не волнуйся. Кстати насчет вот таких соратников — нам с Гошей тут понадобилось слегка на Витте надавить, с целью финансирования одного довольно полезного мероприятия. Поможешь?

— Рассказывай, — деловито предложила императрица.

Мне вспомнилось: «...и Шахерезада продолжила дозволенные речи...» Я тоже продолжил, но не успел дойти и до середины, как был прерван:

— Ну, дорогой, я-то думала, тут действительно что-то важное... Разумеется, в такой мелочи я вам помогу. Но не кажется ли тебе, что за окном давно стемнело?

ГЛАВА 3

Я проводил глазами удаляющуюся автоколонну и вздохнул. Ну никак не получалось у меня выкроить неделю и поучаствовать в первом российском автопробеге Георгиевск — Севастополь. А какая была мысль, можно сказать мечта! Выкрасить свою «оку» в зеленый цвет, написать на борту «Антилопа-Гну», надеть белый костюм с фуражкой... Увы мне, увy. Я развернулся и поехал на аэродром, распорядиться насчет подготовки борта номер один к завтрашнему полету в Михайловку. Тот самый Михаил, именем которого она и была названа, прислал мне очередную цидулю. «Пора учить летчиков воздушному бою», — писал он. А как? Желательно, чтобы господин генерал-майор лично провел несколько занятий с лучшими пилотами, поделился с ними своим многократно превосходящим боевым опытом, а уж они потом будут гонять всю остальную ораву...

Я три раза перечитал депешу, пытаюсь понять, — он что, издевается? Вроде это совершенно не в его стиле. Похоже, он просто не принял в расчет арифметику. Опыт пилотов равен нулю, мой его во много раз превосходит — то есть равен тому же нулю, умноженному на любую цифру! Что, между прочим, полностью соответствовало истине. Михаил же искренне считал, что, если что-то не получается, достаточно просто надавить на инженера Найденова, и тот прилетит и покажет, как надо. Ладно, что уж тут делать, заодно и сам подучусь, только не помешает еще разок Покрышкина перечитать. Не обернулось бы все, однако, конфузом: я-то на «бобике» летал только при его испытаниях, это всего восемь часов, а Полозов уже имеет налет под сотню, да и остальная шестерка пилотов первого выпуска от него почти не отстает. Правда, козырь у меня все же был — «бобик» и по техническим характеристикам, и по поведению в воздухе был очень близок к Як-18, а уж с этой машиной я был давно на «ты». Однако они все молодые, им и семикратные перегрузки не предел, а я от ускорения порядка пяти «же» так и норовлю сознание потерять... Ладно, как-нибудь выкрутимся.

Выкручиваться я начал с организации занятий. Первой темой были атаки «пересвета» — в одиночку, двойкой, в одиночку против двух, двойкой против двух... Подлетая с разных ракурсов к этим неповоротливым машинам, я за два дня полностью слился с «бобиком». Ну и методику я принял обычную для случая, когда педагог рубит в предмете ненамного

лучше ученика. Сначала: а покажите, как вы это собираетесь делать? Потом разбор, что не так. И только после этого я, учитывая неудачный опыт курсантов, подлетал и делал более или менее как надо. Азы ситуации «истребитель против истребителя» я показывал курсантам на основе постулата Покрышкина «хозяин высоты — хозяин боя». Забравшись повыше, я пикировал оттуда на противника и в результате к моменту выхода на дистанцию огня имел почти двойное преимущество в скорости. В этой ситуации попытки уйти от меня на вертикаль были обречены — я легко догонял теряющего остатки скорости противника. Уход виражом у курсантов тоже не получался — они сворачивали слишком рано, давая мне возможность две, а то и три секунды держать их на прицеле. Наконец Полозов догадался переворотом через крыло делать полупетлю вниз.

— Вот это уже ничего, — похвалил я его на земле, — разве что полубочку надо было оформить как начало виража, а то ты все-таки полсекунды у меня на линии огня вертелся, в принципе могло хватить. И в вираж от имеющего преимущество в скорости противника тоже можно уходить, но только в самый последний момент. А вы записывайте, записывайте... — это я уже Мишелю. — Руководство по тактике воздушного боя — это должен быть ваш документ, я его потом только подкорректирую и дополню. Ну а завтра будем разбирать варианты атаки двойкой...

В общем, зря боялся, уроки получились неплохие, да и сам подучился «фигурять» на «бобике». Так что через три дня я с чувством выполненного долга вылетел в Ростов, а далее — в Севастополь. Там за день утряс бюрократические препятствия к созданию Черноморского авиаотряда и упорхнул в Николаев на предмет познакомиться с «ракообразными».

Подводные минные заградители «Краб» и «Рак» были уже практически достроены. Почти по всем своим характеристикам они повторяли «Краб» нашего мира образца 1915 года, кроме двигателей. В качестве ходовых лодки имели два электромотора по четыреста киловатт каждый, питающихся либо от аккумуляторов, либо от двух тринклер-генераторов общей мощностью девятьсот киловатт. Строились они под видом эсминцев, и я уже начинал подумывать, как их потом прогонять через Босфор: то ли разоружить, точнее, не вооружать — и в открытую, но тогда турки могут захотеть проинспектировать суденышки; то ли просто нырнуть — и всплыть уже по ту сторону пролива.

Налетов все же настоял, чтобы его лодки имели по два торпедных

аппарата, но сделать их легкосъёмными у него не получилось. Можно, конечно, тонкими листами заварить снаружи их выходы, а изнутри обмотать проводами, обвешать приборами и объявить какими-нибудь индуктивными накопителями... В общем, я и прилетел в основном в связи с этим вопросом.

Налетов был настроен решительно. Это подводные лодки? Да, подводные. Так вот пусть и плавают где надо — под водой! А надо в Босфоре, Дарданеллах и Гибралтаре. Он, Налетов, готов лично провести свои суда по такому маршруту.

— Да? — заинтересовался я. Действительно, кто же может знать возможности техники лучше ее создателя. — А экипажи набрать сможете? Совсем не обязательно из военных моряков, но просто они должны быть готовы с началом войны записаться добровольцами.

— То есть как? — не понял Налетов. — Лодки же войдут в состав флота, а им командует морвед...

— Не войдут они в состав никакого флота, — хмыкнул я, — они, как сейчас, считаются корабliками, построенными на личные деньги его высочества для охраны его же личной яхты, так ими же и останутся. Просто во время войны безопасности яхты может угрожать любое японское судно, находящееся в любом месте, соответственно задачи охраны несколько расширятся, вот и все.

Я немного задумался. Если мы хотим сохранить «ракообразных» в тайне, никаких легальных заплывов через проливы быть не может — только под водой. И, кроме того, Суэц отпадает, надо вокруг Африки. Но одни лодки пускать в такой поход нельзя, нужно судно сопровождения, то есть танкер. Однако тогда и «Гере» с «Машей» надо плыть в этой компании, им тоже танкер нужен. А «Мономах» пусть проходит проливы легально, с каким-нибудь высочеством на борту, их у нас теперь много, а потом идет через Суэцкий канал.

— Ну что же, — закончил раздумья я, — пожалуй, сделаем по-вашему. Тогда и пулеметы можно сразу устанавливать, чтоб потом не маяться. И сплавайте на «Гере»... ну я не знаю, в Италию, что ли. Опера там, Верди, Пазолини всякие... Или лучше на их верфи, гляньте, вдруг там чего полезное можно прикупить или подсмотреть. Чтобы народ привык к мысли — «Гера» часто через проливы туда-сюда шастает. Да и сами посмотрите, где потом на «Раке» плыть придется.

После прояснения подводных вопросов Налетов поднял еще один, почти противоположный.

— У меня тут возникла мысль по поводу катера для его величества, —

сообщил он.

Этот «катер», а по сути — поплавки от гидросамолета с двумя самолетными же моторами, я обещал Николаю еще полтора года назад, но все как-то было не до того. Однако, когда завод «Наваль» стал нашим, пришлось вспомнить-таки обещание и по-быстрому сваять такую хреновину. Геометрию поплавков мне рассчитали в нашем времени, а уж стальную ферму между ними с креплениями для двух моторов от «бобика» я сочинил сам. В результате этот огрызок самолета при водоизмещении чуть больше двух тонн разгонялся по спокойной воде почти до пятидесяти узлов. Правда, плавать по беспокойной он вообще не мог — три балла были его пределом. Интересно, что из него собирается сделать Налетов, торпедный катер? Как выяснилось, да.

— Столь быстро перемещающаяся цель недоступна даже для трехдюймового калибра, — с энтузиазмом объяснял он мне, — существующие механизмы наведения не позволят поворачивать орудия с нужной скоростью. И значит, для ночных атак вблизи берегов или корабля-носителя и в хорошую погоду это будет достаточно эффективное средство, во всяком случае не хуже миноносцев. Но дешевле их в десятки раз!

— А вы на этом изделии уже плавали?

— Я ходил на нем в Одессу — три часа туда, три обратно.

«Вот ведь как обстановка-то на людей влияет, — подумал я. — Был нормальный сухопутный человек, год поработал корабелем — уже по воде он ходит, аки по суху...»

— А до Ялты своим ходом оно доплыть сможет? И экипаж для него есть?

— По такой погоде, как сейчас, — без проблем, только запас бензина придется взять, одной заправки ему не хватит. Экипаж — рулевой и моторист, ваш Беня прислал двух довольно способных молодых людей, сейчас им спокойно можно доверять это судно.

— Ну тогда пусть кто-нибудь разбирающийся в роскоши оценит отделку кабины — и в Ливадию. А насчет такого торпедного катера... Вещь дешевая, вреда от «попробовать» не будет. Сделайте еще пару, моторы я пришлю, поставьте торпедные аппараты, испытайте в реальных условиях. Кстати, можно попытаться учинить бой такой лоханки с обычным миноносцем. Попасть в нее из пушки трудно, от торпеды она запросто увернется, и никакому эсминцу от нее не убежать... А окажутся ни к чему не пригодными — подарим кому-нибудь, султану например.

— Хорошо, построим и попробуем. А у меня к вам вот какой вопрос: можно ли самолет сделать совсем маленьким? Как минимум в два, а лучше

в три раза меньше «тузика». И чтобы он легко разбирался и собирался. Силуэт у лодки очень низкий...

— Не только у нее, у катамаранов тоже. Я уже думал на эту тему, скоро будет вам бортовой разведчик.

Разумеется, я не собирался втискивать самолет в габариты чемодана. Для этой цели лучше всего подходил автожир — мало того что он меньше любого аэроплана, но и садиться он может практически вертикально. Только вот взлетать как? Хотя, раз старт будет производиться всегда с одного места, можно сделать внешнюю раскрутку винта.

— Так что маленький летательный аппарат вам будет, — повторил я, — а вот насчет авиационной торпеды у вас новых мыслей не появилось? Разбиваются об воду, заразы...

— Есть несколько новых вариантов стабилизаторов, надо будет их испытать. И имеется совсем дикая мысль. Ведь такую торпеду можно сбрасывать и с довольно небольшого расстояния от цели, порядка трех кабельтовых?^[3]

— Михаил Петрович, — не выдержал я, — разрешите, я вас прерву? Какие на фиг могут быть кабельтовы в технике? У нас принята метрическая система! Проектируем мы, положим, сеялку — так делаем это в миллиметрах! А уж потом неграмотный крестьянин расстояния для нее начнет мерить в локтях, вершках или просто в вон дотуда. Корабль — аналогично, и пусть уж потом моряки сами меряют его длину хоть в милях, хоть в полетах стрелы. Итак, вы предлагаете уменьшить дистанцию сброса торпеды и соответственно ее дальность до пятисот метров. В принципе это возможно, «бобик» с такого и даже несколько меньшего расстояния вряд ли собьют. Что это нам даст?

— Можно будет заменить поршневой парогазовый двигатель на реактивный, в котором нечему ломаться. И сильно упростить автомат глубины.

— Интересная идея, сделать подводную ракету... Ладно, пробуйте. По ракетным двигателям свяжитесь с нашим начальником Остехбюро Поморцевым, у него уже есть наработки. Да, и последнее. «Мономах» где, в море? А то я что-то ничего на него похожего с воздуха не видел.

— Да, он в очередном испытательном походе. После изменения формы носовой оконечности скорость поднялась до семнадцати узлов, теперь ему бы еще котлы заменить на водотрубные...

— Заменим котлы — захочется заменить машины на трехцилиндровые. Заменим машины — как раз к тому времени новые котлы подойдут. Опять заменим котлы — машины перестанут им

соответствовать, придется менять их на турбины... Так что пусть войну встречает как есть, а уж после решим, если он не утонет, на модернизацию его, в музей или еще куда. А с мореходностью у него теперь как?

— Георгий Андреевич, ну что я могу сказать про мореходность по результатам походов в Черном море, да еще летом? Подождем, как он покажет себя в океане. Да, у меня к вам еще один вопрос. Ваши сварочные агрегаты показали себя просто незаменимыми, я взял на себя смелость подготовить еще пятнадцать сварщиков. Так что теперь агрегатов не хватает, а учитывая, что на кораблях они тоже необходимы, не хватает сильно.

— Хорошо, пришлю пяток старых, с двухтактными двигателями, и два новых, с тринклерами. Один новый потом станет штатным оборудованием на «Мономахе». Подлодкам подойдут двухтактники, они легче и компактней, а для катамаранов я сделаю совсем маленькую разновидность с мотоциклетным движком. Ну вы можете не торопиться все необходимое прямо сейчас вспоминать, улетаю я только завтра утром.

— Да, у меня к вам есть еще один вопрос, но для его обсуждения придется пройти в мой кабинет.

Мы прошли.

Я ожидал, что Налетов покажет мне чертежи или даже модели чего-нибудь, но он просто закрыл изнутри дверь на ключ и сказал:

— Этот вопрос имеет отношение к радиооборудованию. — «Ай да молодец, — подумал я, — даже в беседе со мной ни на йоту не отступает от инструкций по обеспечению секретности!» — Я изучил блок-схему радиостанции, — продолжил Налетов.

Тут надо пояснить, что всю радиоаппаратуру я разбил на функциональные блоки для облегчения ремонта. Усилитель низкой частоты, усилитель высокой, приемный контур, передающий... Все они оформлены как черные ящики и имели систему самоликвидации.

— Так вот, меня заинтересовал усилитель низкой частоты. Как я понял, он получает очень слабый сигнал, со входного контура или микрофона, и усиливает его в десятки раз. Я не ошибаюсь?

— Нет, продолжайте.

— Если поставить чувствительный микрофон в подводной части лодки, то, заглушив все свои двигатели, можно будет слушать работу чужих, под водой ведь звук распространяется очень хорошо. Вряд ли удастся точно определить расстояние и направление, но хотя бы знать о наличии неподалеку корабля — и то немало.

— Блин, и как же это я сам не подумал, — сокрушенно покачал

головой я, — будет вам гидроакустический локатор и эхолот заодно, расстояние до дна мерить. Кстати, и расстояние, и направление до судна можно будет оценить довольно точно. В общем, через пару недель я вам пришлю чертежи посадочных мест этой аппаратуры, а месяца через полтора ее саму.

ГЛАВА 4

Мои каникулы, ну прямо как лет сорок и более назад, кончились первого сентября. И продолжались они не две недели, как я без особых на то оснований надеялся, и даже не неделю, как планировал. Два дня в Ливадии, потом утром — в «пересвет» и на взлет, а вечером — посадка в Георгиевске.

В Ливадии я отоспался и отъелся. Николая там не было, он старался не злоупотреблять встречами со своей матерью, которая как раз в это время там находилась. Перед посадкой я с некоторой тревогой думал, что мне не дадут никакого покоя, но Мари, присмотревшись ко мне (десять дней я почти не вылезал из самолетов — это все-таки сказывается), в приказном порядке велела мне приступать к отдыху и ни о чем не думать. В результате я два дня ел и спал, причем ел в компании императрицы, а спал в основном один. В ее же компании пару раз сходил на море искупаться. Предлагал и Мари, но она вполне ожидаемо отказалась, уточнив, что, может быть, со временем она и проникнется моей свободой взглядов, а пока ее вполне устраивает купальня во дворце. По-моему, она просто не умела плавать. Но зато, как выяснилось, она умела неплохо думать. Я только сейчас заметил, что Мари теперь старается одеться и подкраситься так, чтобы это ее старило! Точнее, чтобы она выглядела так, как до перехода нашего с ней знакомства в иную фазу, более близкую. С некоторой даже ревностью я обнаружил, что от перемещения через портал она помолодела лет на пятнадцать! Но выставлять это на всеобщее обозрение явно не собиралась.

Однако два дня пролетели быстро, и вот я снова в кабине «пересвета»... Насчет эхолота и гидролокатора для Налетова я начал соображать сразу после взлета — все равно заняться было особо нечем, пилотирование никаких усилий не требовало.

Итак, послали мы в воде звуковой сигнал, и надо измерить время до появления его отражения. При современной электронике это никаких проблем не представляет. Скорее всего, можно сделать и механический измеритель, только это будет очень точная механика, вряд ли сейчас нам доступная. А что мы можем с имеющимися паршивыми триодами? Померить фазу — пожалуй, фигушки, точность будет порядка трамвайной остановки. Стоп, но фазу можно и ухом неплохо мерить — в смысле определять, когда два смешанных сигнала совпадают или, наоборот, противоположны. Значит, ловим отраженный сигнал и смешиваем его с

приведенным к тому же уровню исходным. Как только они совпадут по фазе, это нетрудно будет услышать по появлению биений, значит — до отражающей поверхности целое число длин волн. Чтобы определить, сколько именно, начинаем качать частоту. Если новые биения будут появляться через октаву — это одна волна, через пол-октавы — две и так далее. Усилители у нас есть, генераторы тоже. Правда, тут потребуются низкочастотный генератор, трудно будет обеспечить стабильность... Микрофон и излучатель должны быть пьезоэлектрическими, пожалуй. Но их у нас нет и до начала войны точно не будет, а уж через месяц и подавно. Значит, для этих двух лодок следует притащить из современной Москвы микрофоны и пищалки. И времязадающие элементы генератора, для повышения точности, остальное пусть будет местного производства. И сразу по прилете мне следует пересмотреть список приоритетных исследований радиолaborатории, сделать его более разнообразным, чтобы через некоторое время эти не такие уж сложные вещи производились уже в здешней России. Кстати о России, подо мной уже появились пригороды никакого не «незалежного», а самого что ни на есть российского города Харькова, — пора было начинать заход на посадку.

Заправка, быстрая проверка самолета — и снова в воздух. Итак, схему эхолота-гидролокатора я вроде составил. Интересно, а у нас на флоте такая когда-нибудь применялась? Вряд ли, эффект биений непонятно почему начали использовать сравнительно недавно, а ведь простейшая же вещь... Правда, от оператора потребуются музыкальный слух. Ну флотские офицеры, похоже, люди образованные, как напьются, на пианинах бренчат в кают-компаниях... Или по кабакам лабухов поискать? Блин, по каким кабакам — Татьяна же в Георгиевске по линии своей официальной службы музыкальную школу открыла! Вот ведь молодец девочка — что ни делает, все к месту, так что есть где слушачей вербовать.

Сразу по прибытии в Георгиевск, вечером, я сел рисовать придуманные в полете схемы и утром отнес их в радиолaborаторию.

— Начинайте макетировать, — распорядился я. — Недостающие элементы, — я потыкал карандашом в пищалку, микрофон и времязадающую катушку генератора на схеме, — будут послезавтра. Пока можете заодно подумать, что это такое и для чего оно. Послезавтра и сам скажу, но если догадаетесь раньше — всем премия.

После лаборатории — обратно к себе, меня уже ждала Татьяна. Ей предстояло еще одно дело, причем сразу по обеим линиям, как официальной, так и нет.

— Как вы наверняка в курсе, — сообщил я даме после взаимных приветствий, — дочь Марии Федоровны, княгиня Ольга, вместе с вашей Ольгой Оболенской приступили к организации георгиевских поездов-госпиталей. Разумеется, Департамент охраны материнства в обеих своих ипостасях в стороне от такого дела оказаться никак не может. О том, что вы окажете помощь, княгиня Ольга уже в курсе и с нетерпением ждет, их там бюрократические препоны заели. Ну тут вам и карты в руки, опыт есть. Со всякой мелочью разбирайтесь в рабочем порядке, с персонами от шестого класса и выше по согласованию со мной. Для визитов в Питер можете задействовать борт номер один. Да, еще одна тонкость. Наверняка ведь воровать начнут. В основном георгиум, но и прочие медикаменты вряд ли избегнут пристального внимания. В смете на утруску заложено примерно пятнадцать процентов. Так вот, тех, кто впадает в грех примерно в пределах этих сумм, надо брать на карандаш — с началом войны потребуются громкие процессы. Далее, опять же с началом войны, неплохо будет организовать два-три примера стихийного самосуда над ворюгами, но только чтобы стихийность была безукоризненной, вы уж тут на подготовке не экономьте. А вот кто прямо сейчас в проценты начнет не укладываться, мелочи — сразу несчастный случай. По поводу высших персон докладывать мне, имея в виду, что действовать потом придется точно так же.

— Без всяких предупреждений? — уточнила Татьяна.

— Без. Понимаете, Танечка, в таких делах, как медицина, даже малейший избыточный гуманизм совершенно недопустим. И вот еще что — вроде у нас тут в Георгиевске музыкальная школа появилась, где она находится? Ну что вы на меня так смотрите, захотелось мне на старости лет приобщиться к прекрасному, песню, например, про чирик-пыжика послушать в хорошем исполнении...

В обед мы с Гошей по-быстрому смотались в наш мир — он посидеть в Интернете, а я за радиодетальями. Вернувшись, я напомнил высочеству:

— Так до сих пор с парашютом и не прыгнул? Ну что мне тебя, силком в «пересвет» затаскивать и потом пинком отправлять в прыжок? И не делай мне тут лицо занятого человека, я знаю, что совещание у тебя назначено аж на семнадцать часов, вполне успеем. А то летчики тоже как-то без энтузиазма к этому относятся, так что ты уж подай личный пример.

При нашей первой летной школе имелся небольшой домик с вывеской «Центр парашютной подготовки», под которой какой-то остряк уже написал красивым почерком «Блаженны прыгающие, ибо они допрыгаются».

В общем, высочество прыгнуло, но не допрыгалось и даже не напрыгалось — понравилось, однако... Еще бы не понравиться, если, будучи высочеством, прыгаешь с парашютом Д-5, — люди попроще обходились изделиями местного пошива. Боялся он, что ли? Может быть. Хотя, наверное, дело еще и в том, что я на него давил. А надо было не пускать, тогда бы точно сам рвался! Помню, когда я учился в юношеской планерной школе, в программе прыжков не было, но троим лучшим ученикам пообещали как награду дать прыгнуть. Ух как мы из шкуры лезли! Я, когда сиганул-таки с Ан-2, потом неделю ходил задрав нос выше маковки. Как бы что-нибудь похожее для летчиков ввести, а то пока они к парашюту относятся без всякого доверия... Ладно, пора снова в радиолaborаторию, обрадовать народ, что детали будут не послезавтра, а сейчас.

Через четыре дня испытания макета эхолота на Оке увенчались неплохими результатами, и бригада его конструкторов выехала на Селигер, он все-таки больше похож на море.

Узнав, что «Краб» с «Раком» уже на выходе, Гоша озаботился формированием экипажей. Он все-таки решил использовать военных моряков, в результате чего дяде Алексею было отправлено срочное письмо с просьбой командировать в наше распоряжение лейтенанта Беклемишева — одного из очень немногих морских офицеров, имеющих хоть какое-то представление о подводной специфике. Кстати, и на «Марии» команда была набрана из гвардейского флотского экипажа, а вот на своего «Геру» я посадил моряков торгового флота из Одессы и Николаева. Капитаном был назначен дальний родственник Татьяны, до того служивший старпомом на зерновозе. Я постарался поднять дух своих мореманов, заявив, что твердо верю: они смогут по результатам боевой подготовки превзойти благородий на однотипной «Машке»! А уж насчет премий и прочего — за мной не заржавеет. Где-то в конце октября были намечены совместные учения с «Мономахом», вот там и посмотрим.

Между делом я слетал в Питер поговорить с Витте. Он встретил меня на аэродроме в Гатчине, там же и прошла беседа.

— Я прилетел по поводу вашей инициативы насчет сокращения ассигнований флоту, — сразу взял быка за рога я.

— Поддержать или отговаривать? — поинтересовался министр финансов.

— Выразить свое возмущение! Ну что это за цифра такая — двадцать процентов? Просто крохоборство какое-то! Я понимаю, что за тридцать вас бы живьем сожрали, но уж двадцать пять-то заложить можно было бы.

Витте расхохотался, а отсмеявшись, спросил:

— Значит, если я добавлю еще минус пять процентов, ваша полная поддержка мне обеспечена?

— Разумеется, нет, — покачал головой я, — по крайней мере, пока не прояснятся два чрезвычайно интересующих меня вопроса. Первый — кому достанется то, что предполагается забрать у флота. И второй — кто будет распоряжаться тем, что у него останется?

— Но вы же не рассчитываете, что ответ на эти вопросы будет: «вам», «вы»?

— Само собой. Но мне вот очень хотелось бы надеяться, что сухой док в Дальнем будет достроен не позже весны. Неужели часть сэкономленных средств нельзя будет потратить именно на это?

— Это разумно, — согласился Сергей Юльевич, — но у вас ведь есть еще какое-то предложение?

— Есть. Сформировать для флота особый фонд внедрения новой техники где-то миллиона на три и назначить его распорядителем генерал-адмирала.

— Да, я слышал, что теперь Алексея Александровича можно считать вашей креатурой, но доверять ему такие деньги... Я бы не рискнул.

— Это понятно, — усмехнулся я, — вот потому-то я и прилетел вас уговаривать. Ну какой тут особый риск? Сам генерал-адмирал не ворует, за его окружением я присмотрю, равно как и за тем, чтобы деньги не шли на откровенную дурость... По рукам?

— Ладно, — вздохнул Витте, — попробуем. — А что за проект активных учений, про который мне на днях говорила Мария Федоровна?

— Ну, — махнул рукой я, — да вот захотелось в войну поиграть немножко. Почему бы и нет, если за казенный счет? Расходы тут небольшие, да и его высочество не против их вам потом косвенно возместить.

— Косвенно — это дать послушать звон ваших денег?

— Почти. Обрушить, например, какие-нибудь ценные бумаги, а дальше вы уж как-нибудь сами. Об этом лучше говорить напрямую с его высочеством, но чуть погодя, после учений, когда оно отойдет от расстройств. Огорчили вы его, честно говоря, своими поползновениями!

— А, понял, — догадался Витте, — этими учениями вы хотите отвлечь наследника от тягостных дум на финансово-флотские темы... Вполне

достойная цель, так что решение, я думаю, будет положительным.

Разумеется, этот разговор был заранее детально согласован с Гошей и, кроме того, записывался на диктофон. Можно будет потом вдвоем послушать и проанализировать. Но пусть Витте считает, что между нами тут имеются трения и взаимные недоговорки, нам же спокойней жить будет.

ГЛАВА 5

Из дневников лейтенанта РИФ М. Н. Беклемишева^[4]

13.09.1902

...Ожидаю назначения командиром нашего «миноносца № 150».

15.09.1902

Нахожусь в полном недоумении. Прибыв утром на службу, получил предписание, подписанное самим генерал-адмиралом о моем откомандировании в распоряжение его императорского высочества великого князя Георгия Александровича. С пометкой — незамедлительно! Такое же предписание получил лейтенант А. Н. Черкасов. Зачем его высочеству водолазы? Однако наше дело приказы исполнять. На ближайшем поезде мы с Анатолием Ниловичем выехали в Георгиевск, уведомив ВК телеграммой о времени прибытия.

19.09.1902

Приятно удивлен. В Серпухове нас ждал экипаж, поданный к поезду по распоряжению великого князя! По прибытии в резиденцию ВК нас с Анатолием моментально принял его высочество. В скромно обставленном кабинете кроме ВК Георгия Александровича находились известный инженер и авиатор г. Найденов, а также совершенно неизвестный мне господин, одетый в партикулярное платье и представленный нам великим князем как Налетов Михаил Петрович. Познакомив нас с присутствующими, ВК в жесткой форме потребовал тут же, не сходя с места, подписать документ: «Обязательство о неразглашении государственной тайны», определяющий режим сохранения доверяемых нам секретных сведений. Санкции за нарушение режима секретности ну просто драконовские.

Пришлось подписать. С другой стороны, и оклад денежного содержания вкупе с дополнительными льготами для нас и наших семей впечатлил не менее — уже после года на службе у ВК я смогу считать себя весьма обеспеченным человеком! Будучи прикомандированы к ВК в прямое подчинение, мы по-прежнему числились офицерами флота со всеми вытекающими из этого последствиями. Отозвать же нас могли только с согласия ВК. И иного начальства у нас более нет.

Велико же было наше с Анатолием Ниловичем удивление, когда узнали мы о том, что сей господин Налетов является конструктором подводного минного заградителя! Мало того, оказалось, господин Налетов уже заканчивает постройку двух систершипов, получивших забавные названия «Краб» и «Рак», на Николаевском заводе. И спуск их на воду намечен через две недели. Никто никогда и не слыхивал о проектах г. Налетова... А тем более о строительстве им каких бы то ни было подводных кораблей, тем более столь специфических, как подводный минный заградитель!

Насладившись нашими растерянными лицами, великий князь объявил о назначении нас с Анатолием Ниловичем командирами этих кораблей. Кому из нас каким командовать, тут же было разыграно наследником при помощи монетки: если орел, то я командир «Краба». Выпала решка! Отныне я командир «Рака» — и быть по сему.

Великий князь произнес краткий спич, в котором в немногих словах охарактеризовал ТТХ лодок, предполагаемую тактику и возможный район их применения. За дополнительными разъяснениями нам было предложено обращаться к господам присутствующим здесь инженерам. И ни к кому более! Потом предложил уточнить штат кораблей. Были обсуждены боевые посты и количество людей, потребное для их обслуживания.

В экипаже первоначально предусматривалось 49 человек, но после обсуждения решили увеличить штат до 53 человек. В завершение аудиенции ВК приказал составить списки экипажей кораблей из известных нам лично лучших специалистов русского флота, и как он заметил при этом, «совершенно не стесняться» при составлении оных. Бедный Иван Григорьевич!^[5] Мы с Анатолием выгребли у него почти всех стоящих людей!

Из головы не шел подписанный мною документ. Теперь-то я понял, каким образом великому князю удалось сохранить дело в тайне. Было бы полезным привнести методы великого князя на Российский Императорский флот! Сколько бы освободилось прекрасных вакансий для дельных людей за счет одних только болтунов!

29.09.1902

В ожидании прибытия затребованных людей под руководством г. Налетова мы с Анатолием в течение 10 дней бегло изучили устройство кораблей по чертежам. Мой тезка оказался на редкость приятным в общении человеком. Очень деликатным. Очень квалифицированным и очень знающим инженером. И, кроме того, бесспорно, гением!

Что же касается г. Найденова, то поначалу он произвел впечатление человека крайне странного. Нарочито шокирующее поведение! Найденов как будто специально старался привести собеседника в раздражение и внимательно наблюдал за его поведением, делая какие-то свои выводы на его счет. Однако же, пообщавшись с ним подольше, я понял, насколько прост и в то же время интересен этот человек! Он лишь позволял себе считать условности, принятые в обществе, никчемными и мешающими взаимопониманию, полагая их попросту смешными. Ну да что с него взять! Тоже гений, но только знающий себе цену. Я принял его таким, каков он есть.

С раннего утра и до глубокой ночи мы, распивая чай, изучали чертежи и заваливали Михаила Петровича миллионами вопросов об устройстве механизмов и конструктивных особенностях подлодок. И все больше приходили к убеждению, что созданные им корабли — недостижимая вершина подводного кораблестроения! По долгу службы я достаточно хорошо знаком с положением дел. Однако никакие лодки в мире не годятся в подметки чуду, созданному Михаилом Петровичем! Имея собственный опыт проектирования подводных кораблей, с полной ответственностью могу утверждать, что лодки, спроектированные г. Налетовым, превосходят все созданное в мире на семь голов! Более 700 тонн подводного водоизмещения! 53 метра длиной! 60 мин на борту! Возможность установки 100 мм орудия и двух 450 мм торпедных аппаратов. Воистину убийцы броненосцев и короли морей! Дальность хода в 3 тысячи миль! Проектная скорость предусматривалась в надводном положении до 15 узлов, подводная — до 8 узлов. Совершенный сюрприз, в мире неизвестный вовсе, — возможность хода на 8 узлах под перископом (два перископа — командирский и обсервационный, телескопической конструкции по 6 метров, цейссовская оптика), на тринклеровских моторах с помощью специального устройства, названного Михаилом Петровичем РДП (работа двигателя под водой) и снабжающего двигателя и экипаж воздухом! Максимальная расчетная глубина погружения — до 25 саженей — обеспечивала полную безопасность корабля от столкновения с надводными судами. Весьма сложная по сравнению с «Дельфином» система погружения, сконструированная совместно с г. Найденовым, предполагала переход корабля в подводное положение в течение 40–60 секунд. В целом же конструкция подводного корабля вызывала у нас ощущение детского восторга. Вынужден скрепя сердце признать, что наш с Бубновым «Дельфин» по сравнению с «ракообразными» выглядит донельзя бледно...

По любому вопросу, за исключением радио- и гидроакустического постов, Михаил Петрович давал совершенно исчерпывающие пояснения. Что касается вышеупомянутых постов, то знакомил нас с оборудованием г. Найденов Георгий Андреевич. Данные им характеристики приборов привели нас с Анатолием в совершенное изумление. Радиостанции, установленные на подводных минных заградителях, оказались способны поддерживать устойчивую радиосвязь на расстоянии до двух с половиной тысячи километров. А при благоприятных условиях и значительно дальше. В том числе даже в режиме радиотелефонной связи. Просто говори и слушай! На расстоянии нескольких десятков миль! В перископном положении, господа! Так как антенна ближней связи выведена на трубу РДП. Уму непостижимо! Кстати, г. Найденов упорно игнорирует морские мили, кабельтовы и сажени, предпочитая им метрическую систему мер... Видимо, инженер Найденов не подозревает о том, что морская миля возникла не по прихоти туповатых мореходов, а равна одной минуте дуги большого круга, или одной тысяче восьмистам пятидесяти двум метрам в метрической системе. Впрочем, судовождение для инженера Найденова не является дисциплиной первой необходимости, за неиспользованием упомянутым инженером кривизны земной поверхности.

Что касается гидроакустического поста, то данное устройство позволит в погруженном положении отслеживать шумы, издаваемые движущимися судами на расстоянии до 20–30 км, с высокой точностью определяя пеленг на источник в зависимости от погодных условий и глубины погружения. И совершенно не зависит от прозрачности атмосферы и времени суток! Кроме того, в распоряжении командира имелось устройство, названное Найденовым «эхолот» и позволяющее мгновенно измерить глубину под килем корабля с точностью до четверти сажени. Сказать, что я и Анатолий пребывали в «полном обалдении», значит не сказать ничего.

С огромным нетерпением ожидали мы прибытия экипажей и переезда в Николаев для детального изучения лодок, что называется, «в натуральном виде». Наконец, люди прибыли и подписали необходимые документы. Завтра личным поездом великого князя мы полными экипажами отбываем на Николаевский завод принимать корабли. ВК Георгий Александрович и господа Налетов с Найденовым, а также племянница г. Найденова Мария Александровна для участия в церемонии спуска кораблей на воду вылетают бортом № 1 (аэроплан ЕИВ) несколько позже, намереваясь прибыть в Николаев раньше нас. Надеюсь, что и мне когда-нибудь представится возможность покорить пятый океан!

07.10.1902

Переезд в Николаев прошел непримечательно, что радует, поскольку нижние чины всегда горазды отмочить какую-либо каверзу. Однако ни пьянства, ни иных нарушений дисциплины в пути не случилось совершенно!

По прибытии в Николаев экипажи поселили в отдельной казарме здешнего гарнизона, запретив всякое общение с местным населением. Несмотря на непривычно жесткие требования, люди отнеслись к этому с пониманием. Вероятно, в памяти еще свежи требования подписанного нами обязательства. Хотя общаться с кем бы то ни было времени совершенно не оставалось. Чрезвычайно плотный график обучения предусматривал для личного состава шестнадцатичасовой рабочий день.

На следующее утро, после приема пищи и развода, экипажи во главе с офицерами отправились на завод, где достраивались наши корабли. И вот мы впервые увидели их воочию на стапелях. Я влюбился в них сразу, с первого взгляда! Соразмерность и гармония! Строгие обводы корпуса, диктуемые требованиями обтекаемости. Высокая закрытая рубка, сверкающая иллюминаторами. Сияющие бронзой винты изменяемого шага. Достаточно мощная немецкая 105 мм пушка. Как раз в этот момент рабочие краном сняли ее с «Краба», закрепили на деревянном основании и начали покрывать консервирующей смазкой. Полагаю, что она весьма скоро вернется на свое законное место.

Строительные леса вокруг лодок уже снимались рабочими верфи. Корабли готовились к спуску на воду, устранялись мелкие недоделки. То тут, то там сверкали звезды электросварки, которую Михаил Петрович широко использовал при строительстве наших кораблей. Впервые в мире!

Охрана, получив распоряжение г. Налетова, дозволила экипажам подняться на корабли. И вот наконец я на борту своего «Рака»! Кстати, я не преминул поинтересоваться у М. П., кто «окрестил» наши корабли. Обычный в России анекдот. Первый заложенный заградитель получил имя от своего создателя. А мой, как и следовало ожидать, от инженера Найденова — большого любителя черного юмора... м-да-с. Однако мы еще покажем кое-кому, где зимуют русские «Раки»! Осмотрев рубку и оставшись весьма доволен увиденным, спустился вниз. И, грешен, начал осмотр с собственной каюты. Пожалуй, правильнее будет сказать, «каюточки»! Койка и маленький столик, он же сейф. И легкая, просто легчайшая, сдвижная переборка, отделяющая каютку от остального корабля. Однако если сравнивать условия обитания экипажа ПЛ с

миноносками, то, пожалуй, наши лодки несколько выигрывают в комфорте! Здесь, по крайней мере, не дует.

Трубы! Трубы и кабеля! И снова трубы... весь корабль просто прошит ими. Но описывать в дневнике подробности устройства «Рака» не имею ни малейшего желания. Поскольку еще в Георгиевске г. Найденов с обычной своей искренней непринужденностью намекнул мне, что хранение подобных дневников — дело ответственное и чреватое неприятными неожиданностями. Я уловил ход его мысли, в поезде дневник пребывал в опломбированном портфеле с секретными документами под охраной вооруженных часовых, во избежание упомянутых случайностей. А сегодня занял место в командирском сейфе «Рака». Кстати о секретах. Я же обязан немедленно напомнить личному составу о режиме секретности в части, касающейся радиорубки. Доступ туда запрещен всем, кроме радистов, акустиков и вахтенного офицера. Нарушение этого требования считается актом шпионажа с соответствующими последствиями для нарушителя. О чем предупреждает табличка, привинченная к *стальной* (!) двери радиоакустического поста.

Спустя несколько часов, проведенных с большою пользой для дела, я сошел с корабля, дабы принять пищу. Прямо здесь же, в цеху, была устроена полевая кухня, обеспечивающая рабочих горячим питанием. Простым, но очень вкусным. Получив порцию отличного бефстроганова с картофельным пюре, большую кружку компота из свежих яблок и ложку, я присел за грубо сколоченный стол и принялся трапезничать. В этот момент со мною рядом деловито устроился с таким же набором пищи ЕИВ цесаревич! И пожелав мне приятного аппетита, неторопливо взялся оную уничтожать. Мою нелепую попытку встать во фрунт и доложить, тут же пресек и, приказав «без чинов», продолжил свое увлекательное занятие, к которому я охотно присоединился.

После обеда экипажи продолжили изучение механизмов. Следует сказать, что каждый пост был полностью обеспечен инструкциями и технической документацией, выполненной просто превосходно! Чертежи в аксонометрической проекции, в цвете, очень наглядно, подробно и удобно для понимания. Очень доступным языком написаны инструкции, в которых разъяснялись устройство механизмов и приемы их эксплуатации. Оказалось, что разработка техдокументации — целиком заслуга Г. А. и... его племянницы! В экипажи были отобраны люди технически вполне грамотные, и поэтому изучение материальной части происходило достаточно быстро. В случае любых затруднений пояснения немедленно давались непосредственно изобретателями. За каждым постом

закреплялись дежурные книги, куда следовало вносить записи о малейших неполадках в работе механизмов для последующего устранения оных. К моменту спуска на воду экипажи уже несколько освоились с кораблем. До оценки «отлично» было еще, разумеется, невероятно далеко, но корабль сделался, по крайней мере, слегка управляем! Первый зачет на знание командой самого необходимого по матчасти был ею сдан в полном объеме.

Погода все время стоит отличная, солнечная, довольно тепло, ходим по-летнему, легкий ветерок.

ГЛАВА 6

Я отодвинул ноутбук, размял затекшие пальцы и подошел к зеркалу. Опять надо было срочно родить кучу писанины, с обеда я колотил по клавишам, так недолго невзначай и каким-нибудь Львом Толстым стать. Однако из зеркала на меня смотрела хоть и бородатая морда, но все-таки моя, не графская, так что можно было творить дальше... Я писал документы к предстоящим балтийским учениям. Поначалу муза своевольничала и вместо сочинения чеканных параграфов искала, как бы назвать эти учения так, чтобы аббревиатура представляла всем известное слово на букву «б», но не нашла, и в конце концов вынуждена была заняться делом. Я написал общую часть, задачи сторон, а теперь предстояло заняться методикой оценки действий авиации. Вот летят, например, два «пересвета». Как оценить воздушный бой между ними? Стрелять друг по другу они могут почти с любых ракурсов. Дать какие-нибудь преимущества нападающему?

Представьте себе, что по полу вашей квартиры навстречу друг другу ползут две черепахи. Вы сможете хоть сколько-нибудь точно определить, какая из них просто тупо ползет по своим черепашьим делам, а какая спешит со всех ног, чтобы загрызть и затоптать противницу? Так вот, оценка боя «пересветов» со стороны натывается на примерно такие же трудности. Значит, ладно. Если встречаются два самолета и определить, кто кого атаковал, невозможно, то с вероятностью пятьдесят процентов один из них считается сбитым. То есть посредник два раза кидает кости — есть ли сбитый вообще и кто он. Теперь как быть, если один явно атакует и зашел с удачного ракурса — спереди снизу, например? Те же два жребия, но если черная метка выпадает атакующему, еще раз бросить кубик. Снова подтверждается — он сбит, нет — сбит атакуемый. Да, пожалуй, так и запишем. Если двое атакуют одного, с вероятностью две трети кто-то будет сбит, причем с вероятностью пять шестых этот кто-то — который один. Если одного атакуют трое, то он сбит без всяких бросаний.

Теперь аналогичная писанина с парами и тройками. Хорошо хоть, больше ничего не надо, с каждой стороны будет воевать по девять «пересветов» и три «святогора». С этими проще — они не имеют оборонительного вооружения, кости кидаются только на их судьбу.

Я перечитал написанное. Вроде получается близко к реальности, во всяком случае, главный вывод: летать или всем, или никому, а при наличии

авиации противника одиночный самолет — жертва. Разумеется, для «тузиков» и «бобиков» были бы приняты другие правила, но для «пересветов» эти в самый раз.

Ладно, решил я, общие правила пока отложим и подумаем, чем можно помочь «своим». Без всяких штучек не только из нашего мира, но даже георгиевского производства, не входящих в список открытой продукции? Раций на самолетах по условиям учений нет, как подавать сигналы? Можно качать крыльями, например, или бросать дымовые шашки... Есть они тут или нет? Наверняка нет, а то бы я знал! Значит, сделаем, оно нам нетрудно. Состав — просто черный порошок с избытком угля, можно еще сахара добавить. Надо заранее подготовить чаны для смешивания, а с началом учений посадить народ заниматься алхимией. Сигнальные ракеты тут уже есть, только выбор цветов убогий, придется обойтись всего двумя. Дым, два вида ракет... может, летнаба заставить флажками махать, как сигнальщика на флоте? Что-то я сегодня тупой какой-то... Мы же делаем прожекторы, причем сравнительно маленькие, на двадцать четыре вольта, и это открытая продукция. Значит, на базу завезти десяток фонарей, а уж догадается ли противная сторона себе тоже их взять с целью передавать сигналы азбуки Морзе при помощи света — ее трудности... Ну это пусть, а основная идея наших действий какая будет? Рассчитывать, что ее родит генерал-адмирал, вряд ли стоило.

Что я могу сказать про вице-адмирала Макарова? Хороший флотоводец и рисковый, на грани авантюризма. Вот из этого и будем исходить. Значит, надо заранее построить свои пароходы так, чтобы у Макарова появилась возможность охвата головы нашей колонны. Но появилась не просто так на блюде, в этом случае он может что-нибудь заподозрить, а сопряженная с определенным риском, как у адмирала Того при Цусиме. Макаров точно рискнет, а вот тут надо будет хорошо подумать, как плотно заминировать именно тот маршрут, по которому он устремится к победе... Кстати, дым можно использовать, если его напустить побольше, и для завесы — скрыть что-нибудь на пути адмирала, вот только придумать бы что именно. Интересно, найдется в штабе у дяди Алексея хоть паратройка толковых офицеров?

Вообще, октябрь в этом году представлялся каким-то суетливым. На днях вся наша команда собиралась слетать в Николаев на церемонию спуска на воду «ракообразных». Я сильно подозревал, что одним полетом дело не ограничится, наверняка косяком попрут недоделки, если не хуже. Придется и туда портал протоптать на предмет мгновенных перемещений в

случае чего... Кстати, одно место в лодках мне уже сильно не нравилось — торпедный аппарат, а точнее, способ выпихивания торпеды из него. Налетов использовал для этого сжатый воздух. Наверняка часть его вырвется наружу и покажет всем интересующимся, где прячется лодка. А та часть, что останется в аппарате вместо торпеды, подгадит еще больше. Только что там была вода, вдруг она заместила воздух — плавучесть увеличилась, как бы лодку из-под воды не выкинуло... На всякий случай я нарисовал гидравлический выталкивающий механизм, — может, и будет как-то работать, если воздушный окажется совсем негодным.

Через неделю мы слетали на спуск «Краба» с «Раком». Честно скажу, я испытывал даже нечто вроде зависти. Все-таки мои самолеты даже внешне походили на настоящие боевые не больше, чем котенок на саблезубого тигра, а вот лодки Налетова были совсем как настоящие! До этого подводную лодку я видел живьем раз в жизни, в одесском парке, она там стояла среди танков и выглядела ничуть не грознее «Краба». Надо, значит, поскорее автожир сделать, и тогда у нас появится первый в мире подводный авианосец, даже два... И с автоматикой для торпед надо будет помудрить маленько, а то сейчас прицеливание предполагается всем корпусом. Бред, по-моему, мы на половине «пересветов» и то сняли курсовые пулеметы именно из-за того, что в силу неповоротливости аэроплана целиться было практически невозможно — а тут такая громадина! В курсовой автомат надо будет ввести возможность: как только торпеда пошла, пусть она сразу поворачивает на заранее установленный угол и потом выдерживает уже этот курс.

А сразу после торжеств — на самолет и в Георгиевск, дела не ждут...

— Таким образом, — подытожила свой краткий доклад Татьяна, — испано-французскую группу можно считать подготовленной.

— У вас, наверное, есть предположения о ее задачах? — поинтересовался я.

— Создание резидентуры во Франции, — пожала плечами собеседница, — залегендированной как выходцы из Латинской Америки.

— Все правильно, в порядке уточнения — это будет банк. Вот возьмите, это список тех, которые в данный момент дышат на ладан. В принципе можно и купить, но хотелось бы, чтобы владельцы остались прежними. Однако наше влияние на них должно стать абсолютным. Это уж вы решите, обаять их там до потери разума, напугать, нарыть или создать компромат, посадить на наркотики... или все вместе. В кратчайшие сроки

этот банк сильно поднимется. Источники — помощь его высочества, деньгами и специалистами, ну и собственные ваши усилия. Нужны силовые группы для работы с конкурентами и просто местными недотепами, обремененными избытком денег. Костяк — наши люди, но надо будет постараться и установить связи с местной уголовной средой. Кроме того, там будет явно к месту еще одна партия экстремистского толка — социалистическая или еще какая, на месте разберется. Это не фигура речи, мне кажется, вам тоже совсем не помешает в Париж съездить по линии охраны материнства...

— Париж — это моя мечта, — восхитилась дама, — если бы вы знали, как я вам благодарна! А специалисты — это приехавшие вчера, да так и застрявшие в «Путаниуме» два господина?

— Они самые. Тут, кстати, есть тонкость. Главные-то в данном деле будут ваши люди, но этих тоже особенно третировать не надо, все-таки высочество выделило лучших...

— Уточните, — сразу посерьезнела Татьяна, — мои полномочия в отношении этих господ будут чем-то отличаться от тех, что распространяются на моих сотрудников?

— Нет. Но желательно, чтобы они об этом не догадывались, по крайней мере, до последнего, если он, не дай бог, наступит, момента... Его высочество в курсе.

— Ну что же, — улыбнулась собеседница, — как любит говорить ваш любимый Бенья, «это мы будем посмотреть». То есть на месте посмотрим, до сих пор ли Париж стоит мессы, или с тех пор что-нибудь сильно подешевело... Когда выезжать?

— Хоть сегодня, а насчет мессы, — кажется, это у вас неплохая мысль, партия вполне может быть и с религиозным уклоном... В общем, действуйте, я надеюсь, что все будет происходить в вашем обычном стиле, то есть безукоризненно.

Франция была выбрана из-за ее на редкость либерального законодательства, как в экономическом, так и в политическом смысле.

Надо сказать, что за два часа до беседы с Татьяной я провел аналогичную с начальником шестого отдела, но только в качестве пункта назначения назывались Соединенные Штаты, а в качестве бывшей родины — Россия. Бенины мальчики должны будут изобразить из себя сбежавших жертв царизма. А то как-то неправильно получается — Нью-Йорк есть, а Брайтон-Бич почему-то отсутствует... Ну ничего, это теперь ненадолго.

А тут еще Гоша мне подкинул работку, небольшую, но тоже творческую. И ведь сам я на нее напросился! Началось это дело за очередным обедом у его высочества.

— Не подскажешь, где ты взял схему своего эхолота? — поинтересовался Гоша. — А то я тоже искал, но находил совсем другие, гораздо сложнее...

Рот у меня был занят, поэтому я просто постучал себя по маковке. Почему-то высочество было поражено этим жестом чуть ли не в самое сердце, даже вилку отложило.

— Как, — изумился Гоша, — ты хочешь сказать, что изобрел ее сам?

Я покивал.

— То есть ты смог походя, между делом, изобрести прибор, которого нет даже в вашем мире?!

Вот тут бы мне еще раз кивнуть! Но котлета была уже прожевана, и меня потянуло поболтать.

— Сам принцип в нашем мире давно используется радиолюбителями, — начал я, закуривая, — и даже здесь он известен, правда чисто теоретически. Считать длину волны тут умеют. Я просто взял готовое и перенес его в смежную область, это стандартный прием решения несложных изобретательских задач.

— Но почему же у вас никто этим стандартным приемом не воспользовался?

— А я знаю? Скорее всего, не нужно это было никому. Когда понадобился эхолот, уже были технические возможности городить гораздо более сложные схемы... Вообще, инерция мышления — страшная вещь. Знаешь, как делаются эпохальные изобретения и открытия? Все образованные люди в курсе, что какая-то вещь невозможна. Но находится один недоучка, который этого не знает, он-то все и делает... Хочешь пример про изобретение, буквально изменившее лицо нынешнего мира?

Гоша налил мне пива и приготовился слушать.

— Хлопок долгое время очищался вручную, рабами, — начал я. — Но потихоньку рабы дорожали, и процесс становился нерентабельным — то есть весь процесс выращивания хлопка. Дело шло к тому, что еще через десяток-другой лет рабство в южных американских штатах отмерло бы само собой... Но тут в гости к семье небогатых плантаторов приехал механик Эли Уитни. За обедом, ну прямо как у нас с тобой, ему пожаловались на проблему. Надо сказать, что решить ее пытались уже давно — нанимали ученых, те смотрели, как рабы шелушат хлопок, делали машины с пальцами, в общем, извращались по полной программе. В

результате задача была признана неразрешимой на данном уровне развития техники. Но Уитни был родом с севера, хлопок не видел ни разу в жизни и как его очищают от зерен, естественно, тоже. Как любому порядочному изобретателю, ему было лень тащиться куда-то в другой конец усадьбы и смотреть, чего там делают негры. Я бы, кстати, тоже не пошел, тем более после обеда... Уитни велел принести ему немного хлопка и показать, что в нем является полезной составляющей, а что подлежит удалению. К вечеру хлопкоочистительная машина была готова, но ее действие ничем не напоминало работу негритянских рук. Через месяц ее пиратские копии наводнили весь Юг, начался хлопковый бум, рабство вновь стало рентабельным на многие десятилетия, а кончилось это все американской Гражданской войной... Вот такие пирожки с котятами.

Гоша внимал, пиво было превосходным, что подвигло меня на новый приступ красноречия.

— Сам подумай, ведь простейший планер можно было построить еще в Древней Греции! И отлично он бы летал, там же горы и море, как в Коктебеле, пари хоть с утра до вечера! А воздушный шар из папируса прекрасно склеился бы при первых фараонах. Но все образованные люди знали, что человек не птица, крыльев не имеет... А вот пример, после которого рассуждать о творческом потенциале человечества просто неудобно. Телескоп был изобретен через триста лет после появления первых линз! Триста лет люди вертели в руках увеличительные стекла и не догадывались, что можно просто взять и посмотреть на что-нибудь не через одно, а через два...

Гоша в волнении встал.

— Так, значит, ты относишься к тем немногим, которые не подвержены инерции мышления? Знаешь, что-то такое я давно чувствовал...

Вот тут бы мне опять взять и скромно промолчать! Недаром сказано: если у тебя есть фонтан, заткни его...

— Есть специальные методики выработки неинерционного мышления, — сообщил я, — их разрабатывал некто Альтшуллер. Официальная советская наука, насколько я помню, относилась к ним с подозрением, но они действенны — это я тебе как заслуженный изобретатель говорю, все-таки два десятка авторских свидетельств, да и не на все я подавал заявки.

— И что, ты там у себя тоже изобретал что-нибудь невероятное?

— Дай вспомнить... да, было. Про электротехнику ты уже вроде имеешь неплохое представление? Так скажи мне, возможно ли сделать

мгновенно действующий плавкий предохранитель? Именно мгновенно, чтобы превышения тока в цепи не было вообще? При конечной толщине проводника, естественно.

— Невозможно, — твердо сказал Гоша.

— Вот-вот, и наш ученый совет тоже так думал, хотя у них на столе лежали результаты испытаний... Кончилось это тем, что для себя я наклепал такие кустарно, надоело мне транзисторы килограммами жечь при разработке первого сварочного инвертора, а эту штучку потом одна американская фирма выпускала под названием «лимистор».

— Украли? — посочувствовал Гоша.

— А что им, смотреть, как вещь пропадает? Естественно, скоммуниздили. Но порядочные люди оказались, уже при перестройке нашли меня, пригласили в Штаты отдохнуть, присмотреться, может, захочу насовсем к ним перебраться... Только не понравилось мне там. Америка — это не место для белого человека, подзаработал я там малость — и домой, в Россию. — Я затушил бычок и уточнил: — У нас, кстати, двое интуитивно владеют такими методиками — Тринклер и Налетов.

— И ты спокойно на это смотришь? — возмутился Гоша. — Вот что, даже не надо этого Альтшуллера тут издавать, опиши все своими словами, у тебя наверняка понятней выйдет...

— Ты мало насмотрелся на то, что выходит, если я начинаю излагать мысль своими словами? — удивился я.

— Ну, — вынужден был признаться Гоша, — некоторые краснеют... но ничего, пусть будущие инженеры привыкают к русскому командному языку. В общем, пишите, Шура, пишите!

ГЛАВА 7

Последнее время я не так уж часто видел племянницу — она обитала в основном в Москве, в штаб-квартире Гошиного концерна. Цесаревич мотался между Москвой и Георгиевском — благо недалеко, час лета. А мне в Москву надо было только на встречи с Жуковским, то есть довольно редко. Но тут племянница прилетела вместе с Гошей, решив устроить себе небольшой отпуск. Погода выдалась нормальной для конца осени, и мы отправились на природу, употреблять шашлыки, для этой цели достаточно было отойти метров на триста от Гошиного дворца.

Шашлыки пошли хорошо, умеренное количество водки под них — тоже, и началась беседа, причем Маша в подпитии проявила склонность к решению мировых проблем.

— Мы сейчас живем в историческое время, — торжественным тоном сообщила она нам, — когда устанавливается порядок, ставший потом господствующим. По прикидкам наших аналитиков, именно сейчас продажа денег начала ощутимо превышать продажу товаров. Дядь Жора, вот ты тоже тут живешь, неужели у тебя не появилось новой мечты на этот счет?

— Старая окрепла, — буркнул я.

— А что за мечта, со мной не поделитесь? — заинтересовался Гоша.

— В неокрепшем виде она звучала так: «Эх, вот бы передавить их всех!» — хихикнула Маша. — А что теперь, я не знаю.

— А теперь — в ров их, гадов, пулеметов побольше, и на каждый по два запасных ствола, — пояснил я. — Но увы, она хоть и окрепшая, но все-таки мечта, то есть нечто эфемерное... Вот как у нас танки появятся, тогда да.

— Э-э-э... — забеспокоился Гоша, — это вы кого тут во рву собрались давить танками, уж не евреев ли?

— Фи, — фыркнула Маша, — любимый, антисемитизм тебе не идет. А дядя мечтает насчет финансистов. Торговцев деньгами, если точнее.

— А если еще точнее, то нас с тобой?

— Нет, — возразил я, — вы, если можно так выразиться, жертвы обстоятельств. Ну понадобились нам средства, на большой дороге сейчас много не награбишь, вот вы и вынуждены были... Да и не вы этот порядок придумали.

— А за что тебе этот порядок так не нравится? — сел поудобнее Гоша.

— Мы вроде пока не торопимся? — уточнил я. — Тогда начну с определений. Вот вы, значит, люди с техникой довольно близко знакомые, и представьте себе некий механизм. Когда его изобрели, он обладал приемлемым коэффициентом полезного действия. Потом этот механизм начали совершенствовать, но любое улучшение приводило к падению КПД, и сейчас он упал уже не то до двух, не то вовсе до полутора процентов, а ведь поначалу был даже больше пятидесяти.

— Я бы решил, что в самой идее такого механизма заложена системная ошибка, — осторожно сказал Гоша.

— Возможно. Денежная система — это механизм обеспечения хозяйственной деятельности человечества, согласны? Его КПД — это отношение суммы сделок с присутствием реальных товаров к сумме сделок, в которых товара нет вообще! В идеале такого не должно быть, но идеал недостижим... Так вот, к двадцать первому веку объем сделок второго типа превысил первый почти в восемьдесят раз. Это если считать только чистые махинации «деньги — деньги», а если сюда добавить и те, где товар присутствует фиктивно, то вообще получается кошмар. Чтобы замаскировать это безобразие, деньги велено было считать тоже товаром... В развитых странах нашего мира на одного производящего материальные и духовные ценности приходится порядка пяти распоряжающихся его деньгами. Тонкость заметили? Объем почти в сотню раз больше, а численность только в пять! То есть эти распорядители потребляют в десятки раз больше производящего, а это лично мне говорит о том, что никакой стихийностью здесь и не пахнет. Имеет место быть хорошо спланированная акция, в нашем мире завершившаяся их полной победой — оттого меня туда и не тянет. Здесь пока победа этой сволочи еще неполная, можно потрепыхаться... в том числе и при помощи танков.

— Постой, ты что, вообще против любых финансовых операций? — встрепенулсЯ Гоша.

— Нет, есть полезные. Производственный кредит, например. Но в большинстве своем существующие системы предназначены не для улучшения производства, а для снятия своего процента с любой деятельности людей в любой точке земного шара. Причем по мере развития слово «процент» явно заменяется словом «сливки». Вот тебе пример из нашего мира. Что нужно сделать китайцам, чтобы заработать миллион? Построить корабль, например. А американцам? Один от фонаря рисует на бумаге единицу с шестью нулями. Другой на деньги, принудительно изъятые у тех же китайцев, покупает этот пипифакс за лимон и тут же продает третьему за два. А уж потребительский кредит — это вообще

песня. Вот хочет какой-то урод жить в своем доме. Денег у него не то что на дом — на собачью конуру нету, но ведь хочет же! И китайцы строят ему дом... Ладно бы они лично ему поверили, что он вот прямо по вселении прекратит маяться хреновиной, начнет работать и лет через десять с ними расплатится... А так им просто недоплатят за работу, другим тоже, вот он и бесплатный дом, а сливки — банку.

— Но ведь по-другому невозможно! — не отступал Гоша.

— Ой ли? Ты в какой стране сейчас живешь? И почему ваши самые выгодные сделки идут через несколько дочерних фирм и посредников — вы же законы не нарушаете? Правильно, для сохранения имиджа. Но ведь то, что ты лично ковыряешься в самолетных моторах, руководишь несколькими производствами — то есть занимаешься реальным делом, твоему светлому образу нисколько не вредит? Даже наоборот. А живи ты во Франции, стал бы ты так конспирироваться? В России пока уважаемый человек — промышленник, купец. Спекулянт товарами в глазах общества — на ступень ниже. А уж спекулянт деньгами — совсем внизу... Кроме России в этом мире есть еще две страны с похожей идеологией. И система ограбления человечества при помощи финансовых механизмов не может нормально функционировать, пока это так! Первый бой они уже выиграли — две страны из этих трех вот-вот сцепятся. В нашей реальности потом была и война России с третьей... Ты понял, к чему я клоню?

— Да. Ты считаешь, что нашей победой в грядущей войне будет не разгром Японии, а создание такой ситуации, при которой она станет нашим союзником? Я тоже думал над этим...

— Вот-вот. А если удастся склонить к этому союзу еще и Германию, то пусть Англия с Америкой там друг друга грабят, я не против. Но ведь не выйдет, при первых признаках такого союза на нас, забыв распри, набросятся сразу все, включая Швейцарию! Вот тут танки и понадобятся. И не только танки, понятно...

— Снайперские винтовки, — подсказала Маша.

— Если как аллегория, то да, а вообще-то Татьяна с Беней могут и тоньше действовать. Я уже начал процесс выяснения персоналий. Их не так много, вместе с холуями всего несколько тысяч... При угрозе войны начнется массовая акция. Понятно, что навсегда систему не обезглавить, но то, что в самый ответственный момент она останется без руководства, уже хорошо.

— Ладно, а что ты предлагаешь России? Поставить банки под жесткий контроль государства?

— Конечно. Причем даже американцы, как подперло, сделали что-то

подобное, вспомни Великую депрессию. Потом, правда, опять началось... России проще, если сохранится монархия, естественно, потому что любая выборная власть продается и покупается еще до выборов. И кстати, все эти затеи с неограниченной конвертируемостью рубля мне как-то не нравятся.

— Мне последнее время тоже, — мрачно сказал Гоша, — идет процесс захвата ключевых постов в российской промышленности иностранцами. Я тут иногда даже думаю — должен же твой шестой отдел на чем-то тренировать сотрудников? Пусть пакостят по мелочи, я могу подготовить список наиболее вредных...

— Обязательно, и Танечкина служба в стороне тоже не останется.

— Ага, значит, нам еще и с немцами дружить, — задумалась Маша. — А почему тогда кайзеру до сих пор «пересвет» не подарили? — Мы с Гошей молчали, как-то нам не приходило в голову подойти к проблеме с этой стороны. — Ведь ты, Гошенька, пока еще никакой не царь, дипломатического резонанса это не вызовет, а вот налаженные личные отношения — большое дело. И что за ерунду Витте выдумал с таможенными тарифами? На месте немцев я бы обиделась...

Маша пошевелила палкой догорающие угли, с сожалением посмотрела на еще оставшийся шашлык, но пересилила себя, блюдя фигуру.

— Кстати, а ведь в нашем концерне одной службы явно не хватает, — продолжила она. — Если надо кому-нибудь сделать бяку, есть шестерка и служба этой... в общем, ДОМ. А если понадобится, вот как мы сейчас задумались, с кем-нибудь подружиться? Нужно что-то вроде зародыша министерства иностранных дел...

— Отдел внешних сношений, — предложил я. — И организовывать его лучше Гоше, как великому князю, высочеству и вообще культурному человеку.

— На четырех языках говорит свободно, в отличие от некоторых! — наябедничала Маша.

— Тем более. Так что, ваше высочество, позвольте вас поздравить еще с одной должностью.

— Да, пожалуй, придется, — вздохнул Гоша, — вот только название... ладно, пока сойдет. И значит, первой задачей новой службы станет налаживание личных контактов в Германии. Удачно, однако, у нас с Цеппелином получилось, он ведь теперь напрямую вхож к кайзеру...

— Слушайте, — вспомнил я, — мне же вчера письмо от него пришло, он теперь мечтает о трансатлантическом перелете! Но на двухтактниках долететь можно разве что только до середины Атлантики, да и то при очень большом везении... Надо будет Густава озадачить, пусть продумает

облегченный вариант тринклера, нам же он потом для танков пригодится, а делать немцы и так половину деталей делают... Ладно, так и быть, пусть у них появится нормальный мотор, на самолет его все равно не поставишь.

— В Германии есть довольно сильная антирусская партия, — заметил Гоша.

— Это еще полбеды, — вздохнул я, — а вот то, что у нас тоже есть своя антигерманская свора, хуже. И возглавляет ее, между прочим, вдовствующая императрица...

— Возможно ли ее переубедить, ты же имеешь на нее влияние? — неуверенно поинтересовался Гоша.

— Ты так плохо знаешь свою мать? Переубедить ее нельзя, лучше и не пытаться. Ее можно убедить в том, что на данном отрезке времени нам необходимы хорошие отношения с немцами, — как политик, она это поймет. Хорошо еще, что я при ней до сих пор никак не обозначал свое отношение к этой проблеме. Так что мне придется делать вид, будто я люблю колбасников ничуть не больше нее, вот только Цеппелин исключение, но в силу сложившейся обстановки вынужден строить любезные рожи. Типа для блага России я еще и не то могу... и ожидаю от нее аналогичного самопожертвования.

— Та-ак, — достал блокнот Гоша, — пора, значит, резко расширить наше участие в проектах графа Цеппелина. Необходимо создание ряда предприятий воздухоплавательного профиля. Может, действительно трансатлантический проект запустить...

— Да ну ее, эту Атлантику, — махнул рукой я, — в ближайшие три года графу ее не перелететь, хоть он наизнанку вывернись, это только на далекую перспективу. Но вот дирижабельная авиалиния Берлин — Багдад — это вещь! Кайзер давно мечтает такую железную дорогу построить, но там Турция, науськиваемая Англией, кочевряжится... А могучие «цеппелины», гордо пролетающие на недостижимой высоте, чихать хотели на мнение расположенной внизу Турции по этому вопросу.

— Неплохо, — одобрил Гоша, — но это придется тебе, ты уже достаточно засветился как приятель графа. Денег дадим, да, дорогая?

— Родному дяде и не дать? Обязательно дадим, сейчас прикину, что мы можем быстро... Так, в декабре найдем миллиона три с половиной и потом в конце января еще два.

— Выходит, сразу после учений я в Неметчину. Кстати, наши с графом предприятия — это же будут АО, и тамошние акционеры — готовый костяк пророссийской партии. Это я к тому, чтобы с дивидендами не жадничать, на святое дело и из своих доплатить можно...

— Хорошо мы сегодня посидели, — заявила Маша, — закругляемся или еще какие-то глобальные планы остались недостроенными?

— Только начали, — удивился я, — и закругляться? А с Францией как быть, союзница, мать ее!

— Я тогда быстренько посещу вон те кустики, — встала Маша, — и чтоб без меня Францию не трогали, а то знаю я вас!

Мы послушались. Гоша употребил еще сто грамм и принялся за очередную порцию шашлыка, я приступил к пиву.

— Так как там прекрасная Франция? — спросила вернувшаяся Маша.

— Свинячит, — пояснил я. — Условия кредитов грабительские, японцам деньги дает, во внешней политике палки в колеса ставит. Договор у нас с ними о чем? О дружбе! Разве друзья себя так ведут?

— Я читал, что в вашей реальности французы ограничивали заход в свои порты кораблей нашего флота, уголь не продавали, — добавил Гоша.

— Они тут то же самое будут делать! Вот и скажите мне, на фиг России такой союзник? Воевать они за нас, что ли, будут? — потянулся за новой бутылкой я.

— Но все-таки как ты предлагаешь быть с договором? — не унимался Гоша.

— Очень просто. Как только на российском троне окажется император Гоша Первый, он первым делом возопит: «Да что же вы, гады, творите, разве союзники так поступают?! А ваши проценты — это же грабеж! В общем, если вы подтвердите свои добрые отношения к нам, предоставив беспроцентный кредит лет на двадцать в размере двух уже даденных, шуганете в отставку правительство и официально извинитесь за то-то и то-то, то так и быть, мы с вами еще подружим маленько. А нет — подите в задницу со своим союзом!»

— А они потребуют досрочного возврата кредитов, — возразил Гоша.

— На каком основании? — удивилась Маша. — Что, в наших обязательствах есть какие-то политические условия? Впрочем, можно учинить и досрочный возврат, если уж им так захочется. Пусть достойные доверия люди на следующий день под большим секретом заявят, что своими ушами слышали, как император сразу после оглашения того заявления простыми матерными словами объяснил для приближенных: лично от него лягушатники дождутся только того самого в соответствующее место, а вовсе не возврата долгов. И на следующий день пусть исчезнет из досягаемости — полетит на дирижабле Северный полюс открывать, например. Он у нас такой — император, я имею в виду, а не полюс. Долговые обязательства падают, мы их скупаем. Потом Гоша слазит

с дирижабля, рычит на болтунов, парочку даже в отставку отправляет... При некоторой удаче мы тут еще и подзаработаем. Точно, прямо сразу по возвращении в Москву я под это дело АО создам, оно потом российские долги и будет обслуживать.

— Можно даже не создавать новое, — предложил Гоша, — а использовать то, что мы организовали для операций с Австрией, «Самшит», кажется?

— Отличное название для внешнеторговой конторы, — восхитился я, — мне даже завидно, что не я придумал. Кто автор?

Молодежь непонимающе посмотрела на меня. Так они что, случайно?

— Some shit, [\[6\]](#) — по возможности с лондонским произношением пояснил я.

Маша захохотала, Гоша тоже улыбнулся.

— Значит, резюмируем, — сказал он, вставая. — Насчет кому «самшит», подумаем мы с Машей. Ты начинаешь новые дела с графом. И кстати, «пересвет» давай-ка ты кайзеру подаришь. Думаю, Цеппелин поможет с аудиенцией. И в процессе ты намекнешь Вильгельму, что вообще-то я хочу дружить, но Ники против, маман будет в ярости, увы мне... Пусть начинает думать.

ГЛАВА 8

«Надо будет прямо на обложках наших авиационных наставлений писать: „Но не держись устава, яко слепой стены!“» — подумал я, глядя с пятикилометровой высоты вниз. Там тройка самолетов группы южных явно искала меня, но пока без особого успеха. С «пересвета» в силу особенностей его конструкции вверх смотреть не очень удобно... но они ведь вообще не смотрели, вот в чем дело! Конечно, залезли на четыре километра — это паспортный предел высоты — и думают, что теперь выше них только Господь Бог. Однако хрен вам, дорогие товарищи, тут еще и я есть, генерал-майор Найденов собственной персоной!

Я узурпировал себе единственный из имевшихся в распоряжении северных гражданский «пересвет» с закрытой кабиной. В ноябре и у земли холодно, а уж на высоте... Правда, пришлось мириться с отсутствием пулемета, но мне он был и не особо нужен. Летнаба я тоже не брал, вместо него был дополнительный запас бензина. Ну и конечно, маленькая хитрость, с помощью которой я и смог забраться на пять километров — перед взлетом я до предела обеднил смесь своим движкам. Мало того что упала мощность, так при даче газа на полную еще и начиналась детонация! Покрываясь холодным потом при очередном стуке из моторов, я, играя газами, потихоньку тянул машину вверх. Наконец на двух километрах движки заработали терпимо, потом на трех нормально... К Гогланду я подлетел на пяти. Мне надо было определить, как будет обходить этот остров вражеская эскадра — с севера или с юга. Естественно, Михаил поставил своим пилотам задачу этого не допустить, вот они и старались вовсю, мерзли, бедняги, в открытых кабинах, портили глаза в тщетных попытках углядеть меня сбоку или снизу... Еще одна тройка болталась по другую сторону острова, но там я уже был.

Так, вот и супостат... Его корабли плыли гуськом, колонну возглавляли четыре новейших броненосца — «Ретвизан», «Победа», «Саша Третий» и «Ослябя» (ей-богу, я совершенно ни при чем, что в одном из приказов он именовался «Ослябя», это ошибка писаря). Кто из них кто, я разобрать не мог. Далее шли четыре корабля такой же длины, но заметно уже — крейсера «Боярин», «Диана», «Богатырь» и «Паллада». Чуть сбоку бодро плыл кораблик чуть поменьше, скорее всего «Новик». Я сосредоточился на головном корабле. Блин, такое впечатление, что эскадра будет не обходить, а таранить остров... Оставалось ждать, запас бензина

позволял вести разведку еще пару часов. Но ведь холодно же! Бросив управление и напевая про себя «дуба дам, дуба дам, дуб-дуб дуба-дам», я захлопал руками и затопал ногами, пытаюсь согреться. А каково, однако, пилотам противной стороны, сидящим в открытых кабинах без всяких каталитических грелок? И когда же этот Макаров повернет хоть куда-нибудь, а то ладно я, но ведь и его летчики точно в сосульки превратятся. Так, вроде головной поворачивает налево... подождать минут пять для ясности. Точно, и второй туда же повернул! Теперь осталось убедиться, что Макаров не собирается разделять эскадру, это для верности полчаса. А потом на аэродром — и сразу стакан водки! Хотя чего там мелочиться, после такого полета меньше двух будет опасно для здоровья.

Через полчаса полета впереди показался наш миноносец, выставленный для приема и передачи моего сообщения. Я покачал крыльями, он мигнул прожектором — «вижу вас». Я демонстративно повернул налево. Миноносец снова замигал — «вас понял, эскадра идет южнее острова». Теперь он передаст это по радио в штаб эскадры северных.

По приземлении я проверил готовность своей авиации. У нас пока еще никто не летал, я берег самолеты к решающему моменту, и, похоже, правильно — авиагруппа Михаила без всякой нашей помощи уже лишилась двоих, причем один упал в воду. Пилота вроде удалось спасти, но вряд ли ему сильно похорошеет от купания в такое время года...

Нашу эскадру вел якобы генерал-адмирал, а на самом деле — контр-адмирал Небогатов. Его главный недостаток в данном случае обернулся достоинством: попробовал бы какой-нибудь паршивый генерал-майор, да будь он хоть другом всех великих князей и любовником всех императриц, указывать Макарову — сразу отправился бы на... или дальше, а Небогатов внимательно меня выслушал, задал необходимые вопросы и сейчас вел эскадру на врага. Задачей моей авиации было в строго определенный момент «ликвидировать» разведчиков противника с востока от нашей эскадры и якобы невзначай отпустить одного-двух с запада. Я ждал, от волнения даже забыв выпить водки, приближался решающий момент кампании.

Наконец пришел кодированный сигнал со «Светланы» — началось! Завыли моторы взлетающих один за другим «пересветов»... Мне тоже было пора, но, увы, не лететь — теперь мой невооруженный самолет был бы лишним в воздухе, — а плыть. Я отправился на «Забияку», куда незадолго до этого были доставлены чемоданы с моим барахлом — предстояла особая задача.

Тем временем западнее острова Гогланд обе стороны увидели друг друга. Противник шел кильватерной колонной со скоростью порядка семнадцати узлов. Наши имели более сложное построение — три колонны, слева четыре броненосца, в центре и с небольшим отставанием три современных крейсера, а справа антиквариат, то есть «Минин» с «Памятью Азова». Позади левой колонны суежилась минная мелочь. Курсы эскадр пересекались под острым углом. У Макарова было два пути — одновременным поворотом сразу всех кораблей зайти со стороны антиквариата или, пользуясь преимуществом в скорости, последовательно повернуть западнее курса наших броненосцев. При этом в точке поворота его корабли оказывались под огнем наших, сами имея ограниченную возможность ответить, но зато потом вся его эскадра получала возможность охватить голову нашей броненосной группы, а крейсера оказывались в зоне перелетов по основным целям. Макаров выбрал именно этот путь.

А мои самолеты выполняли свою задачу. Михаил сделал ставку на разведку до боя, и я не собирался ему особенно мешать; но вот во время боя его самолеты в небе будут ни к чему. Не факт, что они успеют сообщить Макарову об изменении обстановки, но рисковать не хотелось.

По регламенту учений стороны могли набирать очки тремя способами: уничтожать корабли противника, атаковать район высадки десанта, выйти на пути морского снабжения. Как только Макаров начал свой маневр, Небогатов тут же приступил к моему...

Это только со стороны казалось, что «Светлана» идет первой в колонне современных крейсеров. На самом деле она их как раз в это время обгоняла на своих почти двадцати трех узлах, и теперь резко повернула вправо. Ее сопровождали три миноносца. Что может подумать Макаров, увидев этот маневр? Что наглая «Света» решила прорваться в район путей снабжения, потому как в эскадренном бою ей все равно ничего не светит... Вряд ли он станет отвлекать на нее огонь броненосцев, скорее отправит на перехват пару крейсеров с миноносцами. И действительно, «Новик» взял чуть правее и стал разгоняться.

Тем временем потихоньку начался огневой контакт — флагман противника «Ретвизан» прошел точку поворота. Ему засчитали три попадания, в результате которых он лишился одной из шестидюймовок правого борта и узла скорости. Последовал обстрел идущего вторым «Саши Третьего»... Наши пока обходились без потерь. А «Света» наконец оказалась точно по курсу флагмана! Тут же два миноносца выскочили вперед и подожгли контейнеры с дымовухой — якобы скрыть «Свету» от прицельного огня противника, а на самом деле — чтобы никто не видел,

чем она теперь занимается. Весь наш запас «плавучих мин», то есть здоровенных деревянных чурок, был сосредоточен на «Свете» и оставшемся миноносце — они были завалены дровами чуть ли не по мостик. Теперь пришло время им избавляться от хлама на палубе...

Оставалось надеяться, что группа офицеров небогатовского штаба не зря два дня пыталась найти методики учета ветров и течений при сбросе «подарков» Макарову. Собственно, задача «Светланы» на этом была выполнена, дальше ей следовало, пользуясь преимуществом в скорости, удирать куда-нибудь, желательно, конечно, на пути снабжения противника, только туда ведь могут и не пустить... Но генерал-адмирал пошел на отсебятину.

Продолжая прежний курс, «Светлана» теперь оказалась слева от флагмана, примерно в пяти милях. И вдруг она сбросила скорость и открыла огонь по «Ретвизану»! Макаров оказался в интересном положении. Результативность огня засчитывали по предварительным стрельбам, а на них только «Света» показала попадания из шести дюймов с такой дистанции! То есть отвечать из орудий вспомогательного калибра он не мог. Блин, если бы он слегка отвернул и сократил дистанцию с обнаглевшим генерал-адмиралом, весь наш план пошел бы насмарку! Но Макаров решил не обращать внимания, к месту событий приближались «Новик» с «Палладой»: мол, они разберутся... А пока «Света» деловито жгла боезапас — каждую минуту «Ретвизану» засчитывали по попаданию.

У наших броненосцев дела шли строго по плану, то есть весьма хреново. Головной «Сисой» словил уже с десятков снарядов главного калибра, лишился командира, половины офицеров и трети артиллерии. Шедший за ним «Ушаков» с Небогатовым на борту пока держался, а вот «Николаю Первому» не повезло — на втором попадании ему выпало: «Взрыв носовых погребов», — и теперь он болтался в стороне от строя с единственной пушкой и без хода. Затесавшемуся среди броненосцев «Бояну» тоже досталось, а вот «Аскольд» под шумок сбежал. Нечего ему было делать в этой свалке, пусть лучше попробует прорваться к так называемому месту высадки...

Но все на свете имеет один конец, и «Ретвизан» все-таки доплыл до чурок. Посредники на его борту вдруг обнаружили, что море больше напоминает суп с фрикадельками, и пошли доклады — первая мина есть, вторая... На третьей броненосец «затонул со всем экипажем». Только что эскадра Макарова являла собой образец прекрасно управляемого соединения — но вот командир «погиб», и оно превратилось в толпу. Шедший вторым «Саша Третий», вместо того чтоб ударить по тормозам

(или что там у него вместо них, контрпар?), попытался отвернуть и тоже вляпался в мину. «Ослябя», обходя мины, оказался под огнем практически всей нашей эскадры, сам находясь носом к ней... Чаши весов Фортуны начали клониться в другую сторону. Или это у Фемиды весы? В общем, южным стало нехорошо.

А я тем временем удалялся от места событий — мой корабль, к удивлению посредника, держал курс на Выборг. Справа на горизонте мелькнул и исчез дымящий всеми пятью трубами «Аскольд» — он спешил к Пулкову. Потихоньку приближался ранний осенний вечер, я стал распаковывать один из чемоданов.

Когда в состав группы северных был включен «Забияка», я как-то не обратил внимания на этот факт, но стоило только увидеть этот «крейсер» вживую... Речной трамвайчик вы себе представляете? Вот и это было нечто вроде того, только малость подлиннее и с мачтами. На его мостике еще можно было чувствовать себя капитаном Бладом, но уж никак не адмиралом Уриу, не говоря уж о Того с Камимурой. Поэтому я, подумав, решил использовать этого мелкого «Забияку» для мелкой пакости южным. Теперь он всю ночь должен был потихоньку красться вдоль берега, чтобы к утру оказаться в Маркизовой луже, между Кронштадтом и Питером. Свободные от вахты матросы сколачивали из находившихся на борту досок нечто условно-шарообразное. Посредник сообщил об этой деятельности в свой штаб, но, судя по всему, никаких инструкций не получил и теперь с интересом ждал развития событий. Наконец, часов в пять утра капитан сообщил мне, что мы на месте.

В воду полетели сделанные за ночь гибриды противотанковых ежей с собачьими будками. А матросы бодро расставляли на палубе извлеченную из моих чемоданов загодя приобретенную в Москве нашего времени китайскую пиротехнику.

— Давайте, ребята, дергайте за веревочки, — предложил я. Вокруг завывало, засвистело, заухало... В небе расцветали невиданные тут разноцветные фейерверки.

— Что это? — спросил малость обалдевший посредник.

— А это мы прорвались к вражеской столице, — я махнул рукой в сторону спящего Питера, — завалили всю бухту самодельными минами и вот теперь обстреливаем правительственные здания. В регламенте учений такого нет, это я просто из любви к искусству разыграл небольшой этюдик... Правда, красиво вышло, ни одна собака даже и не почесалась...

Окончание учений я банально проспал — как лег после своего салюта,

так и встал в два часа на следующий день, когда войнушка уже завершилась. Я без особой спешки пообедал на корабле и сошел на берег. Дождаться общего разбора учений смысла не было, в Георгиевске полно дел, Михаил по пути на Волгу туда обязательно заскочит, да и с Гошей мы будем обсуждать результаты именно там. В Гатчине я написал генерал-адмиралу поздравительное письмо, сделав упор на его блестящую импровизацию, в значительной мере определившую исход гогландского сражения. Письмо заканчивалось словами: «Так что сами видите, зря вы сомневались в своих способностях руководить современным морским боем». Отправив эту хвалебную оду с нарочным, я сел на борт № 1 и отбыл в Георгиевск.

Через пару дней туда прибыл Михаил, привез официальные результаты учений. По очкам выиграли северные. Выход на коммуникации противника осуществили обе стороны, но мы успели раньше. Прорыв к месту высадки десанта получился только у нас. Бой у Гогланда был признан победой южных — мы действительно потеряли на один корабль больше. Правда, учитывая, какие корабли имелись у обеих сторон, результат получался неоднозначный. Макаров ходил хмурый и говорил, что недооценил значения мин как наступательного оружия.

— Как у вас получилось поднять «пересвет» на пять километров? — задал наконец Мишель не дававший ему покоя вопрос.

— Вам как отвечать, господин полковник, с соблюдением правил хорошего тона и субординации или как есть? — поинтересовался я.

— Как есть, — несколько напряглось младшее высочество.

— Потому что я думал головой, а не задницей! Вы что, не понимали простую вещь: в тех условиях высота полета имеет решающее значение? Или за время своего начальствования успели забыть и тот минимум теории, который я давал вам в школе? Отвечайте мне, что делает в моторах «тузика» и «бобика» высотный корректор?

— Изменяет положение иглы карбюратора в зависимости от атмосферного давления, то есть высоты, — отрапортовал Михаил.

— Теперь вы понимаете, надеюсь, что я сделал на лишенных этого автомата движениях «пересвета»?

— Да. Вы вручную установили иглы в крайнее нижнее положение. Но это же вызвало потерю тяги у земли!

— А вот тут для взлета требуется некоторая квалификация, согласен. Но не запредельная, тот же Полозов справился бы не хуже.

Я достал из бара пару бутылок пива.

— А теперь предлагаю поговорить более душевно. Пиво будете? Так

вот, вы очень хороший командир. Но чтобы стать отличным, вам не хватает одного небольшого, но важного умения — в случае необходимости быстро находить нестандартные решения. Если бы вам кто-нибудь предложил такую идею, вы бы сказали «по уставу не положено» или распорядились бы проверить, насколько это реально?

— Распорядился бы проверить...

— Вот и я про то же самое. Не стесняйтесь спрашивать совета у подчиненных. Отметьте среди них тех, кто говорит дело, и почаще с ними общайтесь. Если есть возможность, вам не помешал бы в ближнем окружении некий «генератор идей» — человек, мнение которого во многом не совпадает с общепринятым.

— У меня есть на примете такой человек, — улыбнулся чему-то своему Михаил, — и я обязательно последую вашему совету.

А на следующий день прилетел Гоша.

— Макаров разрабатывает теорию минной атаки, — сообщил он. — Дядя Алексей ходит гоголем и уже поинтересовался, кто будет командовать на Дальнем Востоке... А ты, конечно, теперь с сознанием собственной правоты начнешь резать по живому. Кого решил обездолить?

— Бородинцев. Не фиг эти утюги спешить достраивать к войне, финансирование надо урезать до уровня, при котором не возникнет необходимости сокращений на строящих их заводах, и все. А Владивостокский отряд крейсеров я предлагаю малость поддержать деньгами и усилить количественно. Во-первых, не дарить «варяг» японцам, обойдутся. И «Свету» с «Аскольдом» — туда. Вот примерно так.

— Дядя Алексей вполне может и не захотеть расставаться со своим крейсером, — заметил Гоша.

— И пусть не расстаётся, зря, что ли, ему каждый вечер сказки про Блада читают? Я тут на днях еще «Хроники» напишу, если не лень будет.

ГЛАВА 9

Из дневников лейтенанта РИФ М. Н. Беклемишева

12.10.1902

Спуск на воду несколько задержался по причине устранения обнаруженных экипажами и контролерами недоделок. Задержка вызвала сильное недовольство со стороны ВК, так как нарушала некие его планы. Однако все же это событие состоялось сегодня в полдень. Все сильно устали, оркестр отсутствовал по соображениям секретности. Построились в парадном. Речь ВК Георгия Александровича была содержательна, но кратка. Впрочем, речь г. Найденова была еще короче. Он сказал: «Мы строили, строили и наконец построили, ура!» — и все. Госпожа Мария Александровна, одетая в очень красивое, хотя, на мой взгляд, несколько легкомысленное белое платье, чрезвычайно ловко разбила бутылки «бабули Клико» о форштевень «Рака», а затем «Краба». И вот кораблики кормою соскользнули со стапелей в воду один за другим. «На флаг и гюйс! Смирно!» Над кораблями взлетели андреевские флаги. Матросики с великим воодушевлением радостно орали «ура» и кидали в небо бескозырки. Рабочие верфи с неменьшим энтузиазмом швыряли туда же картузы, офицеры отдавали честь, обнажили головы и крестились. Специально привезенный ВК батюшка отслужил молебен и благословил корабли на «подвиг ратный». Теперь портовые сдаточные испытания... и на волю! В моря! Но сегодня — праздник!

Вечером великий князь дал в городе бал. Разумеется, паркет в свете электрического освещения сверкал по совершенно отвлеченному поводу. Присутствовали все офицеры подплава. Шампанское, вальсы, барышни на выданье и их мамы... Было очень провинциально и очень мило. Потом был уютный небольшой ресторанчик, снятый только для своих. Выпивали, пели. М. А. исполнила под рояль очень забавный романс с такими словами: «Кто же знал, что в далеком девичестве вы метали на дальность ядро!» — эмансипэ! Но бесконечно обаятельна!

Нижним чинам на выбор — трезвая увольнительная или погулять в расположении, в своем кругу. Матросики успели и тут и там. Сначала трезво провернули механизмы в местных бардачках, затем приятно подвыпили в казарме. Хором пели народные и морские песни. Опять никаких неприятных случаев. Несколько даже удивлен! Приятно удивлен,

господа!

17.10.1902

Акты подписаны! Погода резко испортилась, туман, осенний затяжной дождь, холодный ветер. Низкая видимость. Каждый механизм опробован, машины провернуты. Корабли строителями сданы, а экипажами приняты. Я, приказом ЕИВ ВК Георгия Александровича, назначен командиром отряда миноносцев специального назначения. Теперь ходовые испытания.

Продукты на борту. Учебные торпеды и мины приняты. Топливные, масляные и питьевой воды цистерны заправлены полностью. За две ночи вышли в Черное море. Вахта вела корабль, подвахта старательно изучала устройство, инструкции и наставления по работе с механизмами. После ходовых испытаний и учебных торпедных стрельб, а также учебной постановки мин опять предстояла сдача зачета. С морковкой или розгами! В зависимости от результата. Впереди нас шли миноносцы из Севастополя, разгоняя всех с фарватера. Негромко и как-то уютно даже урчат тринклеры. Поначалу в лодку прорвался выхлоп с левого мотора, однако «духи» быстро с неисправностью справились. Теперь лодка заполнена только запахом горячего машинного масла и... И придется экипажу научиться правильно пользоваться гальюном!

Корабль превосходно слушается рулей. Днем стояли под РДП и перископами, охраняемые теми же миноносцами, легко отрабатывая против слабого течения. Бугский лиман — он широкий и глубокий. Таким образом, даже с миноносцев нас разглядеть бы не удалось. Мы же отлично их слышим с гидроакустического поста. А вот «Краб» слышен весьма неотчетливо, акустики часто его теряют. Как бы еще наострится точно определять дальность? Эхолот работает великолепно! Кстати, Анатолий отлично слышит наш «пинг» и его прибор выдает точное расстояние между лодками. Как, впрочем, и наш до него. Есть о чем подумать...

Выйдя в море, мы простились с миноносцами, нырнули на перископную глубину и пошли под РДП на 5 узлах к точке randevu, где нас ожидало судно обеспечения «Полтава». Вышли точно. Услышали его задолго до того, как увидели. Говорили с Анатолием по радио, он предложил метод триангуляции целей с помощью двух лодок. На самом деле все просто. Зная свое место и место напарника, сообщаем полученный акустикой пеленг на цель друг другу, на карте делаем прокладку — и вот он, голубчик! Пара таких определений — и мы имеем курс и скорость цели. Вычисляем точку randevu, обусловленную скоростью цели и нашими ходовыми возможностями, и... пожалуйста браться, басурмане, вы в

радиусе досягаемости наших торпед! Полагаю, лодки в боевые походы должны ходить парами...

Михаил Петрович (М. П.) перебрался с «Краба» к нам на «Рак». Мы начинаем первыми. Мерная миля не порадовала. Двенадцать узелков вместо расчетных пятнадцати... Расход топлива резко возрастает, а дальность соответственно резко падает! М. П. недоволен. Я тоже. На аккумуляторах в полностью погруженном положении — проектные 8 узлов! Под РДП... Под РДП случилась первая авария. За шестью узлами началась сильная вибрация трубы РДП, затем разрушение поворотного запорного клапана. Образовалось поступление забортной воды в лодку. Пришлось пробкой выскочить на поверхность. Осмотр показал, что узел деформирован, вышел из строя полностью, к дальнейшей эксплуатации непригоден и требует замены. В течение семи часов произвели замену узла крепления РДП. Михаил Петрович предложил дополнить конструкцию РДП внешним кожухом с обтекаемой формы сечением, что, по идее, должно было также увеличить и жесткость конструкции. Он предположил, что это усовершенствование позволит достичь проектной скорости. При помощи судна обеспечения, на котором располагалась прекрасно оборудованная мастерская, необходимые изменения были выполнены.

При следующей попытке мы легко вышли на 9 узлов! В подводном положении большей скорости мы достичь не смогли даже под тринклерами на самом полном ходу. Однако наша скорость экономического хода определена в шесть узлов. На шести узлах вибрации РДП не наблюдается совершенно. В остальном же устройство при волнении до пяти баллов функционирует вполне удовлетворительно. Запирающий клапан срабатывает штатно. При этом в лодке быстро падает давление воздуха, «поедаемого» тринклерами, и всем закладывает уши. С этим придется мириться, если инженеры ничего не придумают.

Испытание погружением на предельную расчетную глубину лодка выдержала успешно. Все лишние люди были высажены на «Полтаву», оставлена только вахта в сокращенном составе, только на самых необходимых постах. М. П. настойчиво требовал своего участия в погружении, но был мною удален с борта в приказном порядке. И обиделся на меня — совершенно напрасно! Лейтенантов Беклемишевых на Российском Императорском флоте — как собак нерезаных, а вот рисковать Налетовыми, которых ровно один штук, Россия себе позволить не может! Когда я разъяснил ему, что дело не в его личной смелости, а именно в его уникальности, Михаил Петрович был вынужден со мною согласиться.

Мы медленно шли вниз, отсчитывая каждую полусажень, внимательно

наблюдая за всеми опасными местами. Достигнув 25 саженей, я приказал дать полный ход, рули глубины на всплытие и продуть балластные цистерны. С дифферентом на корму в 14 градусов и ходом 8 узлов лодка выскочила на поверхность, как какой-то кашалот! Мой чиф заявил, что подплаву пора обзаводиться традициями, и вынудил всех участвовавших в погружении выпить забортной водички по целому плафону от светильника. Доказав личным примером! Пришлось тоже принять свою долю. Однако! Господа конструкторы могли бы выбрать плафоны и поменьше объемом! Все-таки полтора литра морской водицы заметно отличаются от полутора литров пива, да за один присест! Без отрыва!

Осмотрев все подозрительные места, заменили пару сальников и снова пошли на глубину, где провели на этот раз часа три, испытывая разные ходовые режимы и маневренность лодки. Испытания прошли штатно. Потом испытание предельной глубиной прошел и сам экипаж в полном составе. 5 человек вынуждены были списать с кораблей, оттого что при погружении они испытывали совершенно неуправляемый приступ клаустрофобии. Матроса Ивлева даже пришлось выдернуть за штаны из боевой рубки и связать, так как он непременно желал «выйти наружу» и никаких уговоров слушать не хотел. Да, разумеется, это страшно, когда лодка идет вниз и, сжимаемая давлением, тоскливо скрипит всем набором, как будто жалуется на непосильный груз. Да, некоторое волнение испытываешь при каждом погружении, однако все быстро проходит. К этому следует просто привыкнуть... Иначе никак. На четвертом погружении «покатали» М. П. Давно я не видел более довольного человека!

Испытания на скорость погружения оказались успешными. Лодка уходила на перископную глубину за одну минуту. Если потренировать экипаж, то время, пожалуй, еще более сократится. Так нас и 30-узловые миноносцы «без штанов» не поймают...

29.10.1902

Подведя первые итоги, мы признали ходовые качества лодок удовлетворительными.

Следующая часть — испытания на боевое применение. В первую очередь — минные постановки.

Вышли на полигон и провели испытание. По 10 мин выставили из надводного положения на экономической скорости, мины вышли штатно. Еще по 10 мин — на полном ходу. Без замечаний. На экономическом ходу с перископной глубины мины выбрасывались вполне правильно с должными промежутками, никаких изменений в крене и дифференте не наблюдалось.

То же и на полном ходу. В завершение выставили мины с глубины 20 саженей. Опять на разных ходовых режимах. Механизмы работали удовлетворительно, и мины встали правильно.

Провели испытательные стрельбы, сначала правым аппаратом, затем левым, потом перезарядили оба в подводном положении. Перезарядка заняла 20 минут. Отстрелялись по кораблю-мишени, идущему на 10-узловой скорости, учебными торпедами без боевого заряда. Из четырех выстрелов четыре промаха! Пузырьковый след торпед ни разу не прошел под корпусом цели. Промазали обе лодки. По результатам испытания вскрылись недостатки:

1. При выстреле в подводном положении лодка демаскируется большим воздушным пузырем, так как торпеда выстреливается из аппарата сжатым воздухом.

2. Вследствие торпедного выстрела лодку выносит на поверхность. А это позволит противнику атаковать лодку противоминной артиллерией.

Решение было тут же предложено инженером Найденовым. Его предложение использовать для вывода торпеды из торпедного аппарата не сжатый воздух, а движущийся в торпедном аппарате поршень под давлением закачиваемой воды, конечно, требует переделки торпедного аппарата, однако полностью избавляет от проблемы воздушного пузыря и нарушения дифференцировки лодки вследствие выстрела, так как масса торпеды замещается водой.

Таблицы для построения торпедных треугольников недостаточно обеспечивают точность выстрела. Прицеливание осуществляется корпусом лодки. Расчет вручную слишком запаздывает. Найденов и Налетов пообещали подумать над этим, однако скорого решения ожидать не приходится. Попытаемся повысить точность торпедной стрельбы тренировками. А пока принято решение стрелять торпедами только по стоящим судам или имеющим скорость не более четырех узлов с минимально допустимой дистанции в три кабельтова.

Наконец, завершив испытания, взяли курс на Балаклаву, где строится секретная черноморская база подводных лодок. Нам разрешен небольшой отпуск. Обсуждали с М. П. практическую сторону минных постановок. Несколько обескураживала конструкторская недоработка — все приготовления мин для постановки (установка глубины, запальных стаканов и т. д.) могут быть выполнены только в порту, так как после их приемки в надстройку заградителя к минам уже невозможно подобраться. И если, предположим, глубина в указанном для постановки месте не соответствует выставленной на берегу, что прикажете делать? Искать

другое? В сторонке. Где глубина соответствует, а корабли не ходят! Озадачился М. П. отчаянно. Ушел с центрального пункта в носовой, весь пребывая в задумчивости. И не выходил до самой Балаклавы.

Заходили в порт по очереди, уже ночью, под РДП, следуя за буксиром самым малым ходом. Там в конце залива были уже подготовлены временные закрытые доки, в которые корабли и зашли, ориентируясь на специальные синие фонари. Команды получили премию и недельный отдых на берегу.

9.11.1902

Отлично провели отпуск в Севастополе. К нашему приезду минные шахты «Рака» и «Краба» были усовершенствованы — в них сверху были прорезаны отверстия, приварены откидные люки и сделалось возможным задавать углубление мин в надводном положении лодки. Изрядная гора с плеч. Погода налаживается, ветер стих до двух баллов. Матросики после отдыха на берегу повеселели и горят рвением. Подписали акты проведенных ремонтных работ. Никаких серьезных неисправностей выявлено не было. Все механизмы кораблей отличаются высоким качеством исполнения. ВК Георгий Александрович хорошо платит, однако и требует сурово. А у нас все больше укрепляется уверенность в своем корабле. Не потонем с Божьей помощью посреди моря-окияна!

Перед рассветом вышли в море на учебную минную постановку. Район охраняют наши севастопольские друзья-миноносники. Наша задача — провести минирование подходов к Севастополю учебными минами и избежать обнаружения. Очень непростая задача. Сами по себе миноносцы особой опасности для нас не представляют, так как они хорошо слышны даже стоящие на якоре. Наши акустики прозвали их погремушками, настолько шумно работают машины. Однако помешать нам они могут.

Перед выходом посидели над картами и лоциями. Продумали порядок постановки мин. Первым идет «Краб». Мы идем на два кабельтова мористее. Небо чистое, контролируем курс и место по пеленгам на входные маяки и звезды. Гладко было на бумаге. Туман случился в полном соответствии с планами условного противника. И тут нам помогли два стоявшие на якорях миноносца, освещавшие прожекторами район постановки. Мы успели пометить их место на карте. И, ориентируясь на них как на своеобразные маяки, с помощью шумопеленгаторов контролировали свое место. Теперь туман был на нашей стороне. Еще два миноносца патрулировали квадрат постановки на малом ходу и вполне могли протаранить нас, поэтому мы погрузились на 10 саженей.

Вышли на боевые курсы и приступили к постановке. Глубина выставлена на одну сажень, для противодействия попыткам траления. Пройдя 5 кабельтовых, я выставил три десятка мин и застопорил электромоторы. Сообщил «Крабу» свое место эхолотом. Анатолий обошел «Рака» по дуге и занял позицию для следующей постановки, тоже подтвердив готовность «пингом». Теперь моя очередь занимать позицию. Пройдя обратным ходом, выставили параллельно оставшиеся три десятка мин, закрыв таким образом вход в Севастополь четырьмя нитками «рогатой смерти». Взяв курс 300, отошли на милю мористее. Вскоре мины всплыли на установленную глубину и встали на боевой взвод. Долго ждать не пришлось — один из патрулировавших миноносцев задел мину, и столб оранжевого сигнального дыма подтвердил факт его условного утопления.

Удовлетворенные достигнутым результатом, мы отошли подальше, всплыли на перископную глубину, подняли перископы и РДП и пошли на полигон для учебных торпедных стрельб. По неподвижной цели попали одной торпедой, вторая прошла мимо по причине непогашенной инерции при выходе на боевой курс. Черкасов попал обеими торпедами. Перезарядились и снова произвели атаку. И снова четыре промаха. По неподвижной цели... Учиться нам еще и учиться.

В скверном расположении духа пошел на базу в Балаклаву. На подходе сломался указатель глубины и упрямо утверждал, что мы идем на 50 саженях, хотя я прекрасно видел в перископ закат.

ГЛАВА 10

«Папка с надписью „Граф Ц“ пухнет прямо на глазах», — подумал я. Несмотря на возраст, энергии Цеппелину было не занимать. За короткое время он организовал несколько АО, объединенных в концерн «Цеппелинфлюгунтернеймен» — ничего так себе словечко, даже почище нашего «высокопревосходительства». Впрочем, лично мне вполне хватало букв ZF. Ударными темпами строился моторный завод, на котором должны будут выпускаться еще пока неготовые, но твердо нами обещанные авиационные тринклеры. Уже существовали две коммерческие авиалинии: Берлин — Вена и Берлин — Амстердам. Причем эти открывал сам кайзер, а еще десяток были в процессе организации. В шахтах недалеко от российской границы потихоньку начиналась добыча гелия.

Граф не пытался приписать все заслуги себе — наоборот, редкое его публичное выступление обходилось без упоминания принца Георгия и инженера Найденова, мне даже дали какой-то немецкий орден, а у Гоши и до того их было несколько штук.

Один из его дирижаблей слетал-таки в Багдад с промежуточной посадкой в Симферополе, что вызвало огромный международный резонанс. Многие газеты (причем некоторые с нашей подачи) уже снисходительно писали о том, что эра аэропланов прошла и только неумные русские со своим Найденовым еще что-то пытаются доказать, в то время как всем ясно: настоящую дорогу в небо человечеству открыли «цеппелины». К сожалению, в Англии, похоже, эта точка зрения находила не очень много сторонников, хотя пару дирижаблей заложили и там.

Естественно, немцы не могли оставить без внимания и военное применение «цеппелинов». Будучи отнюдь не дураком, граф понимал, что встреча дирижабля даже с одним вооруженным пулеметом аэропланом весьма опасна, а уж если самолетов будет несколько... Поначалу выход видели в большой высоте полета, но после моего подъема на пять километров немцы забеспокоились. Начались дебаты о том, что для прикрытия «цеппелинов» нужен какой-то специальный самолет, и граф выступил с инициативой заказать нам его разработку. Разумеется, часть прессы подняла жуткий визг — типа «разве эти варвары могут сделать что-то хорошее?» — но знающие люди понимали, что пока русская авиапромышленность вне конкуренции. А тут еще мы влезли со встречным предложением воздушного авианосца — под брюхом у дирижабля висят

два истребителя, при необходимости они отцепляются и показывают агрессору кузькину мать. Посадка обратно на дирижабль не предусматривалась. И вот в своем последнем письме граф сообщил, будто кайзер принял решение дать зеленый свет именно этому совместному проекту.

В связи с таким развитием событий срочно достраивался подарок кайзеру. Как я уже говорил, в качестве судовых мини-разведчиков предполагалось использовать маленькие автожиры. А чтобы учить народ летать на этих вентиляторах — чуть побольше, двухместные. Вот один такой мы и хотели преподнести Вильгельму, а то подумаешь, «пересвет», вон их сколько, а автожиров нет ни у кого.

И раз уж практически решили делать именно «цеппелин»-авиаматку, надо было прикинуть, какие самолеты мы будем предлагать в комплекте. В принципе можно было подвесить под брюхо небесной колбасы и «тузики», пока суд да дело, начнется война, и они перестанут быть секретными, однако от этого меня удерживали два соображения. Да, внешний вид и технические характеристики «тузика» скоро станут известны всем, но мне хотелось как можно позже показать миру, насколько прост может быть самолет — тот же «пересвет» был втрое сложнее. К тому же «тузик» все-таки не столько недоистребитель, сколько недопикировщик, а такой самолет для защиты дирижабля в общем-то не нужен. Подумав, я решил слегка нахулиганить. В юности я занимался авиамоделизмом, строил радиоуправляемые модели — копии. Самым удачным моим творением была копия И-15. А не повторить ли этот финт еще раз? Я строил модель в масштабе один к пяти, так не сделать ли сейчас один к двум? Соорудить этаким самолетик длиной три метра?

Быстро прикинув компоновку, я убедился — нет. Засунуть туда пилота нормального роста не получится. Стоп, а почему я решил, что он, этот пилот, обязательно должен быть верзилой? Прикинем, пусть пилот будет компактный, ростом до метра шестидесяти и соответствующего веса... Тогда помещается, как будто всегда там был!

Тут зашел Гоша и с интересом глянул на мои наброски.

— А зачем так ужиматься? — спросил он. — Почему бы не сделать самолет процентов на двадцать больше?

— Первая причина не очень важная, но все-таки: мне, понимаешь, размеры прототипа проще делить на два, чем на один и восемь. И вторая, основная: потребуется квалифицированный пилот ростом метр пятьдесят пять и весом сорок пять килограмм, где взять? Ах, у вас в Германии таких нет? Эх, что же вы пиво сосисками закусываете, вот брюхи-то и мешают в

самолет поместиться... Ладно, что с вами сделаешь, на первое время прикомандируем своих пилотов, у Татьяны в ДОМе половина девочек прекрасно соответствует — и по росту, и по весу, и уж тем более по всему остальному. Ничего не попишешь, это технически оправдано. Самолет же предназначен для дирижабля, и надо экономить каждый грамм, а тут сразу полтонны!

— Почему так много? — удивился Гоша.

— Процент полезной нагрузки — константа для выбранной схемы, у истребителя такого класса примерно пятая часть. То есть если пилот плюс пулемет с боезапасом весят семьдесят кило, взлетный вес нетрудно будет уложить в четыреста. А если они потянут на полтораста, то это будет почти тонна. Так что обоснование знакомства немецких воздухоплавателей с самыми обаятельными из наших агентесс технически оправдано, не подкопаешься.

— Да уж, представляю я многодневный полет «цеппелина» с таким составом экипажа, — хмыкнул Гоша. — Но я к тебе по другому вопросу. Мы тут с Машей прикинули, надо предложить графу сосредоточиться не на перелете через Атлантику, а на маршруте Берлин — Шанхай.

— Лет пять на подготовку надо, пожалуй, — засомневался я.

— Да хоть десять! Это же какие капиталовложения, причем привлеченные, если подойти к вопросу творчески! Плюс большая часть маршрута проходит через Россию, и, значит, она получает цепь аэродромов с инфраструктурой и специалистами от западных границ до восточных.

— Ну... если так рассуждать, что-то в этой идее есть. А насчет творческого подхода тут, главное, не пожалеть красок на описание, как Васюки будут превращаться в Нью-Москву...

— Кстати, тебя вроде какой-то немецкой висюлькой наградили? — вспомнил Гоша.

— Вот именно, что какой-то. Бумаги на немецком, все забываю отдать перевести. Может, ты мне прочитаешь, чего там написано?

— В общем-то я и так представляю, что там, но для полноты картины дай-ка посмотреть... Да, так и есть. Поздравляю вас, ваше превосходительство, вы теперь мало того что кавалер ордена «Голубой Макс», но еще и фрайхерр!

— Во дают! — восхитился я. — Сразу и голубым обозвали, и Максом Фраем, да в придачу намекнули, что я тот еще хрр! Уважаю. Надо будет кайзеру что-нибудь в аналогичном стиле придумать, а то даже как-то неудобно...

— А кто такой Макс Фрай?

— Дама-писательница в нашем мире. Нашли с кем сравнить! Кстати, а висялька-то хоть красивая?

— Нормальная, небольшой голубенький крестик. Когда получать поедешь?

— Вот как с автожиром закончу, так сразу, то есть недели через две. Ой, блин, там же Рождество... Ну тогда через три.

— Я вот что хотел сказать, — посерьезнел Гоша. — Ясно, что поедешь ты с хорошей охраной, но ведь на аудиенцию у кайзера ее не допустят. Бронежилет, конечно, наденешь... но этого мало. Я заранее перейду в коттедж на Торбеевом и буду следить за ситуацией. Чуть что, сразу портал, невзирая на то, видят его или нет.

— Пожалуй, — согласился я, — и тогда, если будет какое чепэ, оттуда — сразу в Георгиевск. А тут немедленно надо будет организовать какую-нибудь пресс-конференцию, чтобы меня туча народу видела. А потом недоуменно вопрошать: какой на фиг Найденов в Берлине? Да вот, тут я, никуда не делся! Это у вас с глазами было что-то не то, чрезмерное употребление шнапса опасно для здоровья...

— Ну тогда готовься, — встал Гоша, — а мне пора в Москву.

Гоша ушел, а я начал обдумывать его предложение. Все правильно, чем дальше мы залезаем в самостоятельную политику, тем больше найдется желающих крылышки-то нам слегка подрезать, в том числе и радикальными методами... действительно, надо это иметь в виду. То есть при каждом сомнительном с точки зрения безопасности визите одного из нас пусть оставшийся подстраховывает его из другого мира. Да, но одному будет трудно, надо же и тащить партнера в портал, и как-то сдерживать недоброжелателей, коих может быть совсем немало. То есть потребуется группа поддержки: пара тащителей и три стрелка, например, с автоматами и гранатами-слезогонками. Где взять, в шестерке? Нет, пожалуй, там по определению неглупые люди, а тут избыточный интеллект только помешает... так что, скорее всего, из Гошиной охранной сотни. Выбирать строго по классическому принципу «нам умные не надобны, нам надобны верные». Далее запудрить мозги очередным изобретением инженера Найденова, устроить несколько тренировок... Да, пора, причем не откладывая.

Я потянулся к телефону.

Прежде чем встречаться с Вильгельмом, следовало хоть что-то о нем узнать и по возможности составить собственное мнение, и я засел изучать

материалы. Первое впечатление было — псих. Но оно быстро улетучилось, больно уж настойчиво и единодушно меня пытались в этом убедить авторы читаемых текстов, что-то мне оно напоминало... Я поднатужился и сообразил — жизнеописание Лаврентия Палыча! Тоже ведь все столь же единодушно описывали его как воплощение мирового зла, из шкуры лезли в соревновательном экстазе, кто первым опубликует подробность погнуснее. Уже одно это ясно говорило, что человек он был весьма неординарный, раз его столь активно оплеывают, так что с Вильгельмом, похоже, была аналогичная история. Потом я присмотрелся к авторам материалов — очень интересно, они все с английскими именами... Я решил изучить повнимательней какой-нибудь вмененный ему в вину эпизод. Долго искать не пришлось. Сразу по воцарении молодой кайзер посадил под домашний арест свою мать, объяснив это опасениями, что она вполне может передать англичанам какие-нибудь документы. По мнению автора, одно это говорило о полной ненормальности Вильгельма... а вот мне показалось совсем наоборот. Потому как первое, что сделала эта мать, когда арест был все-таки снят, — именно отправила в ту самую Англию все материалы по немецкому флоту, которые ей попались, да еще прокомментировала их в таком духе: смотрите, какой гаденыш, он смеет мечтать бросить вызов могуществу Британии!

«Какой мягкий человек, — подумал я про кайзера, — вот Петра бы Первого или Ивана Васильевича на его место...»

Мемуары Тирпица^[7] давали расплывчатую картину — никаких ярких примеров, просто описание работы по созданию флота... А, ладно, слетаю в Питер, поговорю с Мари. Интересно, она-то что мне о нем скажет?

— Про ненормальность кайзера говорят его враги, причем неумные, — сказала мне она. — Да, человек он импульсивный, но не более того. А насчет приписываемых ему чудачеств... я могу тебе привести в пример еще одного человека, тоже не упускавшего случая почудить, это Александр Васильевич Суворов. Ну а то, что Вильгельм любит грубые солдатские шутки, так мне и ходить никуда не надо, чтобы увидеть еще одного человека с похожими вкусами, вот он сидит... В общем, Джордж, если ты считаешь его даже просто не очень умным, ты сильно ошибешься. Это будет очень плохо, дорогой, и не только для тебя.

«Сильно ошибаться нам ни к чему», — думал я за штурвалом «пересвета» по дороге в Георгиевск.

Значит, кроме автожира, который в общем-то ничего особенного собой не представляет, неплохо бы привезти Вильгельму еще какой-нибудь

сюрприз, который его точно равнодушным не оставит. Что он любит? Охоту и флот. Тут источники были единомышленны. Насчет охоты я полный профан, так что это отпадает, не капкан же позолоченный ему подсовывать или тульскую двустволку. Линкор бы ему подарить, вот это было бы сильно — но, увы, нет у меня лишнего линкора и вообще никакого нет... А если модель? Точно, модель «Бисмарк»! Объяснить, что вот так я вижу будущий корабль, грозу морей и особенно океанов, потому и третирую наши броненосцы, что больно уж они на него не похожи... Интересно, название сохранить или как? Или как... С названием вполне можно промахнуться, пусть будет просто безымянный суперлинкор.

Ну и еще один наш козырь — это портал. Правда, я не знаю, окажутся ли его лечебно-тонизирующие свойства достаточными, чтобы хоть как-то улучшить дела с левой рукой кайзера, практически парализованной с рождения. Выходит, самому предлагать это дело нельзя, а вот внимательно отслеживать речи Вильгельма на предмет малейшего намека о желательности такого развития событий необходимо. Предположим, он намекнул, я внял, дальше что? Приглашать в Россию? Не годится, слишком привлечет внимание. Значит, пусть он сам ищет какое-нибудь малолюдное место, там и организуем, только неохота как-то и ему показывать возможность межмирового перехода. Значит, он отсылает из комнаты всех, принимает снотворное, мы с Гошей таскаем его туда-сюда и по пробуждении заставляем его выпить стакан чего-нибудь с неизвестным тут вкусом под видом лекарства... пепси-кола будет в самый раз. Вот только что делать, если не поможет?

А и не надо говорить, что поможет. Наоборот, следует сказать, что это невозможно. И только из уважения к нему, Вильгельму, я согласен попробовать, хоть и понимаю, что шансов нет, как-то так...

ГЛАВА 11

Через два дня Гоша приехал из Москвы, и я познакомил его со своими дальнейшими планами по развитию наше-вильгельмовских отношений.

— Я тоже думал над этим, — ответило мне высочество, — и вот до чего додумался. Сначала надо для себя уточнить, чем мы можем помочь, используя портал, именно в таком случае, как у кайзера. Помнишь, ты в самом начале бедных больных мышек таскал туда-сюда? А теперь надо этот эксперимент повторить, только чтобы у них было конкретно отмирание нервных волокон в конечностях... наверняка таких страдалец можно заказать в твоём мире.

— Найдем, — кивнул я.

— И ещё один момент, на который ты не обратил должного внимания. Что делать, если портал не поможет? Это действительно важный вопрос. Но сразу после надо обязательно понять: как нам быть, если он вдруг возьмет и оправдает самые смелые надежды?

— Ну скромно потупить глазки, — не очень уверенно сказал я, — в ответ на благодарность промямлить: «Да что вы, спасибо — это слишком много»... А, понял, ты хочешь сказать, что на самом деле услуга, когда она уже оказана, не стоит ничего?

— Не так чтобы совсем ничего, но и не слишком много, — кивнул Гоша. — Поэтому идеальный вариант — это чтобы эффект был весьма заметный, но временный. Если портал и будет так работать, то замечательно, а если он вдруг возьмет да вылечит Вилли сразу и навсегда?

— Выход есть, — слегка подумав, предложил я. — В конце концов, что мешает клиенту, вылечившись от сухорукости, тут же приболеть чем-нибудь ещё? Что только мы можем лечить, надо продумать более конкретно...

— Вот-вот, что-то подобное я и имел в виду. Но это пока так, для начала нужно действительно посмотреть, прикинуть... Пошли, что ли, за мышами?

При наличии денег мыши с нужными свойствами оказались не дефицитом, и скоро коттедж на Торбеевом озере обогатился тремя клетками с грызунами. Первая содержала несчастных, больных с рождения или достаточно давно. Обитательницам второй прямо при нас, уколов их куда надо, организовали паралич одной из лапок. В третьей же мыши были

здоровые, на всякий случай.

Через неделю мы смогли набрать статистику. Выяснилось, что свежие поражения нервов портал способен заживлять за один раз — к концу недели пациентки хоть и прихрамывали, но бегали на четырех конечностях. Причем второй переход никакого дополнительного улучшения в картину не вносил. А вот на застарелые болезни он оказывал иное воздействие. Две мышки, проташенные через портал по разу, практически остались в прежнем состоянии. Две, которым обеспечили по три перехода, вроде уже чуть шевелили пораженными конечностями, а двум, пережившим семь смен миров, было явно лучше. Оставалось посмотреть, будет ли регресс со временем — мышинная жизнь коротка, долго ждать не придется...

— Идеально, — констатировал Гоша. — Процесс долгий, но результаты видны довольно ясно — лучше и не придумаешь.

— Да, — согласился я, — это хорошо, что пациента не придется в нагрузку к лечению СПИДом заражать, а то мне даже как-то не по себе было, опыта-то никакого, тут и напортачить недолго. Ну эта гора с плеч, а теперь надо подумать, в каких декорациях проводить процедуры и какими побочно полезными действиями их сопроводить. Вроде, как холерик, Вильгельм вполне может иметь повышенную внушаемость, не помешает попробовать гипноз...

— Ты что, еще и гипнотизер, ко всему прочему?! — вскинулся Гоша.

— Я инженер, — пояснил я высочеству, — что можно перевести как «умелый». Кстати, американского физика Вуда как-то спросили, умеет ли он играть на рояле. «Думаю, да, — ответил Вуд, — но точно сказать не могу, потому что ни разу не пробовал». Так вот, в отличие от него, я пробовал разок, и даже что-то получилось. И нам ведь не надо внушать ему радикальную смену мировоззрений. Достаточно будет того, что прибор, необходимый для закрепления исцеления, по ночам станет нежным шепотом сообщать спящему Вилли, что Жора с Гошей — очень хорошие люди и, совершенно искренне восхищаясь кайзером, желают ему только добра.

— Может, и выйдет, — с сомнением сказал Гоша, — правда, я думал, что так называемым закрепителем лечения станет тот самый напиток с незнакомым вкусом вроде твоей пепси-колы. Кстати, а зачем морочить голову, таскать ее из твоей Москвы, когда и здесь есть чем его удивить. Я уверен, что, например, квас с хреном кайзеру покажется еще экзотичней.

— Одно другому не мешает, — махнул рукой я. — Представь себе, ночью прибор поет про нас серенады, а утром Вилли натошак принимает стакан драгоценного, с огромным трудом нами синтезированного и

буквально от сердца оторванного кваса с хреном...

— Бедный Вилли, — вздохнул, посмеявшись, Гоша, — ведь он и не подозревает о скорой волшебной перемене в своей судьбе! Вот только по поводу «Бисмарка» — не боишься, что он начнет вопросы задавать и, главное, правильные выводы делать? Насчет турбин придется его просветить, пропорции корабля опять же, состав артиллерии, линейно-возвышенное расположение башен...

— Да если он заинтересуется, ему надо всю документацию на «Бисмарк» подарить, какую найдем! Кроме радио и зениток, разумеется. Если начнет строить — это какой праздник души будет... Ведь такой корабль, появившись он у Германии, опасен только для Англии со Штатами, а у России же нет жизненно важных океанских торговых путей. А использовать его против береговых укреплений — это как гвозди забивать микроскопом. К тому же рейх не завтра его построит, разве что лет через десять. Так у нас к тому времени как минимум будут самолеты класса Ю-87, а то и Ту-2! Долго этот мамонт просуществует в зоне действия такой авиации? К тому же никакие ресурсы небезграничны, и начини немцы строить такого монстра, на танки у них точно ничего не останется! А в отличие от линкоров, танки могут очень прилично осложнить наше существование...

— Интересненько получается, надо подумать, что будет дальше... — Высочество почесало в затылке. — Пожалуй, даже решение о постройке такого кораблика немцам скрыть не удастся — англичане пронюхают. А ведь перед закладкой еще соответствующий док придется организовать, тут уж и вовсе информация потечет могучим потоком! И глядишь, в сверхдорогостоящую гонку морских вооружений таки втянется Англия...

— Сама не втянется — мы поспособствуем, — предположил я.

— А может, сразу чертежами «Ямато» с Вилли поделиться? — вошло во вкус высочество.

— Надо подумать... Не нравится он мне что-то, твой «Ямато», немецкие линкоры были как-то гармоничнее. Во, придумал! Пусть эскизы «Ямато» будут якобы первым вариантом «Бисмарка»! Потом сделаем вид, будто мы, умницы, дотумкали, что такого мамонтопотама нам точно не потянуть, и малость урезали осетра до размеров «Бисмарка». А бриттам надо организовать утечку именно по «Ямато», пусть, например, один из сбежавших в Америку Бениных мальчиков с собой чемоданчик чертежей прихватит.

— Ладно, это уже детали, давай прикинем, что нам это даст в разных вариантах, — предложил Гоша. — Сначала рассмотрим тот, который был у

вас. Германия в союзе с Австрией и Турцией воюет против Англии, Франции и нас... Но тут у немцев появляется возможность хорошо накостылять британскому Гранд-Флиту. Морские поставки нам резко сокращаются, что нехорошо...

— А зачем они нам будут нужны, если мы не попрем с голым задом да сразу в наступление? Построить линию Сталина имени тебя, и пусть немцы об нее лбом колотятся, методики прорыва укрепленной полосы только-только к концу Первой мировой начали появляться...

— Союзники взвоют, — предположил Гоша.

— И пусть воют, — пожал плечами я. — Что нам лучше — терпеть поражения из-за неподготовленных наступлений по требованиям союзников, или тихо, с минимальными потерями перемалывать наступающие немецкие дивизии своими силами? Под звуковое сопровождение союзников оно будет даже интереснее. То есть сидим и с интересом смотрим, как немцы дают прикурить лимонникам, потом те очухиваются и впендюривают бургерам, ну и так далее. А потом, когда степень истощения всех воюющих сторон дойдет до уровня нашего восемнадцатого года, мы вдруг спросим: «Да кто это тут у нас на границах скандалит и в морях хрен знает чем занимается?! У нас тут из-за вас медведи попрятались и красная рыба разбежалась! Немедленно прекратить, пока мы не рассердились! С этих — контрибуция, а с вон тех — компенсация за помощь, ну-ка быстро все карманы вывернули!»

— Ладно, теперь следующий вариант. Мы в союзе с немцами воюем против Англии, Австрии и Франции. Немцы, не отвлекаясь на восточный фронт и получая неограниченную поддержку сырьем, в два месяца делают из Франции бифштекс, потом вламывают Англии на море, а мы пока разбираемся с Австрией...

— Делать нам больше нечего? Тихо сидим за линией Молотова имени меня и ждем, когда кайзер созреет для аншлюса, нам-то эта Австрия зачем? — возразил я. — И к концу войны получаем всего две державы в Европе: мощная, но все же ослабленная войной Германия и мы. А Штаты, между прочим, никаких особых потерь не понесут! Немцы же не совсем дураки, чтоб сразу после такой мясорубки лезть на свежих нас, так что будет пауза. Да и американцы угрожают больше им, чем нам... По-моему, не такой уж плохой расклад.

— А сербы? — решил уточнить Гоша.

— Ё... — выразил свое отношение к данной проблеме я. — И на хрен они нам упали?

— Ты думаешь? — усомнилось высочество.

— Уверен!

— Благодарю вас, генерал. — Кайзер отложил в сторону фотографии и рисунки автожира.

Поначалу у меня была мысль, выгрузив его из поезда, прямо у вокзала взлететь и по воздуху добраться до дворца Берлинер Статсшлосс, где меня ждал Вилли, но он прислал за мной свое авто «Даймлер Кайзерваген», и пришлось, оставив вертушку в поезде, грузиться в этот музейный экспонат. На фоне ехавшей впереди него «оки» и позади — «нары», машин моей охраны, этот позолоченный сарай на колесах смотрелся откровенно комично. Я еще боялся, не развалилась бы колымага на берлинских ухабах, но ничего, как-то доехали...

— Великолепный подарок, — продолжил Вильгельм, — но, судя по всему, этим винтокрылым аппаратом сюрпризы, ожидающие меня сегодня, не исчерпываются?

Он выразительно посмотрел на коробку, втащенную в кабинет двумя моими охранниками.

— Разумеется, — сказал я и, освободив крепления, снял крышку. Перед нами на ореховой подставке с нанесенной для наглядности масштабной линейкой во всей своей красе предстала модель «Бисмарка» в масштабе один к ста пятидесяти. Только название было иное — «Арий», причем написано оно было русскими буквами.

Вот тут кайзера проняло. Сначала он пару минут, пораженный, стоял около модели. Потом несколько раз обошел ее вокруг, неразборчиво восклицая что-то вроде «Дас ист фантастиш!». Потом, приседая и вытягиваясь, попытался разглядеть ее сверху и снизу.

Я терпеливо ждал.

— Генерал, я потрясен, — оторвался наконец Вилли от созерцания. — Неужели вы собираетесь строить такой корабль?

— Увы, — развел руками я, — финансовых возможностей принца Георгия, хоть и весьма значительных, в ближайшее время на постройку никак не хватит, так что мы остановились на стадии проекта.

— Как, — чуть не подпрыгнул кайзер, — это не просто модель, а сделанная по уже существующему проекту?!

— Ну конечно, стал бы я дарить вашему величеству плод каких-то беспочвенных фантазий, — пожал плечами я. — Комплект документации в моем поезде. Там хоть и не описывается каждая заклепка, но он все-таки достаточно полон.

В течение следующего почти часа я отвечал на вопросы по «Арию-

Бисмарку». Вроде экзамен прошел успешно, я не зря два дня зубрил толщину просто пояса, верхнего пояса, данные паротурбинной установки и башен главного калибра. Наконец первый приступ августейшего любопытства был удовлетворен, и донельзя воодушевленный Вильгельм пригласил меня отобедать. За столом обнаружилась интересная деталь — мне подали селедку с шампанским. То есть Вилли намекает мне, что сведения из Ливадии текут как из дырявого решета, — больше нигде не считали это моим любимым блюдом.

«Знак особого расположения», — прокомментировал Гоша, наблюдавший за ходом действия из моего мира.

«Вот именно, а тебе не стыдно, с твоей же подачи я вместо пива вынужден этой кислятиной давиться», — мысленно укорил я высочество, но раскаяния в ответ не дождался.

За обедом кайзер толкнул речь о том, что две монархические державы, оплот консервативных традиций в Европе и мире, должны теснее сотрудничать, крепить ряды и направлять колеблющихся... Я внимал, поддакивая в ключевых местах. В конце концов, Вильгельм исчерпал эту тему и свернул назад, к почти забытому под кучей новых сведений автожиру.

— Вы говорите, что он очень прост в управлении, — поинтересовался Вилли, — неужели настолько, что я, с моей... э-э-э... моей левой рукой смогу им управлять?

«Ага, — подумал я, — вот он и намек. Ну что тут теперь говорить, у нас уже давно решено и мной твердо выучено...»

— Конечно, — кивнул я. — Только мне непонятно, с чего это вы так заботитесь о сохранении статус-кво в отношении вашей руки. Она что, именно в таком виде вам дорога как память о детстве?

— Вы хотите сказать...

— Хочу. Стопроцентной гарантии дать не могу, но более чем наполовину уверен: помочь вам в моих силах. И без всяких живодерских штучек, которыми развлекались врачи, лечившие вас ребенком. Кстати, позвольте выразить восхищение вашей силой воли — лично я не выдержал и повесил бы всю эту братию, как только представилась бы хоть малейшая возможность.

Вильгельм с каким-то странным выражением лица посмотрел на меня.

— Герр Найденков, — тихо сказал он, — даю вам слово — все, что вы сейчас скажете, останется между нами. Вы делаете мне слишком ценные подарки, чтобы не требовать ничего взамен: сначала мечту, а потом надежду... Так чем мне придется расплачиваться?

— Ну господин кайзер, будем считать, что это вы от волнения такое ляпнули. Я что, похож на дурака, требовать от вас что-то? Максимум, мог бы попросить, да и то не буду, потому как вы сами уже все сказали. Только почаще вспоминайте ваши же слова о двух монархических державах, и все.

ГЛАВА 12

Из дневников лейтенанта РИФ М. Н. Беклемишева

19.12.1902

Несколько недель прошло в непрерывных походах. Сначала недолгих, на два-три дня, а затем, по мере накопления подводниками навыков управления лодкой, все более продолжительных. Побывали мы в Синопе, где удалось ночью проникнуть на внутренний рейд, произвести имитацию минной постановки и уйти незамеченными. Постоянные учебные стрельбы положительно сказались на точности торпедных атак. К сему дню по неподвижной цели мы стали попадать восьмью торпедами из десяти. Однако по судну, идущему на 10 узлах, число попаданий остается довольно низким и не превышает 30 процентов. А для уверенного поражения цели необходимо обучиться попадать хотя бы одной торпедой из двух. Возможно, есть смысл использовать стрельбу залпом, двумя торпедами практически одновременно. На ближайших учениях мы с Анатолием Ниловичем попробуем проверить мои теоретические построения.

Последний поход был довольно авантюрным. 27 ноября в Балаклаве на лодках проводилось текущее обслуживание механизмов силами младших чинов под руководством старших офицеров. Мы же с остальными офицерами прошли на «Мюрексе» через проливы и обратно, имея целью перехода рекогносцировку. Составляли кроки к предстоящему походу, определяли ориентиры. Брли на заметку характерные приметные места в точках поворотов. Залегендировали проход танкера через проливы, доставкой груза керосина на о. Лемнос. Вернувшись в Балаклаву, вскоре вышли в море к точке randevу с «Мюрексом», который уходил в Батум за новым грузом керосина. Наконец, через двое суток выйдя к Босфору, ночью прошли проливом в Мраморное море за 5 часов, не ставя о том в известность турецкие власти. Все прошло как нельзя лучше. А сколько было опасений!

Движение судов по проливам ночью запрещено. Попутное течение скоростью до одного узла позволило держать собственную скорость в три узла, что делало перископ лодки практически незаметным на фоне слабой, мертвой зыби. Вошли в Босфор в 17:29 на аккумуляторах, на перископной глубине, поднимая перископ на короткое время перед точками поворота. Выполнив поворот и убедившись по ориентирам, что курс взят верный,

убирали перископ. Лодку погрузили на 7–8 саженей во избежание случайных столкновений и находились в постоянной готовности уйти глубже. И шли так до следующей точки, напряженно прослушивая гидрофонами опасные шумы. В центральном пункте горели красные лампы электрического освещения, это способствует сохранению ночного зрения. Просветленная цейссовская оптика позволяла достаточно надежно ориентироваться в мешанине береговых огней.

Темное время суток зимой достаточно продолжительно. Воспользовавшись этим обстоятельством и войдя в Мраморное море в 22:39, мы заняли перископную глубину и, подняв трубы РДП, увеличили ход до 8 узлов, попутно заряжая аккумуляторы и стараясь преодолеть за ночь как можно большее расстояние. Из машинного отсека опять на всю лодку разносится запах печеной картошки. Вахтенные машинисты приспособились резать ее тонкими кружками и жарить на выпускных коллекторах тринклеров. Непорядок, конечно, но, сколько их ни гоняй, все равно жарят! Да бог с ними, если службу исполняют исправно.

До Дарданелл дойти не успели и в 09:00, с рассветом, дав радиограмму на «Мюрекс», легли на песчаное дно у острова Мармара. В 16:57, в сумерках, пошли дальше. В 00:52 догнали танкер, вставший на якорь у Дарданелл, и, оставив его за кормой, пошли через пролив. Ветер слабый, зыбь, моросит дождь, резко снижая видимость. Пользуясь этим, пошли на 5 узлах под РДП, для сбережения заряда аккумуляторов. Ночь и дождь очистили пролив от рыбаков и прочей публики. Фарватер пуст. Идем по счислению^[8] и ориентируясь на береговые маяки, просвечивающие сквозь дождь.

Постоянно прощупываем глубины эхолотом. «Краб», как обычно, идет мателотом в трех кабельтовых, ориентируясь на наш «пинг». Испытываю соблазн поднять ход до 8 узлов, но существует опасность наскочить на какого-нибудь охламона, заночевавшего на фарватере. Однако таковых, слава богу, не оказалось, и Дарданеллы проходим тоже без происшествий, выйдя к 10:05 в Эгейское море. Отошли к северу от выхода из пролива, оставив на правом траверзе Галлиполийский полуостров, и встали на якорь в ожидании «Мюрекса». Он, догнав нас к полудню, пошел к Лемносу сливать свой керосин.

Прекрасное, волшебное Средиземноморье! Великолепный пронизывающий ветер, пахнувший маслинами! Изумительно красивая изумрудно-зеленая средиземноморская волна баллов в 5! Замечательно мокрый, прохладный средиземноморский дождь! Температура воздуха не менее +6 градусов С. Воды +12 градусов С. Просто курорт какой-то!

Провентиловали отсеки и нырнули на 10 саженей от этого чудесного великолепия. На глубине хоть и душно, однако качка практически отсутствует и не так сыро, как на поверхности.

«Мюрекс» разгрузился за сутки, и к вечеру мы тронулись в обратный путь.

02.01.1903

Обратный путь также прошел в соответствии с планом перехода. Идя в Черное море, нам пришлось побороться со встречным течением, так как воспользоваться попутным глубинным течением в узких местах проливов было бы непростительным лихачеством. Однако машины легко преодолевали встречный поток. И Дарданеллы и Босфор преодолели мы под РДП, не будучи обнаружены сладко спящей пограничной стражей турок. Да ведь никто нас и не высматривал в ночной тьме, мучаясь от бессонницы... От случайного обнаружения нас уберегали ночь, дождливая погода и собственная наша осторожность. Хорошие же глушители делали выхлоп на малых и средних оборотах практически бесшумным.

Может создаться обманчивое впечатление, что переход дался нам легко, однако это отнюдь не так. Сложный, извилистый фарватер, опасность столкновения в темноте с берегом и судами создавали чрезвычайно нервное напряжение в ЦП. Как сильно помог бы нам эхолот г. Найденова, если бы он был способен обнаруживать препятствия не только под нами, но и кабельтова на три окрест! И на выходе из Босфора экипаж был совершенно вымотан. Так что штормящее Черное море мы восприняли как дом родной и долгожданный отдых. Передав управление судном Ивану Ивановичу, мы с князем Черкасским отправились отсыпаться.

Этот, казалось бы, ненужный и рискованный поход принес экипажу абсолютную уверенность в своем корабле и своих способностях выполнить любую боевую задачу, а это дорогого стоит. Лишь бы данная уверенность не перешла в самоуверенность. Надо будет строже требовать от людей скрупулезности при обращении с техникой и особо наградить педантичных. Море не потерпит от нас фамильярности...

В Балаклаве нас встретил Михаил Петрович, привезший «рождественские подарки» — по клотик набитый грузом каботажник. Чисто Дед Мороз! Рождественские праздники провели мы в Севастополе, оставляя на борту одного вахтенного офицера и вахту в сокращенном составе. Выделенный г. Налетову в личное пользование автомобиль позволял в краткий срок доехать до Севастополя и обратно. Ах эти

севастопольские барышни! Они так забавно пунцовеют, будучи приглашены на тур вальса... И их обворожительно отважные мамы... Так непосредственны, так... доверчивы. И так милы они под шустовский коньячок. Ну полно, староват я уже для этих глупостей... В общем, на каждого офицера пришлось по вахте на борту наших «членистоногих», пришвартованных у одной стенки. Большого труда это не составило.

М. П. сообщил, что принято решение о закладке еще двух кораблей нашего типа, окрещенных заранее «Лангуст» и «Омар»... дабы не отступать от традиции. Построить их предполагается к началу 1905 года. Тут мне в голову пришла некая мысль. Обдумав ее, я предложил Налетову добавить еще один отсек: метров семь в длину, для размещения экипажа и хранения 10–12 запасных торпед. Расположить его можно следом за первым отсеком, а в первом увеличить число торпедных аппаратов до четырех. Общая длина лодки станет порядка 60 метров. Это позволит также увеличить длину минных шахт и число принимаемых на борт мин до 70 штук. Такая модернизация позволит сделать русские лодки универсальными и расширит круг решаемых ими задач. Стоимость модернизации проекта не должна оказаться чрезмерной. Михаил Петрович внимательно посмотрел на меня и обещал обдумать мое предложение. Потом усмехнулся и рассказал о том, что, вдохновленный нашим успехом, взялся он проектировать новые подлодки, полным водоизмещением в 1600–1800 тонн каждая. С четырьмя передними и двумя задними ТА. С боезапасом в два десятка торпед. Они способны нести до сотни мин на борту. Погружаться на глубину до сотни метров и бегать по поверхности до 20 узлов. А в погруженном положении аж до 15 узлов! Что-то совершенно невообразимое. Однако ж сомневаться в его словах не имею оснований. Так что, полагаю, лет через пять — семь у нас будет что предъявить любому флоту.

В разговоре с М. П. также выяснялась причина так удивлявшей нас бесшумности лодок. Дело в том, что по совету Георгия Андреевича Налетов все машины лодки установил на общей раме, отделенной от корпуса виброзащитными подушками. Таким образом, вибрации тринклеров и электромоторов меньше передавались корпусу лодки, что в значительной мере снижало шумы.

Среди грузов, привезенных Налетовым, были четыре торпедных аппарата новой системы калибра 45 см с гидравлическим поршнем, которые следовало в кратчайший срок установить вместо старых. К ним прилагались 80 практических торпед, маркированных как 45-12М. Ранее мы стреляли обычными на флоте торпедами Уайтхеда образца 1898 года

калибром в 381 мм производства Обуховского завода. Новые же значительно превосходят их по своим характеристикам. Мы получили возможность устанавливать скорость торпеды. На скорости в 43 узла она способна пройти 2 км. А при установке 20-узловой скорости дистанция увеличивается до 6 км. Торпеда несет боевой заряд весом в 100 кг новейшей взрывчатки — тринитротолуола. Даже одной такой вполне может хватить, чтобы уничтожить любой из существующих в мире броненосцев. И самое главное — в этих торпедах предусмотрена возможность установки перед выстрелом угла отклонения в пределах 60 градусов от диаметральной плоскости. И значит, нам больше нет необходимости точно прицеливаться всем корпусом лодки.

Теперь у нас есть и новая рабочая форма, сшитая специально для подводников. Для всякой погоды и климата. меховые шапки, удобные шапочки-пилотки, традиционного на русском флоте черного цвета с белым кантом. Кожаные меховые куртки и непромокаемые, утепленные сапоги для несения вахты на мостике. Теплые свитера крупной вязки из козьего пуха.

И наконец г. Налетов привез нам наши пушки. Отличные, скорострельные 105-миллиметровые орудия германского производства 1900 года, стреляющие 17-килограммовыми фугасными снарядами. К концам стволов у них приделаны здоровые набалдашники с прорезями. М. П. пояснил, что это так называемый дульный тормоз, значительно снижающий отдачу от выстрела. «А то, опасался я, как бы не перевернула кораблики орудийная пальба!» — пошутил Михаил Петрович. Завтра орудия установят на свои места.

12.01.1902

Две приятные новости! Переоборудование подлодок сегодня мы наконец закончили и завтра выходим на боевую учебу. Шестого дня пришел приказ о моем производстве в капитаны второго ранга. Пришлось отметить событие и обмыть звездочки. Недурственно провернули механизмы в Севастополе. Скандал, связанный с минной банкой, выставленной нами у входа в Севастопольскую бухту, потихоньку стихает. Веселье в Севастополе завершилось грандиозною дракой нижних чинов с экипажем «потопленного» нами миноносца «Ретивый», каким-то невнятным образом узнавшего о нашей причастности к их конфузу. Благодаря боцману Пришибееву, принявшему на себя руководство дракою и пресекшему позорное неорганизованное побоище, слава богу, обошлось без увечий. Организованный Пришибеевым честный кулачный бой стенка на стенку, по

исконным русским правилам, в котором боцман принял живейшее участие, окончился победою наших экипажей. Вот ведь вздор же полнейший, а чувство от их победы приятное. И даже гордость какую-то нелепую ощущаю.

Никто в городе не знает, чем мы тут занимаемся на самом деле. О существовании наших лодок не подозревают. По бумагам мы проходим как Балаклавская водолазная школа под эгидою ВК Г. А. На матросских бескозырках — «Водолазная школа». Вот и объяснили штабные сами себе минирование входного фарватера нашими стараниями. Что, впрочем, есть сущая правда. Однако количество вытравленных мин привело адмирала Тыртова С. П. в презрительное изумление, поскольку не мог он объяснить, каким образом удалось водолазам проделать такую штуку. Вызванный Сергеем Петровичем для объяснений, я намекнул ему на подлодки Джавецкого, действительно выкупленные ВК Г. А. у флота по бросовой цене и переданные вновь организованной водолазной школе, командиром которой я официально считаю. Что касается причин создания нашей школы, то пришлось сказать ему о «Черном принце», затопленном в Балаклавской бухте во время Крымской кампании. Это объяснение более чем удовлетворило его любознательность. И тем не менее по результатам прошедшего разбирательства создана специальная бригада тральщиков Черноморского флота — 67 единиц всякого хлама из того, что еще держалось на плаву, — «потерявшая» на тралении нашей банки 3 единицы списочного состава, условно подорвавшихся на выставленных минах. Ох, не доведет кое-кого до добра болтливый язык!

Погода потихоньку налаживается. Ветер стих до слабого. Ожидается прибытие венценосца и генерал-адмирала Алексея Александровича для ознакомления с нашими кораблями. Имеется возможность того, что будет принято высочайшее решение о строительстве большой серии подлодок, однотипных с нашими или улучшенных по моему предложению.

Под полигон нам отведен район вдалеке от оживленных трасс черноморского судоходства. На якорях выставлены две баржи, набитые обрезками досок для непотопляемости. По ним мы и будем палить из пушек и торпедных аппаратов с разных дистанций и курсовых углов. До тех пор пока не научимся стабильно попадать из того и другого.

Всякий выход в море будет теперь начинаться с главного нашего дела — с постановки мин заграждения, где после нас прибираться обязана бригада севастопольских тральщиков. Вот и им наука будет. Потом торпедные атаки на баржи и наконец артиллерийские стрельбы по оным же. Если бы лодки принадлежали флоту, никто не дал бы нам столько

практических снарядов, торпед и мин для отработки боевых навыков. Однако ВК Георгий Александрович не скупится, и мы получаем необходимое по первому требованию.

ГЛАВА 13

Сразу по моем приезде в Георгиевск мы с Гошей обсудили результаты встречи с Вильгельмом — пока свежие подробности не выветрились из памяти. Зрительные в основном, потому как звук писался на диктофон, который мы сейчас и слушали, анализируя каждую фразу.

— «Господин кайзер», — хмыкнул Гоша, — неплохо, но только, по моему, это прошло незамеченным, точнее, он просто списал такое обращение на твою уже известную эксцентричность.

— Ну как же, — возразил я, — когда он сменил тональность беседы и обратился ко мне по фамилии, мне что, господином Гогенцоллерном его было обзывать? Он все понял и предложил мне называть его просто Вильгельмом, когда мы тет-а-тет. Вообще, у меня создалось впечатление, что он прекрасно умеет читать между строк и слушать между слов.

— И его дальнейшая реплика о том, что кузен Ники относится к нему с некоторым предубеждением...

— Я же специально в этот момент ему в лицо смотрел, чтобы и ты мог пронаблюдать реакцию. Вот слушай, я отвечаю...

«Мы с принцем Георгием имеем определенное влияние на Николая и постараемся убедить его в очевидных нам сейчас вещах... — забубнил моим голосом диктофон, — и есть надежда, что скоро император будет лишен этого предубеждения...»

— Вспомни, он тут слегка кивнул, — продолжил я, — так что прекрасно он понял, какого императора я имею в виду. Потому и совершенно спокойно отнесся к тому, что официальных встреч с тобой в ближайшее время не будет.

— Не боишься, что он поделится с кем-нибудь своими подозрениями?

— С кем и, главное, зачем? Ничего же он на этом не выиграет! И потом, чем он поделится — что инженер Найденов якобы признался ему в своем желании посадить на российский трон более симпатичного ему, инженеру, человека?

— Англичане через посредников уже намекали об этом Ники, — уточнил Гоша, — но никакой реакции не добились.

— Да потому что этот Ники прекрасно знает, что такие мысли бродят в голове не только у меня, но и еще у половины петербургского света! Что касается меня, то тут он, кстати, как раз не уверен.

— Да, он почему-то полагает, будто во главе этого течения Сандро...

— Потому что так получилось, — усмехнулся я. — Не сразу, конечно, и не так хорошо, как планировали, но получилось. Молод еще этот Сандро в интригах с твоей матерью тягаться.

— Хорошо, будем считать первый этап успешным. Пора прибор для лечения Вилли делать...

— Вдвоем будем ваять в коттедже на Торбеевом, — уточнил я, — чтобы тут времени не терять. И кстати, ты можешь там бороду отрастить, если клеить искусственную почему-то не захочешь.

— Какую еще бороду?

— Маскировочную, — пояснил я. — Тебе же вместе со мной ехать Вилли через портал таскать, а это надо инкогнито, под видом простого наладчика. Борода, очки, немножко грима — и ни одна собака не догадается. Кстати, в шестом отделе твой двойник уже практически закончил подготовку, скоро можно выпускать.

— А твой?

— С моим трудности, — вздохнул я. — Пока сидит — еще похож. Встанет — уже что-то не то. А уж если заговорит, то даже самый тупой охранник видит, что это не инженер Найденков, а какой-то клоун...

На следующий день у меня был прямо-таки праздник, который не смогли испортить даже мелкие неурядицы. Трудно выразить, как за три года, что я провел в Гошином мире, мне надоели двухтактные авиационные моторы! Их вечная вонь горелой касторкой, постоянно загаженные свечи, истошный визг вместо солидного рокота, мизерный ресурс: только обкатали движок — и все, пора снимать, он отработал свои пятьдесят часов! Но наконец-то Густав поставил на испытания четырехтактную звезду.

У испытательного стенда суеились техники, подключали датчики и еще раз проверяли мотор. Я же просто любовался этим изделием. Семицилиндровая звезда объемом двенадцать литров и номинальной мощностью двести сил, а взлетной двести сорок была просто красива. Кроме красоты она с самого начала проектировалась с учетом возможности превращения ее в двухрядную. Если еще и заработает нормально...

Нормально она проработала три часа. Потом чуть сбросила мощность. Я подошел, послушал, потом отозвал Тринклера в сторону — около стенда с ревущим мотором разговаривать было невозможно.

— В первом цилиндре гремят клапана, — сообщил я ему, — зазоры уплыли в плюс. И не то в третьем, не то в четвертом выпускной, мне кажется, пережался...

— Даже не знаю, что делать, — вздохнул Густав, — прямо хоть

объявляй в регламенте регулировку клапанов через каждые три часа.

— И объявляйте, что тут такого? Если это будет не нужно, опытный механик на слух определит и не будет делать лишнюю операцию. Но, мне кажется, по мере приработки механизмов интервал между регулировками будет увеличиваться. А пока останавливайте движок и делайте ему первое ТО.

«Ура, — подумал я, направляясь в КБ авиазавода, — теперь у наших проектируемых бомбардировщиков — „кошек“, которые уже разделились на „мурку“ (морскую) и „муську“ (сухопутную), есть моторы. Сами-то они как там поживают?»

Сами они поживали хорошо. Мне же от знакомства с их жизнью чуть поплохело — Саша с Корнеем в один голос утверждали, что только дюралевыми лонжеронами и подкосами не обойдешься, и требовали существенного увеличения доли крылатого металла в конструкции. Пора и нам потихоньку свое Кольчугино развивать, а пока придется опять просить графа об увеличении поставок...

Морская «мурка» отличалась отъемной консолью крыла от линии моторов, иначе она просто не лезла в трюм, и иной конструкцией шасси.

И еще мои конструктора сказали, что временно ставить на «кошек» двухтактники Т-4 не выйдет, больно уж сильно различаются данные. Значит, проектируем их исключительно под только что вылупившийся Т-7, решил я. Но с производством труба будет, поэтому надо срочно форсировать работы по доводке большого пресса, а то до сих пор лонжероны для «бобиков» вручную выколачиваются. Мало того что они по цене чуть ли не золотые получают, так из-за этого у нас «бобиков» пока только девять штук...

«Смена уже почти выросла, — думал я по дороге в Остехбюро. — „Святогора“ я проектировал сам, до последней рейки. „Тузик“ можно было считать совместным творением, но на самом деле я просто рисовал чертежи руками моих конструкторов. Стоило мне чуть отвлечься, и они начинали портачить. „Бобик“ был уже наполовину их творением, а „кошки“ — тем более... Кроме того, насчитывающее уже почти полсотни инженеров КБ могло позволить себе разрабатывать одновременно несколько самолетов, и где-то в недрах потихоньку вызревал четырехмоторный дальний бомбардировщик, к которому я вообще не имел отношения. Даже как-то немного грустно, честное слово...»

В Остехбюро я шел за копиями скачанных из инета эскизов «Ямато» — ну не отправлять же за рубеж продукцию принтера! Смотреть их я даже не стал, просто сгреб в кучу и понес в шестой отдел на предмет отдать

Бене.

— Переправим, — кивнул Бенья, — и заодно появится хоть какое-то объяснение, откуда у БББ взялся первоначальный капитал. — Его эмигранты уже начали организовывать Брайтон-Бич Бенк. — Вот только как назвать? Проекты такого уровня без названий не бывают.

«Так, — подумал я, — можно и „Ямато“ оставить, но как-то это не очень. А вот что-нибудь попроще в японском же стиле будет в самый раз!»

— Запишите, — сказал я, — проект «Харакири».

Покинув шестерку, я направил свою «оку» на окраину Георгиевска, к депо. Недавно тут появилось новое предприятие, объект «Ша». Это был не столько технический, сколько организационный эксперимент, и буква его названия обозначала «шарашку». Нет, не классическую, а-ля бериевскую, а с поправкой на местные реалии.

Группе небогатых студентов сделали интересное предложение: за пару месяцев до защиты диплома бросить учебу и перейти на казарменное положение в Георгиевске. Еду, одежду им обеспечивали, но денег на личные нужды давали, мягко говоря, очень скромно, зато в средствах на работу не ограничивали вообще. Была поставлена задача, и определены довольно жесткие сроки ее выполнения. Сделаете — сразу получаете деньги за все время из расчета примерно полторы тысячи в месяц, диплом, хоть вы его и не защищали, но это наша забота, и соответствующую должность в Георгиевске. Нет — получайте деньги на дорогу и катитесь отсюда куда хотите...

Я даже и не ожидал, что согласятся практически все, так что появилась возможность создать две конкурирующие бригады. Якобы засчитана будет работа только той, чье изделие покажет себя лучше...

Им было велено сделать тепловоз. Вот вам тринклер-генераторы (некондиция от «ракообразных»), вот вам электромоторы (от них же), а колесные пары, тележки и прочее можете заказывать где угодно, хоть в России, хоть за бугром, — вперед, орлы, и в случае чего родина вас не забудет!

Она их и так не забывала в лице своих лучших представителей, то есть шестого отдела, — периодически мне на стол ложились подробные доклады.

Первая группа решила действовать в духе того, что синица в руках — это очень хорошо. То есть они не рисковали и работали наверняка — по минимальным цифрам задания. В результате их тепловозик, а фактически мотоплатформа мощностью триста киловатт позавчера сбегала в Тулу и

обратно, таща за собой три груженных вагона и уверенно выдерживая скорость шестьдесят километров в час. Сейчас я и собирался официально принять эту работу.

Вторая группа замахнулась на гораздо большее. Их девятистотонный локомотив с двумя тринклерами мог тащить килотонный состав! Точнее, смог бы, если бы он поехал... Правда, до окончания срока оставалось еще три недели.

К моему приезду обе группы были собраны в столовой «шарашки».

— Значит так, господа, — начал я свою речь. — Работа первой бригады принята. Все ограничения на перемещения сняты, деньги уже лежат на ваших счетах, Георгиевский коммерческий банк находится на Кошачьей улице, это от вас прямо и налево. Бордель, ресторан и прочее — в Приемном парке. Где он? Это вам любой покажет. Всем предлагаются должности на Георгиевском вагоностроительном заводе, которого еще нет, но он скоро будет. Жду вас не позже чем через два дня. Можете быть свободны.

Через три минуты в столовой осталась только вторая группа, причем с какими-то невесторженными выражениями на лицах.

— С вами чуть сложнее, — объяснил я им, — ваша работа принята условно. Денег я вам сейчас немного дам, и сегодня объявляется выходной. Но завтра начинаете доделывать свою телегу... вот смотрите. — Я достал электросхему их тепловоза. — Вы не учли, что при разрыве контактов будет ЭДС самоиндукции, — пояснил я, — и выбрали слишком маломощные и короткоходные реле, поэтому они у вас если и не залипают, то горят. И схема не очень удачная, вот так будет лучше... — Я протянул им наспех нарисованную картинку. — И конденсаторы параллельно контактам поставьте — поможет. Как только это сделаете, ваша работа тоже будет принята. Кроме вагоностроительного завода у нас будет еще и КБ железнодорожного транспорта, и я надеюсь, что вижу перед собой его руководящий состав.

В работе этой бригады меня подкупили не только их размах и готовность рискнуть, но и творческий подход к делу. Силовой каркас их локомотива представлял собой пространственную ферму, заранее предназначенную для навешивания брони. Такие догадливые люди нам будут очень кстати... Ведь тут уже кончался январь 1903 года, и до войны оставалось совсем немного!

Каледин побывал в Порт-Артуре и теперь составлял план передислокации туда своей бригады.

«Консервный завод» в Хуицаинзе был почти готов и скоро должен был

начать гнать продукцию — ручные гранаты и противопехотные мины. Кстати, тамошние Кулибины помимо моих лягушек предложили совсем простое устройство — кусок железной трубки с пистолетным патроном прикапывается вертикально. Как только на него наступает японец: хлоп, — и воевать он уже долго не сможет, стопа раздроблена, да еще и заражение от грязи... Очень гуманно, мы никого не убиваем, а ущерб противнику наносится даже больший. Труп, он ведь лежит себе и лежит, а раненый начинает орать, подрывая боевой дух товарищей; потом его надо тащить в тыл, лечить там и кормить... Только зачем тратить пистолетные патроны, они нам для автоматов пригодятся. На военных складах полно патронов с дымным порохом для берданок, нам их за так отдадут — и еще спасибо скажут.

Потихоньку начал создаваться запас рельсов — для путей подъезда передвижных ЖД батарей на позиции. Вот для них-то и нужны были мотоплатформы первой бригады — а то дым паровоза слишком недвусмысленно намекнет противнику, что и куда приехало. Ну а настоящий тепловоз — это для бронепоезда, который пора было уже выгонять с запасного пути.

Вот ему для разведки и корректировки точно понадобится автожир, кстати. Затея с самолетами — все-таки слишком авантюрно, народ побьется, но автожир — совсем другое дело!

«Значит, сразу и озадачу вторую бригаду полноценным бронепоездом, — подумал я. — И денег им, пожалуй, надо будет дать из расчета не по полторы, а по две тысячи!»

ГЛАВА 14

— Ваши высочества, разрешите просочиться? — поинтересовался я, оказавшись в Гошином кабинете.

— Открывать дверь ногой — это «просочиться»? — кротко спросил Гоша. — И что случилось с твоей хваленой пунктуальностью? Десять минут уже мы с Мишелем тебя ждем, вообще-то говоря...

— Так я ж бегом бежал, ну и чтоб не тормозить с разгону... А с пунктуальностью ничего не случилось, просто «ока» сдохла. Еще вчера мотор застучал, думал после совещания отдать на замену, а он не дожил. Но ничего так машинка побегала, почти одиннадцать тысяч километров.

— Ладно, тогда первое совещание руководящего состава ИВВФ будем считать открытым, — сообщил его главнокомандующий. — Да сядь ты наконец. Вот твоя пепельница! Сегодня нам предстоит решить, как, из чего и когда будем формировать авиационные части наших дивизий.

Надо сказать, что авиадивизии Российской империи, существующие пока лишь на бумаге, представляли собой весьма странные образования. Дивизия включала в себя два авиаполка, одну авиагруппу, то есть недополк, и пехотное либо конное подразделение неустановленной численности. Эти подразделения уже существовали, ровно две штуки: бригада Каледина численностью пять с половиной тысяч штыков (точнее, стволов) и Особый казачий отряд Богаевского восемь тысяч сабель (а вот они, кажется, там были у всех). Командиром первой дивизии еще полгода назад стал я, а недавно был подписан указ о формировании второй с Мишелем во главе. Осталось решить, как мы будем делить авиацию — места дислокации были уже примерно согласованы.

— Все «пересветы» и «святогоры» — второй дивизии! — внес щедрое предложение я.

Мишель кивнул, правда без малейших признаков воодушевления. Оно и понятно, первая должна была базироваться на Ляодунском полуострове и действовать большей частью по морским целям, этим каракатицам там делать нечего...

— Еще туда можно выделить полсотни «тузиков», — продолжил я. — И шесть «бобиков» для качественного усиления.

— А Полозова ими командовать! — подалось вперед младшее высочество.

— Мишку не дам, — возразил я. — У вас, господин полковник, еще

Потапова остается, ее-то вы мне не отдадите? И Знайко с Ладыженским, так и быть!

— Ну это понятно, — усмехнулся Мишель, — они воды боятся. Но все-таки в Порт-Артуре будете вы...

— Я старый, больной человек, — пояснил я Мишелю, — и генерал к тому же. — Вы таки думаете, что я там буду целыми днями трепыхаться по небу? Хорошо, берите еще Николаенко.

— А действительно, кто в Артуре-то летать будет, раз ты почти весь первый поток раздал? — забеспокоился Гоша.

— Во втором есть талантливые ребята, впереди еще почти год, подучатся. Но вернемся к самолетам. Четыре воображаемых «бобика», то есть которых еще нет, записываем за «Мономахом». И два реальных «тузика» — туда же. Пять «бобиков» оставляем второй летной школе.

— Девять минус шесть будет три, — сообщил Мишель.

— Спасибо, я в курсе. Значит, первые же два вышедших с завода пойдут в школу. А потом я их предлагаю делить в пропорции: три — в первую, один — во вторую дивизии и так далее...

— А... — начал было Михаил.

— А еще учтите, что вполне возможна блокада Порт-Артура с суши. Если же при этом Куропаткин допятится до Харбина, то поставки самолетов нам прекратятся и они все пойдут вам.

— Что ты планируешь у себя как авиагруппу? — поинтересовался главнокомандующий.

— Пока не знаю. Если подоспеют «кошки», то их... — «Грабеж», — негромко буркнуло младшее высочество. — А если нет — можно опытное подразделение автожиров сделать, вдруг да и проявят себя...

— Командиров твоих полков я знаю, — заметил Гоша, — а авиагруппы?

— Тоже знаешь, и причем гораздо ближе. Это Маша.

— Что?! — подпрыгнуло высочество.

— То самое, — развел руками я. — Ты, значит, решил смотаться погеройствовать на Дальний Восток, а она в Москве оставайся? Плохо ты ее знаешь. А представь себе: ранят тебя и попадешь ты в госпиталь к медсестричкам... В общем, можешь и не пытаться отговаривать.

— Господи боже мой, — покачал головой Гоша, — ты хоть можешь сказать, на чем на войне менее опасно — на «кошках» или на этих твоих автожирах?

И тут лицо Михаила застыло. Кажется, он только сейчас понял — на войне его Наташа будет летать не просто так, что при ее мастерстве почти

безопасно, но под огнем с земли и с воздуха...

С совещания я отправился к себе, где меня ждал Каледин — Алексей Максимович недавно приехал с Ляодуна и теперь хотел поделиться скорректированными планами обороны полуострова.

— Сразу хочу вас огорчить, Георгий Андреевич, — заявил он мне. — Посмотрев, где нам придется воевать, я считаю нашу артиллерию практически непригодной. Сложный рельеф местности, поселок Цзинь-Чжоу прямо по фронту предполагаемой первой линии, вообще масса каких-то фанз и прочих сарайчиков... Да и выбор снарядов сильно сужает и без того невеликие возможности пушек.

— А что со снарядами? — поинтересовался я.

— Картечь и шрапнель, больше никаких.

— Ну и ну, — удивился я, — это кто же такое придумал? Что, во всей армии так?

— Увы. Насколько я знаю, фугасные снаряды для полевой трехдюймовки даже не разработаны.

— Так, это мы попробуем разобраться, — сделал пометку в блокноте я, — продолжайте.

— Я, конечно, понимаю, — замялся Каледин, — что, только получив трехдюймовки, мною же заказанные, тут же от них отказываться и требовать другие... Да, это моя ошибка, готов понести наказание.

— Да отстаньте вы от меня со своим наказанием, что вместо этих пушек, вы уже решили?

— Стопятимиллиметровые гаубицы Круппа.

— Те же двадцать четыре штуки?

— Да.

— Будут, — пообещал я, — причем быстро, если их можно не заказывать, а прямо сразу купить. Давайте дальше.

Повеселевший Каледин разложил на столе карту.

— Первая линия обороны — вот, — провел он указкой по линии, — имеет основным опорным пунктом гору... На двух моих картах она называется по-разному, местные зовут ее сопка Самсон.

— А это что за пунктирчики спереди?

— Боевое охранение. Войдя в соприкосновение с противником, оно вынудит его начать развертывание вот тут...

— А, — догадался я, — вот зачем этот отросток железки, отсюда можно будет малость пострелять по тому квадрату из восьмидюймовок.

— Тут есть тонкость, — продолжил Алексей Михайлович. — Сопка

Самсон господствует над местностью, и от того, сколь долго мы будем ее оборонять, зависит многое. Но строить там долговременные укрепления прямо сейчас нельзя, как вы сказали, из соображений маскировки...

— Зато шахты рыть можно, — почесал в затылке я. — Будем, как говорится, искать стране боксит и сфалерит.

— Что? — не понял Каледин.

— Полезные ископаемые. Хотя могут найтись умники, которые знают, что ни того, ни другого тут отродясь не было, так что мы там будем добывать мифрил. То есть пусть ваши офицеры готовятся изображать из себя горных мастеров, и со списками не затягивайте, оборудование там, материалы... Ладно. Дальше вы как себе развитие событий представляете?

— При невозможности удерживать эту позицию мы отступаем на вторую линию, вот она, практически по самому узкому месту перешейка проходит. В этом случае перешедшая к противнику сопка Самсон может доставить нам некоторые неприятности.

«Интересно, — подумал я, — сколько снарядов главного калибра потребуется артурским броненосцам, чтоб срыть эту гору под корень? Хотя слева они не подойдут, потому что там мелко, а справа, скорее всего, тоже, потому что там могут появиться японцы... Любопытно, как должен выглядеть заградотряд на море? Пожалуй, придется самолетами сопку перепахивать...»

— И наконец со второй линии можно отступить на третью. Это последняя, до которой мы можем отходить, держа ситуацию под контролем. Если создастся реальная угроза и этой линии, она будет означать также и угрозу обороне всего полуострова.

Я присмотрелся к его карте повнимательней. Правый фланг первой позиции занимала не бригада, а два полка из дивизии Фока.

— Вы считаете первую линию слишком длинной, чтобы всю ее оборонять силами бригады?

— Да. К тому же в резерве я хочу иметь именно свои части.

— Та-ак, а эти штриховки — минные поля? Тогда почему у вас они в основном сзади, спереди только две маленькие кляксы, а у Фока сзади их вообще нет, зато спереди все засеяно сплошняком?

— У меня оставлены коридоры для контратак. Эти же коридоры, когда их расположение станет известно японцам, приведут их под пулеметный огонь с флангов. В способность Фока организовать хоть грамотную контратаку, хоть фланговый обстрел из пулеметов я не верю, поэтому спереди такая конфигурация. Ну а сзади... своих людей я уже неоднократно тренировал на отход через минное поле и буду это постоянно

делать на месте, а вот Фок...

— Если бы Фок да со своим штабом пробежался по минам, оно бы было замечательно, — усмехнулся я. — Только их-то вот там как раз и не будет, а солдатиков жалко... Кстати, вы с ним вроде встречались?

— Да. Весьма неприятный человек. И ладно бы при этом он был знающим офицером... Дивизия производит удручающее впечатление. И не только на фоне нашей бригады, а вообще.

— А Восточносибирская бригада?

— Сборная часть в процессе формирования. Командира нет, половины штаба тоже...

— У меня есть сильные подозрения, что скоро ее командиром будет назначен Кондратенко, — заметил я.

— Роман Исидорович? — вскинулся Каледин.

— Вы что, знакомы?

— А как же, с Академии Генштаба. Очень толковый офицер, просто великолепная кандидатура! Ну если вам удастся организовать его назначение, ситуация, я думаю, сильно улучшится.

— Удастся, не волнуйтесь. Возьму-ка я это дело на особый контроль...

Я сделал еще пометку в блокноте. Действительно, раз уж его и без нас туда назначат через полгода, то почему бы не ускорить это дело?

Вечером я напросился в гости к Гоше.

— Появилась тут у меня проблема морального плана, — сообщил я ему, — и хотелось бы с тобой посоветоваться.

— Очень интересно, — пододвинул мне стул Гоша, — обычно ты с их решением никаких трудностей не испытываешь...

— Старею, наверно, — пожал плечами я, — в общем, такое дело. Оказывается, к основной русской пушке, полевой трехдюймовке, вообще нет фугасных снарядов! Как так ухитрились, я до сих пор не могу понять. Это, конечно, совершенно недопустимо. Так вот, я вижу тут два пути. Первый — я отправлю на имя военного министра, коим у нас сейчас торчит Куропаткин, бумагу с описанием неправильности этой ситуации. В ответ получу, скорее всего, какую-нибудь отписку...

— Или ничего, — предположил Гоша.

— Нет уж, неважно какого, но ответа я добьюсь. Потому что сразу после начала войны к этой бумаге будут прикладываться рапорты артиллерийских офицеров о том, что так жить нельзя.

— Да уж, при Сталине такой набор документов вполне потянул бы на хороший приговор...

— И у нас так должно быть, если не хотим профукать все подряд. Вот такой первый вариант. А второй — эту бумагу пишешь ты, мы обеспечиваем ее поддержку Николаем. Думаю, этого хватит, чтобы сдвинуть дело с мертвой точки. Но у Куропаткина — да и хрен бы с ним, на фоне прочих вполне приличный человек — не появляется ни малейшего повода чесаться, и у остальных тоже... И в ситуации, когда нашего вмешательства не будет, а оставить что-то как есть нельзя, все будет, к сожалению, оставлено как есть.

— Если бы этим все и ограничивалось, я бы был целиком за первый вариант, — мрачно сказал Гоша. — Но ведь сколько солдат погибнет!

— В этом-то и заключается проблема. Сколько их погибнет из-за отсутствия нормальных снарядов и сколько — от некомпетентности командного состава, который, кстати, при первом варианте можно было бы хорошенько перетрясти! Подозреваю, что потери из-за снарядов будут много меньше...

— Делаем так, — твердо сказал Гоша. — Бумагу пишешь ты. Только не выставляй козлом отпущения одного Куропаткина! Найди, кто действительно принял и поддерживал это решение. И разберись, чем он руководствовался. А снаряды мы закажем для флота, чтобы к началу войны они как раз были в пути на Дальний Восток.

«Странно, — думал я поздним вечером, уже у себя. — Не могло ведь само собой получиться отсутствие фугасных снарядов, это противоречит логике развития техники!»

Катапульты швырялись камнями. Потом для этой цели изобрели пушки, и они тоже поначалу стреляли каменными ядрами. Почти сразу догадались, что пушку, в отличие от катапульты, можно зарядить и булыжной россыпью, так появилась картечь. Со временем ядра стали чугунными, а картечь свинцовой. Дальше пытливая мысль дошла до набивания ядер порохом, и появились первые фугасы.

Нарезные казнозарядные орудия повторили путь своих гладкоствольных предшественниц, только быстро — буквально через несколько лет после появления первых конических болванок они разнообразились болванками с начинкой. До шрапнели додумались уже сильно потом...

А тут вдруг для нашей пушки кто-то искусственно запретил фугасные снаряды — именно так, иначе они обязательно были бы! Действительно, надо бы найти этого «кого-то» с целью ласково взять гада за хобот...

Кстати, а в чем вообще преимущество нашей трехдюймовки перед

крупповской гаубицей? Веса они одинаковы, чуть за тонну. Снаряд у нашей пушки вдвое легче. Дальность одинаковая, семь километров. У пушки лучше настильность, но это ведь нужно только при стрельбе прямой наводкой!

Ладно, при Сталине выбор трехдюймовки был оправдан — при стрельбе бронебойными снарядами она могла быть использована как противотанковая, что как-то компенсировало меньший вес снаряда. И совсем уж в тему — когда в сорок первом вдруг выяснилось, что производство бронебойных снарядов к трехдюймовкам практически не развернуто, что сводило на нет их противотанковые возможности, нарком Ванников сел как миленький! Вместе со своими ближайшими помощниками. Потом, правда, Ванникова выпустили, — видно, догадался в свое время прикрыть зад каким-то документом, а вот помощникам так повезло далеко не всем.

Но ведь тут у Японии, равно как и у всех прочих вероятных противников, отродясь не было танков! Откуда же тогда вообще взялась эта пушка?

Мне стало даже интересно — принимали ее на вооружение те же люди, что и запрещали фугасный снаряд, или это были независимые друг от друга группы доброжелателей? Действительно, надо разобраться. Не исключено, что в процессе этого на свет вылезут и другие, не менее интригующие эпизоды...

ГЛАВА 15

Когда подошел к концу январь девятьсот третьего, я с удивлением стал ловить себя на том, что малость нервничаю. До войны оставалось меньше года, а у нас, на что ни глянь, ситуация от «ну что-то такое вроде есть» до «конь не валялся». Отговорки самому себе «так раньше и того не было» действовали слабо — мне почему-то хотелось, чтобы все прошло «как лучше», а не «как всегда».

Везде успеть физически не могли ни я, ни Гоша, ни наши люди. Постоянно что-то всплывало, наподобие истории с пушечными снарядами. Но на трех ключевых направлениях я обязан был держать руку на пульсе. Ключевыми были признаны: подготовка к смене императоров (ну тут у меня была сверхэнергичная помощница, едва ли не начальница), обеспечение обороны Ляодунского полуострова и идеологическая работа. Причем последняя по важности ничуть не уступала двум другим. Ведь действительно, ну чего такого особенного произошло на Дальнем Востоке в нашей истории? Без котлов, окружений и особых потерь наши отошли менее чем на пятьсот километров. Да по меркам сорок первого года это была блестящая виктория! А что флот утопили — так, чай, не в первый раз, да и не весь он утоп, кое-что осталось...

Но общество восприняло это как сокрушительное поражение и возмутилось. Точнее, не само возмутилось, ему сильно помогли. Ну а мы сейчас силами обеих спецслужб и информбюро готовились помочь в прямо противоположном направлении.

Каждый действовал на участке, где чувствовал себя лучше всего.

Вчера Бенья скорбно сообщил мне, что только прибежавший в Лондон из сибирской ссылки Лев Троцкий слег с тропической лихорадкой, и он, Бенья, сильно подозревает, что медицина окажется бессильна. Некто Азеф был просто найден в канаве с дыркой в голове, скорее всего, от пули. Гершуни ни с того ни с сего утонул, катаясь на лодке... А Израэль Гельфанд, более известный в наше время под фамилией Парвус, вдруг необычайно увлекся проезжей французской журналисткой. Ну тут Татьяна превзошла саму себя — ее «журналисткой» даже я чуть не увлекся, куда там было устоять какому-то Парвусу! У Владимира Ильича Ульянова появилась секретарша, причем по фамилии отнюдь не Крупская — эту я лично не видел и сам сказать ничего не могу, но Татьяна твердо заявляла, что Наденьке ничего не светит.

По прессе работали дружной командой. Были определены наиболее влиятельные газеты и журналы. Затем информбюро пыталось подружиться с их руководством, что иногда получалось. Так, например, в «Ниве» у нас были очень хорошие связи, в «Санкт-Петербургских ведомостях» неплохие, да и в «Московских» тоже. Некоторые издания, например «Коммерсант», мы просто купили. Ну а на тех, с кем подружиться не получалось, Танины девочки начинали добывать и создавать компромат. Шестерка тем временем изучала распорядок дня и привычки объектов, места, где они любят появляться, их друзей и недругов... Шла нормальная работа. Как раз на сегодня у меня было запланировано прослушать доклад директора информбюро, чем я и занимался.

— Таким образом, — подытожил Костя первую часть своей речи, — вот список изданий, сотрудничество с которыми на сегодняшний момент представляется невозможным. Вот кадровые списки, для Бени и... э-э-э... Татьяны Викторовны.

Тут надо заметить, что вообще-то все посвященные хоть в какие-то тайны мою шестерку так побаивались. Константин Аркадьевич в этом смысле оказался исключением, но зато он почему-то до дрожи в коленках трусил не то что при виде, но даже при упоминании имени Татьяны.

— Вот тексты ваших песен, они доработаны в соответствии с возможными потребностями в нескольких вариантах, — продолжал директор. — Что касается исполнения, то есть договоренность с Шаляпиным.

Не так давно я дал ему тексты и ноты, где вместо явных анахронизмов стояли троеточия, и задание привести их в пригодный для исполнения вид. Быстро пролистав «Вставай, страна огромная», «Бьется в тесной печурке огонь» и даже «Найденов дал стальные руки-крылья, а вместо сердца пламенный мотор», я отложил папку для вдумчивого изучения и кивнул:

— Продолжайте.

— По поводу агитаторов, — взял другую папку Костя, — я бы вообще предложил исключить слова «агитация» и особенно «пропаганда» из широкого хождения. Ведь та же пропаганда — это распространение не вообще сведений, а только нужных. К сожалению, слово «информатор» тоже имеет негативный оттенок, так что я предлагаю называть их нейтрально — георгиевцами. Их цель — нести свет культуры в массы. Кстати, отец Пантелеймон положительно отнесся к этому проекту и готов задействовать свои связи в здоровых сферах церкви. Ориентировочно будет подготовлено около двух тысяч наших сотрудников, а также предполагается участие нескольких сот священнослужителей разного уровня. Им нужны

детекторные приемники, как минимум один на троих. То есть количеством порядка тысячи. Далее, нужно не менее двух сотен дискофонов с набором пластинок для работы в крупных селах. Кроме того, двадцать, а лучше пятьдесят кинопередвижек-библиотек. По Волге и Оке пустить оборудованные для этих целей пароходы. Это в основном для работы в провинции, в столицах своя специфика...

«Да уж, чего-чего, а специфики тут хватает», — подумал я.

— Нужна партия, — продолжал Константин, — которая будет иметь своей целью борьбу за интересы рабочих и крестьян — как экономические, так и политические. Предполагаемое название — Российская рабоче-крестьянская партия.

«Что за бред!» — чуть не ляпнул я, но вовремя прикусил язык. А действительно, чем плохо? Нет конкретики, так ведь она здесь действительно не нужна! Зато любой возможный изгиб генеральной линии имеет объяснение прямо в названии — так будет лучше рабочим и крестьянам, ясно? Название легко запоминается, аббревиатура тоже ничего...

— Принимается, — кивнул я, — а персоналии?

— Тут я в сомнении, — признался Константин. — С одной стороны, партия должна служить нашим интересам, то есть быть хорошо управляемой, это подразумевает, что руководящий состав будет из шестого отдела и информбюро. С другой, вы много раз говорили, что в любом деле важен профессионализм. Но ни у меня, ни у Бени нет борцов за права народа с достаточным опытом, и как бы вместо партии не получился ее муляж!

— Или взять уже известного не только в Георгиевске, но и за его пределами выразителя интересов рабочих, — продолжил его мысль я.

— Совершенно верно, это председатель объединения профсоюзов Георгиевска Илья Андреевич Михеев. За — его большой опыт, авторитет в рабочей среде и некоторая известность в межпартийной. С небольшими оговорками я могу отнести к числу достоинств и его безусловную, временами даже болезненную порядочность...

— Без всяких оговорок, — возразил я. — Председатель партии таким и должен быть, это его помощники могут самую малость не соответствовать идеалу. Так что пусть господин Михеев переходит на новый уровень своей подвижнической деятельности.

— Но с управляемостью могут возникнуть проблемы, — засомневался Костя.

— Если будем лениться думать, обязательно возникнут. Я понимаю,

хочется попроще — чтобы мы в случае чего просто сказали «надо» и партия ответила «есть». А тут придется напрячь мозг и объяснить Михееву, почему в данный момент надо именно так. Никакого вреда не вижу, глядишь, и сами получше в проблему вникнем. Ну а если этого борца за народное счастье занесет совсем уж не в ту степь, выпавшее из его ослабевших рук знамя вовремя подхватят верные товарищи... Действуйте.

— Еще какие-нибудь указания будут? — осведомился Константин, давая понять, что у него все.

— Пожалуй, будут, — задумался я. — Недавно в Серпухов приезжал бродячий цирк, помните, там еще кот был дрессированный? И мне почему-то кажется, что это вовсе не исключительное для России явление, я не котов имею в виду. Много бродячих и просто безработных актеров. Много трупп самой различной направленности... Вот неплохо бы их всех, ну или большинство, привлечь к возвышенным целям, вряд ли на это понадобится много денег, а эффект будет. От вас потребуется составить базу данных, сочинить какой-то репертуар, от трагедий до частушек, ну и, в общем, направлять народ куда надо. Под это, пожалуй, и еще отделчик у вас не помешает сделать, к послезавтра прикиньте штаты. Ну а теперь вроде действительно все.

А по первому направлению события вдруг пошли развиваться с опережением графика. Убийство эсерами министра внутренних дел Сипягина произвело на Николая сильное впечатление, а последовавшее через месяц хоть и неудачное, но все же покушение на Победоносцева усилило эффект. Затем был ранен Оболенский, потом убит уфимский губернатор Богданович... Отстрел более мелких персон шел десятками.

Полгода назад был создан надзорный орган за силовыми структурами, находящийся в прямом подчинении императору, этот орган назывался Комкон. В нем имелся следственный отдел, возглавляемый вашим покорным слугой, и он тоже внес свою лепту, раскопав аж три попытки покушения на Николая.

Первая была настоящая. Голубчиков взяли на стадии изготовления бомбы, и вскоре близкое знакомство с начальником седьмого отдела старшим следователем Гнидой сподвигло их на неудержимое раскаяние, по результатам которого было прихвачено еще несколько персон, — в общем, шла работа.

Вторая — дутая: несколько студентов, подвыпив, начали излишне громко обсуждать, что Николашку пора бы слегка того. Этих никто и пальцем не тронул, им просто дали посмотреть на работу Гниды с

клиентами из первой группы, после чего студенты были готовы признаться в чем угодно. Теперь они мирно сидели в предварилровке, с некоторым даже комфортом, и, сами того не зная, ждали начала японской войны. Я думал предложить им смыть вину кровью, отправившись добровольцами на фронт.

Третья была липовой. На окраине Москвы вдруг прозвучал мощный взрыв, сменившийся сильным пожаром, и только по счастливой случайности обошлось без жертв среди местного населения. Мой отдел быстро и качественно сочинил доказательства, что это рванула подпольная лаборатория эсеров.

На самом деле это было неудачное испытание вакуумной бомбы. Между нами, взрыв получился откровенно хреноватым, а уж про пожар и вовсе ничего хорошего сказать было нельзя, и я решил поступить по принципу «с паршивой овцы хоть шерсти клок».

Все эти дела были показаны Николаю вместе с моим заключением, в котором было подчеркнуто, что в настоящее время существует нешуточная опасность для жизни его величества и всей семьи тоже. Полиция предоставила царю аналогичные сведения, в результате чего он практически безвылазно сидел в своей резиденции и уже заслужил прозвище Царскосельский Суслик.

Чтобы Николай не особо много возомнил о себе, на вдовствующую императрицу тоже было совершено покушение, но эсерам такое тонкое дело я не доверил, операцию проводил шестой отдел.

— Вот только попробуйте мне машину попортить, самих заставлю ремонтировать, — напутствовал я агентов, и они вняли. Взрыв грохнул прямо перед капотом бронированной «оки», но, при всей его эффектности, дело обошлось лишь царапинами на краске.

По результатам всех этих событий императрица имела длительную беседу с сыном, после чего сообщила мне, что первый этап созревания клиентуры завершился досрочно. Алиса в депрессии, у нее начали периодически отниматься ноги. Николай растерян, он не знает, на кого опереться, поскольку даже друг детства Сандро оказался предателем. Поэтому Ники решил пригласить Гошу в Питер и, судя по всему, хочет просить его организовать встречу с горным старцем.

Наш образ действий был заранее продуман, и Гоша ответил, что старец не желает лично являться из-за всякой ерунды вроде чьей-то там депрессии, но согласен поговорить по аппаратуре межмировой связи. А так как эта аппаратура находится в Георгиевске и никуда перемещена быть не может, дескать, решайте сами...

Началась подготовка к визиту его величества в пригород провинциального Серпухова, Георгиевск, впятеро превосходящий сам Серпухов по численности населения, в гости к наследнику-цесаревичу.

Эта самая подготовка началась с визита Гоши в мой кабинет.

— Я хотел уточнить, — начал он, — что, хотя безопасность Ники в дороге вроде и не напрямую наше дело, но ты уж, пожалуйста, этим займись. Вдруг какие партизаны рельсы заминируют! И не надо мне здесь объяснять, что такое развитие событий будет весьма к месту...

— Не стану, — согласился я, — ты лучше этот листочек почитай.

Я достал из стола обрывок бумаги, на котором было написано «а вот сейчас придет высочество и скажет...», ну и дальше примерно то, что он только что мне озвучил.

— Видишь, как я тут натренировался во всяком оккультизме, даже в старца не переодевшись, будущее предсказываю на раз. — На самом деле, разумеется, в столе лежал не один, а несколько листочков. — А по делу: даже если вывести из рассмотрения мои высочайшие моральные качества, в которых никто не сомневается...

— А кто усомнится — Гнида того с удовольствием выслушает, — фыркнул Гоша, а я продолжил:

— ...То насильственная смерть Ники нам сейчас совершенно ни к чему. Всем ясно, что наибольшую выгоду от этого получишь ты, поэтому, какими бы железными ни были доказательства твоей непричастности, осадок все равно останется, а это совершенно лишнее. Так что не волнуйся, должные меры будут приняты. Пустим вперед царского поезда нашу бронеплатформу, пусть перед отправкой на Ляодунский перешеек в Питер сбегает. Ну и вообще, шестой отдел уже озадачен, так что не волнуйся.

— А как приглашать Николая, с Алисой или без? — поинтересовался Гоша.

— Да ну ее, — сморщился я, — пусть с дочерьми посидит, что ли, авось поможет от мигрени. Старец в конце беседы прикажет мне помочь императрице, вот я и слетаю в Питер, все равно надо с дядей Алексеем повидаться.

— И мне с тобой лететь, портал же будет!

— Не хочешь, не лети. Зачем сразу портал, у Алисы все болезни от нервов, так что я для начала несколько упаковок феназепама и реланиума ей презентую, пусть покушает. Не поможет — тогда действительно придется делать портал...

— И какого ты планируешь визит? — спросил Гоша напоследок.

Я захохотал. Гоша с недоумением смотрел на меня. Наконец,

отсмеявшись, я уточнил:

— «Какого» — это имеется в виду числа или хрена?

ГЛАВА 16

Из дневников капитана 2-го ранга РИФ М. Н. Беклемишева

20.03.1903

Осмотр лодок императором, генерал-адмиралом и великим князем Георгием Александровичем, намеченный на 8.03.1903 г., не состоялся. Вероятно, великий князь Георгий Александрович решил не рисковать сбережением тайны нашего существования. Лучше в деле показать, на что лодки способны, нежели перед всем светом выставиться, а потом лицом в грязь... Я же, напротив, никаких сомнений в величайшей полезности подобных кораблей для русского флота более не испытываю. Наши практические повседневные выходы в море на отработку маневрирования, погружений и стрельб привели к должному результату. К сему дню находили мы по морю немногим менее семи тысяч миль. Выявили немало слабых мест в конструкции механизмов, устранили множество неисправностей, большей частью своими силами. Некоторые механизмы были заменены усовершенствованными, так как обнаружили слабинку в конструкции.

Особенно много хлопот доставил воздушный компрессор высокого давления. Попил же он нашей кровушки, пока мы с Налетовым и нашими инженерами-механиками, 25-летними «дедами» Красовским и Демченко, не довели его до надежного, работоспособного состояния. Пришлось доработать конструкцию нескольких клапанов в системе погружения. Из-за несвоевременного срабатывания некоторых из них лодка при погружении вдруг стала получать опасный, до 20 градусов, крен на правый борт. То же самое происходило на «Крабе». После замены Налетовым всех клапанов системы погружения на усовершенствованные эта неприятная особенность исчезла.

Рулевые научились наконец сносно удерживать лодку на заданной глубине и прекратили рыскать по курсу. Механики устранили все подтекания масла и солянки на тринклерах, и теперь машинный отсек перестал быть основным поставщиком жирной грязи в остальные. Удалось справиться с протеканием сальников перископов. Никак не можем придумать, что делать с конденсатом, постоянно стекающим по переборкам в трюм, откуда его приходится время от времени откачивать за борт. Требуется какой-то легкий и тонкий теплоизолятор. Если использовать кору

пробкового дерева для оклейки бортовых переборок, то обойдется сие весьма недешево, да и горюча пробка изрядно. Только вот не существует в природе материала дешевого, сходного с пробкой теплопроводностью и к тому же негорючего. Однако что-то с этим делать необходимо. Да и в лодках потеплее стало бы. А пока что сыро у нас и холодно. И чего греха таить — грязновато.

Мы наработали изрядный опыт торпедных атак. Определили наиболее выгодные курсы и дистанции торпедной стрельбы. Установленный в ЦП при переоборудовании лодок электрический прибор управления торпедной стрельбой, задающий торпедам угол отклонения от диаметральной плоскости, значительно облегчил нам прицеливание. Поначалу работа с ним показалась нам несколько сложноватой, путались в переключении тумблеров при установке отклонения, но полегоньку освоились и с этим. Благодаря постоянной практике и новому способу наведения торпед стали мы попадать в неподвижную цель чаще, чем мазать. Выпустили по баржам по две боевых торпеды. Попали все четыре. Впечатление от их воздействия на баржи самые необыкновенные. Новые торпеды гораздо мощнее принятых флотом на вооружение. Достаточно сказать, что от взрыва обе баржи просто преломились в середине, выпустив все свое содержимое на волю волн, и быстро затонули.

Произвели изрядное число минных постановок, из надводного и подводного положений. Никаких неисправностей в работе минных элеваторов не случилось. Мины выходили ровно, с положенными интервалами и вставляли правильно. В очередной беседе с Налетовым я изложил пришедшую Михаилу Михайловичу Тьедеру идею о плавающих минах и показал нарисованный нами эскиз устройства такой мины. М. П. нашел, что такая мина получается даже проще обычной, якорной. И обещал доложить великому князю об изобретении нашем. Если Георгиевский завод освоит их выпуск, то такая мина натворит немало дел на вражеских коммуникациях и рейдах. Поскольку общепринятыми способами траления ни обнаружить, ни обезвредить подобные мины невозможно. Только при личном контакте с нею...

Вволю настрелялись по баржам-мишеням, от которых нашими стараниями уже мало что осталось. Определились с погодными условиями, при которых артиллерийская стрельба достаточно эффективна. Мало-мальски серьезный шторм делает применение артиллерии лодок невозможным. Наилучшей дистанцией для пушечной стрельбы признали от 5 до 3 кабельтовых. На более дальних дистанциях процент попаданий упадет ниже всякого допустимого уровня, а при нашем боезапасе в 80

снарядов, превращает сие действо в полную бессмыслицу. С четырех же кабельтовых наши комендоры наострились из этой «немки» всаживать в цель не менее 7 снарядов из десятка. Совсем недурно! И скорострельность в шесть выстрелов в минуту позволит пустить среднее судно на дно за весьма непродолжительное время, если целить и попадать под ватерлинию. При штилевой погоде, разумеется.

Наше с Михаилом Петровичем предложение о дополнительном отсеке в конструкции новых лодок получило одобрение начальства в лице ВК Георгия Александровича, и руководство строительством поручено Михаилу Петровичу Налетову. Он уже закончил расчеты, занимается разработкой технической документации по новым лодкам и вскоре готов будет приступить к их строительству. Помашет нам шляпой с берега и немедленно займется постройкой.

В начале февраля приезжала супруга с сыном. Ужасно по ним соскучился. Зимняя крымская погода с ветрами и дождями ничем не лучше питерской. Однако радость встречи с родными изрядно подняла настроение и сняла накопившуюся усталость. Прогостили они 20 дней, из них больше половины мне пришлось провести в море. Однако выкроил время и свозил их на автомобиле в Севастополь, где мы с удовольствием погуляли по набережной, закончив вечер в ресторане, в обществе знакомых офицеров. Увы, но видеться нам приходилось урывками. Лодки съедали все мое время. Видя такую мою занятость и не вынеся несносной скуки проживания в этой древней дыре, называемой Балаклавою, супруга рассердилась на меня и уехала в Питер. На прощанье удалось успокоить ее тем, что получил я от Налетова предложение поработать с ним на Николаевских верфях. По окончании перегона лодок намереваюсь я уйти к нему в помощники на завод, займусь всерьез любимым делом — конструированием и строительством подводных лодок. Годы уже дают о себе знать. А в Николаеве климат изрядно отличается от петербургского в лучшую сторону. То-то супруге будет в радость ее любимые цветочки разводить. И Сергея Яновича с Иваном Бубновым туда заманю. Люди они талантливейшие. Многие пользы принесут русскому подводному флоту. А в том, что он у нас будет, уверен я теперь совершенно.

P. S.

Получили приказ за подписью ВК Г. А. подготовить лодки к переходу на дальневосточный театр, в Находку. Командование водолазной школой и имущество, приписанное к ней, приказано передать по акту лейтенанту Г. Портом базирования нам определена бухта Врангеля, запасная база — порт

Дальний, где заканчивается строительство необходимых сооружений. Отход назначен на 4 апреля сего года, время прибытия в порт назначения — по возможности. Сменному экипажу лейтенанта В. В. Трубецкого прибыть с личным имуществом в Севастополь, на борт парохода Добровольческого флота «Смоленск».

04.04.1903

Ну с Богом! В 19:00 отошли от стенки, погрузились на перископную глубину и пошли вон из бухты. Пока сняли с палуб пушки для разгрузки корабля на переходе, пока устранили последние недоделки, пока приняли на борт все необходимое, немало пришлось понервничать, и отдохнуть не успел совершенно. Выйдя в море, приказал всплыть, дать восемь узлов и держать курс на проливы. Наконец в 24:00 сдал вахту мичману Черкасскому. Молодой, но весьма толковый специалист наш князюшка. Осталось до Босфора, где нас ожидает «Смоленск», на котором находится 800 тонн солянки и 100 тонн машинного масла, а также комплекты запасных агрегатов и всяческой иной военной амуниции, — 300 миль и немногим более двух суток хода. Погода свежая, но вполне позволяет идти под РДП. К ночи вынырнем и пойдем в надводном положении. Все. Ложусь отсыпаться.

05.04.1903

В 6:00 погрузились под перископную и снизили ход до 7 узлов. На вахте — Красовский. В 12:00 на вахту до 18:00 заступил Ризнич Иван Иванович. Погода ясная, ветер 7 метров в секунду, температура +18 градусов С, волнение 2 балла, видимость до 7 миль. Легкая дымка. С 18:00 до 24:00 снова мне заступать. Четыре вахты на 12 человек по шесть часов. Вот так и пошло: в 19:00 всплываем, в 06:00 ныряем под РДП. Ночью — 8 узлов, днем — 7. Машины в порядке.

06.04.1903

14:00. К Босфору подошли засветло. Связались со «Смоленском», который уже заканчивал переход в Мраморное море и имел на траверзе Царьград. Пришлось подождать сумерек, и в 15:58 начали движение к Босфору. Войдя в пролив, опустили РДП для большей скрытности и пошли на электромоторах, держа ход 4 узла. Хорошая погода изрядно мешала нам, так как в проливе было полно маломерных судов. Пришлось уйти на глубину 15 саженей и идти по счислению, прощупывая глубину эхолотом. К 22:00 движение в проливе затихло и мы, заняв перископную глубину,

смогли наконец определиться с местом. Ну что ж, идем как по ниточке. Это приятно. Выразил удовольствие Ивану Ивановичу, исполнявшему обязанности штурмана, ну и себе не преминул.

07.04.1903

В 00:10 вышли без происшествий в Мраморное море. Всплыли на зарядку батарей. Довели ход до 7 узлов. Погода портится. Давление падает. Сплошная облачность, ветер 5 метров в секунду, NNO. Видимость — 10–12 кабельтовых. Продолжаем движение.

06:00. Погрузились под РДП.

11:04. Шум винтов по пеленгу 12 градусов. Акустики определили как малотоннажное судно с ходом 8 узлов, курсом 175 градусов. Пусть себе идет. Нам не мешает.

11:59. Шум винтов по пеленгу 254 градуса. Скорость 12 узлов курсом 306 градусов, дальность — 10 миль. Определили как военное судно. Миноносец чей-то шляется где ни попадя.

12:00. Пеленг 250 градусов. Зараза сменила курс на NtO — 10 градусов. Приближается. Скорость — 12 узлов. Дистанция — 5 миль. Убрали перископ и РДП. Слушаем. Проходит с кормы у Анатолия. Дистанция 30 кабельтовых. На кормовых углах мы его потеряли. Для нас плюс-минус 20 от диаметральной плоскости — мертвая зона, в которой мы ничего слышать не можем. Сменили курс на три румба к северу. Поганец идет своим курсом. Дистанция уже 10 миль. Только потрепал нам нервы, обормот.

22:00. Вошли в Дарданеллы. Гелиболу на правом траверзе. Ход 5 узлов на электричестве. «Смоленск» уже прошел и этот пролив; ждет нас в Эгейском, передал, что там слегка штормит. Время до выхода из Дарданелл — 8 часов пятиузлового хода. Немного не укладываемся в темное время суток. Впрочем, при необходимости можно будет ненадолго нырнуть.

08.04.1903

02:41. Эхолот показал 5 метров до дна. Срочно принять два румба к норду. Значит, я слегка уклонился к югу. По счислению проходим мыс Абидос. Без малого в Азию не приплыли. Вероятно, недоучел усилившегося попутного течения и уклонился к югу от курса. В каюте надеру себе уши. Стыдно-с, господин капитан второго ранга.

03:01. На пеленге 56 градусов. Шум винтов военного судна. Отрабатывает аверс-реверс. Вероятно, швартуется в Эджеабаде. Ложимся на курс 178 градусов. Подняли перископ. Слева Чанаккале, справа

Килитбахир. Давно пора бы переименовать.

06:40. Рассвело. Видимость не более 10 кабельтовых. Слабый дождь. Сплошная облачность. Идем под РДП. Никого не слышим.

06:53. Вышли в Эгейское море, до Гибралтара — 2300 миль. Держим курс 240 градусов. Ход — 7 узлов. Машины в порядке. Иду спать.

11:00. Ветер усилился до 15 метров в секунду, под РДП идти невозможно. Вынуждены подняться на поверхность в надводное положение. Ход 8 узлов. Ветер с кормы, NNO. Килевая качка. Кроме «Смоленска» нас сопровождают танкер «Мюрекс», перевозящий 1000 тонн солянки и 1000 тонн мазута, а также 3000 тонн авиационного бензина в Порт-Артур, и «Саратов» — пароход Доброфлота. Он перевозит много запасных частей для наших лодок, 6000 мин Налетова, 200 торпед 45–12 и несколько десятков тысяч артиллерийских снарядов разных калибров, в том числе и 4000 снарядов калибра 105 мм для нас.

09.04.1903

00:32. Курс — 212 градусов. Идем в подводном положении (ПП). Ход 4 узла. Облачность отсутствует, туман отсутствует. Осадки отсутствуют. Ветер крепкий, норд-ост. До пролива Кафи 65 миль. Под пение электромоторов в голову пришла мысль. А как нам атаковать торпедами в светлое время суток и соблюсти при этом факт существования «членистоногих» в тайне? Пузырьковый след не оставит никаких сомнений в том, каким образом выпущена торпеда. Значит, нужна торпеда, пузырькового следа на поверхности не оставляющая. И где таковую сыскать? За основу возьмем нашу 45–12... Имея в виду наличие аккумуляторов повышенной емкости, аналогичных используемым нашими лодками, пожалуй, вполне осуществимо изготовить торпеду с электрическим приводом на винты. Скажем, небольшой резервуар с воздухом под высоким давлением для раскрутки гироскопа и управления рулями... Вместо керосина и большого резервуара воздуха высокого давления — батареи и электромотор сил 50–70... Какой осилим всунуть в ограниченный объем торпеды. И сколько же узлов способна дать такая штука? А ну-тко я посчитаю, где-то там я линейчку свою...

08:00. Курс 212 градусов. РДП — 6 узлов. Облачность отсутствует, туман отсутствует. Осадки отсутствуют. Ветер свежий, NE, идем проливом Кафи.

14:31. Курс 210 градусов. РДП — 6 узлов. Облачность сплошная, туман. Осадки отсутствуют. Ветер свежий, SE. Прошли пролив Кея. Дал большую радиограмму Налетову о пришедшей мне идее электроторпеды и

обещал переслать пакет с эскизами и предварительными расчетами с ближайшей оказией. В ответ получил от Налетова сообщение, что идея уже принята к разработке вчера вечером с подачи Георгия Андреевича, чтобы я всенепременнейше и скорейшим образом присылал свои наработки по электроприводу. М-да... Мизера ходят стаями...

К конвою наконец присоединились катамараны «Герасим» и «Мария». На них возложены обязанности разведчиков и посыльных судов. Почему-то у меня они не создают впечатления военных кораблей, и, надеюсь, не только у меня. А вот ходят они изумительно. 20 узлов у них — экономический ход! Полный же до 40 узлов! Катамараны идут впереди каравана, на траверзах у «Смоленска», сообщая о встречных судах, коих в этих водах с избытком. Зачастую и по ночам поныривать вынуждены.

10.04.1903

20:00. Курс 265 градусов, КП, ^[9] 9 узлов. Облачность отсутствует, туман слабый. Осадков нет. Штиль. Мертвая зыбь. До Мальты 480 миль. На закате мы произвели смену экипажей на «Раке». Передав лодку князю Трубецкому, я со своими людьми перебрался на «Смоленск». Впереди неделя отдыха.

18.04.1903

20:30. Курс 264 градусов. КП, 8 узлов. Облачность отсутствует, туман отсутствует. Осадки отсутствуют. Ветер свежий, SE. До Гибралтара 425 миль. Вчерашний шторм не позволил своевременно произвести замену экипажей, и ее перенесли на сегодня, так как прогноз Найденова гарантировал прекращение шторма к полудню. В закатных сумерках мы сменили на «Крабе» экипаж. Черкасов с командой перебрался на «Смоленск». А я со своей соответственно на «Краба».

Что за чудесная, что за изумительная была неделя! В первую очередь, конечно, корабельная баня. На следующий день я перебрался на «Машу», который (или которая, мать ее?) в соответствии с графиком перехода устремился на Сардинию в Кальяри, где 4 дня должен отработать радиомаяком. На 20 узлах дошли туда за 40 часов по штилевому морю, и вот наконец я на берегу. Зверски приятно! Даже несмотря на то что один я по чужим портам гулять не имею права, а только в компании офицеров с «Маши». Городок старинный и ухоженный, но пыльный, однако. Белый костюм, белая же широкополая соломенная шляпа... Уличный ресторанчик с решетчатой крышей, сплошь затянутой виноградной лозой. Прекрасное местное вино, музыка, сговорчивые, веселые, ухоженные и совсем

недорогие девушки, и вся эта роскошь целых четыре дня! За сущие копейки! Кстати, винцо, пожалуй, не хуже великокняжеского будет. На походе, по распоряжению ВК Георгия, команде вместо обычной флотской «чарки» выдается по стакану великолепного столового вина с личных виноградников великого князя. Поначалу сим «компотом» кое-кто был недоволен, однако попривыкли и, того гляди, станут знатоками и ценителями...

И никуда не надо торопиться... Передал русскому консулу пакет с эскизами и предварительными расчетами по электроторпедe. Наши суда довольно часто заходят в Кальяри, так что с дипломатической почтой пакет дойдет до Налетова довольно быстро. И там же, в ресторанчике, под бокал верментино мне в голову пришла идея усовершенствования якорной мины Налетова. Ведь это же не дело, что якорные мины относительно легко обезвреживаются тралением. А вот если обычную мину дополнить прибором, удерживающим оную после обрыва минрепа на определенной глубине, то минное траление станет задачей совершенно иной сложности. Надо на досуге обдумать устройство такого приборчика.

ГЛАВА 17

— Тут к нам в четверг величество приезжает, — сообщил я Каледину.

— Простите?

— В четверг нас собираются изволить почтить визитом его императорское величество Николай Второй, — разжевал я. — В связи с чем нужен почетный караул, торчать на вокзале и кричать «ура» или еще не знаю, чего уж там положено. Казаков его высочество выделяет, а пехоту надо нам. Взвода, наверное, хватит...

— Сводного взвода, — уточнил Каледин.

Это было понятно, строевой подготовке в его бригаде уделялось совсем немного времени, да и солдаты подбирались отнюдь не по внешнему виду. Но со всей бригады можно было надергать три десятка чудо-богатырей соответствующих комплекций и умеющих стоять по стойке «смирно» с молодецким выражением на верноподданной морде и брать винтовку «на караул».

— Оружие «мосинки»? — уточнил Каледин.

— Ну не автоматы же!

На вооружении нашей бригады стояли слегка модернизированные винтовки, а точнее, карабины Мосина. Вместо намертво присобаченного трехгранного штыка они имели отъемный штык-нож, и рукоятка затвора была изогнута вниз. Кроме них были автоматы и пистолеты ПФ (пистолет Федорова), но это мы пока на публике не светили.

— Так что собирайте ораву и приступайте к тренировкам, — уточнил я и поехал в административный корпус, в шестой отдел.

— Ну как, подобрали-таки величество? — с ходу спросил я у Бени.

— Да, но, сами понимаете, наспех, полной идентичностью тут и не пахнет. Смотреть будете?

— Обязательно!

Через пару минут открылась дверь, и к нам на огонек зашел Николай Второй. С первого взгляда он был весьма похож на оригинал, только самую малость повыше ростом. Я присмотрелся.

— Неплохо. Вы, кажется, из группы захвата?

— Да, господин Найденов, — ответила копия величества, — Василий Акимов из третьей группы.

— Нормально выглядите, сойдет, — резюмировал я.

При ближайшем рассмотрении бросалась в глаза более плотная, чем у

Ники, комплекция, да и выпирающая из-под мундира мускулатура российскому императору была несвойственна. Но Василию придется играть царя в основном перед обывателями Серпухова и окрестностей, ну и террористами, если таковые объявятся, для них-то и затевался весь цирк. Если же кто из свиты заметит различие, придется ему помолчать в тряпочку, это мы обеспечим.

До прибытия царского поезда оставался час, когда ко мне подошел Бенья.

— Плохо, Георгий Андреевич, — озабоченно сказал он, — это явно отвлекающая группа, и про основную не знают ничего, считают, что они тут единственные.

Пару часов назад около вокзала была обнаружена и взята небольшая эсеровская бандочка, и теперь Бенья делился со мной результатами экспресс-допроса.

— Уверены? — спросил я. — А то Гнида с утра обычно какой-то снулый...

— Сегодня он был в ударе, — покачал головой Бенья, — а его китаец, этот вообще в любое время суток как огурчик. Нет, они действительно ничего не знают.

— Значит, будут неожиданности на маршруте, — вздохнул я. — Надеюсь, что ваши люди не облажаются.

Подъехала «нара» — фургон с надписью «Георгиевская киностудия», оттуда быстро выгрузили аппаратуру. Я заглянул внутрь машины и обнаружил там двоих Гош и одного Ники. Высочество выскочило мне навстречу, а копии тут же достали сигареты и задымили.

— Все готово? — спросил Гоша. — А то вон уже наша платформа едет, да и дым над лесом...

— Давно готово, что ты так волнуешься!

— Не каждый день моего брата убивать собираются, — буркнул Гоша, — вот и волнуюсь.

— Неужели господин Акимов твой брат? — изумился я. — Василий, вы не против, если на вас сегодня эсеры маленько попокушаются?

— Даже за, — донесся благодушный ответ из «нары». — Чем бегать за ними по всему Серпухову, пусть лучше сами приходят, приголубим.

— Так, мне пора прятаться, — сообщил я и полез в фургон. Со стороны Георгиевска приближалась «ока». Деталей пока рассмотреть было невозможно, но кому же там за рулем сидеть, если не мне?

Мы ехали в Георгиевск по объездной грунтовке, «нару» швыряло на ухабах, но его величество не жаловалось. Еще перед выездом мы предупредили, что для его охраны будут приняты экстраординарные меры, так что теперь он ничему не удивлялся. Гоша нервничал, периодически проверял, хорошо ли достается пистолет из плечевой кобуры. Я сидел спокойно — ну чего суесться, спереди и сзади машины охраны, в придорожных кустах секреты, и если уж это не поможет, много ли толку будет от какого-то пистолетика?

Подмена на вокзале прошла нормально, десяток самых красивых девушек из ДОМа во главе с Татьяной преподнесли императору огромные букеты роз, и когда из-за них снова стало видно величество, оно уже было слегка изменившимся. Царь с небольшой свитой начали рассаживаться в присланные из Георгиевска автомобили...

Дальнейших событий я не видел, но в деталях представляю себе по многочисленным отчетам и рапортам. Итак, кортеж поехал. Впереди шла «ока» охраны, затем автомобиль с императором и наследником, далее все остальные. Когда две трети Серпухова остались позади, а в сотне метров был поворот направо, к мосту через Нару, в машинах охраны и величества с высочеством ожили динамики:

«Внимание, синий дом справа, второй от перекрестка, на мансарде подозрительное шевеление!»

Головная машина сбросила скорость. Во второй его величество привстало и напряжилось, на его лице появилось совершенно несвойственное Николаю хищное выражение. «Мигом последнее сходство растерял», — прокомментировал потом агент-наблюдатель. Цесаревич продолжал сидеть спокойно и безмятежно, но в его руке вдруг неизвестно откуда появился большой тупорылый ПФ.

Из дома раздался выстрел, затем другой. Машины резко затормозили, но еще на ходу из первой выскочили и приготовились стрелять охранники.

Император, ловким прыжком перемахнув через низкий борт «оки», крупными скачками понесся к дому. За ним, отставая на пару шагов, бежал великий князь Георгий. Как из-под земли вдруг появились два дюжих молодца с бревном и начали вышибать дверь, но Николай не стал ждать окончания этого процесса — он буквально взлетел на крышу крыльца, оттуда на балкон мансарды. Георгий не отставал.

— Ну с богом, Сашка! — шепнул Георгию Николай, и через мгновение они исчезли внутри. Оттуда донеслись сначала два выстрела, потом треск чего-то ломаемого и тонкий визг...

Через три минуты зеваки города Серпухова смогли пронаблюдать

небывалое зрелище, о котором некоторые еще долго рассказывали детям и внукам.

С грохотом разлетелись обломки двери, и на улицу вывалился ярко-рыжий субъект. За ним в дверном проеме показался император, он волок какого-то богато одетого, отбрыкивающегося господина. Лицо Николая было залито кровью.

Рыжий попытался было отползти в сторону, но мощным пинком его величества был отправлен прямо к «оке», где его подхватили охранники.

Тем временем из дома вышел Георгий, ласково придерживающий за вывернутую руку согнувшегося в три погибели верзилу. Сдав свой груз, он оглядел место действия и грозным голосом заорал, обращаясь к зрителям:

— Чего столпились? Разойдись с дороги, его величество ранен, нужна срочная медицинская помощь!

Взревели моторы, и две «оки» помчались в сторону Георгиевска. На противоположной стороне улицы мелко крестилась ошалевшая от увиденного бабка.

— Сподобилась наконец царя-то нашего батюшку увидеть, — бормотала она. — Все как говорили, красавец собой и тихий такой, вежливый... как он этого рыжего, без единого ведь слова грубого...

Николай Второй купался в лучах славы. Причем восхищение народа, собравшегося возле здания Ассамблеи Приемного парка, доставляло ему искреннее удовольствие, что мне, например, было решительно непонятно. Ладно, абстрагируемся от того, что приписываемых ему подвигов он не совершал даже во сне, но ведь он видел собравшихся впервые в жизни. Откуда он знает, что это за люди? Мало ли, вдруг, наоборот, именно их восхищения стыдиться нужно...

Хотя и такие характеры бывают. Мне, например, было дорого хорошее мнение о себе, во-первых, меня самого, а во-вторых, узкого круга людей, которых я хорошо знал и уважал. Что думают все остальные — как-то оно меня не интересовало, это их дело, если в драку не лезут... А бывают и такие, которым нужно восхищение всех. Что же, еще один штришок к портрету пациента...

Как только Николай узнал — на него было совершено покушение, его двойник ранен, — он даже слегка спал с лица, — видимо, представил себе, что было бы, не подготовь мы весь этот спектакль. Но быстро очухался, безропотно дал перевязать себе голову и вышел к своей свите.

Та была в полном обалдении. Подмена Николая на вокзале произошла, когда он был чуть в стороне, а потом Николай — Василий сразу пошел к

машине, так что, похоже, лицедейство прошло незамеченным. Если у кого и были подозрения, то вслух их никто не высказывал.

— Ваше величество, как же вы так?! — воскликнул плешивый флигель-адъютант.

— Надо же было что-то делать, — вполне резонно ответило величество.

— Вы ранены?

— Не страшно, это царапина, — отмахнулся Николай, — и мне уже оказана врачебная помощь.

Надо сказать, что повязка а-ля Щорс с красным пятном у виска ему очень шла.

— Господа, его величество должен немного отдохнуть, дорога оказалась несколько утомительной, — заявил Гоша и взял Николая под руку: — Пойдем, Ники, я покажу тебе твои комнаты.

Беседа со старцем была намечена на завтра, а пока предстоял обед, за ним — встреча со сливками серпуховского общества.

Пока Гоша развлекал брата (то есть они оба познакомились с подробностями своих подвигов), я послушал доклад о происходящем в Серпухове. Там со скоростью цунами распространялись слухи, по дороге непрерывно обрастая дополнительными деталями. Число нападавших уже перевалило за десяток, но тенденция к росту явно не была этим исчерпана. Дом, правда, еще стоял, но до разнесения его по бревнышку было недалеко. В одном из вариантов Николай вышел на улицу через стену, разбив ее головой подвернувшегося под руку супостата. Как и положено, инцидент почти сразу обрел название — Битва у моста.

Трое присутствовавших при покушении журналистов уже отправили первые телеграммы, но там пока обходилось без особых преувеличений. Правда, в одной из телеграмм император шел в бой с криком «За Русь святую!».

К встрече с общественностью Ники то ли успел подготовиться по, так сказать, вновь открывшимся обстоятельствам, то ли он к такому был всегда готов, но образ скромного героя у него получился безукоризненно.

— Господа, что тут особенного? — с невинным лицом вопрошал он. — Эти люди сами вывели себя за рамки законов божеских и человеческих, и мой долг дворянина указал мне, что делать... Я уверен, что на моем месте так поступил бы каждый из присутствующих.

После Николай сообщил народу, что намерен обдумать указ об ответственности за террористическую деятельность. Кстати, перед собранием я успел подкинуть ему идею — выделить терроризм в

отдельный вид преступлений.

— Стреляли в меня, но могли пострадать и вовсе посторонние люди, такое не должно оставаться безнаказанным! — с пафосом восклицал император.

Поздним вечером я снова тренировался в управлении изображением старца — теперь у меня уже был опыт, позволяющий мгновенно подключать нужную из более чем пятидесяти мизансцен, создавая полную иллюзию диалога. В мои планы не входило прямо завтра грозно возопить Николаю: «Отрекайся, презренный!» — но зародить некоторые сомнения в правильности понимания им своего предназначения было бы неплохо. А вообще, я чувствовал, что скоро мне придется вплотную изучать такие дисциплины, как нейролингвистическое программирование и прочие невербальные воздействия... Он, кажется, продукцией нашей киностудии заинтересовался? Замечательно, срочно дарим ему домашний кинотеатр с парой механиков. Двадцать пятый кадр — вещь очень полезная для царственного организма.

Через день августейший гость покинул Георгиевск. Отъезд, в отличие от прибытия, прошел безо всякой помпы — просто утром сначала через Георгиевск, а потом Серпухов пронеслись четыре автомобиля.

— Благодарю вас, Георгий Андреевич, — сказал мне Николай уже в вагоне при прощании, — за те теплые слова, что сказали обо мне старцу. И ему тоже передайте мою огромную благодарность — вроде он не высказал мне ничего комплиментарного, скорее, наоборот, но после беседы с ним как-то даже на душе посветлело. Да, и простите мою забывчивость, это надо было сделать сразу... — Николай достал из кармана массивный золотой портсигар. — Передайте это, пожалуйста, господину Акимову от меня, вместе с пожеланиями дальнейших успехов в его нелегком труде. А вас, значит, мы с Аликс ждем через неделю?

ГЛАВА 18

Стихли последние аккорды, затем эхо от финального «шоу маст гоу он» в исполнении Меркьюри, и наступила тишина. Гоша потрясенно молчал.

— Я же слышал эту песню и раньше, но почему она тогда не произвела на меня никакого впечатления? — неуверенно спросил Гоша.

— Да потому, что есть музыка, которую можно исполнять хоть на одной струне балалайки, и она от этого только выиграет, — усмехнулся я. — А вот вспомни звучание Баха на Машином синтезаторе и сравни с тем, что дает настоящий орган. Тут то же самое. Ты раньше слушал Меркьюри в наушниках, а вот как он должен звучать на самом деле, если использовать по-настоящему качественную аппаратуру.

Опытный человек действительно сразу определил бы, что эта аппаратура далеко не ширпотреб, а колонки еще и доработаны. Впрочем, уж в этом-то Гоша не разбирался совершенно...

— Фантастика, — встряхнул головой Гоша, — так, значит, я зря неодобрительно относился к музыке твоего мира, а на самом деле все обстоит как в анекдоте про кошек?

— Да, вот именно, тут главное — уметь готовить, — кивнул я, закуривая.

На лице у Гоши появилось странное выражение.

— Что-то мне тоже захотелось, — смущенно признался он, — угостишь сигаретой?

— Стоп, — резко сказал я, сгреб со стола пачку и убрал ее в карман, потом затушил свою сигарету и выбросил бычок в окно. — А теперь сосредоточься и подумай, откуда у тебя взялось это идиотское желание?

— Не знаю, — растерялся Гоша, — наверное, почему-то музыкой навеяло...

— Будь так добр, еще раз эту же песню послушай, — предложил я и перебросил несколько тумблеров на микшере.

— Ну а теперь не навеяло? — поинтересовался я.

— Н-нет, даже как-то наоборот...

— Вот именно. Помнишь, ты просил меня популярно рассказать о методиках скрытого внушения, а я ответил, что чуть позже? Вот сейчас это самое «позже» и наступило.

— Так это ты мне внушил, — догадался Гоша, — но как?

— Довольно просто. На самом деле ты кроме действительно незаурядной песни в первый раз слушал еще и вот что. — Я перекинул пару тумблеров, и мягкий баритон начал вкрадчиво повторять: «Эх, закурить бы... эх, закурить бы...» — Эта фонограмма была замедлена в тридцать раз и наложена на песню. Результат ты только что прочувствовал на своей шкуре.

— И так можно внушить что угодно?!

— Держи карман шире. Только то, что не вызывает у объекта внутреннего отторжения.

— То есть заставить человека застрелиться так не получится, — с каким-то даже облегчением сказал Гоша.

— Не получится. Если только у клиента нет склонности к суициду и заряженного пистолета под рукой, — согласился я. — Но если сначала долго внушать ему, что он с детства хотел летать как птица, потом — что это в принципе возможно, ну а под конец — что на самом деле он это может, надо только забраться на колокольню повыше и прыгнуть, — вот тут уже есть шансы на успех.

— Ясно, — сказал Гоша, — если цель внушения недостижима за один присест, можно идти к ней постепенно, и наверняка уже есть соответствующие методики.

— Внушается исходный посыл, — объяснил я, — с виду нейтральный, а на самом деле являющийся стартовой позицией для движения клиента в нужном нам направлении, ну и несколько промежуточных, чтобы двигаться было веселее, как-то так. И нам надо прикинуть, как может выглядеть этот исходный посыл для Николая.

— А может, сначала потренироваться на учебной задаче? — предложил Гоша. — Например, идея бросить курить вызывает у тебя совершенно явное отторжение. Так давай сейчас подумаем, какой исходный посыл позволит обойти эту трудность?

— Не выйдет, — с сожалением сказал я. — Дело в том, что я знаю об этих методиках, и поэтому они на меня не действуют. У меня один знакомый занимался кодированием от курения, вот он мне и объяснил. После того как у него ничего не вышло. А тебя что, это сильно волнует?

— Так ведь вредно же! — просветил меня цесаревич. — А ты и так человек старый и больной. Особенно когда надо что-то не очень желаемое делать, так только это от тебя и слышу.

— Надо же, — покачал головой я, — вот не думал... Ладно. Даю, значит, тебе слово: как только влезешь на трон — тут же бросаю! Это чтоб у тебя стимул был туда поэнергичней лезть. Так что давай помогай

придумывать исходный посыл для Ники...

— Я духовный лидер русского народа-богоносца, — предложил Гоша, — то есть Ники, понятно.

— Мог бы не уточнять, — успокоил я его. — В принципе неплохо, надо бы еще про православие чего-нибудь вернуть. А следующий посыл — про отвращение к рутинной бюрократической работе. Тут проще, он и так от нее не в восторге, надо просто усилить. И фоном — что жить стало очень опасно, но ты можешь защитить от всего.

— А не ты?

— Меня, что ли, на трон пропихивать хочешь? Именно ты, я уж как-нибудь в тени посижу.

— Жалко, нельзя с твоим Константином посоветоваться, — вздохнул Гоша, — вот уж кто умеет дерьмо за конфетку двумя словами выдать. А здесь... пожалуй, надо привлечь маман.

— Обязательно. Завтра я отправляюсь в Питер, Алису таблетками кормить, ну и попутно просвещу Мари, расскажу о некоторых достижениях технического прогресса. Кстати, а какие книги Николай больше любит?

— По-моему, никакие, — с сомнением сказал Гоша. — Не припомню я как-то случая, чтобы он по своей инициативе садился почитать. А что, с книгами тоже так можно?

— Да, неявно выделять в тексте отдельные слова, чтобы вместе они составляли посыл, — объяснил я, — но раз не читает...

— Зато от кино он в восторге, — вскинулся Гоша, — может, и туда как-то впихнуть?

Я с уважением посмотрел на высочество:

— Это называется двадцать пятый кадр, и аппаратура для Ники уже делается. Ладно, мне пора собираться, завтра с утра улетаю, давай в тот мир по-быстрому за подарками смотаемся, с них еще надпись «Made in China» сводить придется.

Во время этого визита я хотел получше присмотреться ко вкусам царственной четы, а подарки подобрал пока от фонаря. Мелькнула мысль осчастливить «хозяина земли русской» зенитной спаркой для стрельбы по воронам в дворцовом парке, благо с пулеметов был снят гриф «совершенно секретно», но спарок было еще мало, и меня банально задушила жаба. Еще Николай любил кататься по дорожкам того же парка на велосипеде, причем все мои попытки всучить ему мотоцикл были успешно отражены Алисой. В этот раз я решил зайти с фланга и сейчас обдираю признаки национальной принадлежности с китайского электровелосипеда. Рядом ждала своей очереди небольшая бензопила.

Полет до Питера был, как обычно, скучен — почти восемь часов однообразных движений штурвалом, все та же ниточка железки внизу, даже думать не надо, куда летишь. Музыку, что ли, в этот ВИП поставить? Не тетрис же с собой брать! Но все на свете имеет свой конец, и около четырех дня подо мной оказалось поле Гатчинского аэродрома.

Сразу после посадки случился небольшой конфуз. Оказывается, Николай послал за мной транспорт. Но не недавно подаренную ему бронированную «оку», а... паровозик с двумя вагонами! Интересно, сам он до такого додумался? Вряд ли. Небось приказал встретить инженера Найденова, вот кто-то и постарался в меру способностей... остряк, блин. Ладно, при встрече еще раз скажу, что в Питере у меня давно есть и свой транспорт, и охрана.

Привезенный мной реланиум отлично подействовал на царицу, она расслабилась и к ужину, забыв, что у нее отнялись ноги, отправилась на своих двоих, причем Николай принял ее состояние сонной мухи за снизошедшее после всех волнений просветление и постоянно порывался мне что-нибудь подарить. От китайского блюда и позолоченного ларца с непонятно чем мне удалось успешно отбиться, и на предложение переночевать у них в Царском Селе я ответил, что меня уже ждут в Питере, но завтра к ужину я опять тут появлюсь. Мол, а пока разрешите откланяться.

После чего две «оки» почти на предельной скорости понеслись в Питер, к Аничкову дворцу.

Весь вечер мы с Мари занимались обсуждением деталей предполагаемых невербальных воздействий на императора, первую половину ночи — понятно чем, однако потом мне удалось выспаться. В девять — подъем, быстрый завтрак, и снова две «оки» помчались по Питеру. Мой путь лежал в Сестрорецк, куда меня приглашал Мосин. Как я уже говорил, свой пулемет мы уже частично рассекретили, и теперь рассматривалась возможность производства ПНФ (пулемета Найденова — Федорова) образца 1902 года на Сестрорецком заводе.

Как только автомобили остановились у заводоуправления, оттуда вышел генерал на вид примерно моих лет. Я вылез из «оки».

— Господин Найденов? — подошел ко мне генерал.

— Он самый, а вы Мосин?

Мы обменялись рукопожатием.

— Не хотите чайку или еще чего-нибудь с дороги? — предложил Мосин.

— С какой дороги, мы всего полчаса ехали, я же навестил вас из Аничкова дворца, — отказался я.

— За полчаса? — усомнился Мосин.

— Ну может, минут сорок, — не стал упираться я, — все равно завтрак еще толком перевариться не успел.

— Тогда пройдемте ко мне, — предложил оружейник. — Кстати, не считите меня невежливым, но я совсем недавно узнал, что георгиум, во-первых, буквально спас меня от смерти в прошлом году, а во-вторых, его изобрели вы! Позвольте выразить вам мою благодарность.

— Ч-ч-чего? — Я чуть не споткнулся на ровном месте. Нет, конечно, со мной случались пролеты, но чтоб такое!

Когда мы решали вопрос о кандидатуре начальника нашего оружейного производства, был выбран Федоров. Мосин, решили мы, пусть остается где был, в Сестрорецке, он там вполне плодотворно трудится, вот только ни к чему ему от воспаления легких так рано умирать. Но на Рождество к нам приехала Мари (тогда для меня она еще была Марией Федоровной), я закрутился и банально забыл про это дело, а когда вспомнил, оказалось, что Мосин жив. Я решил: миры уже разошлись настолько, что нашим знаниям слепо доверять больше нельзя, тут много чего не так... А теперь выясняется, будто бы это я его таки спас, руками не побоявшегося применить новое лекарство врача! Вот он стоит, Мосин, физиономия цветущая, пенициллин подействовал прекрасно... Кстати, фамилию доктора надо будет обязательно узнать.

Завод произвел на меня, мягко говоря, не самое лучшее впечатление. По размерам он немного превосходил наш, по оснащению ему значительно уступал, но главное отличие было в другом. Наше предприятие представляло собой постоянно растущее КБ и опытное производство при нем, но этот заводик был насквозь серийным! Мог гнать, подумать только, аж пять тысяч винтовок в месяц! Теоретически, конечно. А опытно-конструкторские работы велись в трех комнатках силами нескольких слесарей — и все.

— Простите, но где же в России разрабатываются новые образцы стрелкового вооружения? — не выдержал я.

— У вас, — грустно сказал мне Мосин.

— А что мешает вам заняться этим же самым? Про недостаток знаний — не поверю. И про нежелание, честно говоря, тоже. Тогда что?

— Скажите, Георгий Андреевич, вот вам, например, что нужно для

принятия решения о разработке какого-то нового изделия?

— Ничего, кроме понимания, кому и зачем оно может понадобиться, — пожал плечами я.

— Правильно, это потому, что Георгиевский завод — ваш. А Сестрорецкий — казенный, он подчиняется военному министерству.

— И что, там вот прямо-таки категорически запрещают опытно-конструкторские работы? — удивился я.

— Нет, но средств на них не выделяют.

— А чуть подкорректировать имеющиеся вам, значит, в голову не приходило... Кто конкретно отвечает за выделение средств? — поинтересовался я, доставая блокнот.

— А зачем это вам? — напрягся Мосин.

«Та-ак, — подумал я, — опять начинается... ладно, раз уж он сам завел этот разговор...»

— Как обычно, — пожал плечами я, — его жизнь будет глубоко изучена, все прегрешения задокументированы. В России, если вы в курсе, действует совершенно замечательный закон «Об оскорблении величества». Его, правда, как-то пока не применяли, но что мешает начать? Потом или провинившийся будет вам всячески помогать, или его сменщик, видя, что стало с предшественником, сам прибежит к вам с вопросом «Чего изволите?».

— Вы думаете, что это все злая воля какого-то одного чиновника? — горько усмехнулся Мосин.

— Что вы, и в мыслях не держу. Но тот же чиновник, поставленный перед выбором — или у вас будут деньги, или ему будет очень плохо, — уверяю вас, быстро найдет способ решения проблемы. Начнет воровать, втирать очки начальству, да мало ли еще чего...

— То есть вы, — жестко посмотрел на меня Мосин, — готовы безжалостно сломать жизнь совершенно незнакомому вам человеку для достижения каких-то своих целей?

— Ага, — безмятежно сказал я, — с двумя поправками. В данном случае цель у меня не «какая-то», а очень простая — чтобы у России появилось наконец нормальное, современное стрелковое оружие. У России. Лично у меня и даже у моей дивизии оно давно есть! И вторая поправка: у него, этого самого чиновника, цель должна быть та же самая, раз он сидит в военном министерстве! А если это не так — мало ли, вдруг он интересы своей карьеры ставит выше или даже возможность пробавляться левыми доходами — то, извините, какой же он мне совершенно незнакомый? Я таких до хрена уже видел.

Мосин молчал.

— Сергей Иванович, — продолжил я, — цель моего визита вовсе не ограничивается утрясанием вопросов о производстве у вас ПНФа. Она шире. Я намерен предложить вам выбор, так что решайте. Или вы согласны принять нашу помощь в том, чтобы сделать ваш завод центром разработки новейших вооружений и их малосерийного производства на самом современном оборудовании. Новейших — это значит таких, каких нет ни у кого в мире. Вовсе не обязательно мои методы будут такими, как я вам только что описал, многие вопросы проще решить через имеющиеся у нас с цесаревичем связи. Но в случае необходимости я без колебаний буду действовать так или даже жестче. Или вы сейчас указываете мне на дверь. Только не очень удивляйтесь, когда с вашего завода к нам начнут уходить самые творческие люди. И дело вовсе не в том, что у нас они станут получать как минимум вдвое больше, а в том, что у нас они действительно смогут заниматься творчеством, а не подтачиванием одних и тех же пружин к одним и тем же винтовкам.

Мосин встал. «Сейчас ведь точно на дверь укажет», — расстроенно подумал я. Но он сел и обхватил голову руками.

Моя сигарета успела догореть только до половины, когда он согласился.

ГЛАВА 19

Когда три года назад Гошина резиденция только начинала строиться, я там чувствовал себя как на даче. С трех сторон лес, по утрам какие-то птички орут, Маша даже утверждала, что это соловьи. Потом, правда, начинали орать строители, но ближе к ночи — опять птички. Появление первого «святогора» практически не внесло изменений в эту идиллию, второго и третьего — тоже. Но как-то так понемногу началось... Я даже сомневался, не ошиблись ли мы с местом, расположив дворец в километре от аэродрома, но Гоша на шум не обращал никакого внимания, мне оно тоже было без разницы, и вопрос о переносе дворца помер, не успев толком родиться.

Потом в трех километрах выше по течению Нары образовалось стрельбище, и в перерывах между завываниями самолетных движков до нас стали доноситься далекие хлопки винтовок, а со временем и пулеметные очереди. Однако сейчас там стреляло что-то необычное — равномерное «б-бум-м... б-бум-м...» было гораздо мощнее обычных винтовочных хлопков. Из пушек на нашем полигоне не стреляли, да и не похоже это что-то на оружейную пальбу...

Я прикинул — вроде никаких особо срочных дел нет, можно позволить себе незапланированную прогулку. Быстро спустился вниз, оседлал мотоцикл и, снедаемый любопытством, помчался в сторону стрельбища.

Предъявив пропуск на КПП, я, не слезая с мотоцикла, двинулся прямо на позицию — собственно, именно из-за этого и был взят мотоцикл, а не «ока». Как раз в это время устройство, вызвавшее у меня приступ любознательности, грохнуло в последний раз и замолкло. Двое техников, изображавших из себя его расчет, встали и отошли в сторонку, а над изделием склонился Федоров. Я слез с мотоцикла и подошел поближе. Федоров оторвался от созерцания своей стрелялки, поднял голову и только тут обнаружил меня.

— Добрый день, Георгий Андреевич, — улыбнулся он, — так и думал, что сюрприза не получится, вы услышите и приедете. Так что вынужден представить вам не готовую пушку, а недоделанный макет...

Когда мы с ним обсуждали общее направление работ на перспективу, там была упомянута и автоматическая пушка калибром миллиметров двадцать для самолетов. Выходит, он уже начал помаленьку, инициативным порядком?

Я подошел поближе и присмотрелся. «Да, — подумал я, — надо как-нибудь прочесть ему лекцию о путях развития авиации, а то в какой же самолет нам запихивать такую фузею?» Только ствол был на глаз даже чуть больше полутора метров, а там ведь еще и казенная часть сзади имелаась, и тоже соответствующих габаритов.

— Пока автоматически делается только взвод, открывание затвора и экстракция, — пояснил Федоров, — создавать полностью автоматический цикл мы будем по результатам испытаний этого макета. Вот отстреляли двести выстрелов, надо посмотреть, нет ли где признаков износа.

Я тем временем глядел на уставившуюся стволом в небо недопушку и соображал — что-то такое она мне смутно напоминала, где-то давно виденное... Ё-мое, да это же противотанковое ружье один в один! Даже обидно, что у японцев не предвидится ни танков, ни броневигов... Стоп, а что мне там Каледин говорил про десантные пушки Барановского?

Делая прикидки на предмет предстоящей обороны сопки Высокая, он столкнулся с тем, что имеющуюся у него артиллерию там не разместить — слишком громоздкая, ведь придется менять позиции по нескольку раз в день, иначе японцы их быстро накроют. Даже пушка Барановского ему казалась слишком тяжелой и неповоротливой, а хотелось в дополнение к пулеметам что-нибудь с дальностью эффективной стрельбы в километр или даже чуть выше, и с патроном существенно мощнее винтовочного. «Так вот же оно, уже почти готово! И конструкция довольно простая, — подумал я, присматриваясь, — сделать мелкую серию вполне успеем...»

— Вы, я смотрю, еще не все патроны сожгли, — поинтересовался я, — не покажете мне, как оно стреляет?

— Отчего же не показать? — Федоров отошел в сторону и дал команду расчету. Первый номер, взявшись за рукоятки, направил ствол в сторону мишени. Второй положил патрон в открытый затвор и закрыл его. Грохнуло, затвор открылся и со звоном выбросил гильзу. Вторым номером тут же сунул туда свежий патрон, снова «бабах»... Неплохо, однако... Порядка трех секунд на выстрел.

Я отозвал Федорова в сторонку.

— Владимир Григорьевич, — сообщил я ему, — а ведь и в таком виде ваше изделие будет востребовано. Только надо станок убрать, вместо него — сошки и приклад с хорошей амортизацией. И надо сразу предусмотреть место под оптический прицел. В общем, вы не против, если я часов в семь вечера к вам зайду, поконкретней уточним детали... И заодно прикинем, получится у нас сделать газомасляный амортизатор или придется обойтись обычной гидравликой. В общем, у вас появилась еще задачка, — не

прекращая работ над автоматической пушкой, месяца за четыре наклепать десятка три таких ружей. Справится наш патронный цех с задачей сделать к тому времени хотя бы по сотне на ствол? А вообще-то пора нормальным патронным заводом обзаводиться.

Из незапланированного визита на стрельбище я сразу отправился в плановый — надо было посетить шестой отдел. Бенины мальчишки уже потихоньку акклиматизировались в Штатах, пора ставить им первые задачи.

— Вот, — я достал из кармана пузырек с таблетками и протянул его начальнику шестерки, — это вам. Не вам лично, разумеется, а вашему отделу. Довольно сильное средство для повышения мужской потенции, особенно в пожилом возрасте.

— По-моему, — даже слегка обиделся Бенья, — у моих людей и так с этим более чем неплохо, да и где же вы среди них пожилых видели?

— Что же это вы так узко мыслите, — с мягким отеческим укором сказал я Бене, — ну прямо как младенец, честное слово. Увидели незнакомую вещицу и тут же ее в рот примеряете... Разумеется, я не предлагаю ни вам, ни вашим людям есть эту дрянь, тем более что не такая уж она и безвредная. Просто в Штатах многие разбогатели уже в пожилом возрасте и только сейчас могут позволить себе определенным образом развлечься, а силенки-то уже не те. Вот им вы и поможете, только, я вас умоляю, никакой благотворительности. Это должно быть настолько дорогое лекарство, насколько оно вообще возможно, конкретные цифры определите сами. Не всем же совать банальные взятки, иногда лучше и с фантазией... Производить это зелье будет небольшая фирмочка в очень ограниченных количествах, так что вам нетрудно будет ее организовать. Зайдите в нашу фармлабораторию, посмотрите, как выглядит процесс, чего там где булькает и возгоняется... нужна пара-тройка комнат и столько же производственного персонала, который в свободное от основной работы время будет там маяться фигней.

— Производство — фикция? — уточнил Бенья.

— Да, таблетки будете получать от меня. Но продолжим. Сырьем для производства нашего эликсира будут какие-нибудь редкие рыбки, моллюски... водяные тараканы наконец. Это неважно, главное, чтобы они водились в бухте Чемульпо. Вы уж сами проконсультируйтесь там со всякими ихтиологами и прочими специалистами, кого будете на сырье ловить. То есть там должен образоваться небольшой заготовительный филиал нашей фирмы, а народ привыкнуть к тому, что по бухте — в

сторонке, никому не мешая, — плавают лодки с китайцами-корейцами, ловят водяных тварей помаленьку.

— Диверсии или разведка? — поинтересовался Бенья.

— В основном диверсии. И заранее озаботьтесь создать материалы о существовании какого-нибудь китайского народного фронта или корейского сопротивления, чтобы в нужный момент все поняли, кто это тут борется с японскими оккупантами, распугивая при этом наших драгоценных моллюсков. Относительно оборудования... Ну с радиоуправляемыми фугасами я вас уже знакомил. Будет еще пара моторных лодок, тоже радиоуправляемых, это для подрыва судов на рейде. Их использовать только против транспортов с боеприпасами, чтобы после взрыва в радиусе полукилометра ничего даже отдаленно похожего на свидетелей не оставалось... В общем, в течение трех дней жду смету.

За обедом я поделился с Гошей новостями про ружье и поставил в известность, что скоро в Америке появится виагра. Значит, понадобится некоторое количество денег...

— То есть это он разработал сам, без твоих подсказок и даже задания? — заинтересовался ружьем Гоша. — Тогда тебе надо дать орден.

— Мне-то за что, учитывая, что на фиг он мне нужен. Потомственное дворянство и так есть, — пожал плечами я, — тем более что я в силу своей замшелости и старорежимности никак не могу принять ваших смелых новаций, согласно которым за орден надо платить из своего кармана. Лучше уж Федорову побрякушку организуй, действительно есть за что.

— Федорову — само собой, а все же жаль, что ты начисто лишен романтики. Я просто хотел сказать, что тут ты оказался прав, а я нет, и теперь мы имеем не только пулемет, но и завод с полноценным главным конструктором и инженерными кадрами, способными к самостоятельной работе.

— Постой, это ты про что... а, это когда ты два года назад предлагал не маяться и, просто стащив у нас чертежи автомата и пулемета, тупо наладить тут их выпуск? Ну и злопамятное же ты существо, я уж и забыл давно про этот эпизодик! Так что вместо ордена выделяй-ка ты средства на повышение потенции в Соединенных Штатах. И заодно посмотри, нет ли среди банкиров, которые кредитуют или будут кредитовать Японию, нуждающихся в сексопатологической помощи?

— Посмотрю, а ты думаешь...

— Вот именно так и думаю. Представь себе, покупает этот банкир виагру, личная жизнь налаживается, а тут вместо очередной упаковки наш

агент приносит одну-единственную таблетку и горестно сообщает, что японцы повадились шумно воевать в Чемульпо, моллюск попрятался и не клюет совершенно... Так что берите последнюю, она хоть и одна, зато по учетверенной цене! Вряд ли это радикально повлияет, но даже если кредитные условия станут чуть жестче, и то хлеб. Да и газетная кампания в защиту бедных обитателей моря от распоясавшейся японской военщины тоже не прибавит супостату оптимизма.

— И откуда в тебе столько коварства взялось, неужели пребывание в нашем мире так на тебя повлияло?

— Э, ты бы покрутился лет десять в советском оборонном НИИ времен позднего Брежнева, там народ с такой фантазией друг друга подсиживал, что здешние разведки, узнай они подробности, удавились бы от зависти... А что это у тебя за инициатива с перевооружением лейб-гвардии, кстати?

— Так ведь и бригада, и казачий отряд вооружены полностью, завод продолжает работать, вот я и решил начать с лучших частей...

— Думаешь, им имеющегося недостаточно? — хмыкнул я. — Довелось мне недавно почитать правила приема новых офицеров в эту самую лейб-гвардию, охренительный документ! Полная и безоговорочная победа человеческого разума над здравым смыслом. Там и про хорошие манеры за столом и вне его, и про безупречность в картежных вопросах, и про то, что кандидат должен понравиться офицерским женам! А уж экзамен — это просто песня без слов. Выжрал жбан побольше и не упал после этого на четвереньки, — значит, годен в гвардию... Профессиональные качества там не упоминаются вообще. Не фиг, новое оружие только отвлечет красу и гордость русского офицерства от его высокоинтеллектуальных занятий. Элитные части надо создавать с нуля...

Вечером, как и обещал, я заявился к Федорову. Тот уже нарисовал эскиз своей пушки с прикладом и сошками, и мы сразу сели обсуждать амортизатор. Через полчаса оба с сожалением согласились, что газомасляный нашему производству не потянуть, придется ставить обычную гидравлику двойного действия и пружины переменного шага. После чего я предложил Владимиру Григорьевичу отвлечься от сиюминутного и подумать о далекой перспективе.

— Согласитесь, что винтовочный патрон для среднего солдата совершенно избыточен, — пояснил я. — Кому нужна прицельная дальность в два километра, когда и на шестьсот-то метров мало кто может уверенно попасть в ростовую мишень! А будущее ведь не за магазинными, а за самозарядными винтовками, тут избыточная мощность патрона вызовет

ненужное усложнение и утяжеление конструкции. Так что я предлагаю подумать о патроне побольше пистолетного, но поменьше винтовочного, назовем его промежуточным. Мне он представляется размером где-то 6,5x40, но и вы подумайте, может, вам покажутся оптимальными немного другие цифры. Разумеется, этот патрон должен быть без ранта.

— Мечта оружейника, — хмыкнул Федоров, — под такой патрон создавать автоматическое оружие, это будет одно удовольствие. Но что делать с имеющимися запасами и с производствами, ведь они в существующем виде безрантовый патрон просто не потянут?

— С запасами просто, их сожрет война, еще и не хватит. Производства придется модернизировать, тут никуда не денешься, но возникает вопрос, пути решения которого нужно искать уже сейчас. Каким будет винтовочный патрон? Сейчас еще можно как-то выбирать тип, но лет через десять — пятнадцать это будет такой геморрой, что никто не станет с ним связываться. Поэтому думать надо с перспективой лет на пятьдесят, если не больше... Можно, конечно, оставить имеющийся, благо он дешевый, но это значит, что наши пулеметы всегда будут чуть сложнее и тяжелее, чем могли бы быть, да и мощность его все-таки немного маловата для пулемета. Можно просто купить лицензию на маузеровский — 7,92x57 вместе с оборудованием для производства на первых порах. А можно разработать что-то свое...

— Ох, — покачал головой Федоров, — вы представьте себе переходный период. На вооружении стоят «мосинки» под русский патрон и пулеметы под него же, автоматы под маузеровский пистолетный патрон и пулеметы под маузеровский винтовочный, да еще самозарядки под промежуточный... Это же какая путаница начнется! А не дай бог война...

«И без всякого переходного периода будет тот еще бардак, — подумал я. — В Первую мировую винтовки закупали аж в Аргентине и Японии. Каждая, естественно, была под свой патрон, пулеметы тоже со всего мира по нитке собирали. Вряд ли у нас хуже того безобразия получится, хотя, конечно, не следует преуменьшать возможностей человеческого разума...»

— А что делать? — сказал я вслух. — Как только мы начнем хоть что-то менять, обязательно возникнет путаница. Но если не начнем, то так и останется Россия на сто с лишним лет при этом допотопном патроне.

По лицу Федорова было видно, что мой пассаж про сто лет он счел художественным украшением речи, а ведь зря это он, я же не преувеличиваю вот ни на столечко...

— И вот еще про какое новшество я бы вам советовал пораскинуть мозгами, — вспомнил я, — шнековый магазин.

— Простите? — не понял Федоров.

— Шнек, он же архимедов винт, — пояснил я. — И емкость больше, и ничего из оружия не торчит в разные стороны. Вы последнюю гомосексовскую новинку видели — мясорубку? Ну это вы зря. Значит, я распоряжусь, чтобы вам завтра с утра доставили пару штук, одну по прямому назначению, а другую — как источник вдохновения по этому самому шнековому магазину.

ГЛАВА 20

— Вот твои сметы, — пододвинуло мне тощую папочку высочество, — все подписаны. На твой счет положено еще полмиллиона, это на текущие внеплановые расходы, а то у нас с Машей начинается страдная пора и мне просто некогда будет с каждой твоей мелкой бумажкой разбираться. Начались, понимаешь, финансовые шевеления по поводу грядущей войны. Только у меня к тебе пара вопросов... ага, вот. Донос тут на тебя пришел, что ты волевым решением лишил эшелон с проволокой для Дальнего Востока двух третей охраны. Читать будешь?

— Зачем? Чай, не «Понедельник», ^[10] по сто раз его перечитывать. А копии этого крика души мне еще три дня назад принесли, в двух экземплярах. Уже расследовали, автор просто дурак. Ты-то хоть на тонкости обратил внимание?

— Охрана уменьшена, но количество пулеметов увеличено, все сосредоточено в одном броневагоне, в состав поезда введен наш малый тепловоз, — перечислил Гоша. — Приманка?

— А как же. Должны же хунхузы наконец наш поезд разграбить, а то под каким предлогом туда твой отряд перегонять? В этом поезде, кроме проволоки, которой, кстати, там почти и нет, едет твой личный мебельный сервис, то есть, тьфу, гарнитур.

— Откуда он взялся?

— А я знаю? Третий месяц в Приемном парке валяется, небось подарил кто-нибудь.

— Замечательно, сервисов мне последнее время тоже многовато напреподносили, положим туда еще пару, — улыбнулся Гоша, — а то вдруг этим хунхузам мебель слишком тяжелой покажется? Вот только смысла введения в этот эшелон нашего тепловоза я пока не понимаю.

— Он бронированный — раз, и у него автоматическая сцепка — два. В случае чего он ее просто расцепляет, поезд остается китайцам, а тепловоз, вагон и паровоз, даже если его повредят, едут дальше. Опять же все равно пора их потихоньку туда перегонять...

— Ладно, а теперь не скажешь ли мне, что это за пулеметные тачанки? Богаевский пишет, что завершено формирование двух эскадронов, проведены учения...

Я в недоумении посмотрел на Гошу.

— Ты же изучал историю Гражданской войны, — напомнил я, —

неужели не читал про Махно?

— Читал, но не очень подробно, все-таки не ключевой персонаж...

— Ну так он, кстати, и изобрел эти самые тачанки. Просто пролетка с пулеметом, вот и все. Очень эффективное оружие конницы — хоть при отходе, хоть в наступлении.

— На «оку» тот же пулемет поставить будет хуже?

— Конечно. Во-первых, логистика не позволит еще и автомобили бензином снабжать, для самолетов его и то впритык. Запчасти опять же, да и мало у нас пока машин. Но главное — не надо нам в этой войне светить никакой механической бронетехники, пусть даже и на колесах. Так что стальной конь придет на смену крестьянской лошадке несколько позже. Зато сразу настоящий!

— Да, и еще вот что у меня вызывает сомнения, — вспомнил Гоша, — то, что придумал Федоров, это все-таки ружье или пушка?

— Гаагскую конвенцию вспомнил? — усмехнулся я. — Разумеется, ружье, у него же лафета нет. Где ты пушку без лафета видел?

— А разрывные снаряды?

— Зачем они по наземным целям, такие мелкие? Болванками стрелять будем. Так что не волнуйся, это просто ружье для охоты на мамонтов. Мы-то чем виноваты, если вместо них в Маньчжурию японцы полезут? А вот когда придет пора пушки на самолеты ставить, тогда и подумаем, вплоть до того, что придется начхать на этот высокогуманный документ. Но это в любом случае только после японской войны будет... Ладно, я, пожалуй, пошел.

— Ты на узел связи? Тогда нашей эскадре передай от меня привет и наилучшие пожелания. Пока за границей обсуждают только путешествие наших двух яхт с танкером, про «ракообразных» никто ни сном ни духом. По твоей линии нет сведений, что их заметили?

— Никаких. Похоже, тыфу-тыфу, пока действительно удастся держать в тайне их существование...

Для успешности этого процесса, то есть удержания в тайне, предпринимались многие меры, в том числе и довольно затратные. В частности, по нашим каналам было заметно увеличено финансирование доводки «миноносца № 150», под каковым названием, о чем знал чуть не весь наш флот и половина зарубежных, скрывалась бубновская подводная лодка «Дельфин». Как только будут закончены первичные испытания, то есть это сооружение сможет отплыть от стенки, слегка нырнуть и потом вынырнуть без посторонней помощи, оно будет по железной дороге

отправлено во Владивосток, дабы изображать там из себя наш подводный флот.

На узле связи мне сразу сообщили, что со мной хочет говорить Налетов. Он просил передать: как я появлюсь, он подойдет в течение пятнадцати минут, не больше.

— Ладно, — сказал я и сел разбирать радиogramмы. Первым делом посмотрел обмен с нашей эскадрой — у них все штатно, так что желание Налетова связано с чем-то другим... Ага, радист говорит, что он уже подошел.

— Звук проходит нормально, — сказал мне радист, подавая наушники, — можно в телефонном режиме.

— Добрый день, Михаил Петрович, что у вас там стряслось? Прием, — поинтересовался я.

— Никаких неприятностей, мы довели и немного модернизировали катер-катамаран, но главное — я тут познакомился с очень интересным человеком, он просил свести его с вами. Прием.

— Имя? Прием.

— Павел Архипович Одуванько, он... э-э-э... моряк. Прием.

— Хорошо, я уточню кое-что и в ближайшее время сообщу вам. Конец связи.

Этот персонаж, более известный в Одессе как Паша Божий Одуванчик, попал в поле зрения шестого отдела с полгода назад. Судовладелец среднего пошиба на самом деле пробавлялся контрабандой. Натура у него была авантюрная и деятельная, мозг присутствовал в достаточных количествах, и я решил попробовать с помощью этого самого Одуванчика реализовать один свой проект. Ему аккуратно подбросили идею вместе с намеком, что небезызвестный инженер Найденов тоже вроде чем-то таким интересовался...

Пожалуй, надо посетить Черное море, все равно есть дела на судостроительном заводе.

Я позвонил Гоше, сказал, что мне надо на денек слетать в Николаев, — и на аэродром, чтобы к восьми утра подготовили борт номер один.

Паша Божий Одуванчик оказался джентльменом лет сорока, в безукоризненной тройке, в котелке и при тросточке, вот только загорелое, обветренное лицо немного выбивалось из образа. Мы обменялись рукопожатием.

— Много о вас слышал, господин Найденов, — сообщил мне Паша, — а особенно о присущих вам патриотизме и широте взглядов. У меня они тоже имеются, и патриотизм, и широта, вот об этом мне и хотелось бы поговорить, вы не возражаете?

— Нисколько, продолжайте.

— Для думающих людей не секрет, — продолжил собеседник, — что скоро весьма возможна большая война с Японией. Опять же думающие люди могут сомневаться, что это будет такая уж легкая война...

— Да что там сомневаться, тяжелой она будет, — кивнул я.

— Вот именно. А в тяжелый момент все русские люди не должны жалеть сил для одоления врага. Но люди с широкими взглядами понимают, что если одоление заодно принесет какую-то мелочь на залечивание боевых ран, то в этом нет ничего плохого...

— Конкретно ваше предложение, одной-двумя фразами.

— Каперский отряд. С учетом современных реалий, разумеется...

— Я примерно так и думал. Что же, давайте обсудим детали. Начнем с главной. Я так понимаю, вам потребуется кредит? В каких размерах?

— Миллион двести, — развел руками Паша, — это если готовить отряд по максимуму. Но я не смогу предоставить вам залог на такую сумму...

— А вот здесь поподробнее, пожалуйста, — на какую сможете, на что при этом хватит, на что нет.

Где-то минут за пятнадцать мне удалось составить представление о его планах и возможностях их осуществления. Планы-то были ничего, но вот залог — недвижимость в Одессе и Николаеве, оформленная на подставных лиц... Наверняка реально она будет стоить куда меньше, чем на бумаге. Плюс его суда, с которыми аналогично...

— Пока сделка получается какой-то несимметричной, — объяснил я свои сомнения. — Даже если все пойдет по лучшему сценарию, я смогу испытать только моральное удовлетворение, без материальной составляющей.

— Но ведь свои части вы вооружаете вообще в убыток?

— Это вы правильно заметили — «свои». Вот если ваш отряд станет в какой-то мере и моим тоже, тогда да...

— Я не против совместного владения, — осторожно сказал Паша.

— Я — против. Бумажка, она и есть бумажка. Если отряд совместный, то в его составе должны быть мои люди. Если суда в общей собственности, то свою часть я реализую возможностью в любой момент нажатием кнопки взорвать их. Она появится после модернизации этих судов на Николаевском

заводе. — Блеф, конечно, но тут чего только не говорят про инженера Найденова! — Наконец, если я выделяю деньги, то в случае их нецелевого расходования, а попросту воровства, виновный либо тут же раскаивается с полным возмещением убытков, либо у него начинаются серьезнейшие неприятности вплоть до летального исхода. Вы, наверное, слышали — в обеспечении своих интересов мы с его высочеством больше полагаемся на собственные силы, чем на защиту закона. Это я вам в порядке информации, а не угрозы... Вот на таких условиях вы можете получить всю запрошенную сумму — не деньгами, а модернизацией ваших судов на моем заводе и поставками необходимого вооружения.

Паша молчал. По его лицу было видно, что предложенное мной как-то не очень укладывается в его представления об идеале...

— Все это носит временный характер, до конца войны, — уточнил я. — А потом мои люди вас покидают, взрывные устройства демонтируются, мы жмем друг другу руки, и вы можете делать со своей флотилией что хотите. Ну как?

— Согласен, — с облегчением сказал Одуванько.

— Но за вашими соратниками вам придется смотреть самому, — напомнил я. — Имеется в виду то, о чем мы с вами только что договорились.

— Проценты? — поинтересовался Паша.

— Ноль.

— Вполне приемлемо. А теперь, если можно, хотелось бы обсудить доходную часть этого предприятия...

— Тут чуть сложнее, — заметил я, — часть операций будет доходной и для нас, и для вас, а часть — только для вас, платить-то буду я... Давайте начнем с первой. Закурить не желаете?.. Значит, — продолжил я, затянувшись, — пусть вам удалось согласно всем существующим морским правилам захватить транспорт. В этом случае казна выплатит вам положенное вознаграждение, его высочество лично проследит, чтобы никаких проволочек тут не было. Остается груз... его мы будем считать нашим. Общим. То есть в равной пропорции. Устраивает?

— Да, а если этот транспорт понадобится нам для усиления отряда?

— Вам его сдадут в аренду до окончания войны. Ну и скидки там, отсрочки... не разоритесь, в общем.

— А вторая часть? — поинтересовался Паша.

— Если транспорт по какой-то причине не получается захватить, но можно и нужно уничтожить, — продолжил я, — вступает в действие вторая часть нашего соглашения. За уничтоженный транспорт вам будут платить...

ну, скажем, от пяти тысяч до ста, в зависимости от того, чего и сколько он вез. Это я пока примерно, на глаз... Я так понимаю, что сама идея у вас внутреннего протеста не вызывает?

— Ни в коей мере, — заверил меня Паша, — я вас внимательно слушаю.

— Сразу хочу подчеркнуть, что уничтожен — это значит полностью и бесследно. Никаких случайно оставшихся свидетелей быть не должно. И если вдруг что-то всплывет на поверхность, вас придется объявить военным преступником, пиратом. Разумеется, будут приняты все меры для облегчения вашей участи вплоть до организации смены имени и побега на другой край света, но от самого факта никуда не денешься...

— То есть вы будете отдавать приказы, какие суда уничтожать? — напрягся Паша.

— Нет, рекомендации. И прейскурант, понятно, а дальше уж вам решать.

— В таком виде это меня устраивает, — кивнул Паша.

— Тогда будем считать, что в общем мы с вами договорились? Конкретные детали вы сможете уточнить с моими людьми в рабочем порядке. Кстати, а как вы вышли на Налетова?

— Я познакомился с Михаилом Петровичем на предмет купить у него аэрокатер, — сообщил мне Паша. — Я видел такой в Ялте, и он мне показался очень подходящим для некоторых целей. Ну а когда мы познакомились, мне удалось заинтересовать его некоторыми своими идеями... В общем, Михаил Петрович рискнул построить один катер по моему заказу. Не хотите посмотреть?

Я захотел. Мы сели во временно экспроприированную у Налетова «оку» и поехали куда-то в дальний край завода. Там между двумя совсем уж непрезентабельными посудинами приткнулся к деревянной пристани аэроглиссер. То есть Одуванчик сказал мне, что это он и есть, но ничего похожего на двухпоплавковый катер я не увидел! Скорее, это напоминало плот вроде широко известного «Кон-Тики». Я присмотрелся. Между поплавками был положен настил из досок, но не сплошной. Моторы замаскированы под какую-то избушку. Посреди палубы торчала мачта, причем явно не бутафорская, видно было свернутые паруса.

— Для перехода вот из такого абсолютно мирного вида в боевой команде надо полминуты, — пояснил мне Паша. — Водоизмещение увеличено до пяти тонн, скорость упала до сорока двух узлов. Я лично ходил на этом катере под парусами при четырех баллах, думаю, что он и шесть выдержит без повреждений.

— А это длинное вдоль палубы, вроде собачьей будки для удава, там торпедный аппарат?

— Пока там Шарик. — Услышав свое имя, упомянутый вылез на палубу и приветливо гавкнул. — А потом — да, его и предполагается поставить. В случае достижения договоренности я предполагал заказать у вас еще два таких катера.

— Ну что же, заказывайте, — согласился я, — через пару-тройку дней с вами свяжется мой человек, он откроет вам кредитную линию и вообще будет моим представителем в этом проекте.

«Подведем итоги, — думал я под негромкое гудение моторов „пересвета“ на обратном пути. — Итак, как можно рассматривать сложившуюся ситуацию? Первое — меня хотят банально кинуть. Но ведь кредит будет целевой, на продукцию наших заводов. То есть тогда получается, что, вложив свои деньги в покупку кораблей, Паша хочет за мой счет переоборудовать и вооружить их? Зачем, ведь для его основного ремесла, контрабанды, это совершенно лишнее, а риск в случае ссоры с нами немаленький. Решил устроить какую-то свою войну? Фантастика. А вот что он захотел погреть руки на грядущей Русско-японской, как раз логично, и именно на это ему намекали мои люди. Так что, не отменяя мер предосторожности, пока будем условно считать, что он хочет именно того, про что говорил. Получится у него или нет — другой вопрос. Собственно, а почему бы у него должны возникнуть трудности с одиночными транспортами? Значит, в шестом отделе надо создавать группу, которая будет курировать этого Пашу, и еще одну, военно-морскую, для плавания в составе пиратской эскадры... Надо же, — вдруг пришло мне в голову, — у дяди Алексея конкурент появляется... Ничего, конкуренция — вещь полезная».

ГЛАВА 21

Из дневников капитана 2-го ранга РИФ М. Н. Беклемишева

21.04.1903

00:00. Курс 264 градуса. РДП, 6 узлов. Облачность отсутствует, туман отсутствует, осадки отсутствуют. Ветер слабый с SW. До Гибралтара осталось 12 миль. Лодкам все-таки удалось, пользуясь темнотой и спрятав перископы и РДП в кильватерной струе «Смоленска», продышаться и полностью зарядить батареи. Через 2 часа вполне изготовленными войдем в Гибралтарский пролив. Моим приказом, во избежание возможных столкновений с надводными судами, пролив будем проходить на безопасной глубине, которая утверждена мною в 15 морских саженей. Пойдем по счислению, а также ориентируясь на шум винтов «Смоленска» и катамаранов. По расчету нам потребуется 8 часов, чтобы на 8 узлах, пройдя 32 мили против течения, выйти наконец в Атлантический океан. Там, полагаю, такой сутолоки, как в Средиземном море, быть уже не должно. На этом первый этап похода, наиболее сложный с точки зрения судоводителя-подводника, останется позади.

Переход Атлантикой к мысу Доброй Надежды особой озабоченности у меня не вызывает. Лишь бы машины пребывали в исправности. Впрочем, даже если и произойдет поломка, то, имея в виду прогноз погоды, предоставленный Георгием Андреевичем Найденовым, ремонт вполне возможно произвести силами экипажей нашего отряда. Запасных частей и механизмов еще на три лодки хватит. Не перестаю удивляться, каким образом удалось ему составить настолько точное предсказание погоды на столь длительный срок для столь разных мест планеты. Неужели же он действительно вхож в сферы горние? Непостижимо!

Опасаясь только привыкнуть к хорошему. Устойчивой радиосвязи со штабом нет уже от Мальты. Если случится задержка какая и график перехода будет нарушен, без надежного прогноза двигаться дальше я просто не имею права. Слишком велик риск. Ведь штурмана наши прокладывают курс на основе этого прогноза, с учетом силы и направления предсказанных ветров. Придется в таком случае снова запрашивать инженера Найденова по телеграфу, чего хотелось бы избежать.

06:24. Курс 258 градусов, ^[11] 4 узла. Глубина 15 саженей. Идем в кильватере «Смоленска», ориентируясь шумопеленгатором. До выхода из

пролива 20 миль.

11:15. Курс 245 градусов, РДП, 6 узлов. Облачность отсутствует, туман отсутствует. Осадки отсутствуют. Ветер умеренный с SW. Вот уж случилось понервничать. Но прошли гладенько, по прямой. Через турецкие проливы ходить значительно сложнее. А тут и глубоко, и широко, и недалеко. Все, Геркулесовы столпы за кормой. Впереди океанский простор и никаких теснин. Идем в кильватерной струе «Смоленска». Курс на Канарские острова, до них 970 миль. Мы оставим их с юга и, пройдя от Канар в 200 милях западнее, отвернем к югу. И уже имея на левом траверзе остров Йерро, в первый раз дозаправимся топливом в открытом море.

19:42. Курс 245 градусов, КП, 8 узлов. Облачность отсутствует, туман отсутствует. Осадки отсутствуют. Ветер умеренный, с SW. До Канар 924 мили. Корабли в исправности. Настроение прекрасное. Конструкция приборчика, обеспечивающего свободно плавающей мине постоянную глубину, начинает в общих чертах обрисовываться. Но пока есть парочка неясных деталей.

23.04.1903

07:14. Курс 245 градусов, КП, 7 узлов. Облачность сплошная, туман отсутствует. Осадки отсутствуют. Ветер крепкий с N, в правую раковину. Килевая качка. «Аристократия» травит. До Канар 618 миль.

24.04.1903

06:24. Курс 245 градусов, КП, 6 узлов. Облачность сплошная, туман отсутствует. Осадки отсутствуют. Шторм с N, в правую раковину. Изрядно качает. «Аристократия» травит. Стал выгонять их на вахту. На мостик. Пусть там блюют. До Канар 464 мили.

25.04.1903

13:12. Курс 245 градусов, КП, 7 узлов. Облачность сплошная, туман отсутствует. Осадки отсутствуют. Ветер очень крепкий с N. Килевая качка. «Аристократия» в норме! Оморячились! На правом траверзе в 100 милях остров Мадейра. До Канар 234 мили. Сегодня на «Раке» следовало произвести замену экипажа князя Трубецкого экипажем Черкасова. Но не удастся по причине сильного волнения и ветра. На завтра прогноз обещает улучшение погоды.

27.04.1903

15:54. Курс 180 градусов, КП, 8 узлов. Облачность отсутствует, туман

отсутствует. Осадки отсутствуют. Ветер легкий SSW. До Дакара 899 миль. Вчера и сегодня днем было очень жарко, в прочном корпусе вплоть до +40 градусов С. Вентиляция не справляется. Сократил вахты в машинном отсеке до двух часов. После удачно прошедшей дозаправки лодок топливом произвели наконец смену экипажей. Черкасов со своими людьми отправился обживать «Рака», а князь Трубецкой и его офицеры получили дозволение отдохнуть четыре дня на острове Йерро. Счастливчики погрузились на «Геру» и ушли на восток. Остальным дозволил купание в океане под присмотром вооруженной карабинами вахты. А то еще слопают акулы, не приведи господь. На левом траверзе в 90 милях — Канарские острова.

28.04.1903

00:04. Курс 180 градусов, КП, 9 узлов. Облачность отсутствует, туман отсутствует. Осадки отсутствуют. Ветер легкий SSW. До Дакара 743 мили. Хотя ночью в лодке дышать полегче, а вокруг буквально целый океан прохладной воды. Нет, с температурой в прочном корпусе положительно надо что-то решать. Зимой холодно до стука зубовного, летом духота до потери сознания. Двигатели дают массу тепла. Морские воды приятно прохладны, а мы же как в аду маемся.

29.04.1903

00:04. Курс 180 градусов, КП, 8 узлов. Облачность отсутствует, туман отсутствует. Осадки отсутствуют. Ветер сильный с NE. До Дакара 536 миль. Северный ветер принес наконец какую-то прохладу, но разволновал океан. «Аристократия» решила было потравить, но с удивлением отметила, что ей уже не хочется. Но аппетит, аппетит отменный!

01.05.1903

00:05. Курс 180 градусов, КП, 8 узлов. Облачность отсутствует, туман отсутствует. Осадки отсутствуют. Ветер отсутствует. Штиль. Мертвая зыбь 2 балла. Очень душно. Баня. До Дакара 150 миль. Не к добру так парит, не к добру. Прогноз обещает шторм.

20:05. Курс 144 градуса, КП, 6 узлов. Облачность сплошная, туман сильный. Осадки сильные. Тропический ливень. Ветер крепкий с W. Дакар на левом траверзе — 130 миль. До Кейптауна 3900 миль.

02.05.1903

20:05. Курс 144 градуса, ПП, 4 узла. Облачность сплошная, туман

сильный. Осадки сильные. Тропический ливень. Шторм с N. Ушли на безопасную глубину, там переждем погоду. По прогнозу к ночи шторм должен прекратиться. До Кейптауна 3876 миль.

04.05.1903

11:01. Курс 144 градуса, КП, 7,5 узлов. Облачность сплошная, туман отсутствует. Осадки отсутствуют. Ветер умеренный с N. Уже ровно месяц, как мы в походе. Сейчас переберемся на «Смоленск», на недельный отдых. Прогноз погоды на эту неделю чудесный. Отдохнем по-человечески и затем вернемся на родной «Рак». Там же, кстати, и экватор пересекать случится. До Кейптауна 3510 миль. На левом траверзе Фритаун в 150 милях.

13.05.1903

00:07. Курс 144 градуса, КП, ход 8 узлов. Облачность отсутствует, туман отсутствует. Осадки отсутствуют. Ветер умеренный с SW. Гринвич меридиан. Только сегодня удалось снова заменить экипаж на «Раке». Шторм, и довольно сильный, начался на сутки раньше, чем сие природное явление предсказано прогнозом Найденова. Видать, и на небесах ошибаются, дело-то житейское. Но отпуск наш подзатянулся. Долгота 0 градусов. Широта 20 градусов к югу. Опять переехали в Восточное полушарие, только уже Южное. И знаменитый Южный Крест над горизонтом. Ничего особенного. Но вот звезды тут сияют как орехи на новогодней елке. До Кейптауна 1895 миль.

24.05.1903

00:05. Курс 90 градусов, КП, 5 узлов. Облачность отсутствует, туман отсутствует. Осадки отсутствуют. Ветер очень крепкий, ESE, постоянно усиливается. Давление стремительно падает. Нам не хватило буквально суток. Но незначительные по большей части поломки и задержки, с ними связанные, лишили нас запаса времени. До 27 градусов восточной долготы — 214 миль.

25.05.1903

03:10. Курс 90 градусов, КП, 5 узлов. Облачность сплошная, туман отсутствует. Осадки отсутствуют. Сильный шторм с ESE. До смены курса 62 мили. Волна 5–6 саженей, лодка то взлетает к небесам, то, скатываясь с волны, целиком зарывается в следующую. Сказал бы, что по клотик, да клотика нет. То снова упрямо выдирается на поверхность, то опять падает вниз. Находиться на мостике невозможно, нечем дышать.

03:30. Отдал приказ лодкам погрузиться на глубину 15 саженей. Моя ошибка. Следовало погрузиться сразу, и на безопасной глубине спокойно пройти на 4 узлах эту сотню миль под водой.

15:10. Курс 60 градусов, ПП, ход 5 узлов. На глубине спокойно. Куда-то незаметно исчезла жара. Но люди уже измотаны духотой, взвинчены и часто происходят ссоры по мелочным поводам. До Мадагаскара 1325 миль.

26.05.1903

20:05. Курс 60 градусов, КП, 5 узлов. Облачность сплошная, туман отсутствует. Сильный дождь. Шторм с ESE. Воленс-ноленс, батареем нужна подзарядка. Штормит, но барометр пополз вверх. Зато «Машка» с «Герой» в полном удовольствии благополучия. «Маша» отстаивается в Кейптауне и работает радиомаяком. «Герасим» убежал далеко вперед, тоже радиомаячит, но уже в Порт-Луи, что на Маврикии. «Добровольцы» штормуют вместе с нами.

21:15. Курс 60 градусов, КП, 3 узла. Облачность сплошная, туман отсутствует. Сильный дождь. Сильный шторм с ESE. На лодке авария. Волной согнуло лопасти левого винта. Из-за начавшейся сразу сильнейшей вибрации приходится идти на одном правом двигателе. С правым винтом тоже не слава богу, заклинил механизм изменения шага. У африканского побережья становиться на ремонт слишком рискованно. Уж больно много лишних глаз тут ошивается, оттенков британского флага. Надо бы нам дойти до Мадагаскара, там места пустынные, малолюдные. Надеюсь, тамошние негры-аборигены в подводных лодках не особенно разбираются. Найдем укромную бухту, вдали от посторонних глаз, заменим винт. Подремонтируемся, да и люди отдохнут заодно. Пока же с трудом выгребаем 3 узла против ветра. А нам до Мадагаскара еще 1200 миль хромать.

30.05.1903

10:05. Курс 60 градусов, КП, 4 узла. Облачность отсутствует, туман отсутствует. Осадки отсутствуют. Шторм с ESE. До Мадагаскара 856 миль. На «Крабе» сгорела обмотка ротора в правом электродвигателе. Скорее всего, не выдержал изоляционный лак, которым покрыта обмотка ротора. Если статор электродвигателя имеет рубашку охлаждения и не перегревается, то для ротора обдува потоком воздуха от вентилятора оказалось, видимо, недостаточно. Теперь охромели обе лодки. Неприятно, но не смертельно. Однако досадно, что у нас участились поломки.

31.05.1903

05:11. Курс 60 градусов, КП, 4 узла. Облачность отсутствует, туман отсутствует. Осадки отсутствуют. Шторм с ESE.

Спал. Вдруг из носового отсека скрежет сминаемого железа. И тут же снова... и снова... Лодка кренится все сильнее... Выправилась... Дифферент на нос... Лодку водит на курсе... Цапнул тужурку — и как спал, босиком, в одной тельняшке и трусах, в ЦП. Три шага всего... Дифферент на корму. Крен на правый борт. Шум сбегавшей с палубы воды. Господи, да страшно-то как... Правая переборка... удар... отлетаю мячиком... левая переборка... Как шарик бильярдный в лузу — головой в люк центрального... Не дай бог, нам нос своротило! Все сварка эта, электрическая, новомодная... Нет чтоб проклепать, как у нормальных...

— В первом! Осмотреться в отсеке! Где рапорт?! Что там у вас, черт возьми?!

— Течей нет, вашскбалродие!

И тут же доклад от Чернышева с носовых горизонтальных:

— Носовые рули глубины заклинило на всплытие! Намертво заклинило, вашскбалродие!

— По случаю тревоги обращаться ко мне — командир! Понял, пингвин андалузский?!

— Есть, обращаться — командир!

— Всех касается! Когда наконец мне кто-нибудь доложит, что с рулями? Про то, что рули заклинило, я уже слышал! Почему заклинило?

От перископа доклад Черкасского:

— В перископ рули не просматриваются! Разрешите подняться на мостик, командир!

— Явите милость, Михаил Борисович! Да не забудьте принайтаться там... уж не лихачьте, а то смоев вас за борт, и где я потом толкового минного офицера возьму?

Минут через десять, прихватив с собой десяток ведер свежей океанской водицы, мичманок мокрый, как Нептун, спустился в ЦП с рапортом.

— Наблюдал носовые рули! Сложены, как ушки у спаниеля! Но потонуть не должны, командир!

А вот ничего хорошего! Снова авария. Штормом искорежило один за другим рули глубины, как будто они пластилиновые, а не стальные. Амбец котенку! Отпогружались.

07.06.1903

07:05. Дождь. Ветер свежий с востока. Лежим в дрейфе в надводном положении у западного берега маленького острова Нуси-Маница, что у южной оконечности Мадагаскара, спрятавшись за ним от ветра. Подошли к нему 20 минут назад. Судя по карте, островок окружен коралловым рифом, и, если не найдем прохода, придется искать иное место для ремонта. Отправил людей на катере со «Смоленска» для поиска прохода в рифе. Часа за два управятся с задачей, надеюсь. Так себе островок на первый взгляд. Можно сказать, никудышный вовсе. Зарос кустарником, лесок пальмовый просматривается, занесен изрядно песком, воды нет. Видно лодки на берегу, да какие-то туземные хижины, сотни три. И здесь люди живут.

10:12. Вернулся катер. Проход в рифе отыскали, лодки вполне пройдут почти к самому берегу. А вот «Смоленску» и «Саратову» придется на якорях кабельтовых в 10–15 от островка постоять, с их осадкой, да еще с грузом, ближе никак подойти невозможно. Принял пока решение ремонтироваться прямо на этом острове. Иного места искать что-то не хочется. Люди вымотаны до предела, состояние машин внушает изрядные опасения. Морские торговые пути проходят в приличном отдалении, так что вряд ли кто обеспокоит нас здесь. Дно у берега песчаное, плотное. От добра добра не ищут. Встанем у бережка да примемся за ремонт.

А тут и вождь аборигенский со свитой на своих катамаранах к нам пожаловали. Дипломатический визит изволили сделать. Оказался он образованным человеком и родовитым аристократом, этот негритянский вождь, знаток португальского языка почему-то. И где только нахватался? Викторов Алексей Иванович, судовой врач с «Краба», тоже португальским владеет в известной степени. Так что удалось друг друга понять с пятого на десятое.

Живут местные рыбной ловлей, держат какой-то скот и огородничают немного. С голоду не пухнут, но отнюдь не роскошествуют. Выяснилось, что они тут и сами недавно обосновались, поскольку утеснения англо-бурской войны сделались для них натурально нестерпимыми. И отправились они к берегам Мадагаскара на своих лодках с семьями, козами и свиньями. Подальше от участников военного конфликта. Вот их к острову этому ветрами и занесло. Тоже решили, что от добра добра не ищут. Пока на островке племя прижилось.

Около полутора тысяч человек островок заселило. И как только они тут пропитание на всех добывают? Морем кормятся. Рыба тут в бухте Минуруду не переводится. На продажу, кроме как кораллы, предложить ничего не имеют. Но пищи у них все же своей достаточно, вода тоже своя, из родников. Да и какие-то фрукты местные произрастают. Спросил про

фрукты. Минут через пять наши полиглоты сумели понять друг друга. Будут нам фрукты и иное свежее продовольствие взамен на мануфактуру и железные изделия поставлять. Дальнейшую коммерцию свалил на Ивана Ивановича, а сам проводкой кораблей через риф занялся.

18:25. Ну вот и устроились. Проход с NW в рифе вполне надежный, даже в отлив. Подошли к острову и саженьях в 20 от берега уткнулись носами в песочек, закрепились якорями, обтянули лодки маскировочной сетью. Со «Смоленска» мне доложили, что на фоне берега лодки неприметны теперь совершенно, от ландшафта неотличимы.

Тут и туземцы целой толпой на бережок высыпали, руками машут, подпрыгивают и орут вдохновенно. И девушки на берег набежали. Много. А ничего себе такие девушки, красивые зверски. Улыбаются и тоже руками нам машут, на берег заывают. Рослые такие, губастые, блестящие, как сапоги гвардейские... в юбочках разноцветных, ситцевых, и... перси торчат... свирепо, как двенадцатидюймовки! Впрочем, по понятным и разным причинам... нам девушки все хороши!

Приказал Черкасскому заняться обустройством палаточного лагеря на берегу, немного в стороне от деревни аборигенской. Офицерам отдельные палатки поставить распорядился, поскольку глаза измозолили уже друг дружке до последней крайности.

20:30. Вызвал на мостик командира БЧ-4, спросил о возможности установления связи со штабом и вручил ему рапорт для отправки. «Маркони» посомневался из-за дальности расстояния, однако спустя час, сияя как рында, принес длиннющую радиограмму от Налетова. Бормоча о чем-то связанном с отсутствием грозových фронтов и хорошим прохождением радиоволн, вручил мне депешу. Все-таки шпаки они неизбывные, «аристократия» наша, неистребимые шпаки-с, но дело свое знают. Ну да, в пажеских и морских корпусах, понятное дело, не обучались.

Как раз мы с Анатолием Ниловичем, доктором Викторовым и его величеством Мугамамбой Четвертым дегустировали «Смирновскую», удобно устроившись на тростниковых табуретах у костра, на котором на манер шашлыков нам жарили рыбу. Нанизанные на прутики кусочки, сдобренные ананасным соусом, ароматные и потрясающе вкусные, подавала нам племянница его, девица как бы без имени, но гренадерского росту, весьма увлекательных и пропорциональных округлостей, заразительно смеявшаяся при каждом брошенном мною на означенную барышню взгляде. Вот верно, она глаз на меня положила, шалунья эдакая... Ишь зубками из полутьмы высверкивает! А не людоеды ли они тут, часом? Вот возьмут и съедят нас под нашу же водочку... Посмотрим, посмотрим,

что там нам господин Налетов отписал...

В радиограмме, подписанной Михаилом Петровичем, было приказано мне отправить «Машку» непосредственно в Балаклаву, где она должна взять на борт и доставить нам в отряд для практического обучения четвертый экипаж под командованием лейтенанта Александра Оттовича Гадда, офицера отлично мне известного и мною же к командованию экипажем рекомендованного, которому я перед походом передал командование так называемой Балаклавской водолазной школой. Говоря прямо — классами подводного плавания. Старшего и минного офицеров четвертого экипажа, мичманов Власьева и Феншоу, я лично не знал вовсе. Они в подплав угодили по протекции князя Черкасского. Ну познакомимся еще. Дорога впереди длинная. Убрал депешу во внутренний карман кителя, приказал запросить прибытие «Маши» и отправил «эфирное» создание восвояси.

И тут нам показали местное шоу. Ударили в барабаны и, потрясая гарпунами вокруг большого костра, свирепо выскочили мускулистые чернокожие воители. Гортанно покрикивая и совершая ритуально-агрессивные телодвижения, они бодро заскакали, освещаемые огненными языками, друг за дружкой, сопровождаемые ритмичным и гипнотизирующим грохотом барабанов. Скакали довольно долго и довольно однообразно. Но рано или поздно все и вся в этой юдоли скорби находит свой конец, и, умаявшись, мужики прекратили дозволенные пляски. Сменили их у костра гораздо более интересные нам танцорки. Верно, танец плодородия у них это называется. Ишь, как выпуклостями размахивают да крутят. Впечатляет!

К этому моменту его величество, накушавшись непривычным продуктом от поставщика ЕИВ г. Смирнова, сомлел и был отнесен премьер-министрами в свою тростниковую загородную резиденцию. Господ русских офицеров во главе со мною тоже уже слегка штормило, и я выразил определенное желание покинуть столь гостеприимное общество. Тут же под мышкою моей образовалась упомянутая зубоскалка и, влекомая мною, или, скорее, увлекая меня, попыталась направить мой курс к одной из хижин. Строго помотав указательным пальцем у заблуждающейся особы перед носом, оным указал ей истинный курс в направлении командирской палатки и, лихо сдвинув на затылок фуражку, с девицею неизвестного имени под мышкою продефилировал в апартаменты под завистливый шепот окружающих.

Спать эта затейница не дала мне совершенно. Пока сама в ветошь не угваздалась, пантера этакая. Только я веки смежил — играют подъем. И

долг командирский зовёт.

ГЛАВА 22

«Пора бы уже в Царском Селе небольшой аэродромчик устроить, зачастил я сюда, а трястись каждый раз в „оке“... проще будет, чем заставить кого-то сделать нормальную дорогу от Гатчины. Все никак не удастся сосредоточиться на теме предстоящей беседы», — ругнулся я про себя на очередном ухабе. Беседа же ожидалась любопытная.

— И что вам на это ответил Константин Петрович? — с интересом спросил я императора.

— Что это приведет только к расколу общества, не дав никаких преимуществ, — вздохнул Николай.

— Я никогда не сомневался в его глубоком уме, — кивнул я, — и, по моему, тут он совершенно прав.

Что да, то да. Несмотря на свое несомненное сходство с Кисой Воробьяниновым из известного фильма, Победоносцев был человеком весьма неглупым.

Николай под воздействием внешних обстоятельств типа нарастания революционного движения, давления на него ближайшего окружения и просмотра наших киношек с музыкой пребывал в душевных метаниях. В частности, неделю назад у него (явно у него самого, вроде никто такого не советовал) появилась мысль разделить царский титул. Типа «самодержца всероссийского» оставить себе, а остальные сбавить Гоше. Нет уж, от таких подарков надо отбрыкиваться всеми четырьмя копытами! Вслух же я сказал:

— Такое было бы приемлемо для конституционного монарха, но вы-то, Николай Александрович, у нас монарх самодержавный, то есть абсолютный! — «Ишь ты, аж приосанился, видать, давно ему такого не говорили», — подумал я и продолжил: — В своей деятельности вы не связаны какими-то пусть и самыми важными бумагами, но лишь словом! Своей коронационной присягой, а бумаги играют роль лишь постольку, поскольку вы поклялись следовать в них написанному. Улавливаете мысль? — По лицу собеседника можно было прочитать: нет, не улавливает. Хотя и пытается... — В ней вы взяли на себя обязанность управлять империей, — продолжил я, — а как это делать, вы не уточняли, то есть руки у вас свободны. Можно пытаться самому решать все вопросы, что вы сейчас и делаете. В результате вы сейчас разрываетесь между семьей и

долгом по управлению государством, толком не успевая ни там, ни там. А можно назначить заместителя, или товарища, которому вы всецело доверяете. В этом случае абсолютность вашей власти не уменьшается нисколько — вы просто повелеваете всем слушаться этого человека, как вас! Правда, тут есть одна тонкость. Если никак не обозначить временные и прочие условия, человек будет чувствовать свое положение непрочным и вести себя соответствующе.

— Нужен регламентирующий документ? — начал понимать Николай.

— Нужен был бы, будь вы конституционным монархом. Вот тут действительно пришлось бы по всем правилам высшего крюкотворства сочинять бумагу, чтоб в ней было поменьше лазеек для парламента, потом ее проталкивать... Вам проще. Достаточно издать краткий указ, что с такого-то числа у вас появляется товарищ императора, обладающий практически всей полнотой власти. Его подпись означает вашу без каких-либо оговорок, и действует этот порядок вплоть до вашего указа о его отмене. И в узком кругу даете слово, что в течение пяти лет отмены этого указа не будет. В очень узком, вы же не публиче клянетесь, а Богу и себе...

«А уж записанную на цифровой диктофон клятву нетрудно потом перенести на пластинки и дать послушать кому надо», — мысленно продолжил я.

— В этом что-то есть... — задумчиво согласился император.

— Вот-вот. Только, умоляю вас, обдумывание этого проекта надо проводить в глубокой тайне. И так уже хватает желающих устраивать на вас покушения, а уж если информация о таких ваших планах выйдет наружу, они и вовсе с цепи сорвутся! Многим такое решение будет как серпом по... э-э-э... горлу, так что возможны самые что ни на есть экстремистские выходки. К слову, охрана Царского Села организована так себе, если бы мои люди получили приказ сюда проникнуть, так давно тут были бы. Зря вы так своей безопасностью пренебрегаете, вот ей-богу...

— С благодарностью приму вашу помощь в этом вопросе, — кивнул Николай. — Как вы предлагаете назвать моего товарища, премьер-министром?

Я чуть не плюнул.

— Это у английского короля премьер-министр, которого можно в отставку выпирать по несколько раз за год, а тут... Вы император. Замещать вас может государственный канцлер, но тут надо подчеркнуть, что не простой... например, его августейшее высочество государственный канцлер всея Руси и вице-император Сибири и Дальнего Востока. Уж никак не меньше, а то даже как-то оно и несолидно будет...

— Логика тут у тебя немножко хромает, — сообщил мне Гоша, послушав запись беседы. — Ему не хватает времени, а мне хватит только потому, что нет семьи?

— У тебя есть административные способности и склонность к этой деятельности, — терпеливо объяснил я высочеству, — а его таланты лежат в духовной области, пора, кстати, конкретику придумывать, а вдруг спросит, придется лапками разводить. Но отвращение к канцелярской работе внушилось здорово, его от любого официального документа теперь чуть ли не тошнит.

— Ладно, а твой вывод, что в случае утечки сведений он станет мишенью номер один?

— Бред, конечно, если кто и станет, так это ты. Но в вопросах безопасности, особенно семьи, ему логика и не нужна. Ему нужна чья-то широкая спина, за которой можно спрятаться, вот я ему ее и предлагаю.

— Думаешь, он прямо сегодня-завтра побежит писать указ? — с сомнением спросил Гоша.

— Разумеется, нет. Это всего лишь база. Ведь по той методике внушения, которую я использую, можно давать клиенту только короткие послы. И вот теперь посыл «указ... канцлер... брат» стал вполне конкретным, пригодным к использованию. Так что я ему на днях еще пару мультфильмов презентую и запись Жан-Мишеля Жарра под видом последних Машиных произведений. Кстати, все формальности закончились, она теперь княгиня Ла-Маншская?

— Да, уже неделю как.

— Ну осталось совсем немного до титула королевы, — усмехнулся я, — это уже чисто технические и вполне преодолимые трудности.

— Ты так говоришь, как будто королевой стать проще, чем княгиней.

— Так ведь действительно проще! Князем человека делает вышестоящее начальство. А монархом он либо объявляет себя сам, как это случилось с Наполеоном, либо это делает какой-то представительский орган подданных, организовать который нетрудно, особенно при малом их числе.

— Что-то мне кажется, у тебя уже и план на эту тему есть, — заинтересовался Гоша.

— Плана нет, пока так... беспочвенные мечтания. Когда станет хоть издаля на план похоже, я с тобой поделюсь, не волнуйся. Так что теперь один я среди вас, белой кости, остался нетитулованный простолудин?

Некоторое время Гоша с недоумением смотрел на меня, а потом

возмутился:

— Опять официальные бумаги не читаешь!

— А как я их прочту, если они на немецком? — вполне резонно возразил я. — Думал, снова каким-то «херром» обозвали... И что у Вилли в канцелярии за бестолочи необразованные сидят, даже русского языка не знают! А мой переводчик в проекте дирижабля-авиаматки по самые уши занят!

— Вам, господин Найденов, пожалован титул барона, — сообщил мне цесаревич.

— Ну вот, видишь, и правильно, что не читал, а то бы зазнался раньше времени. Так что теперь прямо как в песне: «Вышли мы все из народа». Интересно, возвращаться туда придется или как?

А на следующий день после этой беседы у меня появился куда более серьезный повод зазнаться, чем банальный баронский титул, полученный от кайзера. Ну в самом деле, скажите мне, что такое барон? Ей-богу, есть в этом почетном звании какая-то комичность, недаром Мюнхаузен был именно бароном...

Если без ложной скромности, то я могу изобрести немало интересных технических новинок. Именно изобрести, а не натаскать чертежи из нашего времени, но польза от этого будет весьма умеренной, — подумаешь, еще один изобретатель-одиночка, мало их в России было? Поэтому основные силы я направил на создание системы, выявляющей и поддерживающей имеющихся помимо меня изобретателей. Занималось этим Остехбюро, там периодически рождались монструозные проекты, но, как правило, они сами собой дошли еще на стадии макетов. Однако среди работ этого бюро уже была одна, отправленная в серию, боевая ракета «Пузырь» пятикилометрового радиуса действия. А тут директор Остехбюро Поморцев позвал меня на показ очередной новинки.

Естественно, в общих чертах я представлял себе, что он хочет мне показать: многоступенчатую твердотопливную ракету. Однако установленное на полигоне сооружение было значительно сложнее...

Оно напоминало сваренный из стальных труб остов самолетного крыла без обшивки, под которым на пилонах были подвешены две ракеты. Та, что располагалась ближе к концу крыла, была трехступенчатой, а та, что ближе к центроплану, — одноступенчатой.

— Мне как, сначала объяснить, что тут будет происходить, или сразу приступить к показу? — хитро прищурился Поморцев.

— Приступайте. Может, я прямо в процессе что-нибудь пойму, — кивнул я.

Зашипело, из сопла трехступенчатой ракеты вырвалось пламя, шипение сменилось скрежещущим воем... Я переводил взгляд с секундомера на ракету и обратно. На двадцатой секунде хлопнуло, вой на мгновение стих, но тут же снова возобновился, уже немного другого тона, а по земле закувыркалось два обгорелых обломка — остатки первой ступени. Вторая тоже проработала двадцать секунд, включилась третья. Но в конце ее жизни начались странные вещи — она еще не успела догореть, а одноступенчатая уже запустилась! Затем грохнуло что-то чрезвычайно похожее на выстрел, и кусок каркаса крыла вместе с погасшей последней ступенью полетел в сторону! Зато оставшаяся ракета продолжала работать. Наконец, через тридцать секунд она погасла...

Наступившая тишина показалась мне оглушительной.

Я действительно все уже понял. Не ограничившись идеей Циолковского о многоступенчатой ракете, Поморцев сделал половину крыла отстреливающейся — в конце полета вес ракетоплана уменьшался почти вдвое, и лишняя площадь только снижала скорость, причем значительно.

— Расчетная скорость в конце полета — сто восемьдесят метров в секунду, — буднично сообщил мне Поморцев. — И я надеюсь на вашу помощь в конструировании аэроплана. Миронов уже сказал мне, что лично он с трудом представляет себе аэродинамику такой машины и действующие на нее в полете силы.

— Помогу, конечно, — кивнул я. К началу войны эта штука явно не успеет, да и концу, скорее всего, тоже, но зато потом у нас появится настоящая крылатая ракета...

Это вам не какой-то паршивый баронский титул!

Вернувшись с полигона, я тут же схватился за карандаш. Итак, имеем задумку создать четырехмоторный ракетоплан — на стенде испытывалась его левая половинка. Моторы под крылом на пилонах, в фюзеляже система управления и взрывчатка. Чтобы оно меньше рыскало по курсу, движки должны быть поближе к оси... рисуем.

На внешних двигателях скорость будет чуть за четыреста, — значит, там крыло обычное, прямое. На внутренних — почти семьсот, делаем его с сильно скошенной передней кромкой. Получается нечто вроде крыла с изменяемой геометрией, только внешняя часть не убирается, а отстреливается. Все вроде хорошо, но...

Когда делался самолет-снаряд на основе «тузика», управляемость этого самого «тузика» была уже изучена досконально. Тут — даже

приблизительного представления нет, то есть поначалу кому-то придется летать на такой штуке — нужен будет опытный образец с пилотской кабиной вместо автопилота и взрывчатки. Ох, грехи мои тяжки... Хотя в нашем мире Галлай испытывал похожую штуку и не гробанулся. Правда, это Галлай, многим другим так не повезло...

Аэродинамических труб с требуемой скоростью потока у нас нет. Пора начинать проектировать, а модель можно будет продуть и в нашем времени, в МАИ у меня много знакомых, получится быстро и недорого.

Однако остается проблема с летчиками... Даже если вдруг со мной случится приступ патологического героизма, самому испытывать эту хрень никак не получится — хоть удавись, но в мои почти шестьдесят это уже невозможно. Значит, придется выбрать из наших пилотов несколько самых лучших — другие по определению не годятся — и отправлять их в небо буквально на пороховой бочке. Будем надеяться, что хотя бы половина доживет до конца испытаний. Вот только...

Я снял трубку и попросил соединить меня с Поморцевым.

— Михаил Михайлович? Я тут уже набросал эскиз ракетоплана, не хотите посмотреть? И еще один вопрос есть, который лучше решить сразу и не по телефону.

— Этот вопрос, — сказал я после показа эскизов, — он вот какой. Степень срочности данного проекта и цена, которую мы готовы или не готовы платить за эту срочность...

Я взял сигарету, закурил и отошел к открытому окну, после чего продолжил:

— Поясняю. Можно сначала построить аэродинамическую трубу с должной скоростью потока. Потом долго испытывать там модели, по результатам испытаний Жуковский с учениками напишет теорию, по результатам применения этой теории мы сделаем новые модели, и в конце концов получим вполне работоспособное изделие. Только когда это будет — сложно сказать, боюсь, что никак не раньше чем через десять лет. Полностью сохранить все это в тайне не удастся, за границей тоже начнутся подобные работы, и это еще вопрос, кто успеет первым. Даже если это будем мы, зато они вполне могут начать придумывать какую-нибудь противоракетную защиту, что для нас будет немногим лучше.

Но есть и второй путь. Сделать минимальную теоретическую проработку, потом пару простеньких летающих моделек, а сразу после этого построить несколько опытных образцов с пилотской кабиной. И — вперед и вверх... Боюсь, что первый наверняка разобьется. У второго уже появятся шансы, у третьего они увеличатся, и так далее. Таким образом, мы

сможем получить готовое изделие не через десять лет, а максимум через два. И надо решить — готовы ли мы платить за приоритет России в области реактивной авиации такую цену?

— Мы? — переспросил Поморцев.

— Именно мы. Пилоты — они готовы, были случаи убедиться. И если им скажут, что это необходимо, недостатка в добровольцах не будет. Но принимать решение-то нам и сейчас. А отправлять их в полеты придется вам, я в это время буду уже на Дальнем Востоке... вот и думайте. Мне, честно говоря, надоело вешать на свою совесть все встречающиеся проблемы, так что как вы скажете, так и будет.

Поморцев ушел, а я остался наедине со своей невеселой думой. Ведь только представить, сколько всего я уже не успел! И сколько еще не успею, даже иногда руки опускаются... Вот только показывать этого никому нельзя. Пожалуй, зря я так сегодня с Мих-Михом, нарушается цельный образ не знающего сомнений инженера Найденова... Или хрен с ним, с образом, пусть нарушается?

За окном темнело. Завтра наступит первый день лета — последнего лета перед войной.

ГЛАВА 23

«Вот и кончилась моя монополия на самолеты нормальной схемы», — подумал я, беря в руку папку с документами, только что срочно доставленную из Англии. Собственно, от Собакиной уже три месяца шли радиogramмы об авральной постройке де Хэвилендом сразу малой серии бипланов-истребителей. Схему он поимел от немцев. В процессе работы над совместным проектом дирижабля-авиамамки они получили эскизы моих бипланят-недомерков, а буквально через неделю почти все КБ де Хэвиленда уже рисовало новый самолет. Я, конечно, и раньше подозревал, что хранить секреты тевтоны не умеют, но чтоб до такой степени... и с такой скоростью! Правда, был в этом и положительный момент — чертежи нашего двигателя Т-4 с доработанным редуктором тоже мгновенно оказались у Максима. Он внес некоторые изменения, по своему обыкновению чуть увеличил объем, что подняло мощность до двухсот сил, а вот редуктор, к вящей моей радости, не тронул. То есть при вертикальном маневре появлялся немалый риск выхода его из строя, а учитывая и повышенную мощность двигателя... В общем, мы с Густавом молодцы.

Но и де Хэвиленд тоже показал себя молодцом. Он сразу понял, что самолет на доставшихся ему эскизах ненормально маленький, и тут же пропорционально увеличил его почти в два раза. В результате получилось нечто весьма похожее на прототип, то есть поликарповский И-15 с тем же верхним крылом «чайка», только с квадратным носом, по форме соответствующим имеющемуся у англичан мотору. До сих пор я представлял себе эту машину только по радиogramмам, но вот мне доставили полный отчет из Хитроу...

Строилось сразу восемь штук, но к моменту испытаний Максим смог предоставить только три мотора. Первый биплан разбился во втором полете, летчик-испытатель погиб. На втором полетел сам де Хэвиленд. Он очень аккуратно набрал высоту, но при первой же попытке сделать горку самолет сорвался в штопор. Каким-то чудом пилот смог вывести его буквально у самой земли, но в последний момент захода на посадку история повторилась — аэроплан, потеряв управление, грохнулся об полосу, де Хэвиленд сломал ногу. Фирма «ДХ» оказалась на грани краха.

Причина такого поведения английских самолетов была проста, как мычание. Имелась разрабатываемая Жуковским теория управляемости аэропланом. Ее отрывки левыми путями (ох доберусь я до будущей

Бауманки, ох и покажу им, разгильдяям, что такое режим и первый отдел!) попали в Англию, сам Джеффри тоже отнюдь не страдал недостатком мозгов... В общем, вполне терпимая теория управляемости у него была. В ней имелось логичное и железно доказанное положение о том, что чем ближе центр тяжести окажется к аэродинамическому центру, тем лучше будет управляемость. В принципе так оно и есть, за исключением одной тонкости — штопорная устойчивость при такой развесовке стремится к нулю. Но ведь теории штопора до сих пор не было ни у кого, даже у Жуковского! Своих конструкторов я просто волевым решением заставлял сдвигать центровку на пять — семь процентов вперед. Вот в эту трудность бедный де Хэвиленд со всего размаха и вляпался...

Ведь строил-то он эти самолеты на правительственные деньги! В результате в Хитроу появилась комиссия из адмиралтейства.

Элен Тейлор, она же Ксения Собакина, срочно запросила инструкции. Но я в это время был в Питере, общался с царственной четой, а решение требовалось немедленное. В результате Татьяна — за что я ей уже объявил благодарность — своей властью приказала Ксении принять все возможные меры для спасения фирмы «ДХ» вплоть до раскрытия тонкости с центровкой. Она исходила из того, что мои бипланчики все равно скоро досконально изучат, так что долго такой секрет не задержится. А исчезновение фирмы «ДХ» приведет к появлению какой-то другой, где у нас уже своего агента не будет. Чуть подумав, я признал эти соображения правильными.

Ксения явилась к изнывающему от беспокойства загипсованному Джеффри и заявила, что ее пилотская интуиция, равно как и просто женская, настоятельно требует сдвинуть центр тяжести на несколько дюймов вперед. Как только это будет сделано, она готова подняться в воздух на третьем самолете и доказать всем сомневающимся, что временные трудности с блеском преодолены. Почему так надо, она, Элен, доказать не может, но твердо уверена, что это правильный путь.

Де Хэвиленд попытался объяснить любимой, что он весьма ценит ее и как пилота, и как женщину, но в данном случае согласиться с ней не может, ибо это противоречит выводам науки. Вот если бы дорогая Элен могла предоставить хоть какие-то обоснования...

Обоснования Элен предоставить очень даже смогла, правда весьма далекие от аэродинамики. Вообще-то, учитывая, что у Джеффри была сломана нога, задача оказалась вовсе не тривиальной, но Собакина с ней блестяще справилась. В результате с раннего утра началась переделка моторамы, и к обеду движок третьего самолета был сдвинут на шесть

дюймов вперед. А дальше начался звездный час Элен Тейлор. На глазах восхищенных зрителей биплан свечкой взмыл в небо («...самолет перетяжелен, — писала мне Ксения, — скороподъемность по нашим меркам никакая») и начал выделять головокружительные фигуры пилотажа. «Вирази он делает хорошо, горки так себе, ни петли, ни боевого разворота я сделать и не пыталась», — доложила Ксения. Не усидевший дома де Хэвиленд пребывал в полном восторге. Фирма была спасена, а самолет чуть не получил имя «Элен». Но этому воспротивились представители заказчика, и на сдаточные испытания первый английский истребитель пошел под названием «спитфайр»...

Я повнимательнее вчитался в летные данные. Сухой вес — восемьсот пятьдесят кило. Да, вот она, поспешность при конструировании! Пара центнеров тут явно лишние. Максимальная скорость — сто девяносто, на тридцатку больше, чем у «тузика», и на двадцать меньше, чем у «бобика». Запас горючего на полтора часа полета, это как у нас. Бомбодержатели отсутствуют — во как напугали мы англичан количеством своей авиации, что они сделали чистый истребитель! Надо написать памятку нашим летчикам, что делать при встрече с этой машиной. Итак:

«Пилоту „святогора“ — срочно вспоминать, когда он последний раз исповедовался и причащался...

Экипажу „пересвета“ — отстреливаясь, из всех сил лезть вверх, у „спитфайра“ потолок ниже и со скороподъемностью не ах.

Пилоту „тузика“ — уходить от противника боевым разворотом или вниз переворотом через крыло, но ни в коем случае не виражом. Если противник дурак, то после такого маневра можно будет зайти ему в хвост.

Пилоту „бобика“ — быстренько сбить этот „спитфайр“ на хрен и лететь искать следующего».

Я закурил и задумался. С первого полета в этом мире прошло четыре года, а вон что в небе уже появилось! Причем ладно у нас, но и у англичан тоже. По своим данным этот «спит» примерно соответствует «Ньюпору» конца Первой мировой. Правда, количества пока мизерные, и к началу Русско-японской войны эти самолеты явно не успеют, но все же... Однако один бесспорный плюс у нас все же есть — подготовка пилотов. По нашим меркам, в Англии был всего один летчик второго класса, да и того звали Элен Тейлор. До недавнего времени имелось два пилота третьего, но после

только что случившейся катастрофы остался один — де Хэвиленд. Остальные недотягивали даже до уровня наших выпускников-курсантов...

А вот что касается Японии, тут была полнейшая неясность. Список закупленных ими моторов уже шел на сотни, но практически никаких других сведений добыть не удалось. Правда, наши агенты пару раз видели в тамошнем небе самолеты, очень похожие на «пересвет»... И микадо вдруг озаботился проблемой патриотического воспитания молодежи: были созданы закрытые школы, где, по совершенно непроверенным данным, преподавали англичане. Но даже место дислокации самого захудалого аэродрома пока выяснить не удалось. Хотя... ну-ка, интересная бумажка... вот это фокус, однако. Судя по объемам закупок бальсы, в Японии сделали или собираются сделать полтысячи «пересветов»! Потому как ни на что другое эта древесина им не нужна.

Мне стало немного не по себе. Разумеется, «тузик» уделает этого японского родственника нашего богатыря, но, пока он будет уделывать одного, остальные нам неслабо насвинячат. А с производством зенитных спарок опять пошли неурядицы. Нет, какое-то количество, конечно, есть, но в свете последних новостей оно вдруг показалось мне совершенно недостаточным.

Я вспомнил, как мне еще пару лет назад представлялись воздушные сражения грядущей войны. Лечу это я, значит, на истребителе примерно как у нас в начале тридцатых годов, а мне навстречу «Фарман-4»... Мечтатель, блин. Тут в лучшем случае получится соотношение как у немцев в сорок первом: «мессер» серии «Е» вроде малость получше пушечных модификаций И-16, но чуть зевнешь — и поминай как тебя, «Мессера», звали...

Та-ак, а это у нас еще что? Да, видать, совсем там закрутилась наша Ксения Тэйлор, что такие сведения отправляет припиской к основному докладу, а не срочной радиোগраммой...

После ее знаменитого полета к ней подошел господин в штатском, со всей галантностью пригласил в ресторан, где и озвучил официальное предложение поработать за пределами метрополии. Где именно, он не уточнил, но намекнул, что край весьма дальний и более того — экзотичный...

Я задумался. У нас уже разрабатывалась сверхкомпактная (с кирпич) рация небольшого радиуса действия, но тут получается, надо торопиться, иначе останется Собакина в далекой Японщине без связи...

Так что придется самому паять, иначе не успеть. И, как это принято у Штирлицев, сунуть ее в двойное дно чемодана. Хорошо хоть, что проект

«Серафим» идет по плану!

Один из полученных от Цеппелина дирижаблей был доработан — мы поставили туда четыре первых компактных тринклера, оболочку дополнительно пропитали нашим составом для уменьшения утечки водорода, снабдили кабину кислородным оборудованием — получился дальний высотный разведчик. Так что в нужное время он будет летать над Страной восходящего солнца и ретранслировать оттуда радиogramмы нашей Ксюши. Вот только бедный де Хэвиленд, как же он переживет разлуку с любимой? Надо будет войну побыстрее заканчивать, пока он там у себя другую не нашел.

Так что, тьфу-тьфу, может, и получится узнать, сколько у японцев самолетов и каких именно. Кстати... Тут мне пришла в голову одна мысль. У нас есть трехдюймовые пушки, для обороны перешейка не очень нужные. К ним полно шрапнельных снарядов, тоже имеющих весьма ограниченное применение. А если использовать это по самолетам? «Пересвет» большой, неманевренный, летает медленно... Срочно в Остехбюро задание — сделать десяток-другой лафетов для переоборудования трехдюймовок в зенитки. И каким местом я, спрашивается, раньше думал? Да уж, наедине с собой можно признаться, что приступы гениальности случаются со мной куда реже, чем хотелось бы.

Не откладывая дело в долгий ящик, я отправился к Поморцеву, где и озвучил свои мысли относительно зенитных пушек.

— Попробуем, — кивнул Михаил Михайлович, — а почему бы не использовать для этих же целей наши ракеты? Недостаток точности можно будет компенсировать количеством, а уж приделать к ним боевую часть наподобие шрапнели нетрудно. Сделать, так сказать, модификацию «Воздушный пузырь». Почему, кстати, если не секрет, вы их так странно назвали?

— Вообще-то, конечно, секрет, — усмехнулся я, — но вам можно и намекнуть.

Надо сказать, что мое прошлое, точнее, полное отсутствие всяких про него достоверных сведений, вызывало немалый интерес. В тех редких случаях, когда этот интерес проявлялся в официальных бумагах, ответ был: «Без комментариев». При лично заданных вопросах я, будучи в хорошем настроении, вежливо осведомлялся: «А ваше какое собачье дело?» Если же настроение было не очень, спрашивающий посылался. Но Поморцеву немножко намекнем, он свой...

— Сколько стоит одна ракета, помните? Так вот, в той стране, где

прошла моя молодость, бутылка водки стоила те самые два восемьдесят семь. И в народе ее ласково называли «пузырь»...

«Даже если эти сведения и станут достоянием общественности, — подумал я, — то пусть народ ломает голову — тугрики, песо или йены я имел в виду. И какова была емкость той самой бутылки».

А на следующий день мы с Гошей обсуждали ход передислокации наших сил к месту неотвратно приближающихся событий. Налицо были все признаки начинающейся путаницы вплоть до видимого уже невооруженным глазом грядущего бардака, что не могло нас не беспокоить. Правда, вторая дивизия на фоне всего остального смотрелась очень неплохо.

— Вот что, — сказал мне Гоша, — я уже отправил на Михаила представление к званию генерал-майора, он заслужил. И пусть всем этим исходом египетским он и командует! Оформить наконец эту кутерьму как единую операцию, дать ему все полномочия... А то ведь точно к войне все ненужное будет уже на месте, а нужное еще в процессе погрузки или вовсе подготовки к ней. Ты не против?

— Еще как за, а то работать диспетчером мне уже надоело. Кстати, а почему у нас до сих пор профессиональных логистов нет?

— Ох, — вздохнул Гоша, — если сейчас начать перечислять, кого еще у нас нет, то как раз к началу войны и закончим. Но тут вот что уже пора решать: мы-то как поедem? С одной стороны, надо бы там появиться заранее, но с другой — как раз в это время в Питере будет масса дел...

— Придется разделиться, — пожал плечами я. — Мне — осенью в Порт-Артур, а ты останешься, приедешь в самый последний момент или даже после начала войны. С хорошими такими полномочиями, а то кому ты там будешь нужен в качестве только главкома ИВВФ? Да и мне чего-нибудь дополнительно к комдивству привезешь.

ГЛАВА 24

Итак, срочно понадобилась маленькая шпионская радиостанция. В принципе можно самому плотно вмешаться в доводку той, что уже была почти готова в нашей радиолaborатории. Однако чем-то мне это немного не нравилось...

«Рация серийная, а ситуация уникальная», — сформулировал я. Такая удача, как наш агент в ключевой точке авиации противника, скорее всего, еще долго будет исключением. А уж тем более в Японии! Значит, тут допустимо и использование технологий нашего мира...

Рассмотрим варианты. Первый — притащить Ксюше современную рацию с возможностью передачи информации пакетами. Сунуть ее в спецкорпус, чтобы невозможно было ее извлечь: при попадании внутрь кислорода из воздуха срабатывала бы термитная шашка. То, что противник, поимев это изделие, ничего в нем не поймет, гарантировано. А Ксения? Она же не дура и сразу обратит внимание, насколько это отличается от знакомой ей аппаратуры! Можно, конечно, в очередной раз вякнуть про гениального инженера Найденова, и на время вопросы будут сняты. А потом? Вернется Собакина домой и с удивлением увидит, что ничего даже отдаленно похожего на ее рацию тут нет, — нехорошо.

Ладно, чуть урежем осетра. Сам на транзисторах паяю обычный приемопередатчик. Транзисторы у нас уже вот-вот появятся, правда далеко не такие, которые мне придется использовать... Но лет через несколько уже будут и отдаленно похожие. То есть Ксюша увидит дома аппаратуру, работающую на тех же принципах, но менее совершенную, а вот тут уже можно будет и приплести меня. Типа оценив уникальность достижений Собакиной, сам сел триоды из куска кремния выпиливать и рацию на них паять — а вы что хотели, чтоб в серии у вас так же хорошо получилось? Фигушки.

Так, образ действий выбран. Теперь прикинем конкретику — для начала диапазон. Пожалуй, УКВ ЧМ — чтоб не только запеленговать, даже услышать работающую под носом у его радистов станцию противник в принципе не мог. И как резерв на крайний случай — КВ диапазон, это если Ксюше вдруг придется связываться с нами без ретранслятора. Тут могут и услышать, что в эфире появилось что-то такое-этакое, но не более. С питанием придется помудрить — сделать широкодиапазонный преобразователь, чтобы годился любой источник, как переменный, так и

постоянный, от двенадцати до ста пятидесяти вольт — у японцев сейчас сеть сто десять, если это можно назвать сетью.

Кстати, пусть Ксюша сразу продемонстрирует всю свою стервозность. Типа вы что, рехнулись, хотите, чтобы я у вас жила в доме без электричества и в туалет на огород при свечах ходила, как какая-нибудь желтозадая макака? Нет уж, хотите поучиться у белого человека — извольте обеспечить ему соответствующие условия. И в процессе учебы независимо от вопросов электропитания это тоже можно будет обыграть. Например, перед началом занятий курсанты хором, с непрерывными поклонами пусть поют что-нибудь вроде: «О великая, воплощение того, этого и еще вон того, позволь нам приобщиться хоть к частичке твоего недостижимого мастерства!» А что, все правильно, летает она настолько лучше их, что только так и надо, а вопрос о существующем в Японии мужском шовинизме будет снят в зародыше.

И наконец-то я узнаю, что там происходит, в небе над этими островами! А то последнее время как-то беспокойно стало.

Как раз когда рация была готова и я собирался дать команду переправить ее Собакиной, на мой адрес пришло письмо. Вообще-то мне их уже иногда по несколько десятков в день приходило, так что читал я далеко не все, но тут секретарь сам принес конверт. И правильно сделал, потому как адрес отправителя был «Джефффри де Хэвиленд, Хитроу, Великобритания». Цидуля оказалась интересная, впрочем, судите сами, я привожу ее целиком:

«Уважаемый сэр Найденов!

Пожалуйста, не считите за наглость, но я осмелюсь напомнить Ваши слова при расставании. Вы сказали — „в случае чего не стесняйся, пиши, авось и помогу“. Уважаемый учитель! Именно сейчас и наступил тот случай, когда помочь мне можете только Вы.

Возможно, Вы знаете, что полтора года назад я нашел в небе женщину моей мечты. Мое счастье омрачается только одним: опасением, что когда-нибудь она разобьется, ведь пилот — это очень опасная профессия. Совсем недавно ей пришлось выполнять чрезвычайно сложный полет, и я думал, что умру на земле от беспокойства за нее; если Вы любите, Вы меня поймете. И тут вдруг я узнал, что в России появились специальные парашюты, предназначенные для спасения пилота в аварийной

ситуации. Я знаю, как тщательно Вы храните свои секреты, но умоляю — продайте мне один! Обещаю, что он будет использоваться только моей любимой, и никто не посмеет изучать его устройство с целью потом воспроизвести.

Несмотря на Вашу огромную занятость, хочу все же пригласить Вас на нашу свадьбу с госпожой Элен С. Тейлор, которая состоится через месяц, тридцатого июля этого года по европейскому календарю.

Искренне Ваш Джеффри де Хэвиленд».

Орден Собакиной немедля, вот прямо-таки Андрея Первозванного! И хрен с ним, что количество носителей ограничено, сейчас все места заняты великими князьями. По такому случаю и придушить одного не грех! Так что проблема с перевозкой рации и прочего снимается, мой ВИП никто досматривать не посмеет. Подарков Ксюше навезу кучу, побеседую перед ее нелегким заданием. Есть, однако же, женщины в русских селеньях! Интересно, покажет ли Джеффри мне свой «спитфайр» хоть мельком? Хорошо бы показал, тогда вопросы — а откуда это русские знают все его характеристики? — исчезают сами собой. Его же Найденов видел! А уж на вид определить вес с точностью до фунта и прочее — это ему раз плюнуть. Да, и парашютов я им подарю сразу два — потому как если Джеффри гробанется, Ксюша, наверное, тоже может расстроиться... Понятно, что их, в конце концов, скопируют, но ведь не сразу же!

Гоша, узнав про мои планы, несколько помрачнел.

— Слушай, а может, кого другого послать? — предложил он. — Это же тебе не Германия, в Англии желающих ликвидировать тебя долго искать не придется.

— Если бы такое желание появилось у серьезной конторы, беспокоиться стоило бы как раз в Германии, — возразил я, — ибо зачем англам скандал на своей территории? Разве что псих какой-нибудь образуется... А вообще-то, если подумать, невыгодно им сейчас меня грохать. Пока их авиапромышленность полностью на ноги не встала — невыгодно! Вот лет через пять надо будет всерьез побережться. Ну и сейчас, понятно, мерами безопасности я ни в малейшей степени пренебрегать не собираюсь...

Не откладывая дела в долгий ящик, я написал ответ де Хэвиленду. Мол, приглашение на свадьбу с благодарностью принимаю, насчет

парашюта — не вопрос, привезу. А у меня к нему маленькая встречная просьба: намекнуть известному английскому писателю господину Конан Дойлю, что вскоре приезжающий в Лондон авиатор Найденов является еще и большим почитателем Шерлока Холмса.

«Если вы любили, вы меня поймете», — вспомнил я цитату из недавно полученного письма, наблюдая за посадкой ВИП-«пересвета». Наверное, если я и любил, то как-то неправильно, потому как мне было гораздо спокойнее, когда Мари летала на самолете, чем когда путешествовала на поезде. Хотя, конечно, парашюты на борту имелись изначально. К плаваниям на пароходах однозначного отношения у меня пока не выработалось...

Как и положено, посадка прошла безукоризненно, и в конце пробега «пересвет» остановился метрах в пяти от меня. Застыли винты, открылась пилотская дверь, оттуда изящно спрыгнула капитанша борта номер один и, почему-то не откинув трап, открыла пассажирскую дверь. В проеме показалась императрица, подмигнула мне и одним не менее ловким, чем у капитанши, движением оказалась на земле.

— Не настолько уж я у тебя старая, — объяснила она, подходя, — чтобы еще и здесь спускаться с высоты метра по лесенке, да к тому же поддерживаемой под локоть. Нет, это только в Гатчине, да и то не всегда.

Мы поцеловались.

— Опять перерабатываешь и недосыпаешь, — вздохнула императрица, присмотревшись ко мне.

«Странно, — подумалось мне, — я буквально полчаса назад смотрелся в зеркало и вроде ничего криминального не обнаружил».

— Просто ты уже привык к такому своему виду, — ответила на мою мысль Мари, — а я тебя не видела месяц, вот мне в глаза и бросилось...

Я погрузил даму в «оку» и повез перекусить с дороги. За обедом в числе прочего речь зашла и о планируемой поездке в Англию.

— Говоришь, свадьба тридцатого июля? — переспросила она. — Пожалуй, я тогда отправлюсь на несколько дней раньше, чтобы ты успел к сроку...

— А ты-то тут при чем, — удивился я, — тебя что, де Хэвиленд тоже на свадьбу звал?

— Дорогой, иногда ты бываешь просто невозможен. Я приглашена на вторую годовщину коронации Эдуарда Седьмого! На всякий случай сообщаю, что это король Великобритании и он женат на моей сестре.

— Насчет сестры действительно не знал, — подтвердил я, дожевывая

котлету. — Так что, ты хочешь лететь со мной?

— Нет, — возразила императрица, — это ты хочешь плыть со мной, но просто пока этого почему-то не понимаешь.

— Неделью плюхать по морям на какой-то калоше? — ужаснулся я.

— Яхта «Полярная звезда» дойдет до Лондона менее чем за четверо суток. На самолете ты будешь лететь столько же, но прибудешь на место зеленый, как огурец, и выжатый, как лимон. И вообще, тут даже врача не надо, чтобы прописать тебе морские прогулки. Так что вопрос решен, правда, Джордж?

— А как же, — не очень уверенно промямлил я, — это самое, как его, общественное мнение?

— Нет, ну ты точно переутомился. С каких это пор инженера Найденова стало интересовать, что о нем думает свет? Единственная к тебе просьба: захвати, пожалуйста, с собой хоть один приличный костюм.

— Ладно, — сдался я, — а она хоть не очень маленькая, эта яхта, я там тебя на борту не стесню?

— Дорогой, — с сожалением посмотрела на меня дама, — она чуть больше вашего «Мономаха».

Корабль действительно оказался большим — примерно с круизный теплоход «Лев Толстой», на котором я как-то сплавал в Астрахань и обратно по профсоюзной путевке. Мне предоставили четырехкомнатную каюту, если можно так выразиться. В две комнаты я заглянул только при вселении, а о существовании последней, четвертой, случайно узнал только за два часа до прибытия в Лондон.

Но каюты — это ладно. Представьте себе мое изумление, когда на второй день плавания я вдруг обнаружил на борту стадо коров! Вот именно, здоровенный коровник! Там две буренки, что по приснопамятным хрущевским временам моего детства вполне потянуло бы на целое стадо, при них доярки, пастухи и еще какие-то «колхозники» в местном исполнении. «Да, на самолетах такого еще долго не будет», — подумал я, представив себе операцию по запрессовке коровы в салон «пересвета».

В Лондон мы приплыли утром. Выгрузили свой автопарк — две мои «оки» и бронированный лимузин императрицы, начали потихоньку прощаться — я направлялся к де Хэвиленду, а Мари к своей сестре. Но тут на пристань приехало чудо техники, а именно здоровенный «роллс-ройс», присланный королем за своей родственницей. Она села в эту гордость британского автопрома, кортеж проехал метров двести и вдруг встал. Я рванул на своей «оке» туда же — а вдруг что случилось.

Случиться-то оно случилось, но не совсем то, о чем я подумал. Мари вылезла из «ройса» и, увидев меня, виновато сказала:

— Извини, я не думала, что ты станешь волноваться... Просто это не машина, а какой-то ужас. Гремит, скрипит, трясется, да еще и бензином воняет... Я лучше на своей.

— Правильно, — засмеялся я, — пусть местные сначала научатся делать нормальные автомобили, а уж потом лезут русских императриц катать. Ну до завтра!

Я вернулся к изумленно вззирающему на этот цирк Джеффри.

— Ну что, поехали? Ты на чем, кстати?

Джеффри смущенно показал в сторону, где стояло... ну не знаю я, как оно называется! Ландо, фаэтон, кэб... в общем, телега, у которой спереди было приспособлено две лошади.

— У меня еще нет автомобиля, — виновато сказал де Хэвиленд, — пока получилось купить только дом.

— Так нам что, за этими парнокопытными ползти?! Сами они никак до дома добраться не смогут?

— Там есть кучер...

— Тогда поехали, садись сюда и показывай дорогу.

В свежеприобретенном загородном особняке де Хэвиленда я был торжественно представлен Собакиной. «А ничего так выглядит девочка, — подумал я, — за те два года, что мы не виделись, даже похорошела...» Я поцеловал даме ручку и выразил приличествующий моменту восторг.

— Ну, — сказал я после представления, — свадьба у вас завтра, но не мариновать же из-за этого подарки! Пошли на улицу, вручать буду.

Я подвел без пяти минут молодоженов ко второй «оке».

— Начнем с подарков невесте, — заявил я, доставая из багажника небольшой чемоданчик. — Такая красота, как у несравненной Элен, нуждается в соответствующем уходе, так что вот вам электрический фен, электрические же щипцы для волос и еще в том же духе по мелочи... Я просто не понимаю, почему у вас в Англии не делают подобных вещей, но это же не повод, чтобы такая красавица, как вы, оставалась без них! А этот ящик — он тяжелый, там небольшой бензогенератор. Вдруг перебои с сетью будут или вы просто в каком-нибудь месте без электричества окажетесь... — Я закрыл багажник и продолжил: — А теперь подарки всей семье. Это, похожее на ранцы, ваши парашюты. Вот инструкция по укладке, дело очень ответственное, это я вам еще покажу. А то, где они лежат, называется автомобилем. Но, в отличие от того же «роллс-ройса», не только называется, но и является им. Тоже подарок, инструкция вот она, но

тут проще: мотор, как максимовская «четверка», только диаметр цилиндров поменьше и один карбюратор вместо двух.

— Все это вы дарите нам? — потрясенно спросил пионер английской авиации.

— Конечно, дарю, не деньги же мне с вас требовать. Не настолько я еще обнищал, чтобы заниматься бизнесом в таких объемах. Ты лучше скажи, как там с моим намеком, я имею в виду Конан Дойля?

— О, — оживился Джефффри, — он сам откуда-то узнал, что вы собираетесь сюда приехать, и просил меня представить его вам. И если вы не против, он хотел познакомить вас с одним своим другом.

«„Откуда-то“! — подумал я. — Да оттуда же, откуда английская разведка и все остальное знает». А вслух сказал:

— Тогда будьте добры сообщить ему, что я жду. Ничего, если я немного отвлекусь на беседу с этим достойным джентльменом? У вас небось и без меня дел по маковку перед свадьбой-то.

Поздним вечером я вышел в окружающий особняк садик и еще раз прослушал избранные места из закончившейся пару часов назад беседы с Конан Дойлем и в особенности с его другом сэром Эндрю Нэвилем Паксом. Очень интересно, этот друг действительно представляет некую оппозицию или это просто операция английской разведки? Надо будет дома с Гошей посоветоваться и Татьяну кое-чем озадачить.

ГЛАВА 25

— Теперь осталось понять, кто кого вербует, и все будет замечательно, — резюмировал Гоша, выключив диктофон.

— Или признать, что это в принципе непознаваемый вопрос, и поступить с ним так, как с непознаваемым и положено, то есть начихать, — выдвинул встречное предложение я. — В конце концов, я им все озвучил, пусть думают.

— Ты же конкретных цифр не назвал!

— Потому что я себе даже их порядок не представляю. Но почему-то мне кажется, что до торговли дело не дойдет...

Когда беседа свернула с Шерлока Холмса и затерянного мира, про который я якобы слышал от своего деда, на более приземленные вещи, Конан Дойль на время оставил нас с сэром Эндрю. Тот сразу сказал, что он уполномочен сделать мне предложение.

— Конкретно от кого — это вы скажете только после моего согласия, — предположил я.

— И даже чуть позже, — согласился сэр Эндрю и скучным голосом, как заученную шпаргалку, отбарабанил мне пассаж о том, что для талантливых людей рамки дикой России могут оказаться слишком тесными, в то время как Соединенное Королевство...

— Тогда в нем этот человек должен стать обладателем уж никак не меньшего поста, чем в покидаемой дикой стране.

— Разумеется, — согласился Пакс.

— Значит, вопрос состоит в том, сколько вы мне приплатите за согласие занять трон короля Великобритании, — объявил я. — Потому что моя реальная власть в России примерно соответствует только этому посту, никак не меньшему. Так что если ваши анонимные поручители не будут жмотиться, дело вполне может выгореть, жду конкретных предложений.

Пакс вежливо посмеялся.

— Я и не надеялся на другой ответ, — сказал он, — но мне хотелось бы теперь побеседовать с вами от своего лица. Еще раз подчеркну, я хочу с вами поделиться мыслями журналиста и врача Пакса, не более того.

— Мне проще, в моей голове отродясь ничего не водилось, кроме принадлежащих лично инженеру Найденову мыслей, так что я вас внимательно слушаю.

— Мне не дает покоя приближающаяся война между Россией и

Японией, — начал сэр Эндрю. — И стремление побыстрее ее развязать, как со стороны правящих кругов России, так и Великобритании, представляется ошибочным...

— Наверняка вы в курсе, что мне тоже, — кивнул я, — но вам-то почему? Давайте начистоту, ведь Англии невыгодно продолжение российской экспансии на Дальнем Востоке, и война с Японией будет удобным способом основательно притормозить это дело.

— На короткое время — да. Но что потом? Давайте рассмотрим варианты. Если победит Россия, то это время будет совсем коротким, а потом она зализет раны и с удвоенной энергией двинется в том же направлении... Если же победит Япония, то российская экспансия в том регионе будет надолго заторможена, но зато появится новая сила, причем не столь инертная и консервативная, да к тому же с интересами, лежащими на гораздо более опасных для Великобритании направлениях. Наконец, третий вариант, на который делает ставку большинство, но который лично мне представляется ничуть не лучше двух предыдущих: война будет тяжелой и окончится вничью. Да, тогда обе стороны окажутся перед серьезными проблемами, как внутривнутриполитическими, так и финансовыми. И как бы не вышло, что вместе выбираться из этой ситуации им покажется проще.

— И какой вариант развития событий вам, вот лично журналисту Паксу, кажется наилучшим?

— Вообще обойтись без войны уже невозможно, — вздохнул мой собеседник. — Но тогда хорошо бы завершить ее побыстрее и с минимальными потерями для обеих сторон. То есть сохранение статус-кво было бы лучшим вариантом...

«Ага, — сообразил я, — кое-кто считает, что Японию недовооружили. Тогда, да — быстрый конфликт, в результате которого стороны остаются при своих, потом лихорадочное довооружение японской армии. То есть на Дальнем Востоке начинается холодная война с гонкой вооружений. Все при деле: Россия занята, японцы тоже по уши в заботах, а добрая старая Англия иногда пытается их слегка помирить — когда наступает перерыв в подсчетах прибылей от продажи оружия...»

— Я тоже не против такого развития событий, — согласился я, — буду ему всячески способствовать и, насколько я понял, могу рассчитывать и на вашу помощь? В пределах возможностей частного лица, разумеется.

— Очень приятно, что мы поняли друг друга, — подтвердил Пакс.

— Тогда остается вопрос связи, — резюмировал я. — Кроме писем и, возможно, курьеров, предлагаю использовать и возможности радио — мне

нетрудно будет проследить за эфиром, вам, надеюсь, тоже... Тогда многократная передача какого-нибудь короткого кодового слова будет сигналом о желательности контактов.

— Хорошо, а какое конкретно слово вы предлагаете?

— Ну — задумался я, — пусть это, например, будет «DUPA».

— Насколько ты веришь его утверждению о нежелательности для какой-то части правящих кругов затяжной Русско-японской войны с ничейным результатом? — поинтересовался Гоша.

— Ни насколько, — мотнул головой я. — Это для них самый лучший вариант, даже лучше постоянной напряженности с гонкой вооружений. Так что, если он и обратится ко мне, то, скорее всего, в интересах увеличения вероятности именно такого исхода.

После беседы с Гошей я направился к себе, где меня уже ждала Татьяна.

— Морские прогулки очень благотворно сказываются на вас, шеф, — приветствовала она меня.

— А также во время них в голову приходят интересные мысли на тему: чем бы вас занять, — усмехнулся я. — Так что слушайте. В Англии я познакомился с тамошним довольно известным писателем Артуром Конан Дойлем. Сильно подозреваю, что он пишет не только рассказы про Шерлока Холмса, но и еще какие-то документики для ихнего Бюро секретных служб. Во всяком случае, его приятель сэр Пакс явно оттуда. То есть, как вы уже наверняка догадываетесь, вам предстоит как-то поучаствовать в устройстве его личной жизни... Некоторая трудность состоит в том, что я пока сам не знаю, кем он нам станет в ближайшее время — врагом, другом или просто не пойми кем. Но даже если это будет друг, все равно не помешают какие-либо рычаги воздействия, чтобы можно было его мягко направить в нужную сторону, если вдруг у него появятся колебания. Так что вот вам предварительные сведения вкратце. Его жена больна туберкулезом. В беседе со мной этот почтенный джентльмен ни словом не обмолвился о георгиуме, хотя не знать о нем не мог. Возможно, причиной такой забывчивости является наличие любовницы, некой Джин Лекки, это вам предстоит изучить поглубже. И на всякий случай стоит озаботиться вопросом, как сэр Артур, будучи врачом, мягко и ненавязчиво вел свою дражайшую супругу к могиле. Степень достоверности — для желтой прессы, так что тут можно фантазировать, не особенно стесняясь. Вряд ли это действительно так, но сначала, на всякий пожарный,

постарайтесь уточнить, а вдруг? Далее... На месте посмотрите, сколь прочны чувства между ним и этой Джин. Появится возможность — пусть наша агентесса тоже его маленько совратит; если будет просматриваться продолжение — неплохо, но не обязательно. Факты грехопадения надо документировать, желательно с фото. Вот примерно так. Да, а вокруг Пакса виться даже и не пытайтесь. Степень важности этой операции — вторая. Ну а вы мне что за бумажку принесли?

— Последняя радиограмма от Докера, — сообщила Татьяна, протягивая мне бланк.

Два месяца назад в целях повышения секретности было вообще запрещено в любых местах, кроме архива ДОМа, произносить как настоящие, так и присвоенные по легенде имена агентов, и Докер — это была кличка Собакиной.

Я быстро прочел донесение. Вчера ей сделали конкретное предложение — как я и думал, лететь инструктором в Японию. Кроме господина из адмиралтейства присутствовал японец, представившийся как полковник Коичи Сухигара. Он скрупулезно записал все пожелания Элен об организации процесса обучения, а также ее требования относительно собственного обустройства, сказав, что госпожа может не беспокоиться, все будет сделано наилучшим образом. Отъезд ориентировочно назначен на середину осени, а пока авиашколе де Хэвиленда предстоит обучить два десятка японцев, уже имеющих первоначальную летную подготовку. Что интересно — средний возраст пилотов примерно тридцать лет, в то время как предыдущий поток состоял из восемнадцатилетних юнцов. Ксюша подозревает, что это инструкторы...

Настала пора озаботиться способом перемещения своей тушки в Порт-Артур, ну и определиться, где там жить и творить. Чуть подумав, я решил совместить эти вещи, то есть сформировать личный поезд. Итак, что нам там нужно? Во-первых, паровоз. Во-вторых, малый тепловоз — большой двухсекционный всего один, и на его базе уже доделывается бронепоезд. Протектированная цистерна с соляжкой, само собой. Вагон с углем, кроме тендера на паровозе, и платформа с рельсами, шпалами и краном. На каждой единице по два пулемета, значит, вагон для личного состава. Мой вагон. Узел связи. Вагон для пары-тройки автожиров, «оки», «нары» и мотоцикла. Вагон-мастерская. Еще вагон для персонала по обслуживанию всего этого. Вагон для взвода личной охраны. Итого одиннадцать единиц, нормально. Учитывая, что наверняка что-нибудь еще понадобится, на всякий случай будем иметь в виду еще один вагон. Значит, пишем приказ в

шестой отдел: в течение трех дней подобрать коменданта этого поезда, и пусть приступает к формированию, через месяц состав должен быть готов к отъезду, ответственный — лично Беня. Ах да, чуть Танечку не забыл — ее сотрудницы там будут весьма кстати, так что пусть начинает готовить вагон — небольшой госпиталь. И без филиала седьмого отдела тоже никак. Это надо подумать — брать с собой самого Гниду или обойтись фигурами помельче? Итого, одиннадцать вагонов, не считая двух локомотивов.

Но перед отъездом следовало решить еще одну проблему, именуемую Сергей Юльевич Витте. Причем в отношении этой персоны я даже поначалу не очень понимал Гошу. Тот на полном серьезе просил у меня пульт радиуправления лохотроном, чтоб, значит, съездить в Питер (дальность пульта километров двадцать), нажать кнопку и потом начать сокрушаться, как же мало осталось от уважаемого министра после взрыва восьми килограммов тротила...

Меня же беспокоило то, что Витте явно сам хотел в отставку. Последнее время он был демонстративно высокомерен в общении с Николаем, в очередной раз поссорился с Победоносцевым и даже стал допускать не очень комплиментарные высказывания в адрес Марии Федоровны. То есть в преддверии войны он хочет заранее отойти в сторонку и не только остаться ни при чем, но и изобразить из себя жертву ее поджигателей, так? Кажется, я начинаю понимать Гошу... Действительно, жертва смотрится куда убедительней, если она представлена публике в виде фрагментов. И даже с доказательствами особо мудрить не придется — все знают, кто это у нас последнее время повадился баловаться бомбами...

Кроме того, вскрылся еще один интересный момент. Став начальником следственного отдела Комкона, я поручил сотрудникам провести дополнительное расследование убийства Сипягина. И выяснилась странная вещь — за две недели до смерти он встречался с Витте, с этой встречи вернулся сильно взволнованный и начал готовить какой-то документ по деятельности пограничной стражи. Но был убит. И никаких следов документа не обнаружилось...

Так что Гоша прав — пора нажимать кнопку, но только, понятно, не ему лично. И дело даже не в том, что великому князю, наследнику и (тьфу-тьфу) без пяти минут императору такими делами заниматься неуместно, а главным образом в том, что я не знал, как на нем отразится это действие. Мало ли, вдруг в депрессию или еще какую истерику впадет, а то и вовсе в

раскаianie... Нет уж, война на носу, до нее нам цесаревич нужен в полном душевном спокойствии. Так что если кто и нажмет кнопку, то это я, ну или доверенный агент по моему прямому приказу... Вопрос только один: какую?

Пульт радиоуправления мог передать лохотрону четыре команды. Первая — немедленный взрыв. Вторая — взрыв при включении лохотрона, при условии, что датчик объема покажет наличие кого-то рядом. Третья — имитация отказа — лампочки не горят, стрелки не колышутся... Четвертая — имитация частичной неисправности, что-то горит и показывает, но не регулируется. И я никак не мог решить, куда, образно говоря, тыкать пальцем.

Что замыслил Сергей Юльевич? Например, пользуясь моим отъездом, повысить свое влияние на Гошу. А ведь это возможно, при его-то хоть и небольших, но все же экстрасенсорных способностях. Хорошо хоть, он привык пускать их в действие только при помощи лохотрона, без него способности пробуждаются реже и хуже. Он может попытаться убедить Гошу, что моими методами действовать нельзя, нужна опора на прогрессивные силы в его, Витте, лице... Но тогда что будет, когда я об этом узнаю? Ведь понимает же, что урою на фиг. Значит, предусматривается, что с войны я вернуться не должен... Вот ведь гад, срочно жать вторую кнопку! Стоп, но это еще пока не доказано... А с чего это он снял небольшой дом на окраине Питера и иногда туда тайком ездит? Значит, усиленное наблюдение, а команду пока передать четвертую.

Через два дня мне доложили, что Витте перевез лохотрон в снятый дом. Потом привел какого-то человека в тужурке железнодорожного техника, они зашли внутрь... Пискнул пульт у агента, что означало — прибор пытаются вскрыть, и он автоматически активирует систему самоликвидации...

Взрыв был страшен. От дома практически ничего не осталось, но тут грохнуло еще раз, послабее, в подвале... В то, что Витте заминировали революционеры, я не верил. И, не считите за самонадеянность, не мог найти никакой подходящей кандидатуры для подвального сюрприза, кроме своей персоны... Да, решительнее надо быть — не всегда оно так удачно само будет складываться...

Смерть министра финансов не вызвала никакого хоть сколько-нибудь заметного общественного резонанса — ну еще одного взорвали, бывает, причем последнее время очень даже часто. На место безвременно ушедшего был назначен Коковцов. До войны оставалось меньше четырех

месяцев. Последняя осень...

ГЛАВА 26

— Собираешься, значит, в дальнюю дорогу? — приветствовал меня вошедший Гоша.

— Да вот уже почти собрался, — кивнул я, — а что?

— То, что ты, по-моему, забыл одну вещь. Я вот и хочу уточнить — это мне только так кажется или оно на самом деле так? Кто за тебя остается?

— Как — кто? Чуть ли не каждого с тобой обсуждали!

— Ладно, — согласился Гоша, — подойди к окну, пожалуйста. Что ты там видишь?

— Аэродром. Так с летной школой Храбрецов давно практически без меня справляется, чем он тебе не нравится?

— А к другому окну?

— Да не буду я по кабинету бегать, и так знаю, что там моторный завод. А дальше, за деревьями, оружейный.

— Вот как раз я о том и говорю, что за этими деревьями ты, кажется, леса-то и не видишь.

— Ой-е... — спохватился я, — действительно, склероз. Про город Георгиевск я как-то и забыл...

Нет, городская администрация у нас, конечно, имелась. Но ее задачей было исключительно поддержание статус-кво, а вопросы развития города относились к моей и частично Гошиной компетенции. Не очень хорошо будет, если с нашим отъездом тут все застынет...

— Ничего страшного, на то я и есть, чтобы тебе вовремя напомнить, — улыбнулось высочество. — Так что ты уж подумай, как оно тут все без нас будет, ладно?

Думал я долго, минут десять, если не все двенадцать. Потом попросил секретаря разыскать и пригласить ко мне Михеева, а сам сел сочинять наброски о статусе временного коменданта Георгиевска. Труд был уже практически закончен, когда звонок секретаря известил меня, что Михеев ожидает в приемной.

— Добрый день, Илья Андреевич, заходите и почитайте вот эту бумажку, пока я покурю, — приветствовал я зашедшего лидера наших профсоюзов и председателя Российской рабоче-крестьянской партии.

— И кто будет этим комендантом? — с подозрением поинтересовался Михеев по прочтении моего документа.

— Правильно догадываетесь, именно вам я этот воз и хочу предложить, — усмехнулся я, — и тому есть две причины. Первая — надеюсь, вы помните наши беседы о том, что местные власти неплохо бы сделать выборными? Так вот, где-то это надо начинать, и Георгиевск, в силу своего особого статуса, является очень удобным местом для такого эксперимента. Так что рассматривайте эту должность в том числе и как техническую подготовку к первым в России выборам мэра города. А вторая причина — надеюсь, ничего не помешает вам выдвинуть на этот пост свою кандидатуру? Но времени у вас только до Нового года, ну, может, еще чуть. А потом, похоже, начнется война и демократические преобразования придется временно отложить. Но после войны мы к ним обязательно вернемся. Согласны?

После ухода будущего мэра я сразу принял Татьяну. Надеюсь, не нужно объяснять, о чем мы с ней беседовали — демократия вещь такая, ее ведь совсем без присмотра оставлять никак нельзя...

Потом была беседа с Беней, там акцент делался на обеспечение должного порядка и превентивное обуздание экстремистски настроенных личностей.

А под конец я малость понапутствовал Константина Аркадьевича по части идеологического обеспечения данной акции.

«Ну а теперь-то, — подумал я уже глубоким вечером, — могу я наконец спокойно начать собирать чемоданы?»

А через неделю я уезжал, так сказать, к новому месту службы. Поезд отходил не от серпуховского вокзала, а от георгиевского грузового терминала, так что особой суеты не было — собрались и поехали помаленьку. Мари при прощании даже пару раз слезу платочком смахнула, причем, похоже, настоящую, вот уж чего я от нее не ожидал! Гоша перед самым моим отъездом прилетел из Питера и сообщил, что со вчерашнего дня я уже генерал-лейтенант, то есть высокопревосходительство. Ничего так служебный рост, учитывая, что моя здешняя военная карьера началась полтора года назад, и сразу с полковника. Впрочем, в истории и похлеще примеры были, тот же Голованов например...

Я с наслаждением вытянулся на диване. Все, суета позади, теперь две недели сплошной отдых — то есть никаких дел, кроме как три раза в день посещать связной вагон. А пока сходить, что ли, в вагон-столовую, который пришлось-таки добавить к поезду? Хотя они еще не раскочегарились, сегодня, наверное, ужина не будет... Я открыл сумку и достал завернутую в

фольгу курицу, сунутую мне перед отъездом Машей.

На следующий день я проснулся поздно, уже где-то за Ярославлем. Ординарец принес завтрак, я поел, покурил и отправился в соседний вагон, на узел связи. Ничего интересного я там не узнал, была только радиограмма от Паши Божьего Одуванчика, что вся его эскадра уже в Средиземном море, а первый корабль прошел Суэц.

Его посудины плыли не толпой, а поодиночке, якобы каждый по своим делам, и официальной эскадрой они станут в первый день войны. Причем даже и не совсем одной, а в какой-то мере двумя... Дело в том, что каждый Пашин корабль был един в двух лицах. Например, флагман (этот корабль снаряжал я, команда тоже была моя, именно на нем стояла мощная рация) — торговец «Ангара» — в случае войны быстро преобразался во вспомогательный крейсер «Песец». Соответственно все остальные аналогично, и образовывалась Вторая Тихоокеанская эскадра под командованием мичмана Одуванько. Но у кораблей были в запасе и черногорские имена. Так, «Песец» после несложных операций по установке трубы — она могла дымить даже лучше настоящей! — и дополнительной надстройки превращался во флагман Черногорского флота Открытого моря линкор «Црна Гора», а его капитан в этом случае именовался «коммандор Пол Маслачак». Причем все это было официально — наш отдел внешних сношений имел хорошие связи в Черногории и уже получил обещание, что в случае нападения Японии на Россию верная своим союзническим обязательствам Черногория в тот же день объявит японцам войну.

Районом промысла для Пашиной шайки на первое время был выбран Индийский океан. На Суэцком канале у Татьяны уже были в запасе пара своих человечков, так что со сведениями — что плывет, куда и с каким грузом — особых трудностей у Паши возникнуть не должно. Правда, японцы могли появиться и с другой стороны, но тут уж ничего не поделаешь, придется разбираться по месту.

Впрочем, у эскадры имелись приспособления для облегчения этой задачи — два разведывательных автожира и «тузик». Последний мог быть не только разведчиком. Если английский флот вмешается в Пашин бизнес, то ему можно будет и истребителем поработать, ведь у англичан корабельные самолеты — это «скауты», копии нашего «святогора», — машины неповоротливые, тихоходные и безоружные. Сбивать таких одно удовольствие, а учитывая, что раций на них нет, сбитые будут просто бесследно пропадать в волнах бескрайнего океана...

Вообще эта операция была проработана не только с чисто военной точки зрения. Ведь, учитывая специфику эскадры Одуванчика, имелась проблема не только как поймать неприятельское или везущее ему груз судно, но, главное, куда потом сбить награб... то есть, тьфу, трофеи. Во исполнение этой задачи Бенины мальчишки уже создали торгово-закупочную и транспортную компанию со штаб-квартирой в Лос-Анджелесе, которая и должна была заниматься реализацией как грузов, так и кораблей, когда получится. Чтобы Паша не терял времени на доставку товара, были приобретены три быстроходных парохода. Правда, еще не был решен вопрос с призовым судом. Наши юридические службы получили приказ поискать лазейки в морском праве: как бы образовать его в черногорском исполнении на каком-нибудь американском судне или по крайности где-нибудь в укромном месте на Филиппинах.

А мой поезд тем временем продолжал неторопливо ползти по России. Вот уже и Урал... От безделья в голову полезли стратегические мысли. Не зря ли я так рано оставил Гошу одного? Дело в том, что наш план войны предусматривал Порт-Артур не сдавать ни в коем случае, а в остальном обойтись минимальным вмешательством, только чтобы уменьшить потери. Но после завершения испытаний подлодок и бесед с Макаровым наследник, похоже, решил малость подзакидать японцев шапками. И Мари ему подпевает, то-то просила при прощании обдумать наши планы на предмет их коррекции... Ладно, там видно будет.

На пятый день поездки я заскучал. Через десять уже считал дни до финиша, как почти сорок лет назад и практически в этих местах до дембеля. После Харбина я не находил себе места — да где же там, в конце концов, Порт-Артур? Но наконец вот и он, Ляодунский полуостров, край земли...

В сам Артур поезд не доехал — рядом с Чалиндзой, где базировался наш второй полк, для него уже была подготовлена охраняемая стоянка. С утра предстоял визит к наместнику Дальнего Востока Алексееву — тут была интересная, если можно так сказать, правовая коллизия. Недавно Гоша продавил императорский указ, согласно которому все авиационные части на том самом Востоке подчинялись напрямую главкому ИВВФ, а наместник в этом вопросе оказывался в сторонке... Но особенно наглеть ни к чему, надо съездить и засвидетельствовать свое почтение.

Я отправил порученца договориться об аудиенции и ординарца за баулом с подарками. Основное место в нем занимал дискофон с пластинками (я специально узнавал — до Дальнего Востока этот рассадник

культуры еще не добрался), ну и по мелочи: хороший бинокль, пистолет ПФ, автомат, фонарики батарейный и с ручной динамкой, непромокаемый плащ и начинающая входить в моду авиационная куртка на «молнии».

В Артуре меня поразили расовый состав населения. И это русский город? Да в Уссурийске нашего времени китайцев и то меньше! Нет, правильно еще полгода назад я приказал разработать план «мешок» — с началом войны весь Ляодунский полуостров должен быть закупорен наглухо, благо география позволяет. А то ведь даже если каждый сотый из этих передаст японской разведке хоть одно слово, у нее получится фолиант с «Капитал» размером!

Встреча с наместником прошла нормально — без особой теплоты, но и без скандала. Под конец он даже попросил меня употребить свое влияние, чтобы ему побыстрее разрешили осуществить его план превентивного удара по японцам. «Ага, щас!» — подумал я и попросил письменные обоснования — якобы для более аргументированной поддержки.

После посещения наместника я поехал в Саншилипу, где находился калединский штаб. По моей телефонной просьбе Каледин пригласил туда и Кондратенко, недавно ставшего генерал-майором. Ему удалось-таки доукомплектовать доставшуюся ему недобригаду до состава дивизии.

При встрече Каледин, не очень одобрительно глянув на мой джинсовый костюм, даже не попытался отдать рапорт, а просто поздоровался и представил меня Кондратенко.

— Как же, — сказал тот, пожимая протянутую руку, — наслышан о вас, Георгий Андреевич, весьма наслышан... Я вот тут начинаю завидовать Алексею Максимовичу — у него всего один начальник, а у меня аж трое, не считая Алексеева...

— Вообще-то у него их два, — уточнил я, — кроме меня, еще его высочество цесаревич. Хотите, страшную тайну открою? У вас скоро то же самое начальство будет, правда, в других ипостасях. Для генерала Каледина я — командир дивизии, а Георгий Александрович — главком ИВВФ. Но почему, как вы думаете, я уже здесь, а он еще в Питере? Просто ему готовится пост, точного названия я еще не знаю, но заправлять всем тут станет именно он. А его первого заместителя будут звать Георгий Найденов... Это чтобы вам было проще долговременные планы строить.

— Вот как, — прищурился Кондратенко, — но тогда, наверное, мне прямо сразу можно обратиться к вам с несколькими неофициальными

просьбами? А то просто никакого сравнения, как снабжается бригада Алексея Максимовича — и как моя дивизия... Или я слишком спешу?

— Вовсе нет, я и сам хотел это вам предложить. И почему-то мне кажется, что у вас и в письменном виде пожелания есть. Если так, доставайте, будем помаленьку обсуждать...

Обсуждение сразу началось с недопонимания. Кондратенко хотел приводить в порядок крепость Порт-Артур!

— Роман Исидорович, — мягко сказал я, — ведь если японцы подойдут к крепости, то это означает, что никакой авиации у нас уже нет. Так? Значит, ничего не помешает врагу подвезти тяжелую артиллерию и начать методично расстреливать город и порт...

— Но ведь у них нет осадной артиллерии калибром более шести дюймов!

— И вы туда же, — устало сказал я. — Даже если и нет, в чем я не уверен, то, когда понадобится, будет! Японцы ставят на эту войну все, для них проигрыш равнозначен прекращению существования как независимого государства. А Порт-Артур — ключ к победе, пока он наш, война не проиграна... Но наш не как простреливаемый насквозь клочок земли, а как база авиации и флота! Значит, если война докатится до его пригородов, оборона будет всего лишь оттяжкой поражения, не более того. Так что извините, но расходовать ресурсы на усиление крепости я не буду — ни сейчас, ни потом. А вот если вам что-то нужно для превращения в крепость всего Ляодуна — это пожалуйста! Наизнанку вывернусь, но достану. И еще, как у вас с обмундированием, патронами, продовольствием? С медициной идеал или не совсем? Связь небось тоже на уровне наполеоновских войн? Давайте пока прикинем, что тут можно сделать.

Ближе к вечеру я оделся понеприметнее и прогулялся по Порт-Артуру, с целью составить представление о месте моих ближайших действий. Вот примерно какую картину я тут увидел.

Китайцы сустились повсюду, просто как мошара. Часто попадались европейски одетые азиаты, вполне возможно, что и японцы. Сразу бросилось в глаза — ни бомжей, ни босяков тут вообще не было. Пьяные попадались, но исключительно наши... И в основном — моряки.

Вообще, нетрудно было увидеть закономерность: флотские чувствовали себя здесь хозяевами, пехота — гостями. И мундиры у флотских куда богаче, и рожи круглее... А вот это уже интересно: тройка наших летчиков, лейтенант и два сержанта. Смотри-ка, им на всех троих

чуть за пятьдесят лет, а с каким спокойным достоинством держатся! И трезвые, что характерно. А извозчик-то... прямо аж на задних лапках перед ними приплясывает...

Потихоньку я подошел к заливу. Ближе к берегу стояли крейсера, два белых — прямо как речные трамвайчики в Москве, — три серых и один перекрашиваемый. Броненосцы находились дальше.

Еще я обратил внимание на вывески. Блин, да хоть один русский торговец тут есть?! Или все какие-то «Кунст и Альбере» на фоне «Кларксон и Ко»? А вот и вообще японский магазин с парикмахерской, про китайские я и не говорю — они на каждом шагу. Да сколько же тут шпионов, батальон или больше? Полк, мрачно подумал я, увидев спешащего куда-то по другой стороне улицы японца с фотоаппаратом. Нет, ну это уже наглость! Я сделал незаметный жест, ко мне подошел командир охраняющей меня сейчас пятерки.

— Вон гада с фотокамерой видите? Камеру отобрать, владельцу дать в рыло, можно от души и несколько раз, потом еще карманы ему вывернуть, чтоб больше походило на грабеж... Кажется, за теми сараями вроде подходящее место, действуйте, я здесь подожду.

Ждать пришлось недолго, я только и успел выкурить сигарету, как из-за угла степенно показались несколько запыхавшихся охранников.

— Шустрый оказался, — пояснил командир, — здорово ногами дерется, почти как наши господа Ли в спортшколе... Так что пришлось его всерьез приголубить. Может, еще и оживет, я Ване с Сашей наказал его в столовую доставить, похоже, непростой попался азиат-то...

Все правильно, а то в вагоне-столовой, который теперь стал филиалом госпиталя, но, как бы это поделикатней сказать, несколько противоположной направленности, пора уже и появиться постояльцам... Да, нашей контрразведке тут непочатый край работы. Нашей — это именно нашей с Гошей, в Российской же империи такой службы не имелось вовсе, ну прямо как при коммунизме...

ГЛАВА 27

Из дневников капитана 2-го ранга РИФ М. Н. Беклемишева

23.06.1903

06:30. Курс 112 градусов, КП, 6 узлов. Облачность отсутствует, туман отсутствует. Ветер умеренный с востока. Обходим Мадагаскар. До смены курса 82 мили. Вот и закончились наши каникулы. Сегодня утречком еще и не рассвело, как простились мы с нищим и чудесным островком Нуси-Маница. И снова позади кусочек жизни... и кусочек души. Никогда бы не подумал, что моя хохотушка Рогацца способна так по-русски реветь, прощаясь. Оставил ей на память свой золотой погон с вожденными звездочками и пару тысяч рублей, что моих в шкатулке было. Объяснил как сумел, что за бумажки эти можно получить много-много лодок для рыбалки. Много-много сетей, ситца на юбки, и нельзя купить ни одной минутки у государя императора. Не любовь, понятное дело, оплатил, — авось пригодятся... Вряд ли окажусь я на этом берегу снова, но пути моряка неисповедимы, как и пути Господни. А как славно было бы доживать никчемную старость на этом коралловом песочке... Только кому я тут буду нужен старой развалиной... Нет, все! Что позади, то позади!

— На руле! Не рыскать на курсе, кошачий сын собачьей матери!

— Есть не рыскать, командир!

— То-то! Бойся меня!

14 июня проводили «Смоленск», которому приказом штаба определено в кратчайший срок разгрузиться в Порт-Артуре и немедленно вертаться в Питер. Теперь вот пойдем вшестером. Последней радиограммой с «Марии» сообщили, что прошли Аденский пролив и скоро нас нагонят. «Герасим» отстаивается на прежнем месте, по-прежнему же работая для нас маяком.

Лодки починили. Перебрали все, до чего смогли добраться, не разбирая кораблик на мелкие части; изрядно помучились с рулями глубины, но привели их в пригодное состояние. Встав у борта «Саратова» и приподняв корму понтоном, поставили новый винт. Простились с нашими друзьями.

И в путь!

20:00. Курс 66 градусов, КП, 7 узлов. Облачность отсутствует, туман отсутствует. Ветер свежий с NNW. До островов Реюньон и Маврикий 883 мили. Полный порядок.

17.08.1903

12:20. Плюс 9 часов к Гринвичу. Облачность отсутствует. Ветер тихий с W.

— Стоп машинам! Бухта Врангеля!

Вот и закончен наш поход через три океана. После острова Нуси-Маница плавание наше протекало как-то совершенно обыденно, безо всяких там «неизбежных на море случайностей». Никаких действительно серьезных поломок и неисправностей, никаких более штормов. Обычно, рутинно, с учебной целью: обычные погружения при виде дыма на горизонте, рутинные вахты, обычная и ставшая привычно-рутинной жара в прочном корпусе. На переходе удалось еще несколько раз связаться со штабом, и в одной из радиogramм Михаил Петрович порадовал нас известием: амурские казаки заготовили от местного нашего пробконоса — бархата амурского — пробковых листов в достаточном количестве.

После перехода через Индийский океан устроили на острове Бали еще одну остановку на неделю для отдыха экипажей. Прошли Индонезию, через Макасарский пролив, Целебесское и море Сулу и, имея на правом траверзе остров Миндоро, вышли в Южно-Китайское море. Миновали Тайвань и на цыпочках под РДП просочились мимо Цусимы, заглянув дождливым вечерком для рекогносцировки в залив Ассо-Ван, где ознакомились с местными достопримечательностями и промерили эхолотами глубины. На подходе к Находке связались с берегом и получили радиogramму, адресованную мне и подписанную ВК Георгием Александровичем: «...поступают в оперативное подчинение генерал-лейтенанта Г. А. Найденова. На Вас возлагается...» Вот тебе и «господин инженер», вот те, бабка... Впрочем, начальство не выбирают. Встречались мне по службе начальники и несравнимо менее компетентные...

Некоторое сомнение вызывает только вероятная неосведомленность господина генерал-лейтенанта в тактике использования подводных лодок. Однако не думаю я, что господину генерал-лейтенанту не достанет ума ограничиться лишь постановкой стратегических задач, а тактику действий и иные мелочи оставить на наше усмотрение. Впрочем, воленс-ноленс, люди мы военные, к выполнению приказов без задавания глупых вопросов приучены. «А с кем и за что, про то государь знает...»

Загоним сейчас лодки на послепоходный ремонт, с полной заменой ходовых машин, а са-а-а-ми... во Владик! К девкам!

25.01.1904

После учебного похода «с ознакомительной целью» вокруг Японии лодки ошвартовались в маленькой бухте Панцуйто, что расположена чуть южнее порта Дальнего. Очень красивая и удобная бухта, однако же бухта Врангеля, да и Находка будут поживописнее, на мой взгляд. Командам предоставлен недельный отдых. Этого, конечно, мало после более чем месячного нелегкого плавания, однако напряженные отношения с Японией вынуждают к пребыванию в повышенной готовности. К нашему приходу у деревушки Шицотен подготовили два причала с деревянным настилом на бетонных сваях, выдающихся в бухту, а также мастерские и казармы для размещения экипажей. Небольшой ремонт нам потребуется.

Подходы к бухте и сама бухта вследствие совсем невеликих дноуглубительных работ теперь в достаточной мере глубоководны и пригодны для скрытного захода лодок. Безопасные глубины начинаются сразу же на выходе из бухточки. Всего-то 2 кабельтова. Сами причалы обнесены дощатым забором и замаскированы старыми рыбацкими сетями с нашитыми на них зеленоватыми тряпками разной степени полинялости, со стороны моря они скрыты маленьким мысом Наньшаньцзуй и не видны совершенно. Все азиаты, в том числе и вероятные японские шпионы, приказом его императорского высочества ВК Георгия Александровича заранее отселены в иные местности с денежной компенсацией, под предлогом борьбы с китайскими контрабандистами и пиратами, именуемыми здесь хунхузами. Обслуживают стоянку, ремонтную мастерскую и склады обеспечения только русские рабочие. Никто из команды не верит, что дело обойдется миром. Живем в ожидании войны.

Вчера произвели на пробу взлет летательного аппарата с рубки лодки, благо погода случилась превосходная. Ветер 2 балла, солнечно, температура плюс 5 по Цельсию. Прodelать этакий кунштюк с палубы положительно нет никакой возможности, поскольку вращению ротора мешает антенное хозяйство. Как это ни удивительно, но все произошло весьма удачно. Вынесли на мостик элементы конструкции, собрали оную в единое целое, накачали резиновые поплавки, укрепленные на посадочных дугах. Бугаев крутанул винт горизонтальной тяги, завел моторчик и уселся в сиденье. Офицеры крепко удерживали вертушку за поплавки, пока раскручивался ротор, затем по знаку пилота отпустили. И что удивительно, эта штука и вправду поднялась в воздух, крутанувшись несколько раз вокруг оси! Потом, провалившись на несколько метров вниз, выровнялась и стремительно понеслась вперед, набирая высоту.

Поднявшись так высоко, что его стало едва видно невооруженным

глазом, Бугаев совершил несколько кругов в окрестностях бухты, и затем, снизившись и выполнив облет кораблей на малой высоте, мягко посадил аппарат на воду вблизи лодки и выключил моторчик. Ему бросили конец, подтянули к борту, вытащили из воды вместе с аппаратом, и под восторженные крики принялись подкидывать в воздух. Освободившись от объятий, Артем Ефимович подошел ко мне доложить и явил схему, на которой еще в воздухе изобразил береговую линию и места стоянок судов в порту Дальнем, а также места расположения лодок рыбаков, промышлявших в море. Потом все стали его расспрашивать, далеко ли видно с неба, и о прочем.

Некоторые отчаянные головы даже попросились полетать. И крайне огорчились, когда я категорически запретил подобные эксперименты, несмотря на то что мне и самому безумно хотелось подняться в воздух. Однако не зря же наши пилоты три месяца проходили обучение под руководством опытных инструкторов. Всякое дело требует умения. А то и упасть недолго. С неба.

02.02.1904

Только что вернулись с Черкасовым из Порт-Артура. Были мы приглашены на совещание в узком кругу к его императорскому высочеству ВК Михаилу Александровичу и генерал-лейтенанту Найденову, которому наши лодки переданы в оперативное подчинение. Встретили нас весьма радушно, Георгий Андреевич поблагодарил за совершенный нами тяжелейший переход в Находку. Приказал подать адмиральского чаю и принялся расспрашивать о состоянии здоровья экипажей и настрое. В подробностях интересовался техническим состоянием кораблей и объемом выполненных после океанского перехода ремонтных работ. Великий князь больше молчал и слушал, изредка задавая вопросы, по большей части касавшиеся наших приключений в походе и обстановки в японских портах, с которыми мы «ознакомились». Убедившись в технической нашей подготовленности, Г. А. принялся знакомить нас с оперативной обстановкой. Невеселые дела. Война практически может начаться в ближайшие дни.

Лодкам поставлена первая боевая задача. Поскольку мы не можем начать, как выразился Георгий Андреевич, превентивные боевые действия, то вынуждены отдать инициативу самураям и ждать первого хода противника. По разведывательным данным генерала Найденова, 16 февраля сего года к 11:00 токийского времени ожидается прибытие в главную ВМБ Японии, порт Йокосука, купленных в Италии крейсеров «Касуга» и

«Ниссин».

Нам приказано занять к этому времени позицию в означенном районе и в случае начала военных действий, о чем нам будет сообщено по радио, воспрепятствовать прибытию крейсеров в порт назначения любыми средствами на наше усмотрение. Поскольку о точном маршруте их перегона информация получена недостоверная — известно только, что корабли идут под британским торговым флагом и под управлением англо-итальянской команды, — то сочли мы атаку в нейтральных водах недопустимой. А вот атаковать непосредственно в акватории Токийской бухты, в японских территориальных водах — дело другое. Глубины вполне позволяют, да и полное отсутствие у самураев каких бы то ни было средств обнаружения подводных лодок делает это предприятие вполне осуществимым. Мы знаем время и место. Имеются подробные лоции и карты Токийской бухты, многократно посещавшейся русскими кораблями. А еще у нас есть надежнейший, как уверил нас Г. А., метеопрогноз. Ремонт лодок рабочими фактически окончен, мелкие недоделки завтра будут полностью устранены.

04.02.1904

Я, лейтенант Черкасов и остальные офицеры долго сидели над картами, планируя операцию. Разработали несколько разных схем нападения. Рассчитывали различные варианты атак по каждой схеме и наиболее удобные места для их применения. Определяли хронометраж, наиболее выгодные курсы, скорости движения, назначали ориентиры для маневрирования с учетом волнения моря, видимости и течений. Особое внимание уделили подводным течениям, высоте прилива и остальной гидрографии. Глубины уточним еще раз непосредственно на месте эхолотами, поскольку рассчитываем прибыть к месту назначения не позднее вечера 15 февраля. Предстоит пройти около 1250 миль, это не менее 8 с половиною суток экономхода.

Приняли на борт боевые мины и по четыре новейших электроторпеды. Сверх штата погрузили еще по две 45–12. Две 45–1Э — электро — в аппараты. Две 45–12 в торпедные ящики. И еще две в деревянных ящиках на палубу торпедного отсека. В нем теперь совершенно негде повернуться. Придется минерам спать с торпедами в обнимку. Но как смеются матросики: в тесноте, да лишь бы самурая побольней обидеть.

ГЛАВА 28

После нескольких дней пребывания в Порт-Артуре у меня было много слов для определения сути тамошней обстановки, но среди них только одно цензурное — бардак. Ситуация усугублялась неисчислимой прорвой всяческого начальства. Ну вот, например, возьмем эскадру. Понятно, что командовать ею должен адмирал. Хотя моей Второй Тихоокеанской командовал мичман, и вроде неплохо. На всякий случай не помешает один запасной, мало ли что будет с первым... Но тут их было шесть штук, и ждали еще двух! Количество же генералов вообще не поддавалось подсчету — на квадратный метр земной поверхности их тут приходилось почти как у нас в Арбатском округе. Причем вся эта свора постоянно грызлась.

Если расположить группы артурского населения по убыванию численности, то на первый взгляд получалась такая картина: китайцы, японцы, моряки, шлюхи.

Среди последних приехавшие со мной Татьянины девочки уже вовсю развернули вербовочную работу. А филиал шестого отдела тут уже полгода как был — с тех пор, когда Гоша с Машей приобрели контрольный пакет Русско-Китайского банка. Естественно, я сразу зашел туда — поинтересоваться насчет обстановки, то есть того, что удалось нарыть на местное начальство. Картина оказалась ожидаемой: практически вокруг каждого увивалось как минимум по одному японцу, а обычно — так и по два-три. Не просто так, а на правах доверенных холуев — портных, парикмахеров, поставщиков... То есть при желании укрывательство японского шпиона можно было без труда шить каждому. Кстати, Гниду я с собой не взял, вместо него добровольцами (!) вызвались два его помощника-китайца. Очень уж им хотелось применить свои профессиональные навыки к гражданам Страны восходящего солнца...

Средь всего этого безобразия было четыре «луча света в темном царстве» и места отдохновения души — два аэродрома, калединский штаб и завод в Хуицаинзе. Каждый объект был обнесен колючей проволокой, по периметру прогуливались часовые, несшие службу как положено, то есть: «Стой, кто идет?! Стой, стрелять буду?!» — выстрел вверх и очередь на поражение. Пара случаев стрельбы на поражение уже была, местным этого хватило.

Консервный завод порадовал глаз — склады забиты боеприпасами,

производство противопехотных мин идет даже с опережением графика, за счет местной инициативы с прикапываемыми стволами-самопалами. Правда, ручных гранат делалось чуть меньше планового количества, и я записал, чего не хватает для исправления этой хоть и небольшой, но неприятности. На подходе была первая партия осветительных бомб. Впрочем, и консервная продукция не была забыта — красивые банки бычков в томате и минтая в собственном соку пользовались большим спросом в Артуре и Дальнем, несмотря на довольно высокую цену. Неподалеку от завода имелось подсобное хозяйство с парой сотен буренок — тоже, в общем, консервы, только без банок и иногда дающие молоко.

Я ознакомился с документами — как идет выполнение нашей продовольственной программы. Суть ее была в том, что с началом блокады продовольствие здесь резко подорожает, а потом и вовсе почти пропадет. Мы собирались даже слегка интенсифицировать этот процесс, но с маленькой оговоркой — «в свободной продаже». У нас с продовольствием все будет в порядке, но распределяться оно будет по карточкам — воинским, рабочим и иждивенческим, они уже печатались. То есть в идеале беспрепятственно кушать смогут только участвующие в обороне полуострова лица.

В Порт-Артуре повсюду циркулировали слухи о возможной войне, но почему-то ее начало единодушно откладывалось на весну. Как-то в это не очень верилось — нападать на Артур вроде лучше, пока во Владивостоке лед. «Наверняка не обошлось без японского аналога моего информбюро», — подумал я. Не напали бы заразы узкоглазые даже раньше, чем в нашем мире, с них станется.

Мое появление в Порт-Артуре вызвало определенное любопытство, выразившееся в десятке приглашений. Я их проигнорировал. Встречи с интересными людьми и так были запланированы, а общаться с Фоком, Стесселем и прочими генералами в качестве гостя мне было просто некогда. Вот стану начальником — сами придут, если за чем-нибудь понадобятся. Но Стесселю занемоглось... По моим сведениям, его достала жена — вынь ей да положи инженера Найденова! И будущий почетный сдаватель крепостей набился ко мне сам. Я принял его в своем вагоне.

Уже через десять минут я понимал, как мотивы, через полгода сподвигшие одного поручика стрелять в Стесселя, так и довольно мягкий приговор суда по этому поводу. Передо мной сидел болтливый, напыщенный и самодовольный м..., иного слова не подберешь. Ведь дурак,

например, может быть и существом тихим, вполне согласным с судьбой, этот же был абсолютно уверен в собственной исключительности. Правда, к пистолету меня пока не тянуло, но правый кулак уже начал ощутимо чесаться. И в конце этот экземпляр еще намекнул, что такой небедный человек, как я, может вполне ускорить прохождение своих бумаг по местным инстанциям при его, скота, небескорыстной помощи.

«Вот хрен тебе, а не взятка, — подумал я, провожая высокого гостя до дверей. — Наболтал ты мне тут вполне достаточно, хватит на монтаж не одной фонограммы, а сразу десятка». Я прошел в спецкупе и за полчаса соорудил из записи нашего разговора другой, в котором Стессель весьма неодобрительно отзывался как о политике Николая Второго в целом, так и о его умственных качествах, — вот ведь какой нехороший человек! Завтра на основе этой компьютерной записи сделаю пластинку — и в Питер ее, спецкурьером Гоше, пусть порадует братца голосом его любимца. От дел он еще будет меня отвлекать, паскуда! И к его женушке надо будет наказать повнимательнее присмотреться, чтобы в нужный момент не думать, чем бы это посильнее напугать стерву.

С чувством плюнув в открытое окно, я вернулся к прерванному появлением визитера просмотру бумаг о нашем строительстве.

В данный момент на полуострове имелись две незавершенные стройки: закрытого пирса в Дальнем (якобы для моей личной яхты «Герасим», а на самом деле для «ракообразных») и эллинга для дирижабля-разведчика в Чалиндзе. Сам дирижабль пока пребывал в Иркутске. Оба объекта были близки к сдаче. Для быстрейшего завершения ангара не хватало сварщиков, что уже привело к отставанию от графика, пирс строился по плану, там вроде бы все было в порядке.

Значит, надо посмотреть, кого из рабочих на стройке ангара можно быстро поднатаскать в сварке, чтобы посадить хотя бы на малоответственные конструкции, да и в Дальний съездить не помешает, глянуть своими глазами на ход работ. Я сделал соответствующие пометки в блокноте.

Дальний произвел на меня двойственное впечатление. С одной стороны, ясно было видно, что он построен по хорошему плану, и в процессе рождения города этот план нарушен не был. В какой-то мере это детище свежееупокоенного министра финансов было даже красиво. Сколько же денег выкинуто на эту красоту! Три шикарных по местным меркам гостиницы, все почти пустые. Много вилл с садами, но заселены среди них

не больше трети. Масса сдающихся за смешные деньги домов и квартир.

В отличие от многолюдных улочек Артура, широкие и прямые улицы Дальнего были почти пусты. Главное — в городе практически не было заметно признаков деловой жизни — тут обитали только чиновники железной дороги да персонал порта плюс рабочие таки построенного сухого дока. В западной части города квартировали офицеры из кондратенковской дивизии. Мне сказали, что до смерти Витте и назначения Алексеева наместником Дальнего Востока здесь еще было какое-то шевеление, но теперь все затихло. Город окончательно почувствовал себя никому не нужным...

«Ладно, это все лирика, а нам в таком месте будет проще спрятать базу подводных лодок», — подумал я, наблюдая за работами в маленькой бухте южнее города. Сама база еще достраивалась, но якобы мой дворец с хозяйственными постройками, а на самом деле жилые и служебные помещения базы, уже сданы в эксплуатацию. Я прошелся по пустым еще комнатам — все нормально, хороший домик, и сам бы в нем пожить не отказался...

У «дворца» уже имелся комендант, который после моего обхода спросил, будут ли какие-нибудь замечания или пожелания.

— Замечаний нет, — сказал я, — а пожелания... Знаете, заведите тут пару кошек — с ними база будет смотреться куда уютнее.

Следующий месяц прошел в непрерывной текучке — вроде и не делаешь ничего глобального, а все равно занят с утра до вечера. Наконец настало Рождество, а за ним и новый, тысяча девятьсот четвертый год.

Алексеев бомбардировал царя телеграммами о необходимости превентивного удара по японцам — я был в курсе этого, так как почти год назад в составе шестого отдела появилась линейная группа, задачей которой было внедрение наших людей на всех ключевых пунктах почтовой и телеграфной службы Маньчжурии и Квантуна. Царь, хоть и был не особого ума человек, все же на такую дурость, как нападать первым, не соглашался ни в какую. Шел оживленный обмен депешами, а флот пока выделял какие-то странные манипуляции. В начале января они чуть ли не всем составом сплавали к Эллиотам и обратно — совершенно непонятно зачем. Отработки никаких задач не было, стрельбы не проводились... Обошлось почти без потерь — только столкнулись два миноносца да несчастный «Севастополь» опять поимел какие-то неприятности с машинами, так что в Порт-Артур он еле приполз на шести узлах. Вообще этот свежестроенный броненосец сильно напоминал мне дешевый

китайский мопед, из тех, что продается во всяких «Ашанах». Вот он, новенький и блестящий, оказывается в руках восхищенного владельца, получившего такую классную вещь за такие смешные деньги... Вот владелец прямо из магазина тащит его в ремонт, потому как своим ходом он неспособен доехать даже туда... Вот очередной обычный ремонт плавно перерастает в капитальный и наконец мопед обретает свое законное место на помойке, имея на одометре хорошо если трехзначную цифру.

Кстати, пока мореманы таким образом развлекались, нам было не до смеха, — а вдруг японцы догадаются ударить именно сейчас? Авиаразведка велась непрерывно, мы потеряли три машины и одного летчика — над морем у него отказал двигатель. Примчавшийся через сорок минут на место падения «Гера» выловил из воды умершего от переохлаждения пилота.

Но обошлось, флот вернулся, и японцы не напали.

Наконец пришла радиограмма от Гоши. Николаю надоела переписка с Алексеевым, и он удовлетворил очередную его просьбу об отставке с поста наместника. На эту должность назначен Гоша, он уже выезжает на заранее подготовленном поезде. Вместе с ним едет Макаров, тем же указом назначенный командующим Тихоокеанской эскадрой. Генерал-лейтенант Найденов становится первым заместителем наместника и начальником Квантунского особого отдела — контрразведывательной структуры с весьма широкими правами, образованной на базе следственного отдела Комкона. Выделенные сотрудники едут тем же поездом. Ожидаемое время прибытия — восьмое февраля. То есть высочество таки форсировало события, столь резкие телодвижения мы планировали на март — апрель...

В следующей радиограмме (понятно, в дороге скучно) Гоша описал подробности ознакомления Николая с моей фонограммой. Как и положено настоящему произведению искусства, она не оставила слушателя равнодушным. В результате император без всяких колебаний подписал приказ: генерал Стессель назначается административным комендантом Порт-Артура. В той же бумаге перечень обязанностей коменданта, и тоже подписанный лично императором. Перечень короткий: комендант обязан поддерживать чистоту и порядок на улицах вверенного ему города и обеспечивать бесперебойную работу ассенизационной службы. Все остальное — компетенция военного коменданта Квантуна, которым назначается генерал Смирнов.

Двадцать шестого января я не находил себе места. Правда, в результате

полученной информации о своей отставке Алексеев поубавил активности, и на внешнем рейде теперь никого не было. Да и японцы пока не заявляли о разрыве дипломатических отношений, но мало ли, вдруг теперь они решатся напасть и так... Вся авиация была переведена на повышенную готовность. Но японцы не напали ни двадцать шестого, ни двадцать седьмого. Потом начала портиться погода, и к первому февраля разыгрался настоящий шторм, который продолжался почти неделю. Шестого он начал стихать, и тут пришла депеша: самураи заявили-таки о разрыве отношений! Значит, завтра следует ожидать предложения всем подданным Японии покинуть Порт-Артур, а через пару дней — война, это если все пойдет как у нас...

Я чувствовал себя не очень хорошо, похоже, ухитрился-таки простудиться. А тут еще флот начал опять проявлять какую-то непонятную активность, вроде подготовки к смотру. Вообще-то по-хорошему надо было сходить к Старку и узнать, что происходит. Но он еще не получил бумаги о моем назначении и полномочиях, и для него я пока просто авиационный комдив... Да и знобит меня что-то уж очень сильно, тут надо не по адмиралам бегать, а выпить чаю с медом и пропотеть как следует. Но только все же лучше не в своем поезде, а на центральном аэродроме, там у меня тоже есть резиденция. Раз уж события переходят в решающую фазу, надо быть поближе к тем, кому в случае чего именно я должен буду отдавать приказы, то есть к летчикам... А послезавтра приедет Гоша, и будет совсем как у Некрасова: «Вот приедет барин, барин нас рассудит!»

С такими мыслями я гнал свою «оку» по петляющей между сопот дороге на центральный аэродром. Несмотря на шипы, на скользкой дороге машину постоянно заносило, в свете фар мелькали редкие снежинки.

Я тогда еще не знал, что война начнется через несколько... не дней, а всего лишь часов.

ГЛАВА 29

Та-ак, что это я вижу? Кажись, потолок... причем даже без очков можно разглядеть, что довольно низкий. Ну-ка вбок посмотреть... блин, тошнит-то как, и выдыхать противно. Наверняка хлороформом травили — я этот запах с молодости помню, когда после падения на первых гонках почти месяц в больнице валялся. Под старость, значит, опять туда же... А тут вроде что-то похожее на девушку сидит... ага, зашевелилось.

— Георгий Андреевич, вы очнулись?

— М-м-м... вроде да. Очки мои где?

— Вот... подождите, я вам надену... Так нормально?

— Ну вы же их не вверх ногами... Теперь нормально.

Я присмотрелся. Ага, нахожусь я в своем поезде, в вагоне-госпитале, а сидит передо мной одна из Таниных девочек, которая, ко всему прочему, еще и врачаха... Как звать-то? Мозги что-то совсем не работают. А, ладно...

— Доложите о моем состоянии, — буркнул я. — Доклад начните с даты.

— Сегодня девятое февраля, время восемнадцать двадцать, — бодро начала девочка, — позавчера утром вы были сбиты и упали на Тигровую косу. Вас эвакуировали сюда... Состояние было тяжелое, пуля раздробила плечевой сустав плюс большая кровопотеря... Сделали переливание, потом операцию. Она прошла успешно, сейчас доктор оценивает ваше состояние как стабильное.

— Кроме пули в плечо я себе при падении ничего не сломал или не растряс?

— Нет... Вроде нет.

— Ладно, со мной, кажись, понятно, теперь скажите про общую обстановку. Вот я упал, дальше что?

— Как раз когда вы падали, прилетел Полозов во главе четырех эскадрилий. Уйти смог только один «варриор». Но выяснилась неприятная вещь... Когда японцы поняли, что ни улететь, ни даже нормально отбомбиться им не дадут, они начали направлять свои самолеты прямо на орудия... Разбито три пушки, из-за взрывов боезапаса большие потери в расчетах. Затем разведчик обнаружил приближающуюся эскадру Того. Полозов атаковал флагман тремя эскадрильями, было три попадания двухсотками и около десяти сотками. Того повернул назад. Георгий

Андреевич, извините, но доктор велел немедленно его известить, как вы очнетесь...

— Вам начальник кто — доктор или я? Закончите с докладом и извещайте на здоровье. Продолжайте, какова общая обстановка?

— Фарватер заблокирован японским транспортом и миноносцем. Теперь покинуть внутренний рейд могут только небольшие корабли. «Ретвизану» и «Цесаревичу» требуется докование.

«Ага, — подумал я, — а док-то в Дальнем. Если это не песец, то что?» А вслух спросил:

— Его высочество приехал?

— Да, поезд пришел вчера утром. Его высочество, кстати, тоже велел ему сразу сообщать... Извините, продолжаю. Седьмого больше налетов не производилось. В ночь с седьмого на восьмое три миноносца атаковали находящийся на внешнем рейде дозор, но неудачно. Один поврежден артиллерийским огнем, еще один — бомбой с самолета, но они смогли уйти. Больше нападений не было. Эскадра японцев сейчас находится в районе Эллиотских островов.

Тут я вспомнил:

— А мой самолет как? Что с рацией?

— Обломки самолета были немедленно убраны прибывшей аэродромной командой. У рации сработала система самоликвидации, ее контейнер сдан вашей охране.

— Ладно, теперь можете звать врача.

После недолгого осмотра, в результате которого мое состояние было признано удовлетворительным, ко мне был допущен Гоша. Врач вышел, мы остались одни.

— Ну ты как, жив?

— Сам не видишь? Посмотри, как там у кровати с колесиками.

В VIP-палате нашего госпиталя все койки обязаны были иметь колеса, это я распорядился еще при формировании. Но, кстати, проверить забыл, будем надеяться, что у здешнего персонала память получше моей...

Гоша присел.

— Тут они заблокированы, — сообщил он, — я сейчас. Вот все, тебя можно катить. Справишься с порталом или лучше потом?

— Вот и посмотрим. Не получится, значит, действительно потом. Готов? Открываем.

Портал открылся, но неохотно, мне аж плохо стало. Гоша быстро вкатил меня в коттедж на Торбеевом.

— Тяжело открылось, — констатировал он. — Видимо, то, что ты нездоров, как-то сказывается... Когда назад пойдем?

— Да минут десять отдышусь, и двинем. Хотя там время и стоит, чего нам тут особенно расслаживаться?

Через пятнадцать минут по времени нашего мира и через миг по времени Гошиного мы опять оказались в вагоне.

— А обратно-то портал образовался мгновенно, — подметил Гоша. — Выходит, на тебя уже подействовало?

— Да вроде малость получше стало, согласен...

Портал назад действительно открылся очень легко, даже как бы не легче, чем обычно. А чувствовал я себя далеко не идеально, разве что голова теперь меньше кружилась. Ладно, потом разберемся. Может, он оттуда сюда всегда легче открывался, а у нас просто не было случая обратить на это внимание?

Мы беседовали с Гошей около часа. Сначала он рассказал мне про мои подвиги. Надо же, как, оказывается, с земли можно интерпретировать мою бестолковую суетню в небе! Ведь растерялся же я, до сих пор стыдно, как вспомню...

Но мою попытку объяснить, что на самом деле оно было не совсем так, Гоша воспринял как обычный приступ скромности, и я заткнулся, точнее, перевел разговор на обстановку в Порт-Артуре.

— Когда мы приехали, тут была полная неразбериха, — сообщил мне Гоша. — Но выяснилось, что по сравнению с седьмым числом это просто истинно немецкий порядок! Тогда вообще было черт знает что. Стессель по всему городу метался как укушенный... Фок свою дивизию в ружье поднял и совсем было собрался вести в атаку, но, пока решал, в какую сторону, приехал Смирнов и малость его утихомирил, причем словами, галоперидола у нас еще нет. Смирнов, кстати, единственный не суетился и издал пару дельных приказов, вот только их вообще ни до кого не довели. С деятельностью Старка сейчас Макаров разбирается...

— А Стесселя ты уже сообщил о волшебной перемене в его судьбе? — улыбнулся я.

— Нет, что ты, — рассмеялся Гоша, — я, по-твоему, зверь какой, лишать тебя такого зрелища? Я его просто своей властью посадил под домашний арест. Так что выздоравливай побыстрее, не откладывая цирк надолго. Насчет того, чтобы еще раз через портал, — это мы дня через три решать будем?

В процессе опытов на мышах мы выяснили — для заживления мышц и костей достаточно одного перехода. Вот для восстановления нервных клеток нужно несколько, но не более семи, а если уж и тут не помогло, то дальнейшие прыжки туда-сюда уже ничего не дадут.

Я попробовал пошевелить пальцами на левой руке — вроде получается, да и чувствительность какая-то есть, так что не так уж все страшно.

По ходу нашей беседы доктор пару раз пытался ее прервать, скребся с той стороны под дверью. Когда его запустили, он сообщил, что больной еще слаб, может открыться кровотечение и еще что-то нехорошее... Пришлось напомнить ему, что инженер Найденов тоже кое-что смыслит в медицине, были прецеденты, причем неоднократные. Так что теперь, раз уж этот инженер пришел в сознание, и руководство процессом лечения он берет на себя: «Да, кстати, рентген делали? Вот и принесите снимки, будьте так добры. И отчет об операции... как он у вас, врачей, называется? Причем на русском, а не на латыни».

Поздно вечером я услышал далекий грохот тяжелых орудий, потом вой пролетающих неподалеку «бобиков», судя по звуку — тройки. Потом все стихло.

— Чего у них там, узнайте, — обратился я к сиделке.

Оказывается, три броненосца противника, пользуясь темнотой и плохой погодой, подошли со стороны Крестовой горы и открыли перекидной огонь по городу. Один снаряд упал в районе вокзала — убита лошадь, ранен извозчик, склад не то Шнеерзона, не то еще кого-то с аналогичной фамилией разрушен полностью, попытки мародерства пресечены патрулем Гошиных казаков. Других жертв и разрушений нет.

После второго залпа прилетели шесть «бобиков», то есть все, кто у нас мог летать ночью в сложных условиях. Одна двухсоткилограммовая бомба попала в корабль, одна легла близким накрытием. После чего броненосцы ушли. Повторная атака силами одной тройки результатов не дала.

— Жду Полозова с докладом, — буркнул я.

— Георгий Андреевич, — робко спросила врачиха, — а может, утром? На вас совсем лица нет. Хотите, зеркало дам? Вы лучше поспите, а если ночью еще что случится, так вам Полозов сразу обо всем и расскажет...

«Тоже мне утешила, — мысленно усмехнулся я. — Но вообще-то она права: действительно, соображаю я сейчас не очень, не накомандовать бы чего-нибудь не того...»

— Ладно, утром так утром, — сказал я и закрыл было глаза, но тут же вспомнил еще об одном безотлагательном деле. Вздохнув, уточнил: — Полозова к двенадцати часам завтра, а Морозова, капитана «Геры», сюда немедленно, со всей возможной скоростью. Выполнять! Потом разрешу повякать о моей внешности.

Морозов был у меня через сорок минут.

— Слушайте задачу, — сказал я ему. — Завтра вечером выходите в море. Перед этим загромождайте заднюю палубу чем угодно, главное, чтоб побольше, и сверху накроете брезентом. Прежде чем отплывать, несколько членов вашего экипажа должны учинить умеренную пьянку с громкими воплями «ух мы теперь им и покажем», в каком именно кабаке — вам виднее. Далее, вы неделю прячетесь, где хотите, но чтоб вас ни одна собака не видела. Слушаете эфир. Возвращаетесь по приказу, а в случае его отсутствия — восемнадцатого февраля. Все ясно? Тогда идите, я на вас надеюсь.

Через два дня я уже счел свое состояние настолько улучшившимся, что начал вставать. На третий день решил объявить себя условно здоровым, кое-как оделся и начал вникать в обстановку. Очень она меня беспокоила — раз весь флот заперт в артурской мышеловке, что мешает Того прямо сейчас высадить десант на Квантун? То-то он около Эллиотов вертится! А у нас дел — только начать и кончить.

Первой от всеобщей растерянности оправилась наша авиация, и в этом была большая заслуга приехавшего с Гошей Михаила. Он, собственно, собирался только посмотреть на организацию аэродромов в Артуре, но в связи с моим ранением был пока оставлен тут, покомандовать авиацией вместо меня. Надо сказать, у него неплохо получилось.

Асы были сведены в разведывательную группу особого назначения, они парами летали ночью. Днем в воздухе постоянно находилось несколько самолетов, которые мониторили опасные направления в радиусе пятидесяти километров. Это уже дало свой эффект — днем противник подплывать ближе не рисковал — нашими бомбами были серьезно повреждены один миноносец и один небольшой крейсер, который летчики опознать не смогли, а моряки по описанию называли «собакой».

То, что творилось среди гражданского населения Артура, иначе как паникой назвать было нельзя. На вокзале не протолкнуться, в отъезжающие поезда народу набивалось вдвое больше против положенного. Очередь в

банк тянулась метров на триста, но это продолжалось недолго, то есть пока не кончились деньги. Гоша «успокоил» народ, сказав, что в Иркутском отделении банка денег более чем достаточно и даже очереди за ними нет. Если кому туда ехать неохота, то ничего страшного, сразу после окончания войны и в Порт-Артур они будут завезены в потребных количествах. И вообще, все желающие уехать должны поторапливаться, потому как через две недели полуостров будет закрыт.

Началась эвакуация управлений. Посмотрев на самое ее начало, я родил первый в своем новом качестве приказ — об образовании штрафных батальонов и дисциплинарных рот.

Ну что такое штрафбат, это понятно. А дисциплинарные роты предназначались для штатских, совершивших что-нибудь нехорошее типа мародерства, — с девятого февраля полуостров был объявлен на осадном положении. Однако первыми ласточками в этих ротах стали не любители легкой наживы...

Получив приказ о срочной эвакуации, чуть ли не половина чиновников отреагировала довольно своеобразно. То есть они мгновенно нажрались до поросячьего визга и даже более того. Ну и на следующий день я с удовольствием провел для остальных экскурсию в казарму, где на глазах потрясенных зрителей чиновная пьянь была разбужена ведром ледяной воды на голову и пинками унтеров отправлена получать обмундирование. В ответ на неуверенный вопль одного бедолаги, что, дескать, он какой-то советник, последовал удар в зубы с соответствующим вежливым разъяснением: «Ты теперь не советник, а дерьмо собачье до самого конца войны!»

— Господа, надеюсь, вы поняли, что в осажденном городе свои обязанности надо исполнять безукоризненно? — поинтересовался я у публики. — Если да, то не смею задерживать, у вас еще масса дел...

Как выяснилось, поняли не все, и скоро численность дисроты увеличилась еще на три штыка — эти идиоты решили отправить кляузные телеграммы. Зато у остальных более никаких вопросов не возникало, эвакуация была завершена за два дня и чуть ли не образцово... Только пришлось объяснить смысл происходящего Гоше, которому одна падла тоже успела пожаловаться. Кстати, он думал, что я не знаю, какая именно.

— Вот смотри, — начал я, — управлениям приказано эвакуироваться. Не внезапно, это у них в инструкциях написано — в случае войны двигать в Мукден и Харбин. Подан эшелон, стоит, занимает место, увеличивает бардак на вокзале... А эти уроды не могут соблюсти меру в

стимулировании организмов. Остающиеся чиновники тоже не ангелы, но они хоть на ногах пока! А у нас, то есть представителей власти, две задачи: первая — выпихнуть побыстрее этот эшелон; вторая, куда более важная, — показать всем, что шутки кончились, а началось осадное положение. При нем нет никаких вольных гражданских. Ты свои полномочия внимательно читал? Так вот, во исполнение обеих задач я и устроил это действо. Согласись, эшелон улетел как реактивный! А оставшиеся глубоко задумались.

— И что, теперь ты так и будешь, за малейшую провинность — в солдаты? А управлять городом кому?

— Обязательно за малейшую, — кивнул я. — Это в более поздние времена называлось «снять бронь — и на фронт». Говорят, помогало. И с управлением не проблема — почти у всех замы есть, да и Дальний рядом, а в нем полный комплект чиновников, хорошо, если на четверть от планируемого населения. Правильно, кстати, что напомнил, — надо среди них перепись произвести.

— На пустом месте ты приобрел кучу недоброжелателей, — заметил Гоша.

— Тоже мне новость, — фыркнул я. — А как еще можно гайки закручивать — и чтобы все при этом были довольны? Кстати, я ведь весьма мягко с ними обошелся. Никто же их на позиции посылать не собирается, зачем они там? Окопы будут рыть и тому подобное... А хочешь, поступим по справедливости? Всю наказанную ораву — в седьмой отдел, там быстро выявляем зачинщиков, вешаем их, а остальных отпускаем. Не хочешь? Тогда соглашайся с моим решением. И еще — не беспокойся ты за этого Хомякова, который тебе на меня наклеяузничал. Он поступил правильно, то есть жаловался по команде... Ничего ему за это не будет.

Потом я принимал приехавших ко мне Каледина и Кондратенко — самому мне к ним кататься было еще рано.

— Значит, господа генералы, — начал я, — ориентирую вас относительно теперешнего строения вертикали власти на полуострове. Как вы уже могли заметить, на самом верху находится Георгий Александрович. Его первый заместитель — я. В мои обязанности входит также организация обороны полуострова с суши. То есть над вами два начальника — его высочество и ваш покорный слуга. Всех остальных вы не только можете, но и просто обязаны посылать.

— Куда? — не понял Кондратенко.

Я объяснил, навскидку выдав пяток адресов.

— Ясно, — кивнул генерал, — а Смирнов, с ним как?

— Он комендант, — пояснил я, — то есть в его компетенции все, кроме подготовки и проведения боевых действий. А в вашей — как раз это, так что точек пересечения будет немного. Вот и приступайте к открытому оборудованию позиций, уже можно. Да, еще такой вопрос — дивизия Фока. Предлагаю сделать ее запасной, местом, где будут готовиться пополнения и отдыхать отведенные с фронта части. И подумайте, кто сможет ею командовать...

— Судьбу Фока, похоже, вы уже решили? — поинтересовался Каледин.

— Он сам ее решил, еще седьмого числа. Если человек ранен на всю голову, то его надо лечить, двух мнений тут быть не может, особенно у такого гуманиста, как я. Так что в ближайшее же время я этим и займусь, а вы подумайте о судьбе самой дивизии, я не настаиваю именно на своем предложении. Но тут вот какая еще появилась неприятная новость... Японцы могут произвести высадку в ближайшие же дни. Радиус действия нашей авиации они уже знают, так что она будет за его пределами. Я не утверждаю, что это точно, но примите, пожалуйста, меры, чтобы подобное событие не застало вас врасплох.

А в конце февраля Николай ошарашил меня очередным зигзагом своей монаршей мысли. Насколько я понял, в начале войны, да еще не очень удачном, срочно потребовались герои. В нашей реальности на эту роль отлично подошли команды «Варяга» и «Корейца», но тут они были заблаговременно отозваны из Чемульпо и теперь находились у нас. Так что героями было решено назначить летчиков, ну и меня, как их командира.

О погибших в первом бою восьмерых пилотах уже написали песню. А мне был присвоен титул князя Порт-Артурского, причем не простого, а светлейшего, — вот же фантазия у кого-то разыгралась...

Пришедшему поздравить меня Гоше я сразу пообещал, что непременно оправдаю доверие и прямо завтра же начну застраивать Ляодун потемкинскими деревнями. А что еще прикажете делать светлейшему князю?

— Кстати, — поинтересовался я, — ко мне теперь как надо обращаться — высокопревосходительство или сиятельство?

Некоторое время Гоша с подозрением смотрел на меня, а потом объяснил, что теперь я светлость, а сиятельство — это простой князь или даже вовсе граф.

— Ну вот, — сокрушенно покачал головой я, — опять у вас тут все

наоборот! Ведь ясно же, что сиятельство круче светлости — и букв больше, и интенсивность излучения выше...

ГЛАВА 30

Из дневников капитана 2-го ранга РИФ М. Н. Беклемишева

07.02.1904

Вечером 4 февраля в 18:10 вышли в поход. Погода — в полном соответствии с прогнозом Найденова. Дождь, сильный туман, ветер с NW, 7 метров в секунду. Вышли из бухты даже не ныряя, как обычно, под РДП. Отойдя от берега на три мили, легли на курс 142 градуса, в направлении острова Чеджу-до. До него 467 миль, суток трое хода. С рассветом для экономии топлива продолжили движение в надводном положении, меняя вахту на мостике каждые два часа. Море пустынно. За весь световой день только однажды пришлось спрятаться под воду, пропуская обогнавшее нас торговое судно под германским флагом водоизмещением около 2,5 тысячи тонн, следующее курсом на Циндао и прошедшее в полутора милях по правому борту. В 13:00 за кормой остался Циндао.

Ветер усилился до 13 метров в секунду. Однако люди быстро влились в ставший уже давно привычным распорядок вахт. Опять, как сытые коты, урчат тринклера, волна шлепает в борта и журчит, убегая к корме. Каждый оборот винтов гонит наши лодки вперед, к цели. Радиомаяки в Артуре и Находке изрядно упрощают нам навигацию.

10:12. Они все же осмелились! Эти самурайские недомерки все-таки начали войну. Получили радиogramму о нападении японского флота на Порт-Артур, при торпедной атаке японских миноносцев наш флот потерял три крупных боевых корабля. Сильно пострадала «Паллада», сел на мель «Цесаревич», значительные повреждения получил «Ретвизан». В воздушном бою, закончившемся для самураев разгромом, сбит генерал Найденов. Жив ли он? В радиogramме не сообщили. У юного дракона прорезались зубки. Решил испытать их на матером медведе? Видимо, пока не подозревает, что, в феврале особенно, у свежеразбуженного медведя характер делается на редкость скверным, просто омерзительным. И если мозги у медведя еще не заплесневели... Впрочем, мы медвежьи когти. И наше дело попробовать на прочность драконью чешую в окрестностях его брюха. Бог даст, пару клыков-то в виде «Ниссина» с «Касугой» и выбьем у дракона... Экипажи просто остервенели — и кубрик, и кают-компания бурлят негодованием и жаждою посчитаться с японцами. Для успокоения умов объявил приказ — поставленную перед командами наших лодок

боевую задачу. Кричали даже «ура!».

10.02.1904

В 07:30 обогнули мыс Сата и легли на курс 66 градусов. Состояние механизмов лодок удовлетворительное. На «Раке» отказал механизм установки шага правого винта. Застрял в положении оптимальном для шестиузлового хода. Постоянно, начиная еще с Кейптауна, с этим механизмом что-то случается. Именно у нас на «Раке» и именно с правым винтом. Вернемся, прикажу заменить. Погода еще более ухудшилась. Ветер с SO, усилился до 15 метров. Облачность сплошная, туман отсутствует, видимость до 20 кабельтовых.

Но есть в этом и хорошая сторона. Всего более опасался я, что нас могут заметить с рыбацких джонок, коих всегда полно в здешних водах в хорошую погоду. Шторм вынудил всех их поспрятаться в бухты. Суда более крупные нам своевременно обнаружить гораздо проще, ибо дымят немилосердно. А джонку, спустившую парус, и не обнаружишь между океанских волн. Как, впрочем, и нас — силуэт у лодок низкий, только раскрашенная в камуфляж рубка и видна, идущий в кильватере, в трех кабельтовых, «Краб» тоже не сразу заметишь, хотя и знаешь, где его высматривать.

13.02.1904

08:45. Шторм стихает. Ветер упал до 9 метров в секунду, SSO. До Йокосуки 200 миль. Зашевелились пресловутые рыбаки. Пришлось нырнуть и ползти на 4 узлах на 15 саженях. Волна еще слишком велика, чтобы идти под РДП.

16:20. Заход солнца, вечерние сумерки. Весь световой день шли на 4 узлах в подводном положении на 15 саженях, дно тут далеко. Однако, как и предполагалось прогнозом, к закату ветер стих до 3 метров, направление — SO, волнение улеглось до двух баллов и мы, выставив на мостик вахту и увеличив ход до 8 узлов, пошли по поверхности.

14.02.1904

К 18:15 прибыли к месту назначения и стали на самом малом ходу маневрировать у входа в бухту под РДП, заряжая подсаженные за день аккумуляторные батареи, изучая обстановку и медленно приближаясь ко входу в Токийский залив. Наблюдали за тем, как лоцманы проводят приходящие суда.

Отследив и проложив маршруты полутора десятков торгашей,

определились с привычными для лоцманов фарватерами, коими они проводят суда в порты залива, выполняя на входе этакую букву «П», положенную набок, и получили на карте вполне достоверную схему прохода среди предполагаемых минных банок, вероятно выставленных японцами. Соотнося с картой замеченные створные знаки, маяки и иные береговые ориентиры.

22:00. Вошли в Токийский залив, пристроившись в кильватер американскому лесовозу. Курс 26 градусов. Принял решение атаковать цели именно в этом месте, перед поворотом фарватера к N ввиду достаточно больших глубин и очень слабого в этом месте течения.

Отслеживаем все суда, входящие и выходящие из бухты. В самом же заливе, собственно говоря, никаких неожиданностей. Все ходят обычным описанным в лоции и нанесенным на карте маршрутом. Ширина обозначенного бакенами фарватера — три мили. Движение судов в проливе Урагу весьма интенсивное.

15.02.1904

В ночь на 15 февраля изучали глубины и течения в Токийской бухте в районе атаки. К рассвету (05:40) на всякий случай отошли в открытое море, где легли в циркуляцию и провели весь день под РДП, отслеживая проходящие суда. Удалось вычислить несколько подозрительных районов, которые они обходят при следовании в бухту. Подозреваю там наличие минных заграждений, установленных японцами для предотвращения артиллерийских обстрелов берега с русских кораблей.

16.02.1904

Крейсера пришли рано утром. В 04:47 мы услышали шум их винтов, который тут же стих. Вышел на связь с «Крабом» — Черкасов доложил, что его акустик тоже запеленговал шумы винтов двух судов. Обменялись пеленгами и отметили на карте их место в четырех милях от «Рака» по левому борту. Они ли? Через 6 минут радист принес перехваченную радиограмму, которая сняла все вопросы: с «Ниссина» требовали лоцмана для проводки кораблей в Йокосуку. Через полчаса по направлению к выходу из бухты мимо нас бодро протарахтел лоцманский катер. Быстро они с лоцманом управились. Видимо, заранее приготовились, ждали нас. Да, впрочем, и мы тоже вполне готовы к торжественной встрече. Через час акустик вновь запеленговал две цели. Засекли время и через десять минут получили линию их курса, идут как положено, на четырех узлах, в кильватерном строю. Держат дистанцию в четыре кабельтова.

Пропустили какой-то малотоннажный пароходик, направляющийся к выходу из бухты. Ну с богом! Отдал приказ по короткой связи на «Краб», и лодки на встречных курсах начали постановку минного заграждения. Тихо завизжали червячные валы, с легким постукиванием продвигая мины к корме, и через каждые 15 саженей выталкивая их через кормовые амбразуры за борт одну за другой. За пятнадцать минут прошли «минную милю», выставив все шесть десятков мин. Все мины вышли штатно. Через несколько минут они встанут на боевой взвод на глубине в три сажени. В кабельтове по правому борту слышали «Краба» на встречном курсе. Выполняя циркуляцию вправо на 180 градусов, занимаю позицию в четырех кабельтовых перпендикулярно линии курса крейсеров. На всякий случай по пеленгам на маяки уточняю свое место и снова выхожу на связь с «Крабом» для уточнения его места. Анатолий тоже выполнил аналогичный маневр и занял позицию для стрельбы торпедами в трех кабельтовых от минного заграждения.

Через восемь минут, в 07:02, я в перископ увидел в утреннем тумане черную тушу броненосного крейсера. Еще через пару минут силуэт стал довольно отчетливо виден в перископ. Судя по двухорудийной носовой башне — «Ниссин». Моя же цель — «Касуга», следующий за «Ниссином» в кильватере. Вот наконец и он показался. Анатолий Нилович докладывает, что видит «Ниссина», снова определяем параметры движения целей. Их курс и ход неизменны. Пора готовить расчет для торпедной стрельбы.

Собираюсь отдать приказ, но вижу склонившегося над картой Черкасского, считающего что-то на логарифмической линейке. Он, улыбаясь, оборачивается ко мне:

— Уже считаю, командир!

— Добро!

Приказываю снизить ход до двух узлов. Лодку тянет к поверхности. Ну только этого не хватало, самый подходящий момент вынырнуть во всей своей красе, на радость самураям. Злобным зверем матерно рычу на рулевых.

— Мать-перемать! Вашу мать! На рулях! С-С-гною в гальюне! Держать глубину!

— Есть держать глубину!

Наконец стрелка глубиномера замирает на двух саженях. С меня пот градом катится, заливая глаза. Шарю по карманам в поисках платка, потом, мысленно сплюнув, вытираю лоб пилоткой. Бросаю взгляд на расчет треугольника. Дистанцию стрельбы выбираю в три кабельтова. К моменту выстрела «Рак» как раз займет нужное положение. Электроторпедам на

шестнадцати узлах ходу до цели — 68 секунд. «Касуга» за это время пройдет 70 сажень. Рассчитываю угол упреждения... Что-то около четырех градусов получается.

— Первый, второй, аппараты к выстрелу приготовить! Глубина хода три сажени! Отклонение ноль!

Черкасский дважды щелкнул тумблерами на приборе установки угла отклонения и доложил о готовности. Через несколько секунд с легким поскрипыванием и чуть постукивая открылись наружные крышки торпедных аппаратов.

— Второй готов!

— Первый готов!

— Иван Иванович, как идем?

— Нормально идем, как в аптеке, Михаил Николаевич!

— Первый, второй, аппараты... товсь!

— Дистанция!

Это Ризнич дает знать, что лодка вышла на расчетную дистанцию стрельбы.

В перископ беру пеленг 356 градусов по шкале и жду, пока «Касуга» вползет носовой башней в визир.

— Второй, пли!

— Второй аппарат, торпеда вышла!

Отсчитываю восемь секунд. Через визир проползает первая дымовая труба. Еще пара секунд. В этот момент в перископе возникает вспышка света и раздается звук мощного взрыва. Пошла потеха! «Ниссин» нашел себе мину! Однако же пора и стрельнуть...

— Первый аппарат, пли!

— Первый аппарат — торпеда вышла!

— Лево на борт, тридцать градусов!

— Есть лево тридцать!

Мичман Черкасский стоит рядом с секундомерами в обеих руках. Держит так, чтобы мне было удобно их видеть. Еще один взрыв. По времени не наш. Рано! Торпеда еще даже на боевой взвод встать не успела. Значит, «Ниссин» еще мину из числа выставленных «Крабом» огреб или Толя его торпедой приголубил! Не удержавшись, навожу перископ на «Ниссин». Точно! Над «Ниссином» даже сквозь туман виден подсвеченный рассветным солнцем громадный грязно-белый столб воды.

Снова доворачиваю перископ на «Касугу». Стрелка первого секундомера заканчивает круг, 60 секунд, 65... Взрыв! Наблюдаю, как над носовой башней «Касуги» встает высоченный водяной столб, и вдруг он

озаряется изнутри яркой вспышкой, и вновь по корпусу лодки как будто громадной кувалдой ударили! Lucky shot!^[12]

Похоже, что сдетонировали погреба главного калибра! Амба котенку! Еще один взрыв, но как бы со стороны... Это еще что? Ладно, потом будем разбираться! В отсеках радостно вопит экипаж.

— Отставить вопли, носороги! Тишина в отсеках! После радоваться будем, когда уберемся отсюда подобру-поздорову!

— Перезарядить аппараты!

Крики стихают, люди взялись за дело, но радостные улыбки продолжают цвести на лицах.

12 секунд. Наблюдаю на «Касуге» еще один взрыв, сразу за мачтой. Второй торпедой тоже попал! «Касугу» плотно затягивает паром. Похоже, что этой торпедой мы им котлы разнесли. По короткой связи приходит доклад с «Краба»:

— Наблюдал на «Ниссине» два подрыва на минах в районе бака, и попадание второй торпеды туда же. Первая торпеда дала промах и, видимо, прошла перед форштевнем!

— Молодец, Толя! Отменно! Ему и того с лихвой хватит, я думаю! Уходим домой!

Командую убрать перископ. Отходим по фарватеру кабельтовых на 15 в направлении выхода из бухты и на двух узлах ложимся в циркуляцию. Снова поднимаю перископ. Туман сильно редее. Акустик докладывает мне, что слышит многочисленные, приближающиеся с севера шумы винтов. Навожу перископ на место атаки. «Касуга» накренился на правый борт, и я вижу, как волна начинает заливать ему палубу. Обнаруживаю «Ниссин», который прямо у меня на глазах, задрав корму к небу, вертикально скрывается под водой. «Касуга» заваливается на борт и переворачивается кверху килем. И в 07:58 скрывается под водой. Все кончено.

Хрен теперь кто с глубины 45 саженей до конца войны сможет их поднять! Стягиваю с головы пилотку и шепчу молитву по убиенным мною. Покойтесь с миром, да простит мне Господь...

— Убрать перископ. Занять минимальную безопасную глубину! Курс 215 градусов, ход 4 узла! Поздравляю команду с победой и благодарю за службу! Это японцам за Порт-Артур! Идем домой!

ГЛАВА 31

Кроме летчиков к концу февраля появились и другие герои войны, поначалу, если можно так выразиться, местного масштаба.

Одновременно с распространением в Порт-Артуре новостей об утоплении прямо в Токийской бухте свежезакупленных в Италии крейсеров «Ниссин» и «Касуга», а также о минировании самой бухты, в результате чего там уже успели подорваться два транспорта, в гавань скромно зашел «Герасим», естественно, уже без барахла и брезента на палубе. Команда получила щедрые премиальные и ясные указания, как их следует тратить. Теперь по артурским кабакам расползались все более красочные слухи о подвигах и победах катамарана у далеких берегов Японии. Экипаж «Машки» чувствовал себя обойденным, рвался в бой, и я пообещал им, что и их поход не за горами. Страховка на морские перевозки поползла вверх, Гоша не вылезал с узла связи...

Но, как я уже говорил, это все-таки была местная сенсация. А весь мир с недоумением взирал на действия непонятно откуда взявшегося Флота Открытого моря, якобы принадлежащего маленькой, но гордой стране, которую можно было найти и не на всякой карте. Верная своим союзническим обязательствам, Черногория объявила войну Японии. И коммандор Пол Маслачак, как коршун на цыплят, набросился на не ко времени оказавшиеся в Индийском океане японские транспорты...

За неделю он утопил и захватил восемь штук, но среди них было два настоящих подарка судьбы.

Первый вез шесть сотен авиационных моторов. Правда, в основном это были максимовские аналоги нашего Т-1, пригодные только для самолетов типа «святогор» и «пересвет», но ведь каждый стоил по пятьсот фунтов! А в Америке их можно было продать и дороже, так что Одуванчик одним махом на треть уменьшил свой долг.

Второй был кое-как вооружен и не придумал ничего умнее стрельбы из своей горе-пушки по доблестным черногорским морякам. Естественно, вся эскадра жутко обрадовалась представившейся возможности потренироваться и за пятнадцать минут утопила агрессивное корыто. Но этот процесс от начала и до конца был зафиксирован на фото- и киноплёнку, так что Черногория тут же объявила Индийский океан зоной боевых действий, а это давало право досматривать и, в случае обнаружения военной контрабанды, арестовывать нейтралов. Морскую страховку

зашкалило, японские обязательства поползли вниз, Гоша уже и ночевал в вагоне связи...

В газетах появились даже фотографии. Особенным успехом пользовалось изображение коммандора на мостике своего флагманского линкора «Црна Гора» (тысяча двести тонн, три 105-миллиметровые пушки, торпедный аппарат, 24 узла скорости). Сам коммандор был в роскошном мундире с аксельбантами чуть ли не на заднице, в идиотской треуголке, с накладной бородой и сделанным из подушки фальшивым пузом. При отработке образа мы с Пашей взяли за основу парадный портрет Рождественского...

И вот ко мне пришел радист с докладом — какая-то близко расположенная станция, судя во всему Вэйхавэйская, непрерывно морзит «DUPA... DUPA... DUPA...».

«Это пока еще репетиция, — злорадно подумал я, — настоящая дупа запланирована на попозже...»

Я отправился на узел связи. Но вовсе не отвечать на «DUPA», а передать сигнал в Георгиевск, по которому будет отправлена другая радиограмма, для Цеппелина. Я снабдил его хоть и детекторным, но вполне пригодным для приема из Георгиевска аппаратом. По этому сигналу граф должен был передать кайзеру заранее написанное письмо от нас с Гошей...

Только на следующий день, получив подтверждение о вручении этого письма адресату, я связался с дупопередающей станцией. Через день в Дальний приплыл небольшой английский пароходик. Как и ожидалось, на его борту находился сэр Эндрю Нэвил Пакс. Наша беседа с ним получилась краткой, но содержательной.

— Надеюсь, вы понимаете, — сразу взял быка за рога друг папы Шерлока Холмса, — что Великобритания не может терпеть сложившуюся в Индийском океане ситуацию?

— Еще как понимаю, — заверил его я. — Мы бы тоже ни за что не потерпели, если бы у нас такое сложилось. Так что весь вопрос только в том, какие формы это самое ваше «непотерпение» примет... В общем, если Англия соберется объявить черногорскую эскадру пиратами и начнет принимать соответствующие меры, Россия вмешиваться не будет. Ну может, какую-нибудь недоумевающую ноту выдаст для порядка... Но в этом случае эскадра перейдет к тотальной войне. То есть увидит английское судно — и торпеду ему в бок, не разбираясь, что оно везет, куда, и не тратя времени на спасение экипажа. Ну и минами закидает те порты, до которых сможет дотянуться, это понятно... Далее, Англия может

объявить войну Черногории. В этом случае эскадра будет вести себя в соответствии с действующими международными соглашениями. Причем если боевые действия ограничатся только эскадрой и не распространятся на саму Черногорию, Россия тоже вмешиваться не будет. А вот если вы вдруг решите воевать с этой страной всерьез... Черногорскую территорию Россия будет защищать как свою собственную. И у нас есть чем это сделать, поверьте.

Как раз в это время по Талиенванскому заливу с ревом промчался «Гера». Катамаран был облегчен до предела, топлива имелось самый минимум, поэтому он смог развить аж сорок два узла.

Доктор Пакс проводил взглядом суденышко.

— Это и есть тот самый крейсер-невидимка, который недавно отметился в Токийском заливе? — поинтересовался он.

— Ага, — безмятежно подтвердил я, — сами видите — скорость сорок два узла, автономность — десять тысяч миль... — Я не врал — с дополнительным баком в виде третьего поплавка «Гера» мог проплыть как раз столько. — Два четырехсотпятидесятимиллиметровых торпедных аппарата, две пушки, мины и самолет. И специальная, разработанная лично мной система интерференционной маскировки, при включении которой крейсер становится невидимым с расстояния больше двух кабельтовых. Оно вам надо, десяток таких корабликов на коммуникациях?

Естественно, про невидимость я врал без зазрения совести. Но ведь инженер Найденов тут уже до фига чего понаизобретал, вполне могут и поверить!

— Да, вот еще что вам следует учесть, — продолжал я. — Если английский флот начнет активные действия против черногорской эскадры, то ведь она станет захватывать все английские суда, а не как сейчас, только с грузами для Японии. А вот если на них нападет флот какой-нибудь третьей страны, Андорры например, то в отношении английских пароходов сохранится статус-кво...

Пакс уплыл, а я направился к Гоше, который отклеился наконец от рации и тут же озаботился накопившимися вопросами. Чувствовал я себя отвратительно — несколько дней прошли на одних нервах, некогда было болеть. Похоже, помаленьку наступала реакция. Если бы не беспокойство по поводу возможной высадки, лег бы я долечиваться на неделю-другую, а так приходилось метаться...

Гоша ошарашил меня неожиданным взлетом полководческой мысли.

— Ты опасаясь десанта? — спросил он. — Тогда надо сделать так,

чтобы японцам стало не до него. Я уже усилил отряд Засулича тремя эскадронами казаков и сотней пулеметов.

Честно говоря, при этих словах мне совсем поплохело. Будь я здоров, может, и нашел бы слова потактичнее, но тут я просто ляпнул:

— Ну ты, блин, и даешь... Высочество, твоя фамилия Романов, а вовсе не Суворов, Кутузов или даже Куропаткин! Ведь решили же вообще отвести этот отряд, а ты его усиливать... Зачем?

— Имея такую угрозу против в своих войск в Корее, японцы не осмелятся перебросить значительную их часть для высадки еще и на Квантуне.

— Чтобы он стал угрозой, его надо было усиливать не казачьими батальонами, а саперными! Мм...

Плечо дернуло резкой болью, голова закружилась.

— В общем, зря ты это... Ладно, делай что хочешь, а я к себе, пока не сдох тут прямо на твоих наполеоновских планах.

В моем вагоне выяснилось, что у меня опять открылось кровотечение, и под возмущенные вопли врача я наконец-то отрубился. Но поваляться в постели мне дали только два дня, а потом пришло донесение от Каледина, что в Бицзыво началась высадка японцев. Находящиеся там части бывшей дивизии Фока, а ныне бригады Терентьева, начали отход, не ввязываясь в серьезные бои.

Вовремя, однако, Фоку была подсунута доза ЛСД, в результате дегустации которой онный генерал сразу после ужина сиганул из окна. Правда, за неимением в доме других этажей, кроме первого, большого ущерба его здоровью причинено не было, зато явственно видимое умственное расстройство дало повод наместнику немедленно законопатить генерала в госпиталь. Но и там шестой отдел не забывал героя, так что скорого выхода этого персонажа на волю не ожидалось.

Отряд же Засулича так и сидел на своем берегу Ялу — японцы его пока не трогали, а наступать на них не хватало ни средств для переправы, ни наглости. Через несколько дней следовало ожидать японцев на перешейке, где Каледин с Кондратенко спешно дооборудовали позиции.

Я позвонил Гоше и сказал, что все четыре канонерские лодки надо перевести в Талиенванскую бухту, чтобы они могли поддерживать своим огнем нашу пехоту. Правда, не исключено появление японского флота, и тогда им придется несладко, но ведь самолеты никуда не делись и смогут как минимум помешать японцам. В общем, Макаров отдал приказ: всем четверем канонеркам плыть в Талиенван, где поступить в мое распоряжение. На следующий день мне доложили, что их там ровно две.

Еще две так и остались в Артуре — якобы у них не было угля и чего-то там еще, и вообще, несмотря на приказ Макарова, в Талиенван они совершенно не собирались.

Для меня это стало последней каплей. Я и так стоял на ногах вопреки всем законам медицины. Минут пять я боролся с искушением собрать последние силы, приехать в Артур и обматерить Макарова с Гошей. Сказать им, что если через пять минут капитаны этих калош не будут расстреляны, а сами они не окажутся в Талиенване хоть на буксире, то ну вас на хрен, трахайтесь тут сами! И свалить...

В процессе перемещений по порталам у меня окончательно укрепилось подозрение, возникшее еще при первых переходах, что из Гошиного мира в свой я могу попасть и сам. Но только в одно место и одно время — в конец июня две тысячи восьмого, в свою квартиру, и не смогу уже более вмешаться в свои сны...

Следующую неделю я почти не помню. Вроде мне докладывали, что Кондратенко ранен, но Каледин остановил-таки японцев на перешейке. Потом о готовности элинга... Просили дать приказ на перебазирование дирижабля... Потом пришел Гоша и пытался прочитать мне какое-то письмо, и я все никак не мог понять, кто и зачем меня ждет в Питере... Потом я увидел себя в своей квартире, в Москве две тысячи восьмого, и вообще чуть не сдох от отчаяния, решив, что в какой-то момент бессознательно сделал необратимый переход. И с каким же облегчением, снова разглядев над собой потолок вагона, я понял, что это был просто бред!

Зато придя в себя, я с удивлением почувствовал, что почти здоров. Плечо не болело, левая рука нормально все чувствовала и могла двигаться в пределах повязок, в голове была ясность, хотелось жрать и наоборот. Но первым делом я уточнил общую обстановку — то есть, слегка приподнявшись, глянул в окно. Там ничего не изменилось, а это значило, что перешеек точно наш, иначе мой поезд тут бы не стоял. «Ладно, — подумал я, — остальные новости узнаю в рабочем порядке». И разрешил засуетившейся сиделке известить врача и Гошу.

Гоша обрадовался моему цветущему виду и предложил сходить через портал для закрепления успеха.

— Знаешь, — с сомнением возразил я, — мне что-то не хочется. Во-

первых, как-то он в последний раз хреновато открылся, у меня, вообще, смутные подозрения, что дальше будет еще хуже и нам осталось ограниченное и не такое уж большое количество переходов. А во-вторых, я подозреваю, что в моем выпадении в осадок именно портал и сыграл не последнюю роль.

— Думаешь, он перестал лечить?

— Как раз нет. Он повышает способности организма к самолечению, так? У этого организма появляются дополнительные возможности для борьбы с поражающими факторами. А для моего организма самым вредным фактором был я сам! Метался по всему Ляодуну, нервничал... Вот организм, науськанный порталом, и потерял терпение: отрубил меня и тем обеспечил себе так необходимую ему неделю постельного режима. Ладно, а как там у тебя дела?

— Опять нервничать начнешь, — предположил Гоша.

— Не начну. Хоть приблизительно определили, сколько еще на дне прохода японский металлолом будет валяться?

— Не меньше полутора месяцев, — помрачнел Гоша.

— А что там вообще за корыто лежит?

— Транспорт на восемь тысяч тонн, причем набитый камнями. Макаров лично руководит работами, так что все делается с максимальной скоростью.

— Да, конечно, целый адмирал рабочих шпыняет, это впечатляет... Слушай, а если кто-нибудь ускорит работы, что ему за это будет?

— А тебе разве чего-то не хватает?

— Ну не полезу же я сам в воду, там мокро и холодно. Тут когда купальный сезон наступает, в мае? То есть еще месяц можешь не уговаривать, нырять не буду. Посижу на бережку с сигареткой да посмотрю, как водолазы этот хлам со дна за пару недель растащат... А им за это — разницу в стоимости работ, по-макаровски и по-моему. Идет? Водолазов должно быть четыре штуки.

Никакого особенного блефа в моем предложении не было, ведь у меня имелось четыре мощных сварочных агрегата, а к ним в качестве дополнительного оборудования и плазменные горелки. Немножко потренировать водолазов, чтобы научились не гасить дугу при погружении, — и вперед, пароход-то не бронированный, резаться будет почти как бумага. Это сваривать под водой надо уметь, а если требуется только кромсать, так ведь ломать — не строить.

— Так что присылай ко мне нырятелей, — подытожил я, — покажу им, что и как делать. Именно сегодня присылай, потому как завтра я хочу на перешеек съездить. И не возмущайся, я уже звонил туда и узнал, что вот там-то особых поводов падать в обморок нет. Хотя, конечно, в планах оно выглядело малость пооптимистичней...

ГЛАВА 32

Следующим утром я, как и собирался, приехал на перешеек. Тут было затишье. Положив около пяти тысяч своих солдат в трех штурмах, японцы четвертый день не проявляли активности. Наши войска находились на второй линии предполья, попытка задержать японцев на первой не удалась, хоть и обошлась нам почти в полсотни убитыми, не считая раненых. Среди последних оказался и генерал Кондратенко. Однако на второй линии самураи были остановлены. Впрочем, это были временные позиции. Первая линия основных располагалась в трех километрах позади, имея опорным узлом сопку Самсон. Штаб Каледина сейчас находился у правого подножия этой горы.

— Похоже, место сосредоточения у японцев в полутора километрах за передним краем, — поделился сведениями генерал. — Вон развалины видите? За ними непросматриваемая с нашей стороны лощина, похоже, там скоро будет людно... Ни гаубицы, ни минометы мы в дело еще не вводили.

— Вот это здорово, — обрадовался я. — А с минами они как, уже познакомились?

— Тоже пока нет. Как раз сейчас заканчиваем минные поля, во время предыдущих штурмов их тут не было. Но фронт слишком широкий, поэтому мы их делаем только по двум наиболее удобным для вражеского наступления направлениям.

Вернувшись с перешейка, я зашел на узел связи — вчера наконец-то прилетевший разведывательный дирижабль отправился в свой первый полет над Японией, и я ждал вестей от Собакиной. Они были, связь с ней уже состоялась, и теперь я читал донесения нашей Ксюши.

«Чухачи Ниномия, инженер, возраст примерно сорок лет. Энтузиаст авиации. В 1891 году построил первую летающую модель с резиномотором. В следующем — более крупную и совершенную, с пружинным. Эта модель уже имела крыло нормальной конструкции (передняя, задняя кромки, лонжерон, нервюры, двухсторонняя обшивка). Форма крыла — эллипс. — Тут я присвистнул: „Ну и ни хрена ж себе!“ — В 1901 году был командирован в Англию, где ознакомился с нашим „святогором“. Затем консультировался в Кембридже. Интуитивный

аэродинамик. Несмотря на отсутствие у него аэродинамической трубы, смог создать профиль, похожий на примененный в „тузике“.

Иочиро Токигава, возраст примерно двадцать семь. Капитан. Отлично знает сопромат и теорию машин. Неплохой летчик. Еще год назад доработал шасси „варриора“, так что оно стало даже лучше, чем у „пересвета“. В настоящий момент закончил проект по облегчению „спитфайра“ примерно на 100 кг, причем утверждает, что крутильная жесткость крыла даже повысилась».

Вот, значит, эта пара и ставит на крыло японскую авиацию, не испытывая недостатка в средствах. Пока у них еще нет своих моторов, но я не удивлюсь, если и в этой области проклюнется какой-нибудь самородок. В общем, около Токио, в Нагано, сейчас рождалась первая японская авиафирма «Нигихаяки дэнки». Хорошо хоть, что и летная школа там же. Кстати, аварийность у них была дикая даже по меркам нашей Ходынки, но это их нисколько не останавливало.

Так что потери в самолетах Япония сможет восполнить довольно быстро. А как с летчиками? Ну хоть тут-то нормально! То есть пилотов сравнимой с нашими квалификации у японцев нет вообще. Курс обучения на «варриоре», который у них называется «сейку», — три месяца, лучших отправляют учиться на «спитфайрах», а это еще три. То есть даже наш сержант-новичок, только что из летной школы, летает куда лучше самых опытных японцев. Кроме, может быть, этого Токигавы, который, по словам Ксюши, при некотором везении смог бы сдать на третий класс. Кстати, «спитфайр» ихнего производства будет называться «хаябуса»! Прямо чем-то родным повеяло...

За время моего лежания накопилось немало и других новостей, причем главные были из Питера и с Индийского океана.

Паша добрался-таки и до англичан, захватив их судно «Мюррей». Я почитал его доклады.

Остановился корабль по первому требованию, но досмотровую команду на борт пытались не допустить, пришлось дать пару очередей поверх голов. И все равно капитан «Мюррея» не понял серьезности обстановки, не хотел открывать трюм, а потом и вовсе распоясался: бросился на Пашиного лейтенанта и нанес ему сильнейший удар яйцами по ноге. Понятно, что лейтенант этого не стерпел, так что дальнейший осмотр судна проходил в компании первого помощника. В общем, на этом корыте

было полно взрывчатки, деталей к орудиям и еще много чего. Правда, грузов, которые нельзя было бы признать военной контрабандой, там не обнаружилось вообще. Так что Паша с чистой совестью арестовал судно и уже начал помаленьку прикидывать, кому бы его повыгодней загнать вместе с грузом.

Однако англичане взвились и подняли совершенно жуткий визг. Мол, нарушение международного права, груз мирный... Это при том, что перечень этого «мирного» уже появился в немецких газетах, причем с фотографиями! Ну совсем совесть потеряли, ей-богу. И реагировать начали как-то насквозь нелогично. Казалось бы, обидела вас Черногория — так возьмите лупу посильнее, найдите на карте эту страну и адресуйте туда все свои претензии! Так нет, нашли, понимаешь, крайнего, то есть Николая, и первым делом начали давить на него, правда, поначалу неофициально. К царю явились адмирал Авелан с министром иностранных дел Ламсдорфом и заявили, что пароход надо бы вернуть, а то англы очень обидятся... Но Мари была уже предупреждена и сейчас изображала из себя защиту и опору своего травмированного со всех сторон старшего сына. Именно она задала этим господам вполне резонный вопрос: а мы-то тут при чем? Не брали мы этого парохода! А раз говорим «не брали», значит, не отдадим.

Потом появилась и официальная нота Черногории, но тут явно нашла коса на камень. Черногорский Никола Первый ответил, что все происходит в полном соответствии с морским правом, и предложил во избежание недоразумений в дальнейшем создать где-нибудь в Гааге международный суд. Причину такой твердости духа я знал совершенно точно — Гоша отчислял тому Николе двадцать процентов со своих спекуляций на шумихе вокруг действий Пашиной эскадры, и уже первый взнос совсем чуть-чуть недотягивал до годового бюджета Черногории. В случае же войны с Англией цифру обещано было поднять до сорока процентов! Ну и национальная гордость опять же, — нотами вон на равных с Англией обмениваемся... Так что тут думать надо было скорее о том, как в случае чего удержать Черногорию от слишком активных действий.

Еще раз перечитав все относящееся к данной теме, я отправил три короткие радиogramмы — в Питер, Георгиевск и Николаев. И на следующий день, в прямом смысле поддерживаемый матерью, наш Николай сделал заявление: Россия не собирается отказываться от своих союзнических обязательств.

А в Николаеве сошло со стапеля и закачалось на волнах судно, которое все интересующиеся тут же узнали. Не узнать было невозможно — два

узких поплавок и стальная коробка с сильно скошенной передней частью между ними! То есть это был явно систершип «Геры» и «Машки», только, в отличие от них, он родился уже военным. На поплавках стояли трехдюймовки, в перемычке хорошо были видны торпедные аппараты, а на крыше надстройки смотрела в небо катапульта. Взрывая тринклерами, корабль неспешно направился к морю.

По городу начали расползаться слухи: так вот, оказывается, что весь последний год делал завод — знаменитые крейсера-невидимки! Их тут якобы заложено сразу не то десять, не то двадцать штук...

На самом деле их там было заложено всего три. На скорую руку сваренный из отходов основного производства железный каркас, обшитый досками, и два одноцилиндровых тринклера с выработавших ресурс сварочных агрегатов — вот что представляли собой эти посудины. Но внешне их было невозможно отличить от настоящих катамаранов, да и тринклера рычали не хуже своих в тридцать раз более мощных собратьев...

Первый корабль назывался «Яуза». Говорили, что со дня на день будут спущены на воду «Протва», «Клязьма», «Нара» и «Пахра». И что практически готов флагман этой эскадры, крейсер-катамаран «Вобля», вооруженный чем-то вовсе чудовищным. Действительно, на надстройке у него вместо катапульты торчали две черные трубы с серебристыми решетчатыми раструбами, — правда, что это будет за оружие, я еще не придумал.

А «Яуза» объявила, что идет в Черногорию на помощь союзникам, и вышла в море. Это, конечно, был немалый риск — уродец мог потонуть от малейшего волнения, но обошлось, ему всего-то и надо было скрыться за горизонтом.

Турки заявили, что не собираются пропускать крейсер через Босфор... Но на следующий день в черногорском порту Бар вдруг откуда ни возьмись появился характерный низкий силуэт. Пушки на поплавках были расчехлены, в небо грозно смотрела катапульта с уже установленным на ней «тузиком»...

По Бару разошлись слухи, что Черногория купила у русских этот чудо-корабль и к нему в придачу еще четыре точно таких же. Да ему и одному в пять минут утопить два новейших броненосных крейсера — раз плюнуть...

Это был второй из трех муляжей.

С момента захвата «Мюррея» прошла неделя, а Англия так ничего и не объявила: ни войну Черногории, ни Пашу пиратом... Правда, находящийся недалеко от места событий крейсер «Кинг Альфред» получил приказ обеспечить безопасность судоходства в регионе, во исполнение которого

поднял в воздух свой разведывательный самолет. Так как с радиоперехватом и авиаразведкой у Паши никаких проблем не было, то этот самолет бесследно исчез в первом же полете, и «Кинг», строго говоря, ослеп. Пашина эскадра могла видеть его за сто пятьдесят километров, а он ее только за двадцать пять. К тому же задача усложнялась тем, что эта эскадра при движении не дымила.

Тем временем японцы закончили сосредоточение сил для новой атаки перешейка, но вместо нее состоялась демонстрация Калединым возможностей гаубиц и минометов. По артиллерийским батареям отработали «тузики», и желание наступать у противника пропало — особенно после того как один отмороженный на всю голову их полк с криком «Банзай!» учинил атаку на минное поле. Правда, японцы нашли действенный метод борьбы с самолетами — залповую стрельбу побатальонно. Был сбит один наш «тузик», который упал вместе с бомбой как раз на тот самый батальон. По остаткам этого батальона потом отбомбились пять других самолетов, а уцелевшим добавили из пулеметов.

«Машка» была снабжена третьим поплавком — подвесным баком — и отправлена в Индийский океан для связи с отрядом Вирениуса. Ему предлагалось малость обождать, не торопиться к нам — ведь пока Порт-Артур заблокирован, на перехват отряда японцы смогут выделить весьма значительные силы. Из Лос-Анджелеса навстречу Вирениусу уже был отправлен угольщик, который им будет якобы захвачен и станет сопровождать его отряд.

Кстати, этот отряд состоял из весьма своеобразных боевых единиц. Его флагман, броненосец «Ослябя», на самом деле представлял собой помесь броненосца с крейсером, причем от каждого из родителей это дитя взяло только худшие черты. Кроме того, у него имелась и своя личная особенность — немереный аппетит. Жрал этот ублюдок, как два броненосца наподобие «Полтавы».

Вторым был крейсер «Аврора» — да-да, тот самый. Но тут ему предстояло не бабахать из носовой пушки, подавая сигнал к началу новой эры, а воевать с японцами. Однако с этим были проблемы. Он был слишком тихоходным и слабовооруженным — ни подраться толком, ни убежать...

Третьим стал крейсер «Алмаз», по сути, океанская яхта, только с двумя трехдюймовками. Тоже не подарок, по боевой мощи он уступал любому из Пашиных кораблей, но у меня на эту посудину уже имелись свои планы.

Кроме того, отряду зачем-то были навязаны два миноносца. Они гирей

висели на ногах Вирениуса, сковывая и без того весьма невысокую подвижность отряда, поэтому тот просто мечтал от них избавиться. «Машка» как раз и везла такой приказ, но с небольшим уточнением: избавляться следовало в заранее обусловленном месте, чтобы Одуванчик мог их легко подобрать, — он уже нашел миноносцам какое-то применение.

И наконец, пришли две замечательные новости. Одна из Георгиевска. Она заключалась в том, что испытания первой партии «кошек» закончены, Маша грузит все шесть штук в эшелон и, добавив туда еще пяток новейших «бобиков» с двухсотсильным движком и двумя четырехлинейными пулеметами, выезжает на Дальний Восток.

Вторая новость была из Николаева и относилась к миру зоологии. Вопреки официальным канонам этой науки в семействе «ракообразных» появилось два новых члена — «Мангуст» и «Комар». Нет, Налетов, разумеется, так их не называл. Но надо же было самому, своей рукой написать их имена! А он просто велел секретарю.

Секретарь был местный, из Николаева, и слово «лангуст» было ему незнакомо, — ну не продают на николаевском базаре таких зверей! Зато он читал Киплинга... С омарами в Николаеве тоже была напряженка, так что вторая лодка получила и вовсе имя насекомого. А когда спохватились, было поздно, названия судов уже фигурировали во многих документах.

Пока, в силу неясной международной обстановки, было решено оставить эти лодки на Черном море. Вдруг придется защищать воды братской Черногории? Тем более что тамошняя «Яуза» за неделю протекла настолько, что ее потихоньку разобрали в укромном месте, пока сама не затонула. Правда, это только добавило кораблю популярности. Ведь всем уже было известно, что он невидимка! В порту (без всякого нашего участия, кстати) появились пацаны, за небольшие деньги показывавшие зевакам, где сейчас находится «Яуза». Просто надо сложить пальцы особым крестом и, прищурившись левым глазом, смотреть сквозь них... Самое интересное, что многие из последовавших этому совету действительно что-то такое видели, но без подробностей. «Это потому, — объясняли пацаны, — что у вас пальцы толстые, вот и видимость получается плохая».

ГЛАВА 33

В середине апреля японцы наконец-то перешли к активным действиям на суше, но не на перешейке. Не ввязываясь в драку с отрядом Засулича, они просто обошли его, переправившись через Ялу километрах в сорока выше, и, кроме того, высадили десант в тылу отряда. Радиосвязи с Засуличем у нас не было, так что происходящее там я знал только по донесениям из Чемульпо и радиограммам от Михаила — его штаб был рядом с куропаткинским, в Лаоляне, но ничего хорошего не ожидал. По моим сведениям, приказ «зарыться в землю» Засулич злостно игнорировал. А чего еще можно было ожидать от человека с такой фамилией?

Как раз в это время Куропаткин предпринял неуверенную и половинчатую попытку разблокирования Ляодунского полуострова с суши, отправив тридцатитысячный отряд Штакельберга атаковать стоящих против нас японцев с тыла. Сам Куропаткин, насколько я был в курсе, подобных действий не планировал и пошел на это только под давлением военного министра Сахарова (то, что Куропаткину может приказывать еще и этот тип с диссидентской фамилией, неприятно поразило не только меня, но и Гошу).

Правда, поход Штакельберга завершился сравнительно неплохо. Наткнувшись на первые признаки обороны японцев и сочтя местность перед ним непригодной для наступления, генерал с чувством выполненного долга вернулся в Лаолян.

А у нас счет времени до окончательного разблокирования фарватера с внутреннего рейда Порт-Артура пошел на дни. Пока же водолазы резали на части и растаскивали покоящийся в проходе японский транспорт, «Цесаревич» был кое-как отремонтирован, а «Ретвизан» приведен в такое состояние, что его можно было рискнуть дотащить до дока в Дальнем. Сразу же после выхода артурской эскадры на волю планировалась проводка отряда Вирениуса в Порт-Артур. Конечно, корабли этого отряда по своим характеристикам больше подходили для Владивостока, но с ними шел транспорт «Смоленск» и вез снаряды — в основном для главного калибра и более чем наполовину нормальные, то есть без экономии веса, а такой подарок был нужен именно здесь.

И наконец двадцатого апреля настал знаменательный день.

Я отправился к Каледину и со мной увязался Гоша. Нет, на сухопутном фронте ничего особенного не предвиделось, мы смотрели в небо. Но приближение «кошек» мы не увидели, а услышали...

Самолетов еще не было видно, но в воздухе появился еле слышный гул, с каждой минутой все более явственный. Он ничем не напоминал несолидный треск или, на форсаже, истошный визг двухтактников...

Наконец показались и сами самолеты. Они шли двумя тройками на высоте порядка четырех километров. Вот под ними уже позиции японцев...

Ведущая «кошка» вдруг свалилась на крыло и вошла в пике, от нее отделились две бомбы. Вслед за флагманом отбомбились и остальные — хорошо хоть, что из пике они выходили высоко, километрах на полтора, а то как бы не сбили кого ненароком!

Пролетев над нами, «кошки» начали снижаться. Гоша запрыгнул в свое авто и умчался встречать любимую, а я остался. Никуда Маша не денется, а тут должно пролететь еще пять «бобиков».

«Кошки» могли без проблем лететь сюда аж от Мукдена с полной бомбовой нагрузкой, а для «бобиков» расстояние было великовато даже с подвесными баками, так что они взлетали с аэродрома под Инкоу. Ну вот и они... один, два... все пять. На душе отлегло, я тоже сел в свою «оку» и велел потихоньку везти меня на аэродром. Теперь операции уже можно было планировать не только внутри семидесятикилометрового круга! С полутонной бомб на борту (правда, таких у нас не было, пока наш ряд ограничивался соткой, двухсоткой и четырехсоткой) сухопутная «кошка», «муська», могла пролететь восемьсот километров. А из Георгиевска пришла весть, что и две морские «мурки» скоро будут отправлены по назначению, то есть к нам, а эти самолеты были специально приспособлены для базирования на «Мономахе».

На аэродроме царила суэта. Прибывшие самолеты растаскивали по капонирам, кто-то взлетал на патрулирование, кто-то садился после него... Из ангара потихоньку выплывал дирижабль — он должен был сделать несколько рейсов в Мукден за запчастями для новых самолетов. Лететь он должен был на шести километрах, так что противника опасаться не стоило.

Прямо с аэродрома наша троица на двух машинах отправилась в Артур, во дворец наместника, где предполагался праздничный обед по случаю прибытия полковника (или полковницы?) княгини Ла-Маншской. Надо сказать, что мундир этой княгине весьма шел.

— Как-то у вас тут все не очень воинственно, — поделилась своими

впечатлениями Маша ближе к концу обеда. — Я-то думала, что лечу в осажденный город наподобие Сталинграда, а тут... народ по кабакам гуляет, дама вон с собачкой по дороге встретилась... Да и на перешейке сплошная тишь и благодать.

— Вот-вот, — вскинулся я, — именно что была благодать, пока некоторые не поналетели и бомбами швыряться не начали! Ну и чего бы тебе запчастей не взять, если уж так не хотелось лететь порожняком?

— Много не возьмешь, все равно дирижабль гонять пришлось бы, — пояснила полковница, — а тут появилась возможность устроить тренировку экипажей в боевых условиях.

— Это боевые условия? — возмутился я. — Без разведки, вообще без ни фига выкинуть дюжину двухсоток! Мне уже донесли о результатах твоей бомбардировки: повреждена одна пушка и разрушен сарай с чем-то негорючим и невзрывающимся. Вот если бы сам не сидел у тебя на содержании, вычел бы из твоего жалованья стоимость этих бомб, ей-богу! Дальность «кошек» опять же засветила... Теперь япы знают, что эти самолеты могут не то что без подвесных баков, но даже с бомбами пролететь четыреста километров. Ну и что, если на самом деле они могут вдвое больше, — японцам и этого знать не полагалось. Гоша, а ты что улыбаешься, объяви ты этой заразе выговор построже, раз она еще под мое командование не поступила!

— Нынче же ночью! — фыркнула зараза. — И, кстати, насчет содержания. Твой Одуванчик, как ни странно, оказался чуть ли не самым выгодным нашим вложением капитала. Уже сейчас полторы тысячи процентов чистой прибыли! А ты ну прямо как ростовщик-кровопивец, еще небось и не все копейки с его долга списал?

— Обижаешь, все списал сразу после захвата «Мюррея», теперь Паша себе в плюс работает.

— Вот только не объявят ли нам англы войну из-за этого дела? — несколько обеспокоенно спросила Маша. — А то в Питере они прямо как с цепи сорвались, Ники совсем задолбали, сестра Марии Федоровны ей по три письма в день шлет, в Георгиевске уже отловленных агентов девать некуда. Мне Беня жаловался на предмет дополнительного финансирования... А прямо перед моим отъездом и вовсе такое учинили!

— Вот гады! — радостно подтвердил я. — Действительно, и как у них совести-то хватило? Я, чтоб скрасить любимой женщине горечь разлуки, перед отбытием подарил ей свой портрет. Но не простой ведь, а в парадном мундире, вы оцените! И голографический, между прочим, да еще со светодиодной подсветкой! А эти редиски его сперли... Причем не смогли

чисто сработать, полкабинета вверх дном перевернули, уроды. Одно утешение — теперь этот портретик наверняка изучают где надо и делают соответствующие выводы. Так что пока они будут не войну объявлять, а пытаться разобраться в ситуации — действительно ли катамараны могут становиться хоть относительно невидимыми?

— И насчет твоей докладной записки в морское ведомство тоже какой-то шум поднялся, — вспомнила Маша.

— Что за записка? — не понял Гоша.

— А, это я перед отъездом туда коммерческое предложение отправил. Мол, разработана аппаратура, делающая корабль невидимым, а в качестве обоснования изложил основы голографии. И значит, всего за одиннадцать миллионов взялся установить это на любой корабль флота, только чтобы он был не длиннее пятидесяти метров и имел на борту динамо-машину в полтора мегаватта. В случае оптового заказа даже скидки предлагал! Но не прониклись, консерваторы фиговы, не стали раскошеливаться... Ну а теперь, понятное дело, этот документик английская разведка изучает.

На этом я покинул молодежь, видно было, что в силу предыдущей долгой разлуки мое общество в данный момент начинает становиться лишним.

Ближе к обеду следующего дня Гоша явился на узел связи, где я ждал очередного донесения от Татьяны, и наконец-то поговорил со мной на общие темы. По нему было видно, что давно собирался.

— Может, тебе как-нибудь получше подлечиться? — осторожно начал он. — А то ты хоть и перестал на ходу падать, но все равно какой-то не такой. Как будто надорвался в том бою... Отряд Засулича окружили — ты только и сказал, что небось не окапывались. Штакельберг вместо операции по разблокированию перешейка какую-то комедию устроил — ты послал пару самолетов посмотреть на происходящее, и все. С этим японским пароходом сколько возимся, только сейчас его убрали с фарватера. Да я уверен, если бы ты всерьез за него взялся, его бы уже месяц как там не было! В чем дело?

«Сказать, что ли, ему правду», — подумал я. И действительно сказал:

— В тебе. Мы о чем договорились еще год назад? Не мешать японцам! Пусть на здоровье войну выигрывают, если правильно вести дела, так они ее выиграют сами у себя. А тебя вдруг на подвиги потянуло, блин, во славу русского оружия! С какого перепуга отряд Засулича вообще на Ялу оказался, ведь решили же не распылять силы! Там нужен был небольшой отряд казаков, и все. Кстати, не окопался он потому, что в русской армии

это сейчас вообще никто не делает, исходя из откровений Драгомирова. Ты, между прочим, обратил внимание, что в Георгиевске у калединской бригады строевой подготовки почти не было? Да потому что я, как только песню слышал, тут же звонил Каледину и спрашивал, какого лешего его солдаты землю не копают! Ничего, удалось приучить за полгода, что в боевых условиях солдат должен проводить свободное время исключительно с лопатой... Сейчас он до Кондратенко эту мысль довести пытается.

— Но у Куропаткина-то тоже как у всех! — возразил Гоша.

— Почти. Михаил ведь не только комдив номер два, он еще и твой зам как наместника. Вот и капает помаленьку на мозги Алексею Николаичу, что рыть надо глубже и интенсивней. А Штакельберг, кстати, молодец, ты уж его награди чем-нибудь висячим поперек пуза. Получил дурацкий приказ и ухитрился выполнить его с минимальными потерями! Уважаю.

— А почему же у тебя сейчас Каледин на позициях ничего не копает? — осведомилось высочество.

— Да потому, что японских шпионов хоть и проредили, но не до конца. И полуостров хоть и закрыт, но нет-нет кто-то на лодочке и сбежит. Поэтому рыть-то он роет, но не там, где сейчас передовая, а на второй и третьей линиях основной позиции. И так, чтоб со стороны видно ничего не было! То есть и ему тоже благодарность надо, раз ты ничего не заметил. А ту линию, где он сейчас сидит, мы сдадим японцам после первого же серьезного штурма. Я только одного боюсь, не сглазить бы, уж больно хорошо у нас все пока идет...

— Хорошо?! — возмутился Гоша. — Это ты называешь хорошо? А как же, по-твоему, тогда выглядит плохо?

— Вот если мы начнем терять хотя бы половину от того, что теряют японцы, будет плохо, можешь не сомневаться. А начнем, если они всей силой ударят по Куропаткину! Ведь как замечательно получилось, — из-за того что наш флот оказался заперт, японцы перенесли центр тяжести с Ялу сюда! Высадке-то никто не мешает, даже самолеты, хотя эти и могли при желании чуток подгадать... По моим сведениям, против нас уже полторы армии. И если мы их уложим тут, на перешейке, будет совсем другая война! А не штурмовать Артур японцы не могут, это у них национальная идея фикс — получить его обратно взад. Но если их штурмы не будут давать ничего, кроме диких потерь, так ведь они могут и решить сначала разгромить Куропаткина! А у него чисто географически условия для обороны хуже, чем тут, да и армия не чета калединской бригаде. То есть сейчас главное — не спугнуть! А ты тут все в бой рвешься, благостную

картину мне портишь... Я ведь про тебя статью пишу, на примере аналогии с Кутузовым, только ты у меня выведен малость покруче. «Бескровная победа» называется, так что не мешай полету творчества! Лучше сходи в соседний вагон, помоги Маше еще миллион-другой приватизировать. Я серьезно, ведь то, что вы кладете себе в карман сейчас, идет прямо из английских карманов! И значит, до японцев эти деньги уже никак не дойдут.

— Тебя послушать, так вовсе ничего делать не следует, — хмыкнул Гоша, — но отряд Вирениуса-то надо провести — хоть к нам, хоть во Владик.

— Только, пожалуйста, без драки! — попросил я. — При всем моем уважении к Макарову не верю я, что он сейчас сможет выиграть у Того. Вот обмануть его — это у нас общими усилиями может и получиться... Про «Смоленск» и снаряды на нем Того в курсе, так что понимает, куда этому судну надо плыть. А вот про американский угольщик еще вряд ли... В общем, подумайте со Степаном Осиповичем, как сделать, чтобы Вирениуса ловили совсем не там, где он будет, даже если для этого и придется направить его во Владик. Вы, главное, сочините соответствующую дезу, а уж задвинуть ее японцам я помогу.

— Вам радиограмма, — отвлек нас от беседы дежурный по узлу.

Я взял бумагу и прочел. Ну что же, чего-то такого и следовало ожидать... Один из пойманных Беней анархистов оказался завербован английской разведкой, и задание у него было ликвидировать меня. Он, собственно, и попался на том, что больно уж активно рвался добровольцем на фронт, причем обязательно в Порт-Артур. И вряд ли англичане будут надеяться только на этого хмыря, так что в ближайшее время у нас тут может стать оживленно.

— Видал? — показал я бумажку Гоше. — С их точки зрения, между прочим, и тебя грохнуть будет тоже очень к месту. Так что с сего дня прекращаем шастать по Ляодуну без охраны — мало ли что...

В этот момент нас снова прервал дежурный, но на сей раз он буквально влетел в купе.

— Сверхмолния из Георгиевска! — выкрикнул он.

Такой шифр мог присваиваться только совершенно исключительным сообщениям, и меня следовало извещать немедленно, даже не дожидаясь конца приема.

Я кинулся к радиостанции, Гоша за мной. Радист быстро писал текст, и я, заглянув ему через плечо, увидел: «...покушение на МФ сегодня девять двадцать...» — Я быстро глянул на часы, вычел разницу во времени,

получилось двадцать минут назад. «Состояние тяжелое, предположительно отравление, находится Аничковом...»

Не оставив Гоше времени тоже вникнуть в текст, я схватил его за руку и быстро втащил в купе, из которого мы только что вышли, успев приказать дежурному и радисту забыть, что мы здесь вообще были.

— Готов? — спросил я. Гоша кивнул. — Открываем в коттедж!

ГЛАВА 34

Переход на Торбеево получился хоть и не так легко, как раньше, но все же далеко не на пределе сил, что внушало некоторый оптимизм. Я плюхнулся в кресло, вытер лоб рукавом.

— Ну чего ты стоишь, садись, у нас все равно перерыв в аврале, — предложил я Гоше, а то у него был такой вид, будто он прямо сейчас собирался куда-то бежать.

— Ох, правда, спешить теперь некуда, — выдохнул он и сел напротив. — Ты отдыхать сколько будешь? Час, день?

— Думаю, полчаса, — предположил я, беря с полки телефон, — а вообще-то как раз до приезда медиков.

В телефоне тем временем отыграла музыка и голос моего знакомого, доктора Димы, сообщил мне:

— Да, Жора, слушаю.

— Привет, Дима. Тут, значит, у нас как раз произошло то самое, про что мы договаривались. Насколько я понимаю, отравление, причем довольно тяжелое. Но больную привезут сюда только через полчаса, так что особо не спеши, но и не тяни, пожалуйста.

— Подробности?

— Я их не знаю. Женщина что-то съела, и через десять минут ей стало плохо, а еще через десять совсем плохо. Ну и чем дальше, тем хуже.

— Ясно, ждите, — сказал доктор и отключился.

Год назад по времени Гошиного мира и неделю назад этого я познакомился с одним живущим недалеко врачом «Скорой» и предложил ему подработать, то есть весьма небесплатно быть готовым к тому, что в моем коттедже вдруг появится больной или раненый и его придется срочно вытаскивать с того света.

Через двадцать минут в ворота коттеджа въехала машина доктора, и мы с Гошей открыли портал в Аничков дворец, в мою комнату. На всякий случай, вроде этого, я сделал замок в ее двери открывающимся изнутри, и вот пригодились.

Мы выскочили в коридор, где на нас оторопело уставился какой-то лакей.

— Где императрица? — спросили мы чуть ли не хором.

— В спальне...

Мы галопом понеслись на второй этаж и ворвались в хорошо знакомую мне спальню. Там толпилось человек пять, так что из-за них Мари было и не видно.

— Всем немедленно покинуть комнату! — властно гаркнул Гоша. Народ оторопел.

— Кому-то неясно, в седьмой отдел тянет? — осведомился я. — Все вон, мигом!!!

Народ сбросил оцепенение и ломанулся к дверям. Но наклонившийся к кровати высокий худой мужчина, кажется, лейб-медик императрицы, на наши вопли не прореагировал.

— А вас что, мне вручную выкидывать?! — возмутился я.

— Да хрен с ним, потом пристрелишь, спешить надо! — крикнул Гоша.

Отшвырнув лейба, я сгреб Мари вместе с одеялом и шагнул к стене. Или мне показалось, или портал открылся еще чуть труднее... Но открылся, и мы ввалились в гостиную коттеджа. Я только успел положить Мари на кушетку, мельком глянуть на нее (вроде жива), как вбежал доктор Дима с помощником. Я отошел к окну, чтобы не мешать специалистам.

По словам Димы, Мари отравили мышьяком. Я даже почувствовал некоторую обиду — все-таки царственная особа, а ее потчуют таким тривиальным ядом, чуть ли не дустом... Но с другой стороны, теперь ее жизнь была вне опасности. Мари мирно лежала под капельницей, с промытым желудком и кишечником.

Доктор пробыл у нас до вечера и отчалил, только убедившись, что помирать пациентка не собирается. Уходя, он велел его звать, если что, и с уважением сказал, что у больной очень сильный организм.

Еще сутки мы с Гошей по очереди дежурили у постели Мари Федоровны. Забежавший ненадолго доктор сказал, что все нормально, капельница больше не нужна, кризис прошел.

На следующий день Мари уже полноценно пришла в себя и попыталась встать. Я говорю именно попыталась, потому как с этим пришлось малость подождать — и отнюдь не из-за медицинских соображений. Просто на момент эвакуации ее из того мира на ней было находящееся в умеренном беспорядке нижнее белье, а в результате медицинских процедур и прочего этот беспорядок стал откровенно неумеренным. Но запаса дамской одежды соответствующего размера в коттедже не было. Имелись, правда, Машины тряпки... Вот только джинсы

моей племянницы достали бы Мари поясом как раз до подмышек. Я поискал юбку и таки нашел — кожаную, практически подходящую по диаметру, и к ней соответствующую блузку, но мои старания оценены не были — Мари отказалась надевать «это» под предлогом крайней неприличности наряда. И чего, спрашивается, тут неприличного, юбка была даже длиннее моих трусов... Но пришлось ехать в Сергиев Посад за бельем и одеждой. Несмотря на полное отсутствие опыта подобных покупок, я справился. Мари надела привезенные мной тряпки и встала.

Относительно того, что сейчас время в ее мире стоит, она была уже в курсе и поэтому никуда не торопилась, как должное приняв необходимость еще на пару дней остаться в моем коттедже.

— Я беспокоилась за Ники, — пояснила она, — но раз мы вернемся в тот же момент, можно не спешить...

— А чего за него беспокоиться? — поинтересовался я.

— Но ведь и его тоже... — растерянно пояснила императрица.

— Что? — не понял Гоша.

А я уже начинал подозревать, что понимаю...

— Так тебя траванули не в тихой домашней обстановке, а на каком-то сборище? — уточнил я.

Мари возмущенно глянула на меня («Джордж, мы же не одни!» — читалось в ее глазах), но ответила:

— Я пригласила на завтрак графа Ламсдорфа, чтобы обсудить с ним письмо моей сестре. Но тут без приглашения приехал Ники, еще до графа... Завтракали мы вдвоем. Вдруг Ламсдорфу стало плохо, он извинился, секретарь помог ему выйти. А потом плохо стало мне...

— Разберемся, — пообещал я, — кому там стало хорошо, а кому не очень... Но это значит, что если инициатором покушения был не Николай... — Мари снова одарила меня взглядом, — то по возвращении мы застанем его в очень тяжелом состоянии. То есть еще и на него портал придется тратить, когда вообще неизвестно, сколько их осталось!

— А что, ты предлагаешь не делать ничего? — нахмурился Гоша.

— Наоборот, много чего, и исключительно в комплексе. С собой мы возьмем антидот, первый укол я ему и сам сделаю. Потом перетащим сюда на растерзание медицине. Как очухается — сразу бумагу ему под нос, пусть отречение подписывает по состоянию здоровья. Подпишет — вернем семье здоровым. Разве только с соблюдением некоторых мер предосторожности. Прошу присутствующих утвердить этот план.

— А что за меры? — поинтересовался цесаревич.

— Например, торпедировать его лошадиной дозой. Вернется и огласит

отречение — предупредим, что полгода ему вообще нельзя ни капли, да и потом придется употреблять с осторожностью. Не огласит — предупреждать не будем... Я серьезно, так что, ставим вопрос на голосование?

В комнате повисло тяжелое молчание. Наконец его нарушила Мари:

— Кажется, на военных советах первым говорит младший по званию? Тогда я — за.

— Следующий я, мое мнение и так известно. За.

— За, — кивнул Гоша.

— Ну значит, начинаем потихоньку, без спешки, собираться. Мне тут надо отъехать на полдня по поводу всякой медицинской химии...

Наше появление в спальне Аничкова дворца добило пытающегося подняться с четверенок тамошнего врача. Вот только что эти двое шагнули к невесть как образовавшейся дырке в стене, утаскивая с собой находящуюся при смерти императрицу, — и вдруг дырка исчезла, а стоят уже трое! Причем императрица мало того что имеет нормальный цвет лица, стоит на своих ногах, совершенно не собирается помирать, так еще и одета непонятно во что.

Я подошел и рывком поднял его на ноги. Он с ужасом глянул на меня и даже, кажется, попытался перекреститься дрожащей рукой...

— Значит, так. Вы уже поняли, что видели то, чего вам лицезреть было совершенно не положено. Слышали, что относительно вас предлагал его высочество? В общем, хотите дожить до вечера — сидите тихо и из дворца ни ногой. А теперь отвечайте — где Николай?

— У... уехал... ему тоже стало плохо, он позвонил Гиршу...

— Куда уехал?

— В Зимний...

Я снял трубку телефона:

— Зоя? Это Найденов. Обоих фрейлин в полном снаряжении — в спальню к Марии Федоровне, а меня соедини с гаражом... Гараж? Бронемашину на выезд в сопровождении дежурной смены, вооружиться автоматами, действуйте.

Мари осталась изображать из себя с трудом выздоравливающую страдальцу, а мы в сопровождении «нары» с десятком бойцов помчались к Зимнему. Что там говорил доктор Дима про Мари? Еще десять минут — и спасти было бы некого... Выходит, одна надежда, что Ники досталась доза поменьше.

Нас еще и не сразу пустили, охрана Зимнего пыталась выступить, тогда

Гоша, плюнув на конспирацию, позвонил прямо из автомобиля... Наконец мы оказались в небольшой комнате на втором этаже южного крыла. И прямо от дверей я понял — спешить некуда, аптечку я тащил зря, около живого так не стоят...

Впрочем, медицинский чемоданчик мог бы пригодиться, будь у меня хоть малейшее желание его использовать, — наше появление повергло собравшихся в шок. Кто-то пузатый шумно грохнулся в обморок, остальные стояли разинув рты...

«Эх, сказать бы теперь что-нибудь значительное, — подумал я, — типа „какой светильник разума угас!“. Хотя, пожалуй, это будет перебор... Да о чем это я, у меня всего десяток автоматчиков на весь дворец! А тут сейчас могут начаться очень интересные события, как народ очухается».

От группы возле новопреставленного отделилась могучая фигура и молча встала рядом с Гошей. О, и генерал-адмирал тут, уже лучше...

Я тоже подошел к цесаревичу и негромко сказал:

— Ваше величество, разрешите в силу чрезвычайной ситуации принять дополнительные меры по охране дворца.

— Действуйте, генерал, — кивнул мне Гоша.

Я повернулся к старшему охранной десятки и приказал:

— Бегом в машину, оттуда радируйте в Гатчину, пусть срочно присылают сюда воздушно-десантную роту с полным боекомплектom. Далее, для охраны аэродрома оставить минимум, остальные боеспособные подразделения батальона аэродромного обслуживания сюда. Потом циркулярно передадите сигнал «Шторм». Выполняйте!

Через час дворец начал заполняться десантниками (вовремя я сподобился создать эту роту!) в полном снаряжении, включая лопатки. Потом с моря донеслись залпы — это находящиеся в Кронштадте корабли, приспустив флаги, салютовали безвременно усопшему императору... А к Гоше уже образовалась очередь из наиболее шустрых, которым вдруг засвербело срочно принести ему присягу. В Питер по сигналу «Шторм» летели Татьяна, Бенья и Константин Аркадьевич, но пока они долетят... Да и если вспомнить, как Костя боится полетов, аж до икоты, — вряд ли он прямо в воздухе напишет Гоше подходящую к ситуации речь. А надо срочно, так что придется самому напрячь извилины. Так, начинаем с обращения. Граждане? Не поймут юмора... Братья и сестры? Вроде рановато... Россияне? Пожалуй, сойдет, ведь надо подчеркнуть, что обращение идет ко всем. Ну вступление понятное — рука наймита вражеских сил вырвала из наших рядов... Блин, да кого же... Нет, не

вырвала, а это самое — осиротила нацию. Или Россию? Подлый удар пришелся по лучшему, прям-таки по уму, чести и совести нашей эпохи! Но враги просчитались — есть кому поднять выпавшее из ослабевших рук знамя, есть! И над телом невинно убиенного старшего брата, великомученика земли русской, я клянусь...

«Все, в уме дальше не получается», — подумал я и велел срочно доставить из Аничкова дворца стенографистку.

Прочитав мое творение, Гоша сделал несколько полезных добавок. В частности, я забыл упомянуть о Мари, а следовало! Так что в речи появилось и упоминание о лежащей при смерти императрице. Надо будет, значит, печатать бюллетени о ее здоровье и вывешивать в общественных местах. Кстати, потом Гоша вставил кусок и обо мне. Мол, в этот тяжелый момент рядом с ним находится его верный соратник, всем известный генерал Найденов, князь Порт-Артурский, который железной рукой обуздает воспрянувшую вражью силу! Про ежовые рукавицы, малость подумав, решили не писать.

В два часа дня император Георгий Первый произнес речь с балкона Зимнего дворца. Говорил он хорошо, громко и с чувством, да и его вид — в авиационном полевом мундире, с кобурой на пузе — тоже внушал уважение. Над Россией явно вставала заря чего-то нового... Знать бы еще чего. Впрочем, через три часа ВВП-«рассвет» сядет прямо на Дворцовой площади, и будем общими усилиями разбираться в ситуации.

В подконтрольные нам газеты Гошина речь была отправлена заранее, и там уже начинали набирать экстренные выпуски.

Ближе к вечеру мы с Гошей наконец-то смогли в более или менее спокойной обстановке обсудить ситуацию. Уже были опрошены все присутствовавшие при последнем получасе жизни бывшего императора...

— Он, похоже, чувствовал, что ты где-то рядом, — поделился я сведениями со свежееобразовавшимся величеством. — В бреду звал тебя, а незадолго до кончины пришел в сознание. При свидетелях сказал, что вручает судьбу России тебе и что отменяет пункт о равнородности в законе о престолонаследии... Потом просил тебя позаботиться о его сыне — Аликс уже в положении. Так что по порталам зря не шастаем, чтобы была возможность его нашим врачам показать, к этой просьбе я намерен отнестись со всей серьезностью. Вот ведь как вышло... Жил он тут ничуть не лучше, чем у нас, зато хоть помер как человек, на посту, так сказать. И детей за собой не потянул...

— Надо озадачить Константина кампанией по увековечиванию памяти, — предложил Гоша. — Кого-нибудь поталантливее посадить написать книгу... О том, что на рубеже веков в России правил умный, мягкий, душевный и добрый человек. И как враги за это его сживали со света и сжили наконец. И как намек — что теперь на троне сидит тоже... умный. И в какой-то мере душевный, но помнящий о трагической судьбе своего брата... и деда, между прочим, тоже. Эх, брат! Как же это угораздило его в Зимний кинуться! Сидел бы в Аничковом, спасли бы, тем более что он заранее отречься начал. Вот ведь не повезло бедному Ники.

— Это как инстинкт, — объяснил я. — Раненый зверь стремится в свою берлогу, ну и у людей что-то такое есть.

— Думаешь, это англичане пытались ликвидировать маман? — вернулся к прозе жизни Гоша.

— Ну не японцы же! Они еще недоозверели до таких методов, а сыны туманного Альбиона, наоборот, других и не знают аж со времен Ивана Грозного. Тогда как раз похожая история произошла. Так что ламсдорфовского секретаря уже ищут, только, боюсь, как бы секретарский трупик не нашли. Кстати, а ты ищи себе нового министра иностранных дел, Ламсдорф-то ведь тоже того...

— А это не он случайно был тут главным?

— Непохож этот Ламсдорф на камикадзе. Знал бы он, в чем дело, уже при первых признаках отравления завопил бы: «Это ошибка, травить собирались не меня, врача сюда срочно!» А вот окружение его, включая домашних, уже изолировано. После ужина съезжу посмотрю, как там движется следствие... Возвращаться мне в Аничков или сюда?

— Сюда, — сказал Гоша. — В ближайшее время пройдишь по Зимнему, присмотри помещения себе и своим службам. Узел связи, охрана, гараж, авиагруппа на автожирах... В общем, ты это лучше меня знаешь. Так что вперед, генерал, вы теперь особа, приближенная к императору. Родина вас не забудет!

ГЛАВА 35

Утром пришлось встать рано, чтобы еще до погружения в следственные действия успеть съездить в Аничков навестить Мари. По идее, на это еще вчера надо было выкроить часок, потому как сразу по приезде я почувствовал себя последней скотиной.

Мари была одна и выглядела так, как будто ее еще раз отравили. Хорошо хоть, что у меня сразу в дверях сработала интуиция и я, не говоря ни слова, просто обнял императрицу и начал гладить по голове. Она разрыдалась, — видимо, этого ей в последние часы и не хватало... Потом она начала выговариваться.

— Ведь это мы, мы его убили, — всхлипывала она. — Он умирал как раз в тот момент, когда мы решали — что с ним делать, если не станет отрекаться...

— Вот что, — немного отстранился я, — давай уточним. Мы планировали его отречение. И в случае даже не отказа, а обмана предусматривались мои активные действия. Только тогда и только мои! А убили его англичане. По ошибке, мишенью-то была ты.

— Как?

— Да как всех, начиная с супруги Ивана Грозного, потом Петра Третьего, потом Павла Первого... Чужими руками, у них в этом большой опыт.

— Но зачем?

— Им мешал я. Но меня убирать трудно и, главное, бесполезно — вы с Гошей вполне уже и без меня обойдетесь. А вот если в Питере убрать тебя, а в Артуре наследника, то инженер Найденев превращается если не в ноль, то уж в сотую долю себя теперешнего — точно. Так что, когда тебя тащили в коттедж, в Порт-Артуре, во дворце наместника, тоже появились первые пострадавшие от яда... Хорошо хоть, что Маша живет на аэродроме.

— И Жоржа тоже? Ну мерзавцы...

Мари стремительно приходила в себя.

— Вот, значит, как решила действовать моя драгоценная сестрица! То-то в позапрошлом письме она намекала, что я зря так активно участвую в политике... Дорогой, я не сомневаюсь, это злодеяние не останется без надлежащего ответа.

— Разумеется, только ответ будет несимметричным. Ведь решение принимал вовсе не король Англии и уж тем более не королева... Я не

уверен, что их и в известность-то поставили. Ну и потом, представь себе, траванули мы братца Эдика и сестренку Сашеньку, помучились они маленько и отбросили копыта, это как-то не впечатляет. А уж вони будет! Зато, если мы их в дерьме измажем по уши — фигурально, хотя... ладно, сначала фигурально. В общем, я уже думаю над этим. Но перед нами сейчас стоят более срочные задачи. Мари, пойми, чтобы смерть Николая оказалась не напрасной, мы должны действовать быстро и точно! Ошибемся — еще и Гошу хоронить придется, если, конечно, будет кому... В общем, так. Еще раз извини, но вид у тебя сейчас почти такой, как надо. Да не сверкай глазами, я тебя не за... цвет лица и не за стройные ноги полюбил! Так вот, вид подходящий, но его надо усилить. Чтоб у пришедшего к тебе посетителя было только одно сомнение: она прямо сейчас помрет или все-таки после его ухода? И давай прикинем, кого из твоих слуг можно показывать прессе на предмет расспросов, а кого лучше не надо. А ты, значит, будешь слабым голосом гнуть вот такую линию...

Наша беседа была прервана осторожным стуком в дверь, и в комнату вошла Татьяна. Она работала по Аничковому дворцу, а Беня — по связям Ламсдорфа, ну и искал секретаря.

Таня, войдя, сделала знак, что говорить вполне можно и при императрице.

— Слушаю, — кивнул я.

— Доброе утро, Мария Федоровна, — поклонилась директриса ДОМа. — Георгий Андреевич, помощник повара, Козыра, задержан на Финляндском вокзале. При нем было около шести тысяч рублей, причем пять тысяч «катеньками». Отдать его для допроса в семерку или провести первичное расследование своими силами?

— Попробуйте сначала сами, но только побыстрее. Увидите, что гад не колетса, тогда да, в семерку... Гнида уже едет и вечером приступит к работе. Но по остальным расследование тоже не прекращайте, мало ли что...

— И еще, вчера утром около кухни видели человека, по описанию совпадающего с Каминским.

— Вот уж в этом-то ничего удивительного нет, — буркнул я и пояснил для Мари: — Каминский — это секретарь Ламсдорфа, вчера он приходил именно с ним.

— Я знаю, — кивнула императрица, — он не только вчера, но и все последние визиты сюда делал в компании этого молодого человека. Но, по-моему, вы с Татьяной ошибаетесь. Ламсдорф говорил мне, что единственным недостатком этого Каминского является полное незнание

английского.

— Ага, — согласился я, — еще наверняка выяснится, что сей достойный вьюнош ни разу не был в английском посольстве и вообще не имеет ни одного знакомого англичанина. Понимаешь, Мари, тут такая тонкость — на подозрение надо брать прежде всего тех, у кого есть алиби. Потому как если человек ни в чем не виноват, то зачем оно ему? А тут уж такое алибище, что и думать особенно не о чем.

Татьяна встала, типа она закончила и просит разрешения удалиться, но глазами показала мне, что у нее еще есть что рассказать.

— Мари, мне, пожалуй, придется тебя ненадолго покинуть, надо поприсутствовать при допросе этого, как его, Котяры? Ну раз Козяры, то тем более. Ты, главное, тут без меня скучай посильнее для приобретения должного вида!

В коридоре Татьяна сообщила мне:

— Третий секретарь английского посольства — частый гость в салоне мадам Луизы. Она его характеризует как отъявленного козла, кстати, минимум по три раза в неделю отмечается! Но всю предыдущую неделю его там не было, хотя никуда он не делся, видели его в городе.

— Интересно, — кивнул я, — как появится, сразу сообщайте.

Весь день я крутился как белка в колесе. Разместить в Зимнем десантную роту, найти место под узел связи, продумать пропускную систему... Потом был доклад Бени о связях Ламсдорфа. Получалось, что последнее время тот чуть ли не ночевал в немецком посольстве. Что ж, все к тому, что его подставили специально...

Только за ужином я смог пообщаться с Гошей.

— Ну и как оно в царях? — поинтересовался я. — Совсем зашился?

— Да у нас и похлеще авралы случались, — усмехнулся Гоша, — так что переживу. Ты лучше скажи, Маше точно там ничто не угрожает, в Артуре?

— Вот те раз, ничего, — удивился я. — Перечисляю в порядке убывания опасности: залповая стрельба японцев, их же зенитки, «спиты», неисправности самолета и покушения то ли англичан, то ли тех же самураев.

— Так, может, ее сюда вызвать?

— А это зависит от того, собираешься ты на ней жениться или нет. Если не собираешься, то можно вызывать...

— Да при чем тут это?

— А при том, что независимо от отмены того пункта женитьба

императора на героине войны и королеве — это одно, а просто на своей давней подруге — совсем другое!

— Какой еще королеве? — не понял Гоша.

— Курильской. Одуванчика уже всерьез прижали, так что на днях он сматывается из Индийского океана. Некоторое время около Владика повернется уже в качестве Второй Тихоокеанской эскадры, а потом снова обернется Маслачак-пашой и захватит Курилы в компании с Машей. И будет там Курильское королевство в составе великой Черногорской империи, одной из самых длинных в мире. Что смеешься, от Адриатики до Шикотана больше тринадцати тысяч километров! Надо, кстати, Маше сказать, пусть помаленьку начинает рисовать флаг и герб. Да, и корону заранее не помешало бы приготовить, но это я уже в рабочем порядке на консервном заводе сделаю. — Я отхлебнул чаю и добавил: — Да, и помаленьку начинает проясняться общий замысел вчерашних безобразий. Мои орлы в Артуре вышли на японца, который организовывал пищевые добавки на твоей кухне. Так вот, взять его живым не удалось, но ты же помнишь, у меня там два спеца-китайца есть. И они утверждают, что это тоже очень даже китаец. Даже могут сказать, у кого он восточным дракам учился...

— Так, значит...

— Вот именно, только не то, что ты подумал. Здесь в качестве козла отпущения нам усиленно подсовывают Ламсдорфа. Но фигура это неинтересная в силу полной неубедительности мотивов, то есть сойдет только для невзыскательной публики. А там решили показать японский след, вот у них-то якобы мотив есть...

— А что, нет?

— Травить или даже стрелять из-за угла — нет. Они же пытаются вести эту войну полностью по европейским правилам, и в целом у них пока нет оснований считать ее начало неуспешным. Зачем, спрашивается, тогда жульничать, имидж портить? Если карта выигрышная, играть следует честно.

— Глубокая мысль, надо будет запомнить, — усмехнулся Гоша. — Ну и хочу тебе одно маленькое такое напоминание сделать, а то вдруг ты забыл... Некто Найденов обещал мне бросить курить в тот же день, как я стану императором. Ну так, на всякий случай напоминаю, что я уже второй день как стал...

— Так этот Найденов тот самый второй день и не курит, оттого и злой ходит как собака, — буркнул я. — И вот что я еще хотел спросить, тут вокруг тебя вчера народ вертелся на предмет принесения присяги. Так что

объяснил бы мне, что это такое, на что похоже, где взять и куда нести. И, кстати, кто я теперь такой? Заместитель несуществующего наместника Дальнего Востока?

— Сегодня ты еще действительно не пойми кто. Но с завтрашнего утра у тебя появляются еще две должности, можешь начинать готовиться. Во-первых, тот самый наместник. Во-вторых, канцлер. Уточняю, это не премьер, а первый заместитель императора! И первый класс табели о рангах, если ты не в курсе.

— А бумага какая-нибудь с правами и обязанностями этого канцлера есть?

— Сам и напиши, только желательно без мата.

— Во, хорошо, что напомнил. Слово «хер» как пишется, через «е» или через «ять»?

В гости к генерал-адмиралу я пришел уже в качестве канцлера, имея в кармане прошение Алексея Александровича об отправке на Дальний Восток. Правда, адресовано оно было предыдущему, уже ничего не решающему императору.

— Георгий Андреевич, — сказал генерал-адмирал, когда мы перешли к делу, — я не претендую на большее, чем командование «Светланой». Как-то неправильно получается, что в такой момент крейсер там, а я — тут...

— Вот-вот, это вы совершенно правильно заметили, насчет такого момента. Так как на трон взошел Георгий Первый, войну надо кончать, естественно, победой. У нового императора есть люди, которым это по плечу, и не скромничайте — вы в их числе. Вот только давайте уточним, в каком именно качестве. Ведь вы, по сути, морской главнокомандующий. Но — вы уж извините — соответствующего опыта у вас нет. Его ни у кого из наших адмиралов пока нет, и это очень плохо! Так что было бы очень к месту, если бы вы согласились на стажировку для приобретения оногo...

— У кого стажироваться, у японцев? — удивился дядя Алексей. — Боевой опыт есть пока только у них...

— Разве? А флот маленькой, но гордой державы, о котором только и говорят последний месяц? Месяц этот флот одерживает победы над британским Гранд-Флитом!

Очень, кстати, убедительные. Пашу ловило уже семь кораблей, и только однажды единственному из них удалось мельком увидеть верхушки мачт удирающей пиратской эскадры. У англичан начали появляться мысли об организации конвоев.

Но я пока не стал заострять внимание собеседника на частных

вопросах морской тактики и продолжил:

— Однако долго тянуться это не может, слишком неравны силы. Поэтому Черногорский флот получил приказ двигаться во Владивосток, где он будет преобразован во Вторую Тихоокеанскую эскадру. Коммондор Пол Маслачак имеет чин мичмана российского флота, но для командования целой эскадрой это все же немножко маловато... Хотя, если вы откажетесь, таки придется создать прецедент.

— Так вы мне предлагаете командовать эскадрой или просто изображать из себя ее командира?

— Командовать. Я уверен, что у вас хватит здравого смысла поначалу прислушиваться к советам Маслачака — у него большой опыт проведения крейсерских операций. А потом он и у вас появится...

— Согласен! — рубанул воздух рукой генерал-адмирал. Вот только... я вчера беседовал с его величеством, и он наказал мне поставить в известность вас.

— Насчет того, что вы хотите жениться? Это можно. Но — поймите меня правильно! — только не в вашем теперешнем качестве. Не может великий князь жениться на бывшей артистке, хоть ей и пожаловано личное дворянство за организацию поездов-госпиталей. А вот герой войны, командующий Второй Тихоокеанской сможет взять в жены свою боевую подругу, начальника медицинской службы эскадры! Ни одна сволочь не пикнет против, если, конечно, будет в своем уме.

При следующем визите к Мари несколько прояснилась ситуация с Ламсдорфом, а именно: почему его решили выставить инициатором отравления. Оказывается, когда сразу после захвата «Мюррея» он пришел капать на мозг Николаю насчет возможного международного скандала и чуть ли не войны с Англией, Мари в процессе убеждения своего сына высказалась в том духе, что столь нервным и впечатлительным особам, как Ламсдорф, в министрах иностранных дел не место... Потом этот инцидент был благополучно забыт, но теперь о нем вдруг написала невесть откуда раздобывшая сведения ревельская газетенка неопределенной направленности. То есть, что собирались подсунуть как объяснение для публики в Питере, более или менее прояснилось. А в Артуре, значит, нашему вниманию явно хотели предложить японский след... Мне было абсолютно ясно, что это дело рук англичан — больше просто некому! — но ничего даже отдаленно похожего на доказательства не появлялось.

Этой невеселой ситуации и было посвящено совещание в узком кругу: я, Бенья и Татьяна.

— А козел-то снова появился у Лизы, — проинформировала нас директриса.

— Гордон? — уточнил Беня.

— Он самый.

— Значит, — наморщил лоб я, — что-то сдерживающее его половые инстинкты закончилось... И как раз в то время, когда была завершена операция с отравлениями, хотя и не так, как планировалось. Вполне возможно, что он в курсе наших дел.

— Разве что краем уха, личность на редкость мелкая и бесцветная, — не согласился Беня. — Хотя... если его изъять и подвергнуть форсированному допросу, может, и всплывет что-нибудь интересное.

— Легендировать исчезновение как будете? Скандал или даже его тень тут абсолютно недопустимы.

— Если это важно, — предложил Беня, — можно взять его сразу, как только появится у Лизы. На допрос — несколько часов, а потом инсценировать в салоне драку с пожаром, например... С пожаром — это потому, что труп клиента может к тому времени иметь непрезентабельный вид.

— Но чтобы опознание было возможно, — уточнил я.

— Жалко, салон мадам Луизы — это просто украшение Питера, — вздохнула Татьяна, — но раз для правого дела, то ничего, нам потом Георгий Андреевич поможет новый открыть, еще лучше прежнего. Так что давайте уточнять детали...

За Татьяной было просто интересно наблюдать. Еще бы, теперь ее шеф — официально второе лицо в империи! А значит, она третье. Если, конечно, не напортачит с работой, — тогда третьим станет Беня... Энергия у дамы была через край, сейчас ей только мигни — все посольство переловит, а не одного паршивого третьего секретаря. Пора, кстати, в моих конторах специальные воинские звания вводить... Потому как «мадам Луиза» звучит, конечно, неплохо, но для внутреннего употребления что-нибудь вроде «старший прокуратор Елизавета Хрунова» будет тоже в самый раз. А Татьяну — гулять так гулять! — произвести в консулы... Или в группенфюреры?

Через три дня сгорел весьма известный в Питере публичный дом, он же салон мадам Луизы на Васильевском. А у нас в деле об отравлении императора появилась первая зацепка.

ГЛАВА 36

Литературно-политическая газета «Санкт-Петербургские ведомости», 2 мая 1904 года

...высокопреосвященнейший митрополит Антоний совершил перед гробом литию, по окончании которой Государь Император и Великие Князья приняли гроб для перенесения его на печальную колесницу. Затем шествие направилось в Петропавловский собор, следуя по Дворцовой набережной, на Троицкий мост, в Петропавловскую крепость через Петровские ворота. На всем пути следования печальной процессии, от Зимнего дворца до Петропавловского собора, улицы и здания были покрыты глубоким трауром. По всему пути были построены шпалерами войска.

Перед церковью Знамения Божьей Матери и церковью Инженерного замка были совершены литии. За печальной колесницей следовал его величество Государь Император, имея позади его светлость Канцлера и дежурство. Его величество был в форме Императорского Военно-Воздушного Флота. За его величеством и Канцлером следовали принц Вальдемар Датский и Великие Князья...

Сразу должен сказать, что в этой высокохудожественной статейке не нашел должного отражения тот факт, что траурная процессия на треть состояла из бойцов охраны и на десятую — из Бениных мальчиков и Таниных девочек. Но это не помешало общему настрою — я бы сказал, что данный «Первомай» прошел неплохо. Правда, когда Мари приехала попрощаться с сыном и ее вынесли из автомобиля в открытом портшезе, я чуть не порушил всю торжественность момента, ибо выглядела она много хуже своего лежащего в гробу старшего сына. И, только увидев беспокойно перебирающие край покрывала пальцы императрицы, я расслабился — это был условный знак «все в порядке, все штатно...».

Вечером Гоша сказал еще одну речь, уже более развернутую. Там он еще раз пообещал, что подлые убийцы будут найдены и покараны, потом прошелся по общей обстановке. Исходя из его слов, получалось, что Россия ведет тяжелейшую войну, по своему характеру сравнимую лишь с Отечественной восьмьсот двенадцатого года. И в этой обстановке

встречаются деструктивные элементы, использующие войну для достижения своих богопротивных целей... В общем, он сообщил, что свеженазначенный канцлер скоро покажет им всем, как надо Родину любить.

Потом Гоша признал, что назревшие в империи противоречия надо решать и он готов приступить к этому. По примеру Георгиевска во всей России будут легализованы профсоюзы. Сразу после войны будет созван Крестьянский собор для выработки путей земельной реформы... Но это только после войны! Пока она не завершилась, страна должна представлять собой единый военный лагерь — сейчас решается вопрос, продолжать ли России быть великой державой или по примеру Китая сидеть и смотреть, как ее раздергивают на части все, кому не лень... Все для фронта, все для победы! Россия не забудет своих героев! В частности, что фронтовики будут иметь преимущество в получении земельных наделов, это он уже решил твердо.

Поначалу меня беспокоила слишком спокойная реакция Гоши на смерть брата, но я быстро понял ее суть. Идет война, Гоша видел ее в Порт-Артуре своими глазами и каждый день. Враг целил в него и его мать, а попал в старшего брата... Жалко, конечно, но все же лучше так, чем наоборот.

Режим дня у меня теперь был такой: с утра в Аничков, где кроме Мари находилась и временная штаб-квартира ДОМа, потом к Бене, потом работа в Зимнем. Ужинали мы с Гошей, это теперь было единственное время, когда нам удавалось спокойно поговорить. Вечером первого мая мы засиделись допоздна...

— Ты уже решил, когда едешь в Артур? — поинтересовался император.

— Думаю, дней через десять. Только не еду, а лечу, и не в Артур, а сначала во Владик, как раз за это время решится, на «кошке» мне туда лететь или на «кондоре».

— А это еще что такое?

— Инициативный проект моего КБ. Поначалу они хотели соорудить нечто вроде «Ильи Муромца», но мне удалось подкорректировать их порыв, и получилась отъевшаяся до учетверения веса «кошка». Густав же сразу после одинарных звезд запустил в производство и двухрядные, проект изначально был заточен под это. Так что четыре мотора по четыреста сил, фюзеляж «кошачий», по конструкции, то есть сварной из труб, лонжероны

дюралевые, обшивка фанерная. Ты Ан-12 видел, они часто над Торбеевом летают? Вот примерно то самое по внешности, только чуть поугловатей и в три раза меньше. Как стратегический бомбардировщик, он все-таки мелковат, это пока первая прикидка, а вот в качестве нового борта номер один — в самый раз пойдет. Позавчера как раз был первый полет, говорят, что прошел нормально. А то сколько можно на допотопном «пересвете» летать! Чай, мы великая империя, а не папуасы какие-нибудь голозадые вроде короля Эдика, он недавно личным «варриором» разжился.

— Ну вот опять! — всплеснул руками Гоша. — А мне? Да что у тебя за натура куркульская, прости господи!

— Так тебе все равно еще минимум месяц в Питере сидеть безвылазно, а там и второй экземпляр подоспеет, их же два заложили, не держи ты меня за жмота. Как раз по результатам моего перелета смогут доработки сделать, не верю я, что без них обойдется. Салон опять же надо приличной мебелью обставить, экипаж подготовить... Не сам же станешь штурвал крутить! Ладно, до игрушек еще будет время дорваться, а пока почитай вот эти бумаженции. Ну и подпиши, если не найдешь криминала...

— Так, Комитет охраны короны... функции... штаты... бюджет... Понятно. Это шестерка в такое преобразуется?

— Ага. А Служба имперской безопасности — это Танечка.

— Только почему здесь звания какие-то странные? Ликторы, центурионы, прокураторы...

— Потому, что это гражданская служба. И более тайная, якобы широким массам неизвестная. Видишь, на твоём указе пометка «Для служебного пользования». То есть официально Бенина шестерка становится контрразведкой, но подчиненной не Генштабу, а тебе лично. Или канцлеру, раз уж ты завел около себя эту зверушку. А СИБ — это тайная политическая полиция, тоже с прямым подчинением. Но в открытых списках учреждений Российской империи ее не будет. Третья спецслужба — это бывший Комкон, его задача контролировать КОК, СИБ, полицию, жандармов и пограничную стражу. Эти пока остаются где были, при министерствах финансов и юстиции. Военную разведку тоже не трогаем, тем более что там и трогать нечего, одно название. Нашел бы, кстати, инициативного человека из молодых, да ранних, оно ведь полезно было бы туда ввести свежую струю...

— А седьмой отдел ты куда задвинул?

— В состав Комкона с сохранением номера. Вон смотри, пункт семь — отдел особых расследований.

— Смотрим дальше, это у нас что? О, закон о государственных тайнах,

к месту-то как! Я даже читать не буду, где тут закорючку поставить? И сделай мне, пожалуйста, к утру экземпляров тридцать, а то надоело отбрехиваться от вопросов, как я сюда так быстро попал из Порт-Артура. Теперь всякому интересующемуся — экземпляр на ознакомление. Я так подозреваю, что санкции за излишнее любопытство у тебя там чуть посерьезнее устного порицания?

— Как обычно, — пожал плечами я, — от десяти лет и выше. А ты свое окружение дрессируй помаленьку. Мне вон ни Беня, ни Танечка даже не намекнули, что удивлены.

— Давай теперь внешние вопросы обсудим. Насчет послезавтрашнего визита Вилли ты, конечно, в курсе...

Разумеется, я был очень даже в курсе. Во-первых, кайзер собирался прилететь на флагмане своего воздушного флота, дирижабле «Дойчланд» — в Гатчине народ уже с ног сбился, готовясь к прилету высокого гостя. А во-вторых, предполагались серьезные переговоры о будущем российско-германских отношений...

— Так что мы будем говорить Вильгельму о покушении?

— Мы? — уточнил я.

— А ты что, хотел отвертеться от участия в переговорах? Не выйдет.

— Ну здесь как раз тот случай, когда говорить следует исключительно правду. Никаких достойных внимания доказательств того, что к этому причастны какие-либо другие державы, нет. Есть, правда, истошный визг пары газетенок о том, что Ламсдорф — немец, но тут надо быть готовым к тому, что со временем количество подобных воплей будет только увеличиваться, ведь желающих поссорить Германию с Россией более чем достаточно. Что до появления железных доказательств причастности подразумеваемой нами стороны к этому делу, Россия будет хранить полное молчание. А вот когда они появятся — скажет! Что именно, вот это как раз и есть тема наших переговоров.

— Если Вилли спросит, как мы здесь так быстро оказались, что говорить будем? Не совать же и ему бумажку с твоим законом...

— Почему, я специально для него экземпляр на мягкой бумаге сделаю. Можно будет дать и сказать, что текст — это для остальных, а он может смело применять сей документ по назначению... Намекнем, что у нас есть двойники. А прилетели мы сюда на секретном скоростном самолете заранее, потому как получили сведения, что тут готовится какая-то бяка.

— Он ведь тоже такой самолет захочет...

— Вот именно, это еще один пункт, пусть сначала все-таки прочитает мою бумажку. Мы готовы неограниченно делиться с ним своими

секретами, но только после того, как в Германии будет создана система сохранения государственной тайны, не уступающая нашей.

— Всеми?

— Разумеется. Всеми без исключения, предназначенными для него. К тому времени, когда он там у себя полноценное гестапо создаст, «Кондор» будет представлять только историческую ценность... Что делать — мы же хотим дружить, а с друзьями принято делиться. Не бесплатно, само собой, а вот насколько — это уже третий пункт повестки дня.

— А следует ли поднимать разговор о будущем английских колоний? — задумался Гоша.

— Что именно сейчас — не уверен, разве что намеком. Но вообще, наша позиция тут должна быть твердой — нехай он хоть все себе забирает, если не подавится! Ну разве что кроме Канар, потому как они испанские — раз и лично мне подходят для дачи — два.

— И Гибралтар?

— Да какая же это колония? Просто незаконно оттяпанный кусок испанской территории. Вот мы и восстановим историческую справедливость, поставив там свой гарнизон, чтоб впредь никому неповадно было Испанию обижать... Но не станем возражать, если на африканской стороне Вилли поставит свой.

— Вот только это самое, — усмехнулся Гоша, — не рановато ли начинать раздел шкуры? Нам из войны с одной-то Японией еще дай бог выбраться. Армия почти небоеспособна, о флоте я тебе лучше не буду, в промышленности та еще картина, а мы тут мир делим...

— Так если бы все перечисленное было в ажуре, стали бы мы делиться! Просто взяли бы себе что надо, а по поводу остального распорядились бы, кому какой кусок. Ну а тут приходится выкручиваться... Кстати, мы ничего не делим. Мы хотим сказать Вилли, что основные проблемы России лежат внутри ее границ. Но мы понимаем, что у Германии дела обстоят как раз наоборот, и готовы пойти навстречу как можем. То есть наш лозунг: Бьеркский договор подписывать в Гатчине! И побыстрее.

Уже в конце беседы Гоша поинтересовался:

— В расследовании ничего интересного не проявилось? Ты не думай, я не тороплю, просто хочется быть в курсе.

— Как сказать. Что происходило на самом деле, пока неясно. А вот что нам хотели показать, как раз сегодня прояснилось до кристальной чистоты. Каминского, это секретарь Ламсдорфа, за день до покушения видели с

человеком определенно азиатской внешности.

— И что?

— Тебя не смущает, что у обоих покушений, тут и в Артуре, похожий почерк? В обоих случаях яды. Как-то мне это картинку-то малость сперва портило, а вот теперь перестало. В обоих случаях нам пытаются подsunуть японский след. С Ламсдорфом — это так, совсем для дураков. В Артуре же смотри что было: пытались поймать гада, он не дался. Китаец, дрова тебе возил. Но труп был опознан. Якобы это исчезнувший с началом войны японский рыботорговец... А? Вот только мои господа Ли утверждают, что он не более японец, чем вы с Машей. То есть, что он не китаец, всплыло бы при любом сколько-нибудь глубоком расследовании. А вот окончательная идентификация не должна была состояться, моих китайцев мало кто видел, да и случайность это, что они принимали участие в задержании. Кстати, а травили-то там народ знаешь чем? Судя по симптомам, рыбой фугу. Это на случай, если мы совсем мышей ловить не будем, дополнительный штрих к картине... Как у Шерлока Холмса с появившимся ночью на самом видном месте кровавым отпечатком пальца якобы убийцы.

— Так, может, мне какое-нибудь заявление сделать? В целях поднятия... э-э-э...

— Народного гнева? Рано. Вот если не удастся после перемалывания их сухопутных сил кончить дело приемлемым миром, который будет нетрудно выдать за победу, тогда да, пожалуй, придется... Но не раньше.

— Да, — заметил Гоша — а не пора ли нам сроки уточнить? Ты до какого примерно времени позиционную войну планируешь?

— Не я, а мы. И не планирую, а планировали! Оснований корректировать планы не вижу, так что до ноября.

— Ну ты даешь... Обстоятельства же изменились!

— И что теперь, обосраться в спешке? Ну ладно, постараюсь к концу сентября обернуться.

— Как будто это что-то меняет... К августу никак?

— Скажите, а двести рублей не смогут спасти гиганта мысли? — поинтересовался я.

Гоша засмеялся:

— Ладно, поторговаться еще успеем. В общем, спокойной ночи, а то и так уже утро.

ГЛАВА 37

Я еще раз оглядел летное поле Гатчинского аэродрома — вроде все нормально. Гоша тоже вертел головой, нервничал, видать. Да уж, случись что с Вильгельмом во время визита в Россию, это будет такой пушной зверек, что и не во всякие ворота пролезет! Поэтому не только на аэродроме, но и в радиусе пяти километров от него, то есть включая и Гатчинский дворец, посторонних сейчас вообще не было. Небольшое число встречающих — около каждого по несколько человек нашей охраны в штатском — кучковались на специально выделенной площадке около причальной мачты. По договоренности со мной дирижабль должен был подлететь к аэродрому на крейсерской высоте и снижаться только над летным полем. В общем, паранойя цвела буйным цветом.

— Может, зря ты истребители в воздух не поднял? — в который раз беспокоился Гоша.

— Да ну их, еще столкнутся, дирижабль большой... — Я отложил наушник. — Все, прошел дальний привод. До чего же неудобно, что у него рация телеграфная! Через полчаса сядет.

Он сел через тридцать пять минут. Еще через десять по трапу на землю спустился Вилли, за ним из гондолы полезла свита...

Вилли сразу шагнул к Гоше, обнял его и быстро затараторил по-немецки, но тут увидел меня, поздоровался, и дальнейший разговор шел уже на языке вероятного противника.

— Извините, дорогой кузен, — разливался соловьем Гоша, — за скромность встречи, но мы вынуждены принимать самые серьезные меры по обеспечению вашей безопасности, ведь Россия сейчас воюет, и, увы, фактически на три фронта...

— Три? — пошевелил усами кайзер.

— Да, — встрял я. — Внешний, явно напавший на нас противник, внутренние деструктивные элементы типа всяких социалистов и внешние же, якобы нейтралы, а на самом деле ведущие себя похуже иных врагов... Так что приношу еще и свои извинения, но никаких публичных мероприятий не планируется. Впрочем, их и без того было бы немного — траур как-никак...

— А вы все растете в чинах, генерал, — похвалил меня Вильгельм, — ваша форма — это полевой авиационный мундир? Очень... э-э-э...

рационально.

Действительно, никаких других комплиментов моему одеянию сказать было нельзя — единственным его украшением являлись золотые орлы на голубых погонах. Причем это были хоть и двуглавые, но правильные орлы, с большим размахом крыльев, в отличие от нелетучей даже на самый непросвещенный взгляд птички на гербе.

— Господин Найденов теперь не только генерал, — уточнил Гоша, — но и государственный канцлер. Вы не против, если он примет самое деятельное участие в наших переговорах?

Вилли был даже за, и мы начали рассаживаться по машинам. На аэродроме стояли все существующие на тот момент в мире бронированные представительские лимузины числом три. Оба величества залезли в Гошин. Я сел в императрицын, точно такой же. Наиболее важных персон из свиты кайзера запустили в третий, до недавних событий возивший Николая, — этот был попроще. Всякая мелочь была посажена в «нару», и кортеж тронулся во дворец.

Днем был умеренно торжественный прием в Гатчинском дворце, на который я не пошел под предлогом необходимости личного руководства обеспечением безопасности, а вечером наконец состоялась встреча в узком кругу — Вилли, Гоша и я. Еще Татьяна, которая лично обносила нас чаем со всякими печенюшками...

У девочки еще с детства была мечта — переспать с каким-нибудь величеством. Одно время она просила санкций на соответствующую работу с Николаем, но без особой надежды, потому как была вполне в курсе суеты вокруг него и того, что Алисе там отводится важная роль, тоже. Ставший величеством Гоша ей был по-прежнему недоступен, ибо несчастный случай приключился бы с ней задолго до перехода событий в активную фазу... А тут такой объект! Естественно, ее возвышенные устремления встретили полную поддержку с моей стороны, и дама работала просто вдохновенно — у Вилли... усы дыбом встали при первом ее появлении, да так и не опускались до позднего вечера. Но, надо отдать ему должное, переговоры он, несмотря на постоянно мелькающие перед глазами отвлекающие факторы разной степени округлости, вел напористо. Правда, я с первых мгновений малость офигел: Вилли начал горячо убеждать нас в том, о чем мы и собирались ему говорить, причем поначалу намеками.

— Две великие державы, — вещал кайзер, — действуя сообща, могут установить в мире наиболее удобный для них порядок! Немецкая армия,

имея тылом дружественную Россию с ее неограниченными ресурсами, станет непобедимой! Промышленность России, опираясь на помощь немецких фирм, наконец-то сможет достойно реализовать все замыслы гениальных русских изобретателей! Я надеюсь, что новое царствование станет и началом новой истории не только Европы, но и мира... И кстати, что за прелестница одаривала нас пирожными?

— О, — сделал значительное лицо Гоша, — это директриса важнейшего в России учреждения, Департамента охраны материнства и детства. В Георгиевске она была третьим по значимости лицом, после меня и генерала Найденова. Теперь она станет им же и во всей империи, ибо подрастающее поколение — это наше будущее — и заботящийся о нем выполняет важнейшую задачу, которую можно доверить только достойным.

— Так почему же она... — не понял Вилли.

— Она заочно влюблена в ваше величество, — пояснил я, — так что мы решили пойти ей навстречу и разрешили подменить официантку.

— Но раз дама занимает столь высокий пост, — приосанился Вилли, — наверное, стоит пригласить ее к столу?

— Я и сам хотел просить ваше величество об этом, — потупил глазки я.

— Ах, оставьте, генерал, эти церемонии для публики! Вы же знаете, для друзей я Вилли. Так где же она?

— Ну кузен Вилли совсем пропал, — заметил Гоша, когда по окончании ужина Татьяна увела Вильгельма показывать предназначенные ему покои, а мы с Гошей пошли в правое крыло, где были наши комнаты.

— Не так чтобы пропал, — уточнил я, — но попал хорошо и, главное, своевременно. Ведь связь с Татьяной он афишировать совершенно не собирается. Помнишь, как детально он про секретность расспрашивал? Так что можно будет трактовать участвовавшие визиты в Россию как нам удобнее... А они точно участвуют, больно жирно ему будет, если Танечка начнет в Берлин ездить. Так что теперь скорой войны с Англией можно не опасаться, даже если мы малость и обнаглеем. Одуванчику хочется перед уходом из Индийского океана посмотреть, чем кончится поединок трех торпедных катеров с легким крейсером, благо там погода сейчас стоит просто замечательная. Мне тоже интересно, а ты как, санкционируешь?

— С кем он воевать-то собрался?

— С «Аполло». Догнать его эта посудина не может, но сильно мешает работать — из-за него Паша уже двоих перспективных клиентов упустил и потому глубоко обиделся...

— Ладно, таких корабликов в Гранд-Флите много, от потери одного не обеднеют, так что я не против. Надеюсь, они не днем на него попрут?

— Разумеется. Тем более что у Паши в эскадре есть два совершенно уникальных типа — братья Аматуни. Наверняка генетическая мутация, ночью как днем видят. Паша с ними уже давно работает...

Вместо запланированных двух дней кайзер пробыл у нас четыре, и вовсе не из-за перегруженности официальной программы или особой остроты переговоров. С точки зрения сопровождающих его лиц, последние два дня он провел исключительно в беседах с государственным канцлером — про Татьяну они были совершенно не в курсе. А на публике Вильгельм показывался редко и всегда в моем обществе. Кстати, при расставании он шепнул мне, что двойник генерала Найденова произвел на него впечатление и по возвращении домой он тоже попробует таким образом расширить свой ближний круг.

К тому, что я не могу в такое время надолго отрываться от расследования, кайзер отнесся с полным пониманием. Да и начхать ему было, с двойником или с оригиналом он прогуливается для восстановления сил, ведь была еще ждавшая его Татьяна.

Результатом наших бесед стало решение о совместной постройке в городе Кольчугино алюминиевого завода и гидроэлектростанции. Кроме того, скоро должна была приехать рабочая группа для написания текста российско-германского договора о сотрудничестве в области промышленности и иных сферах деятельности. А Татьяна при вручении пленки-фотоотчета твердо сказала мне, что по крайней мере до следующей встречи кайзер будет буквально считать дни, ибо если это не так, то ее надо гнать поганой метлой за полную утерю квалификации. Но тут, по-моему, она малость ошибалась — не дни, а часы до встречи будет считать Вилли! Кому как, а мне это было видно невооруженным глазом.

Итак, Вилли все же улетел в свою Германию, а я теперь летел в свой Георгиевск. Хотелось надеяться, что это мой последний полет на «пересвете» — до чего же надоел, зараза, своей тихоходностью, неповоротливостью и тупостью в управлении! Единственное, что у него не отнимешь, — садиться на нем можно буквально куда угодно. Да, но мне куда угодно, как правило, вовсе не надо! А надо на аэродром... вот он, кстати, уже подо мной. Только как-то он странно выглядит...

Я присмотрелся. В конце полосы собралась какая-то толпа, точнее,

две. Между ними можно было рассмотреть что-то красное. А это еще что? У въезда на территорию, такое впечатление, собралось вообще куда больше народу, чем проживает в Георгиевске.

— КДП, что у вас происходит? — поинтересовался я у дежурного командно-диспетчерского пункта, на всякий случай уходя на второй круг.

Ответ пришел не сразу, видно, диспетчер подбирал слова. Наконец он родил:

— Вас встречают...

— Доложите как положено! — рявкнул я. Видно, подействовало, потому как теперь я услышал исчерпывающий ответ:

— По решению мэра Георгиевска назначена торжественная встреча вас, как героя войны и почетного гражданина города. — Во дела! И когда это Георгиевск успел обзавестись почетными гражданами? — Комендант аэродрома пропустил мэра и его окружение в количестве десяти голов. Кроме того, у конца ВПП находится аэродромный оркестр.

— А красное — это что?

— Ковровая дорожка.

— Почему она упирается в какую-то квадратную хреновину?

— Это трибуна с микрофонами. Динамики выведены на ворота КПП.

— Заранее предупредить надо было! — «Тогда двойника бы взял, — подумал я. — Или, по крайней мере, речь загодя сочинил бы...» — Ладно, иду на посадку.

После того как оркестр сыграл «Прощание славянки», на трибуну влез мэр Михеев и сообщил, что основатель города инженер Найденов, генерал, герой и канцлер, сейчас скажет несколько слов своим землякам...

Ко мне подбежал смутно знакомый молодой человек из информбюро и сунул в руки какую-то бумажку.

— Это что? — с подозрением спросил я.

— Ваша речь...

— Да вашу ж мать! — возмутился я.

«...Мать... мать... мать...» — повторило эхо от динамиков на воротах.

Я оттеснил мэра от микрофона и продолжил свое выступление:

— Дорогие сограждане, это я не вам. Это просто общие впечатления и соображения о предстоящей организации встречи. А устроена она будет так. В девять вечера приходите в Приемный парк. Двести наиболее достойных поместятся в конференц-зале, остальные и в парке все услышат, будет трансляция. Опять же в парке приятнее будет слушать мою речь под пиво, в зале ведь не дадут... Так что до вечера! Сейчас, извините, мне

отдохнуть надо, все-таки восемь часов за штурвалом, а я уже не мальчик, к сожалению...

Мне вообще-то надо было не столько отдохнуть, сколько послушать доклады и вникнуть в обстановку.

В общем, встреча с народом вроде бы прошла неплохо. Я даже не стал пытаться говорить пафосную речь — ну не мое это совершенно! — просто начал с того, что перечислил уже погибших на той войне летчиков, двадцать четыре звания и фамилии, и попросил почтить их память минутой молчания. Потом коротко, в своей манере, рассказал, как мы там жили и как воевали. И под конец историю, случившуюся незадолго до нашего отбытия и в пересказах стремительно распространившуюся по Ляодунскому полуострову.

Было решено завести на аэродроме в Чалиндзе пару коров, чтобы они, значит, парное молоко давали летчикам дежурной смены. Коровы находились около консервного завода, в Хуицаинзе (при этих словах публика почему-то оживилась). Гнать их своим ходом тридцать километров по горам пастухам не хотелось, автомобили были заняты... А тут как раз дирижабль «Серафим» собрался в очередной рейс за запчастями. Ну и решили по дороге подкинуть коров, но, так как в той Хуицаинзе садиться было некуда, приняли животных на внешнюю подвеску. Наверное, коровам с непривычки стало страшновато, и с ними приключилась медвежья болезнь... И надо же было такому случиться, что как раз в это время административного коменданта Порт-Артура Стесселя зачем-то понесло посмотреть на береговые батареи, которые находились как раз на пути дирижабля. Правда, прямого попадания не вышло, но Стесселя вполне хватило и близкого накрытия... Теперь он успешно лечится от заикания.

Потом были вопросы, а в конце какой-то техник с моторного завода набрался смелости и спросил в наступившей тишине:

— А зачем нам вообще нужна эта война?

— Нам она ни к чему, — пожал плечами я. — Но у нас нашлось немало дураков в больших чинах, которые вели себя так, как будто никакой Японии вообще нет. А там набралось немало горячих голов, решивших, что искать мирные пути решения проблем не обязательно... Все это так и осталось бы нашей дуростью и их беспочвенными планами, но тут в дело вмешалась третья сторона. Она дала деньги японцам, потом еще и еще — на оружие... Война стала неизбежной. Зачем она им? Сложный вопрос, и я пока не готов аргументированно отвечать на него. Но именно пока, потом отвечу обязательно. Так что эта война нам была не нужна. Но раз уж на нас

напали, нам необходима победа, потому что поражение будет расценено во всем мире как сигнал, что Россия слаба. Союзники отшатнутся, враги осмелеют... Ничем хорошим это не кончится, можете мне поверить.

По-моему, мне поверили.

«Но все же хорошо, — думал я поздним вечером у себя дома, снимая бронежилет, — что никто не додумался задать следующий вопрос: „Чем может кончиться не поражение, а победа в этой войне?“. Потому что ответа на него у меня не было...»

ГЛАВА 38

— Извините, но это авантюра, — твердо сказал Густав и выжидательно уставился на меня.

— Вы продолжайте, продолжайте, — подбодрил его я.

— Самолету, может, и хватит недельных испытаний... — Тринклер косо поглядел на Миронова.

— Ну, может... — неуверенно промямлил тот, — хотя...

— Вот именно — даже самолет не помешало бы доиспытать. Но моторы! Один на стенде проработал двести пятьдесят часов, другой семьдесят. Однозначной причины такой разницы пока не найдено. Далее, почему у третьего мотора клапана приходится регулировать вдвое чаще? Почему у всех компрессия в четвертом заднем цилиндре падает быстрее, чем во всех остальных?

— Так я же у вас не все моторы забираю — четыре на «Кондора» и четыре в запас. Вот и будете спокойно, вдумчиво их гонять на стенде и смотреть, почему они себя ведут так нехорошо. Найдете причину — радируете мне, я уж как-нибудь поправлю.

— В воздухе, — ехидно уточнил Густав.

— При вас же летел на одном моторе из четырех! Можно даже сказать, почти горизонтально... А уж на двух я всяко до аэродрома дотяну.

— Да чем вам «кошка» не нравится?

— Скорость меньше, и ей до Владика придется делать четыре посадки, а «Кондору» двух с запасом хватит.

— Ага, и на каждой вы по двое суток будете в моторах ковыряться! Это если посадка получится на аэродроме, а не посреди тайги. Короче, вы можете, как директор, канцлер и...

— Самодур, — подсказал я.

— Вот именно. В общем, я категорически против и менять своего мнения не собираюсь.

— Что с вами сделаешь, — вздохнул я, — придется лететь на «кошке»...

Вообще-то главной причиной моего желания оседлать «Кондор» была не его скорость и дальность. Мне просто хотелось прилететь во Владик, а потом в Порт-Артур на четырехмоторном гиганте. Но спорить с Густавом дальше было уже нельзя — он, как главный конструктор, еще не считает свои изделия доработанными, значит, так оно и есть.

— Вот и замечательно! — оживился Миронов. — У последних «кошек» улучшенная отделка, то есть плюс пять километров скорости, и дополнительные баки в крыльях. Не придется в фюзеляж две бочки с бензином заталкивать.

— Ладно, готовьте «кошку» на послезавтра. Сначала летим в Питер, у меня там еще дел дня на три-четыре. Самолет за это время как следует проверяется, а потом — во Владик. Какую-нибудь откидную кушетку в фюзеляже соорудите, чтобы спать можно было и лежа, раз уж летим без бочек.

— «Летим» — это кто и куда? — не понял Густав.

— Это мы с вами до Питера. Вам же спокойней будет, если перед моим полетом во Владик лично моторы проверите. К тому же еще одно небольшое дело у вас в Питере, заодно и решим в рабочем порядке.

Это небольшое дело состояло в том, что просто Тринклером Густаву осталось ходить три дня — за выдающиеся успехи на ниве конструирования движков Гоша решил произвести его в князья и даже попросил меня придумать прилагательное для титула. Я отказался, сославшись на занятость, Гоша тоже не родил ничего умного, и в результате Густаву предстояло стать просто князем Тринклером без уточнения, что это князь Тринклер какой-то там...

Смысл данного преобразования был несколько шире награждения Густава — Гоша задумал начать, если так можно выразиться, национализацию своих предприятий. Ведь тот же моторный завод — крупнейшее в мире предприятие данного профиля, — по сути, представлял собой частную лавочку некоего Георгия Романова и примкнувшего к нему Найденова. Но Романов вдруг стал императором, что подразумевало смену статуса принадлежащих ему заводов, газет, пароходов и прочего... Так что руководитель императорского моторного завода должен иметь соответствующий статус, ведь по табели о рангах такая должность тянет как минимум на четвертый класс. А раз Густава все равно придется снабжать титулом и званием, рассудил Гоша, то почему бы не приурочить это событие к какому-нибудь достижению, чтоб меньше возни и расходов? Следующими в очереди были Миронов с Гольденбергом, их предполагалось украсить довесками к именам по сдаче «Кондора» в эксплуатацию.

На «кошке» мы с Тринклером долетели до Гатчины за четыре с половиной часа. Густав рулил, а я занимался испытаниями дополнительного оборудования, то есть установленной вместо

бомбодержателя кушетки. Ничего так получилось, спать вполне можно, только одеяло подсунули какое-то колючее, а подушку надо будет сделать пожестче...

Гоша уже решил, что резиденция канцлера будет именно в Гатчинском дворце. Там же стоит организовать малые императорские покои, в данный момент конкретно на случай очередного раунда переговоров с Вилли. Значит, и официальный ДОМ, и полуофициальный СИБ тоже должны быть рядом, так что в левом крыле дворца уже обживалась Татьяна. Ну а Беня нашел для своей службы приличный особняк на Мойке и осел там.

Густав таки не удержался от сюрприза. Когда полет уже подходил к концу, а я как раз задремал и даже видел какой-то сон, он спокойно вылез из пилотского кресла, подошел ко мне и потряс за плечо:

— Ваша светлость, вставайте, а то мы уже почти прилетели!

— Ага, — буркнул я, просыпаясь, сел и тут проснулся окончательно. В некотором обалдении я смотрел на стоящего рядом Тринклера, пустое место пилота и самостоятельнодвигающийся штурвал.

— Автопилот? — допер я. — Электрический или гидравлика?

— Электрический. Раз уж он стоит на самолетах-снарядах, то почему бы и просто дальний самолет им не оборудовать? На «Кондоре» он будет штатно, а тут пока в порядке исключения... Это мы совместно с Корнеем такую смелость на себя взяли, доработать одну «кошку».

— Протокол испытаний вы захватили?

— Обижаете. Но мы уже подлетаем, кто садиться будет?

— Вы и садитесь, если не устали... Я лучше пока с мыслями соберусь.

Эти мысли — сразу скажем, не самые возвышенные — я додумывал по дороге от аэродрома до Аничкова дворца. Сегодня мне надо было именно туда. Мысли были, естественно, о любви — но не вообще и даже не о нашей, если она есть, с Мари — объектом был великий князь Кирилл Владимирович, Гошин двоюродный брат.

В свое время Гоша, прочитав о февральских событиях семнадцатого года и далее — послеоктябрьских загибах «царя Кирюхи», а также о том, что этот персонаж причастен еще и к гибели адмирала Макарова (обеспечить протраливание мин было приказано именно ему, но он был занят очередной пьянкой), вроде как в шутку спросил меня:

— Слушай, а не пора ли с ним приключиться несчастному случаю?

Тогда было еще не пора, но полгода назад стало самое время, и случай, естественно, подвернулся... Правда, не совсем тот, о котором

интересовалось высочество. Ну упал бы, положим, этому Кирюхе на голову кирпич. Так ведь его папа, фигура весьма влиятельная, поднял бы совершенно неприличный визг и без всяких доказательств утверждал бы: мол, это происки Георгия с его Найденовым, больше некому... Если не верите, найдите портрет этого князя и оцените морду лица. А как противник князь Владимир был весьма серьезен...

По сути, при Николае в Российской империи имелось три двора: собственно Николая, которым заправляла Аликс; того самого Владимира Александровича и двор Мари. Причем в последний год позиции двора моей ненаглядной малость пошатнулись.

В нашей истории князя Володю подкосила скандальная женитьба его непутевого сыночка, и он тихо сошел со сцены. Так что мне даже не надо было ничего изобретать, только самую малость ускорить и подкорректировать события.

Итак, с Кирюхой произошел несчастный случай — он влюбился. А вот в кого — это был блестящий триумф Татьяниной службы! Идеал звался Изольдой Нахамсон (если чуть точнее, то Сарой Собельсон) и являлся сомнительного происхождения мексиканской графиней, ныне подвигающейся в качестве журналистки во Франции. Так что первым итогом операции было то, что в данный момент Кирилл находился не в Порт-Артуре, а вовсе даже в Ницце.

Специализировалась Изольда на великосветских скандалах и сплетнях, причем не оставляла вниманием и Россию — ох еще как не оставляла! Генерал-адмирал, прочитав ее статейку про себя, рвал, метал и рычал. Обвинения московского генерал-губернатора в педерастии тоже не прошли незамеченными, потом она проехала по беспросветной тупости Николая Николаевича (младшего)... Про нас с Гошей она тоже писала какую-то хрень, чтобы не выделять из общей массы. Так что личность в высшем свете Питера это была довольно известная... И вот вчера я получил радиogramму, что клиент окончательно спекся и был затащен под венец! С такой новостью я и ехал к Мари на предмет обсуждения реакции на это вопиющее, подрывающее устои монархии безобразие.

В Аничковом меня ждало аж два величества — не только Мари, но и Гоша. Ему, как императору, материалы по этой истории были представлены еще вчера, но вообще-то у меня создалось впечатление, будто тут что-то личное — больно уж активно, едва став величеством, он принимал участие в судьбе своего двоюродного брата. Сейчас они с Мари скрашивали ожидание меня написанием высочайшей бумаги.

— Ну-ка, что у вас тут, — заинтересовался я.

По мере чтения меня охватывала законная гордость учителя за в чем-то превзошедшего его ученика. Документ был составлен блестяще, демонстрировал полную компетентность автора в высоком искусстве демагогии. С глубокой скорбью Гоша извещал, что в то время, когда весь народ, за исключением немногих отщепенцев, напрягает все силы в борьбе с сильным и коварным врагом, находятся люди, вступающие в связь с пособниками этого врага. Особенно его величество огорчает тот факт, что данный человек принадлежит к императорской фамилии и позорит своими действиями не только себя, это вместо того чтобы быть опорой трону. Дальше шел перечень причин, по которым данный брак ну никак не мог быть признан допустимым. В качестве аргументов были приведены и насквозь фальшивый графский титул избранницы, и ее неопределенная национальность (так в тексте), и то, что она ни разу не православная...

В общем, Кириллу отныне запрещалось появляться в России до исправления своих прискорбных ошибок и принесения официального раскаяния в их свершении. В конце бумаги рукой Мари было дописано мягкое, буквально отеческое сожаление его величества о том, что великий князь Владимир Александрович в силу своей бесконечной занятости не смог уделить должного внимания воспитанию отпрыска.

— Замечательно, — сказал я, — но я так понял, есть еще какой-то вопрос, требующий совместного решения до моего отъезда. Какой именно?

Это был мини-спектакль для Мари. Позавчера вечером она намекнула сыну, что у нее на примете есть очень подходящий человек на пост министра внутренних дел, а именно — саратовский губернатор Петр Аркадьевич Столыпин. Сразу после матери Гоша отправился на узел связи Зимнего, где и обсудил со мной эту инициативу. Так что я был вполне в курсе и нисколько не возражал, но нельзя же было лишать даму удовольствия проталкивать свою креатуру! Поэтому я минут десять слушал рассказ Мари о том, почему именно сейчас нам понадобился именно Петр Аркадьевич.

— В принципе это неплохо, — сказал я, постаравшись, чтобы в голосе сквозила малая толика сомнения. — Действительно, в такой момент около императора должен быть человек, взявший на себя часть неизбежной сейчас грязной работы. Вот поэтому, я так понимаю, дорогая Мари и предлагает данную кандидатуру... Но почему на такой частный пост только МВД? Следует ввести должность премьер-министра, на нее Столыпина и назначить.

Через десять минут вопрос был в принципе решен, и Гоша отбыл по

делам, а мне оставалось сделать так, чтобы Мари считала своей инициативой еще одну мою задумку.

— Единственно, что вызывает у меня некоторые сомнения, — сообщил я, — это энергичность Петра Аркадьевича, его напор. Как-то я не уверен, что в мое отсутствие Гоша сможет должным образом направлять его в нужное русло.

— Дорогой, он-то как раз и сможет. А вот твои попытки как-то корректировать политику премьера в нужную сторону, скорее всего, привели бы только к ссоре. И потом, около Жоржа остаюсь я.

— Неплохо, конечно, — согласился я, — но хватит ли у тебя сил? На тебе же весь императорский двор и работа по недопущению возникновения еще какого-то параллельного, а ты ведь не совсем здорова...

— Ты мне еще про возраст скажи! — возмутилась Мари. — Напомнить, сколько должностей у инженера... ой, извините, ваша светлость, канцлера Найденова? Да, еще один вопрос. Сейчас ты, конечно, поедешь к Татьяне или еще не знаю куда. Но вечером будь любезен вернуться в Аничков — в конце концов, послезавтра ты снова улетаешь! А у японцев самолеты далеко не кончились, я специально интересовалась...

ГЛАВА 39

Давно подмечено, что в дальней поездке первую половину пути думаешь о прошлом — не забыл ли чего, например, а вторую — о будущем. То, что я не ехал, а летел, дела не меняло, тем более что первый этап машину вел второй пилот — у «кошки» было всего одно пилотское место.

Маршрут у нас был Питер — Казань — Омск — Красноярск — Иркутск — Харбин — Владик, его планировалось преодолеть за шесть дней. На первом этапе я летел пассажиром — якобы мне надо было работать с документами, а на самом деле просто лень было перед полетом зубрить маршрут. Дальше-то заблудиться было невозможно — лети себе вдоль железки, тут она одна и долго еще таковой останется.

На всякий случай и от нечего делать я еще раз просмотрел копии бумаг о передаче в казну оружейного, моторного и двух авиационных заводов. Конкретно эти предприятия были выбраны в основном из экономических соображений: оружейный изначально был планово-убыточным, ну а моторный поставлял всю продукцию нашим же авиационным, в силу чего говорить о прибылях также не приходилось. Авиазаводы, особенно второй, в Иркутске, были вполне себе рентабельны, но общая обстановка требовала резкого увеличения объемов производства и, значит, серьезных капиталовложений. Поэтому Гоша и изобразил красивый жест: мол, в тяжелую для России минуту он сделал посильное пожертвование на победу и теперь ждет аналогичных шагов от других предпринимателей.

Что интересно, в процессе этой деприватизации я даже разбогател. Или так и должно быть? Дело в том, что Гоша посчитал, будто передача в казну упомянутых заводов станет слишком сильным ударом по карману инженера Найденова, имеющего там свою долю, и, не слушая моих возражений, всучил мне свой пай в концерне «Цеппелинфлюгунтернеймен». Мол, российскому императору не совсем уместно иметь коммерческие интересы за границей... А оценивалась графская фирмочка миллионов в пятнадцать, так что четверть от этой суммы — бывшая Гошина, а теперь уже моя доля — выглядела очень даже ничего себе. Да плюс у меня там и своих пять процентов было, так что почувствовать себя нищим мне теперь будет весьма затруднительно.

Потом я вспомнил большой прием в Зимнем, на котором император в

торжественной обстановке произвел в князя Тринклера, Менделеева и Жуковского... Ну и рожи были у некоторых царских родственничков! Что характерно, в основном у тех, которым в ближайшее же время предстояло расстаться с частью влияния, состояния и прочего — вплоть до жизни, в случае сильно невесторженного восприятия первых этапов смены статуса. Правда, они об этом пока не подозревали.

Смысл данного действия был в привлечении на свою сторону активной части интеллигенции — теперь у нее появлялся зримый пример, чего можно достичь при направлении таланта в нужную сторону... А то ведь раньше, кроме как в революционеры, честолюбивому человеку из низов и податься-то было особенно некуда! Следующими в очереди за титулами были Зелинский, Налетов, Мосин и мои авиаконструкторы, но здесь титулы предполагались чуть поскромней, только графские.

В Казани меня ждала новость о какой-то победе русского флота в Желтом море. Нашего узла связи в татарской столице не было, так что я, терзаемый нехорошими предчувствиями, полночи проторчал на телеграфе, обмениваясь депешами с иркутским филиалом шестерки. Картина действительно вырисовывалась не совсем чтобы уж очень оптимистическая... Я так понял, что японцы активизировали перевозки морем, Макаров вознамерился им помешать, в результате чего два флота сошлись стенка на стенку и измордовали друг друга до полусмерти. Насколько мои информаторы представляли себе картину, утопленников не было ни у нас, ни у японцев, но и целых кораблей тоже не осталось. Ихние «Микаса» и «Фудзи» были избиты до состояния, при котором не очень понятно, как они вообще еще держатся на плаву. Но и наш «Ретвизан» был превращен в плавающий металлолом, «Цесаревич» выглядел не намного лучше, да и остальным требовался ремонт разной степени сложности. Победой же эта свалка была объявлена просто потому, что японцы начали выходить из боя первыми, а наши их не преследовали. Во-первых, особенно было и некому, во-вторых, и приказа тоже не поступило, потому что в самом конце боя был тяжело ранен Макаров. В общем, результат можно было бы считать ничьей, если бы не одна тонкость. Японцы могли ремонтировать свои корабли практически все сразу. У нас же в единственный сухой док за раз помещался только один бронированный утюг... Правда, еще один док был во Владике, но туда поди доплыви, если на воде ты держишься исключительно на энтузиазме! В общем, повреждения-то были сравнимые, а вот починятся японцы раньше нас...

Но на главный вопрос — о сроках японского наступления на

сухопутном фронте — ответов пока не было. «Однако это ж-ж-ж-ж неспроста», — подумал я и велел передать кодированный сигнал, по которому группа фармацевтов в Чемульпо перейдет к масштабной диверсионной деятельности.

До Омска мы долетели без приключений. Новостей с фронта тоже не было. Зато местный генерал-губернатор откуда-то прознал о моем прилете и явился, жертва субординации, лично засвидетельствовать свое почтение! А у меня здесь даже не было филиала шестерки, чтобы расследовать, откуда возникла утечка сведений и кто уже в курсе, что я тут нахожусь...

Правда, сопровождающий губернатора жандармский ротмистр показался мне не дураком, и я, отведя его в сторонку, поинтересовался: не засиделся ли он в небольших чинах? И если да, то почему бы ему не выполнить приказ государственного канцлера и не пресечь дальнейшее распространение сведений о моем появлении? Да заодно и разобраться, откуда они вообще появились... Новой власти очень нужны энергичные люди, напутствовал его я.

А с его превосходительством мы выпили по рюмочке — я простой водки, он — так уж получилось — с реланиумом... Превосходительство было довольно пожилое, и ему хватило. Убедившись, что здоровью губернатора ничто не угрожает, но просыпаться он будет уже после моего отлета, я прилег вздремнуть часа на четыре.

Перелет в Красноярск и недолгое пребывание там прошли спокойно. Следующая посадка была в Иркутске, где имелся и узел связи, и мощный филиал шестого отдела, да вообще много чего. Так что там я надеялся узнать самые свежие новости — и таки узнал...

Несколько часов назад японцы начали решительное наступление и на Ляодунском перешейке, и под Лаоляном. Перешеек держится, а вот у Куропаткина, кажется, дела обстоят нелучшим образом. Настолько нелучшим, что Новиков, начальник иркутского филиала шестерки, узнав, что я теперь собираюсь лететь прямо в Мукден, выразил сомнения: а не окажется ли он к моменту прилета в руках японцев?

— Ну это вы зря, — хмыкнул я, — Куропаткин, конечно, человек способный, но за сутки с хвостиком не только добежать от Лаоляна до Мукдена, но еще и успеть сдать этот Мукден ни у кого не получится. А вы пока отправляйте пару новых «кошачьих» моторов во Владик, из Мукдена я все-таки полечу туда...

Последний этап перелета за штурвалом сидел я — это была

предельная дальность для данного самолета, и требовалось умение лететь в наиболее экономичном режиме, так что и автопилот включать было нельзя. К концу шестого часа я уже порядком устал, а указатель уровня топлива уютно улегся стрелкой на ноль, но тут впереди показалась мачта с полосатым чулком на ней — первый аэродром второй авиадивизии. Михаил, ясное дело, был на месте и встречал меня.

— Ну что все-таки тут стряслось? — спросил я сразу после приветствия.

— Не понимаю я Куропаткина, — пожал плечами комдив номер два. — Японцы начали наступление на правом фланге. Он подтянул туда резервы, но в это время японцы ударили еще и слева, прорвали нашу линию обороны и продвинулись на пять километров...

— Простите, что перебиваю, — не понял я, — она что, эта линия, была одна?

— В том-то и дело.

Я уже собрался было в резкой форме спросить у него: а он-то куда смотрел? Если Куропаткин его не слушал, почему у меня в Артуре весь стол не был завален докладами Мишеля про это безобразие? Но тут обратил внимание, что с моим собеседником что-то не так. Выглядел он как-то неправильно, непохоже на себя...

— Так, это потом, — остановился я, — лично с вами что творится?

Мишель тоже остановился, как-то по-детски глянул на меня и всхлипнул:

— Наташа погибла... вчера утром...

— Та-ак... Вы сейчас можете ясно рассказать, как это произошло? И почему? Если да, то пройдемте в КДП, и там я вас выслушаю.

«А если нет, — мысленно продолжил я, — то мне придется думать, кем тебя заменить и под каким предлогом отправить отсюда на фиг...»

— Когда левый фланг побежал...

— Уточните, начал отход или действительно побежал?

— Побежал! — почти крикнул Мишель. — Какой отход, они драпали, бросая пушки...

«Блин, да что же у них тут такое творится, — тоскливо подумал я. — Одна линия обороны, и это после четырех месяцев сидения на месте! И на ней — пушки...»

— Я приказал второму полку лететь на бомбометание по наступающим японцам — они шли густыми цепями.

«Так, дальше ясно, — подумал я. — Первая эскадрилья отбомбилась, японцы прекратили преследование и приготовились стрелять вверх...»

— Она была во второй или в третьей эскадрилье? И с какой высоты производилось бомбометание?

— В третьей... С трехсот метров... Да не выбирайте вы слова! Это я ее убил — сам приказал не эшелонироваться по высоте, а бомбить с минимальной, японцы наступали двумя компактными цепями, с километра в них было не попасть... И все четыре «бобика» я загнал на высоту, запретив штурмовку пехоты, потому что в этом районе иногда появлялись «спиты»!

— Последний вопрос — в тот раз они появились?

— Да, три штуки...

«Опа, — в обалдении подумал я. — Последняя новость, полученная мной из Иркутска уже в воздухе, гласила: под Лаоляном сбито три „спитфайра“, один лично Михаилом, у нас потеряно два „пересвета“ и один „бобик“».

— Это были какие-то не совсем обычные «спитфайры», — продолжил Михаил, — крыло без «чайки» и скороподъемность почти как у «бобиков»... И летчики там почти как наши, не та зелень, что летала до этого...

«Ну вот, — думал я поздним вечером, — Мишеля не снимать, а награждать надо. Правда, сейчас нельзя — больно уж эта награда будет напоминать ему о том, за что получена...»

В общем, если бы не своевременный налет второго полка, то неизвестно, чем бы оно все кончилось. А так японцы малость подрастеряли наступательный порыв, а наши смогли закрепиться в подходящей складке местности. Но Куропаткин, видя явную угрозу окружения, скомандовал отход... Если бы у него получился именно отход, то оно бы и ладно, но организованным это действие оказалось только местами. В результате наши потери составляли около трех тысяч человек только убитыми. То, что японцы потеряли как минимум вдвое больше, ничего не значило — при таком соотношении потерь, если оно продолжится, лучше сразу бежать к японцам с предложением мира и половины Сахалина в придачу...

Вспомнилось недавнее посещение Куропаткина. Я начал встречу с того, что выложил на стол мощную бумагу, написанную Гошиной рукой. Там просто и ясно было сказано, что на Дальнем Востоке канцлер Найденов является полномочным представителем императора. Все отданные им приказы приравниваются к императорским со всеми вытекающими последствиями...

Главком мельком глянул в текст и поднял на меня красные от недосыпа

глаза:

— Слушаю вас, ваша светлость...

— Покажите мне обстановку на теперешний момент.

Он показал. В общем, все было не так уж плохо — развивать успех японцы не стали, хотя и могли.

— Терпимо, — резюмировал я, — если бы еще первая армия отступила в чуть большем порядке, было бы совсем замечательно... Теперь что касается будущего. Мукден сдавать нельзя — больно уж тут много запасов, и пятой части не вывезти. Значит, придется его оборонять. Я даже допускаю, что в окружении.

— Но это же бессмысленно! — воскликнул генерал-адъютант.

— Наоборот, если бы японцы на такое пошли, это было бы замечательным подарком. Запасов всего тут на год сидения в осаде. Подвоз подкреплений продолжается, до Харбина противнику не дотянуться, имея в тылу всю нашу армию... Значит, через некоторое время в Харбине формируется ударный кулак из лучших частей, и тогда в интересном положении оказываются как раз японцы. Вот только, боюсь, не хватит у них дурости Мукден окружать... Значит, надо укрепиться в Мукдене. Укрепиться — это значит зарыться в землю так, чтобы было не выковырять никакими силами! Позади первой линии обороны, в паре километров — вторая такая же. Она есть — начинаем копать третью, и так далее... Да, кстати, будьте любезны выслушать первый приказ. Если к моменту начала боевых действий у какой-то части не окажется оборудованной второй линии обороны, ее командир подлежит расстрелу. Исключения могут быть, на войне всего не предусмотреть, но они должны сопровождаться объяснительной запиской от вышестоящего начальника на мое имя. Если доводы покажутся мне неубедительными, расстрелян будет автор объяснительной. Все понятно? Кстати, почему у вас до сих пор не организован штрафбат? Чем стрелять народ, лучше сорвать погоны, и туда...

— Вы серьезно? — привстал Куропаткин. — Да это же... я не могу командовать в таких условиях! Прошу принять мою отставку.

— Не принимаю. Еще вопросы есть? Да сядьте, чего вы так всполошились? Нормальное, по-моему, шло обсуждение обстановки, и вдруг на тебе... Кондратенко с Калединым именно так с самого начала и воюют, у них на перешейке отход на два километра, семь тысяч японских трупов и полторы сотни наших.

— Если вы считаете, что генерал-лейтенант Кондратенко справится с командованием лучше, что мешает именно его назначить на мое место? —

устало спросил Куропаткин.

— Не справится он с двумя армиями, — покачал головой я, — потом, ваши генералы сочтут себя обиженными: какой-то выскочка, мол, над ними поставлен... Да и не меняют коней на переправе. Другое дело, что у него есть опыт современной позиционной войны, отсутствующий у любого из ваших генералов. Так что как вы посмотрите на назначение Кондратенко моим представителем у вас? Подчеркиваю, это вопрос, а не информация и не приказ.

— А конкретнее можно?

— Пожалуйста. Он будет подчиняться вам, но имеет право в любой момент отправить доклад мне. Какое направление вы ему поручите — ваше дело...

«Прямо как в „Ходже Насреддине“, — подумал я, выходя из куропаткинского штаба. — Типа полдела сделано, осталось уговорить принцессу...»

ГЛАВА 40

Во Владивосток, а точнее, в Находку, я прилетел пятнадцатого мая около четырех часов пополудни. Кстати, отчасти это было связано с размерами владивостокского аэродрома — для базирующейся там авиагруппы из шести «пересветов» и трех «тузиков» он еще как-то подходил, но для «кошки» был явно мал. Ну и появляться в городе без охраны (без своей, разумеется, все равно что без никакой) Гоша мне запретил. Впрочем, и без его грозной просьбы я не собирался делать этого до прибытия «Геры» с полусотней бойцов, которое ожидалось только через сутки.

Еще в воздухе у меня возникло большое желание сразу после посадки найти виноватого и устроить ему веселую жизнь...

База подлодок в Дальнем позиционировалась как мой дворец, а в Находке — как Гошин, малость пошикарней. Моя резиденция была отстроена в точности по проекту, а внутри выглядела так и получше. Здесь же вместо дворца я увидел серый двухэтажный сарай. Где башенки, мать вашу?! По углам здания торчали голые, ничем не замаскированные антенны дальней связи. Почему вид неправильный? В проекте, я точно помню, здание представляло собой «П», а здесь наблюдалось явное «Г»... Да что же это, действительно, за «г» такое?! Это что, значит, Гошу строители уже настолько не боятся, коли не постеснялись отправить рапорт о готовности халупы еще в марте? Ну ничего, у императора теперь как раз тут заместитель есть, он разберется...

С земли здание выглядело даже отвратнее, чем с воздуха, а изнутри — поганей, чем снаружи. Щелястый пол, голые кирпичные стены... Малость обжитыми смотрелись только пост оперативного дежурного и три комнаты узла связи.

Дежурный сразу выделил мне ординарца, и тот провел меня в мои апартаменты, расположенные в дальнем крыле второго этажа. Ну тут, видимо, в спешке, успели что-то сделать... Плохо оструганный пол был покрыт коврами. Стены, правда, и тут были голо-кирпичные, но их постарались заставить разнокалиберными комодами, а оставшиеся проплешины завесили картами. На одной была изображена Российская империя целиком, на второй — Тверская губерния, а на третьей и вовсе Австралия. Велев ординарцу найти и притащить сюда план Владивостока с прилегающей к нему акваторией и вызвать командира подводной эскадры

Беклемишева, я стал распаковывать свой дорожный чемодан.

Явившийся по вызову Беклемишев начал возмущаться сразу после отдачи рапорта. Мол, какой красивый план был — минировать подходы к Сасебо и Нагасаки! А вместо этого опять поход на пределе дальности в Йокосуку, где народ уже пуганный...

«Интересно, — подумал я, — если бы на мне сейчас был мундир канцлера, а не моя потертая джинсовка со следами недельного перелета, беседа началась бы так же или несколько по-другому?»

— Это мы с вами сейчас обсудим, — обнадежил собеседника я, — а пока просветите меня: есть ли в Находке хороший портной? Что во Владике есть, я знаю, но мне предпочтительнее здешний.

— Есть, — несколько растерянно отозвался тезка Налетова, — а какое это имеет отношение к теме нашей беседы?

— Да так, мне почему-то кажется, что мундир контр-адмирала отличается от вашего не только погонами. Вот, я тут вам интересную бумажку захватил, почитайте...

Я подал ему настоящий (то есть Гошин, а не мой) императорский указ о присвоении капитану второго ранга Беклемишеву внеочередного звания.

— Несколько запоздалый указ, не спорю, — пояснил я, — но предыдущий император был просто не в курсе того, что у России есть подводный флот, и поэтому никак не реагировал на ваши февральские и мартовские подвиги. А нынешний очень даже в курсе и считает, что командующий Имперским подводным флотом должен ходить в соответствующих чинах. Так что пишите представления на всех остальных, до каперанга включительно, я им и сам прекрасно присвою... А теперь вернемся к Нагасакам и Йокосукам. Ну заблокировали бы вы Сасебо, так самураи еще куда-нибудь приткнулись бы. А теперь-то они уже там! И если загадить подходы минами именно сейчас, то никто и не убежит, даже если захочется. А наверняка захочется после первого же налета нашей дальней авиации... Просто — раскрою вам тайну — эта авиация сейчас состоит всего из трех самолетов, один из которых к тому же не бомбардировщик. А по заблокированной бухте они смогут отработать и по несколько раз. Когда сможете выйти в море? И давайте вместе к вашему портному сходим, мне, судя по вашим возмущенным взглядам, это тоже не помешает.

Сражение в Желтом море хоть мной и не планировалось, но создавало хорошую предпосылку для дальнейших действий. Дело в том, что в нем впервые были применены в боевой обстановке самолеты-снаряды,

запущенные с «Мономаха» и с него же наводимые. Пустили три штуки. Два промахнулись, один ударил в борт «Фудзи» — это такой японский броненосец. Единственный результат — он перестал стрелять, но даже не потерял хода! То есть триста килограммов тротила, летящие со скоростью под двести, не пробili броневой пояс. Навести же снаряд так, чтобы он падал сверху, при управлении с находящегося в пятнадцати километрах «Мономаха» было нереально, а пытаться подойти ближе — самоубийственно. Но теперь ближайшие два дня я собирался потратить на установку в привезшую меня сюда «кошку» аппаратуры радиоуправления. То есть самолет-снаряд стартует издалека, километров сорок летит на автопилоте примерно в сторону цели, а над ней оператор в заранее прибывшей туда «кошке» берет управление на себя. Плюс к этому две недавно прибывшие во Владик «кошки» класса «мурки», то есть морские, с поплавками и быстросъемными консолями крыльев, были последней модификации, с дополнительными баками.

Так что теперь появилась возможность бить с воздуха не по пустым или полупустым базам японцев, а по набитым под завязку ремонтирующимися кораблями...

Перед визитом к портному я зашел на узел связи и посмотрел новости по отряду Вирениуса. В данный момент он находился по ту сторону Японии и пребывал в раздумьях: с какой стороны огибать остров Хоккайдо? Я отправил два приказа. Первый — привезшей меня «кошке» срочно вылететь на разведку: нет ли между Японией и тем Хоккайдо кораблей адмирала Уриу или, не приведи господь, Камимуры? Хотя и не должно быть, но лучше подстраховаться. Второй приказ — на сопровождавшую отряд «Машку» — слушать эфир и по сигналу с самолета вести отряд напрямую, перед этим отпустив американский угольщик. Подумав, отправил и третий — сразу после прохода через пролив крейсеру «Алмаз» покинуть отряд и идти во Владик на максимальной скорости. Мне понравился этот кораблик, и я нашел ему неплохое применение, так что пусть поспешит.

Что делать с остальными судами эскадры — я еще не решил. «Смоленск» с его абсолютно ненужными во Владике снарядами надо как-то переправить в Порт-Артур — ну, это будет отдельная операция. Да и Курилы пора захватывать, сбежавший из Индийского океана Одуванчик на подходе. А потом, наверное, так и оставить «Ослябю» в составе владивостокского отряда крейсеров, ибо он больше крейсер, чем броненосец.

После узла связи я наконец отправился к портному. Им оказался пожилой еврей, прельстившийся на сильно повышенное жалование и согласившийся ради этого два года безвылазно просидеть на закрытой базе. Но деньги-то деньгами, однако и поработать ему тоже иногда хотелось! Вот только с этим в силу малочисленности и непритязательности местного гарнизона было как-то не очень, так что мой приход он встретил с энтузиазмом. Когда же портной уразумел, что ему предстоит сшить мундир государственному канцлеру, и этот канцлер — вот он, прямо тут и стоит в каких-то потертых синих тряпках, — это надо было видеть! Единственно, что несколько смущало готового немедленно приступить к работе и выдать шедевр мастера, — полное непонимание того, как этот самый шедевр должен выглядеть. Но тут я ему помог. Напрягши память и художественные способности, я за полчаса смог достаточно подробно объяснить, как выглядел Штирлиц.

— Вот мне как раз такое, — пояснил я. — Что за повязка на рукаве? Красная, вот тут белый круг в черной окантовке, внутри... э-э-э... буквы «ГК». И когда мне можно будет покрасоваться в обновке? Всякие побрякушки на мундир — вот они... — С этими словами я достал сделанные еще в Георгиевске листья, молнии и прочее.

Договорившись, что завтра надо будет зайти на примерку, а послезавтра, возможно, уже за мундиром, я счел свои дела на сегодня почти завершенными, оставалось только поужинать. На вопрос, где тут кормят, оперативный сказал, что ужин будет доставлен в мои апартаменты по первому требованию, и это возбудило во мне нехорошие подозрения.

— А что, личный состав базы всегда питается там? — поинтересовался я. — Вон у вас на стене распорядок, где написано, что ужин в двадцать тридцать. Сейчас двадцать двадцать, так что куда мне идти?

Столовая, под которую был задействован холл «дворца», оказалась столь же неудобной, как и остальные помещения. Но зато кормили там здорово, я с трудом превозмог искушение не отказаться от третьей порции лосося... «Так что не все плохо», — подумал я, с некоторым трудом направляя свой обожравшийся после недельной сухомятки организм на второй этаж.

Весь следующий день я провозился с «кошкой». Затолкать в фюзеляж аппаратуру радиоуправления и подключить ее получилось быстро, но сразу встал вопрос: а куда девать оператора? «Кошачий» фюзеляж имел ширину

всего метр под центропланом, а на уровне пилотского места еще меньше. Причем даже на этом месте обзора прямо вниз не имелось... Пришлось извращаться. Пилотское кресло было обрезано по ширине и сдвинуто на дециметр влево. Штурвал тоже удалось переместить, а вот педали — нет. Так что посадка получилась как в горбатом «запорожце», то есть ногами вправо... А правее пилота и чуть сзади него было оборудовано лежащее место оператора. Прямо под его мордой в полу был сделан застекленный вырез, и часть носовой обшивки тоже заменили стеклом. Ближе к вечеру я слетал посмотреть, что получилось. Перекошенная посадка особых проблем не создавала, наблюдатель тоже остался в целом доволен... Так что завтра за мундиром — и во Владик, «Гера» с охраной уже там.

Изготовление канцлерской амуниции я специально осуществил вдали от Питера — а то Гоша наверняка стал бы утверждать, что так не положено. Но я посмотрел, в каком виде предшествующий канцлер Горчаков разгуливал по Берлину на одноименном конгрессе... Да лучше уж кольцо в нос и боевую раскраску туземного короля из Новой Гвинеи! А тут народ сначала на периферии привыкнет, во что я одет, тогда и в столицах особых вопросов не возникнет. На всякий случай я сочинил: один погон и одно пустое плечо символизируют, что канцлер является и военной, и гражданской властью. Про молнии в петлицах и сочинять ничего не надо было — такие символы означали у нас в Георгиевске допуск к электроустановкам до двадцати киловольт. По поводу фуражки Гоша уже пенял мне: мол, зря я шастаю по приемам в пилотке, типа не положено... Ладно, фуражка даже лучше в том смысле, что в дождь очки не забрызгивает, особенно если тулья высокая. Что бы еще про дубовые листья придумать? Символ насаждения чего-нибудь прогрессивного, наверное, или... посадки оно? Ладно, потом разберемся. И портной вроде как успевает в срок, а ведь поначалу что-то говорил мне насчет нескольких дней и примерок. Но, услышав от меня встречный вопрос: «Вы таки думаете, что канцлеру будет нужен всего один мундир за всю его и вашу долгую жизнь?» — проникся и начал творить.

Так что сразу по окончании возни с «кошачьей» кабиной я получил этот мундир, повертелся в нем перед зеркалом и погрузился в «пересвет», который должен был доставить мою персону во Владик.

Так как о своем прилете я никого лишнего не предупреждал, на аэродроме меня ждала только охрана — хорошо хоть, что я на второй день своего пребывания в Питере отправил сюда «оку» и «нару», а то пришлось бы в бричках каких-нибудь разъезжать по городу! Они прибыли впритык,

позавчера, и теперь на встречу с командующим владивостокским отрядом крейсеров я поехал на механической тяге — вверх-вниз по горкам, исключительно из которых и состоял город Владивосток.

У входа в особняк штаба отряда никого хоть отдаленно напоминающего часового не обнаружилось. Пожав плечами, я в сопровождении трех охранников зашел внутрь. Опять никого — ни дежурного, ни даже швейцара! Но тут из примыкающего к вестибюлю коридора вышли три беседующих морских офицера — и замерли в изумлении... Действительно, картина перед ними была та еще — бородатый штандартенфюрер в зеркальных очках, а у него за спиной три автоматчика в камуфляже! Такое ведь далеко не со всякого перепоя привидится.

— Кто вы такой и что вам угодно? — наконец прорезался голос у самого старшего из них.

— Меня зовут Георгий Андреевич Найденев, — кротко пояснил я, — и работаю я тут, у нас в России, канцлером. Это личный представитель императора, причем с правом распоряжаться от его имени. Может, слышали? А пришел я сюда с Карлом Петровичем Иессеном поговорить, не подскажете, где бы мне найти его превосходительство?

Контр-адмирал изучал какую-то обширную бумагу, когда дверь в его кабинет приоткрылась, туда сунулся было показывавший мне дорогу кавторанг, но я оттеснил его и вошел сам. Хозяин кабинета поднял на меня глаза, в которых — вот те на! — появилось узнавание.

— Господин государственный канцлер? — неуверенно спросил он, вставая. При этом посмотрел на лежащую перед ним бумагу, потом снова на меня.

— Он самый, — подтвердил я, подходя к его столу. Интересно, с чем это он сравнивает открывшуюся его взору картину?

На столе лежал свежий номер «Владивостокской газеты». Как раз посреди страницы торчал мой портрет, довольно похожий, только почему-то до пупа увешанный орденами. «Надо бы узнать, — подумал я, — действительно у меня их столько или это просто у художника так разыгралась фантазия?» Далее шло сообщение о назначении меня канцлером, моя краткая биография (от начала двадцатого века в общем-то правильная) и приписка, что, по непроверенным сведениям, канцлер скоро собирается посетить столицу Приморья. А чуть ниже был еще один портрет, не мой и в орденах по ширинку — но на этот раз вполне обоснованно, ибо это было изображение генерал-адмирала. И сообщалось в

тексте под рисунком о грядущем через три дня приезде одного персонажа...

— Думаете, вот ведь не повезло, столько начальства разом? — сочувственно спросил я. — Не волнуйтесь, ни я, ни Алексей Александрович не по вашу душу. Я так просто зашел вам сообщить, что через пару часов сюда подойдет «Алмаз», вы уж его встретите как-нибудь, что ли... А завтра с утра и остальной отряд Вирениуса подоспеет. Ну и передать на словах от его величества, что он вполне доволен действиями вашего отряда и желает продолжать в том же духе. Так что, повторяю, не волнуйтесь — я не с инспекцией, просто ко мне сюда скоро гости должны приплыть, вот я и встречаю, давно не виделись...

— Гости? — не понял Иессен.

— Ну да, слышали про Черногорский флот? Вот он сюда скоро и ожидается с дружеским визитом.

Как ни странно, но это вовсе не успокоило адмирала. Хотя его можно понять — командуешь себе крейсерами помаленьку, только дела налаживаются, как вдруг — бац! — к вам едет генерал-адмирал. Едва успел переварить эту новость — открывается дверь, и в кабинет просто так, на огонек заходит канцлер империи. И, как будто этого мало, выясняется, что ожидается еще целый флот в полном составе, да к тому же и заграничный... По газетам могло возникнуть впечатление, будто бы этот флот состоит из линкора, шести крейсеров и неизвестного числа прочих судов. Я решил не портить сюрприза и не уточнять, на что похож черногорский линкор, а уж тем более крейсер... Пускай сам смотрит, кто недавно утопил в Индийском океане английский крейсер «Аполло». Хотя тут адмирал вряд ли в курсе, Одуванчик мне клятвенно радировал, что от этого «Аполлончика» и спасательного круга не осталось, три четыреста пятидесятих торпеды в борт — серьезный аргумент. Потому что не фиг было мешать людям работать!

ГЛАВА 41

— Четыреста тысяч, — перевел я на человеческий язык невнятный писк морзянки. Невнятным он был потому, что на ключе с той стороны сидел сам Одуванчик — ну не мог он доверить радисту трудные переговоры о самом святом! Уже десятую минуту в эфире шел напряженный торг.

— Топите Камимуру, будет «лимон», — застучал я, — а за ваше старье пятьдесят плюс десять процентов от стоимости утопленников...

— Сорок процентов! — начал сдаваться Паша.

— Ладно, двадцать, и ни копейкой больше, — чуть прибавил я в конце и тотчас выразил свое отношение к телеграфному мастерству собеседника, отстучав «пйии-пи-пи, пи-пйии-пи-пи, пйии-пи-пи-пи».

Минуты две Одуванчик мучительно размышлял, но наконец решился, и в моих наушниках пропищало «ОК». Что означало: через несколько часов в Желтом море произойдет еще один бой. У самого входа в него, километрах в ста от Шанхая, Пашу обнаружил четвертый боевой отряд адмирала Камимуры.

Собственно, удрать от пяти устаревших крейсеров Черногорский флот мог без всякого труда, да и обойти тоже — море в том месте широкое, однако японцы, даже потеряв свой единственный самолет-разведчик, все равно не уменьшили агрессивности и теперь расходились из колонны в шеренгу, чтобы перекрыть кусок моря побольше.

Я предложил Паше произвести ночную атаку. В ответ он спросил: почему нынче такие телодвижения, а то ведь после боя и корабли не на что будет ремонтировать, ибо эскадра последнее время малость поиздержалась. Ну а чем оно кончилось, вы уже в курсе. Да, тут была еще одна тонкость — в случае гибели в бою Пашиного корабля я должен был возместить его остаточную стоимость, так что не задаром Одуванчик шел на битву, ох не задаром...

У Одуванчика оставалось еще одиннадцать торпед — даже при половине промахов все равно всем хватит. Да и его немецкие стопятки были весьма неплохими пушками, способными нанести немалый вред данному противнику. После чего Паша должен был изобразить намерение прорваться напрямую в Порт-Артур для привлечения основных сил адмирала Камимуры, а мы собирались под шумок протащить «Смоленск» с его снарядами по адресу. Ну теперь осталось ждать ночи и вестей от

доблестного союзного флота. Ах да, чуть не забыл... Я передал еще одну радиogramму, для Маши, чтобы она смогла заранее сделать какие-нибудь финансовые телодвижения, — ну не из своего же кармана мне Пашино геройство оплачивать! Самоокупаемость — основа основ любой правильной войны. Думаете, отчего англичане так взъелись на мою черногорскую эскадру? Да просто вместо прибылей Русско-японская война вдруг начала оборачиваться для них хоть и небольшими, но убытками!

Насчет «старья» я, строго говоря, несколько преувеличивал. Флагман четвертого отряда «Нийтака» был вполне современным кораблем, хоть и не очень большим, но отлично для такого размера вооруженным, так что Пашина стратегия должна была строиться на необходимости держаться подальше именно от него... Хотя стоп! В число несомненных Пашиных достоинств входила и пламенная любовь к деньгам, а ведь эта посудина как раз в силу своих качеств стоила больше, чем вся остальная куча! Так что тут еще вопрос, кто возьмет верх за оставшиеся несколько часов до темноты — осторожность или наоборот...

На всякий случай я передал еще одну радиogramму и получил ответ:

— Капитан говорит, что вы его обижаете и по мелочам он не работает.

Пришлось опять связываться с Машей и объяснять, что дело может кончиться громкой победой, но и риск весьма велик. Маша ответила, что поняла, а следом подчеркнула: эскадра должна обязательно идти в бой под черногорским флагом, а уж потом может вывешивать какой хочет.

«Ладно, — подумал я, — новости будут только ночью, а мне пора в бухту, не накосячили бы со второй катапультной на „Светлане“...»

Практика показала сильную ограниченность «Мономаха» как авианосца, ибо использовать его можно было только в составе эскадры, которая защитила бы в случае чего. Сам он не мог отбиться от хоть сколько-нибудь серьезного противника, а также убежать, потому как даже после модернизации его скорость составляла всего семнадцать узлов... Так что отправлять наш первый авианосец на штурм Сасебо было смертельно опасно — в Артуре сейчас не было кораблей, способных прикрыть его от шести первоклассных крейсеров Камимур. Зато «Светлана» легко могла от них убежать!

И теперь «Света» ударными темпами дооборудовалась второй катапультной. Чтоб, значит, донести три нормальных самолета и два снаряда до берегов далекой Японии.

На одном из этих самолетов предстояло лететь мне. Вроде как зажившее плечо снова заныло и заболело, прямо словно предчувствуя какую-то пакость, но делать было нечего — во Владике имелось всего три

пилота, способных нормально управлять «кошкой», и это включая меня. Можно, конечно, было вызвать кого-то из Порт-Артура, но там имелось всего шесть «кошек», а работы было как минимум на полк... Ладно, чай, не бомбить лечу, пусть молодые пикируют себе на здоровье, а потом уходят от цели под обстрелом, я же буду спокойно парить в вышине, километрах на двух. Требуется ведь только точно выдерживать боевой курс, пока оператор будет наводить свой снаряд куда надо.

На следующее утро я проснулся как обычно, то есть часов в десять, что само по себе было неплохо — я наказал будить меня в случае отсутствия вестей от Одуванчика или наличия сообщения о его разгроме. «Раз не будили, значит, японцам не повезло», — думал я по дороге на узел связи.

Так и оказалось. В результате ночной атаки «Нийтака» был утоплен, «Чихайя» поврежден. Одуванчик потерял все три торпедных катера и вынужден был сам утопить свой крейсер «Халзан», в прошлом скромно именовавшийся шхуной и носящий имя «Анюта», — самый мелкий корабль эскадры, но единственный, у которого торпедный аппарат смотрел не назад, а вперед. В общем, потеряв все катера и растратив все торпеды, Паша счел бой законченным и покинул место баталии, благо японцы не препятствовали. Далее его путь лежал в обход Японии и во Владик, однако этот путь должен был проделать уже не Черногорский флот Открытого моря, который, якобы разгромив главные силы Камимуры и тем самым оказав посильную помощь союзнику, направлялся обратно к месту своей основной работы, в Индийский океан, — нет, во Владик шла Вторая Тихоокеанская эскадра РИФ под командованием мичмана Одуванько.

Следующий день, а за ним и вечер я провел на борту готовой к немедленному выходу в море «Светланы», по мелочи проигрывая в карты генерал-адмиралу. Мы ждали вестей от «ракообразных». И наконец в пять часов утра дождались... «Светлана» сквозь ключья утреннего тумана направилась в открытое море, а я — спать в свою каюту.

А на следующий день я стартовал с находящейся у входа в Цусимский пролив «Светы» и, набрав четыре километра высоты, полетел вдоль этого пролива — к бухте Сасебо я собирался подойти со стороны моря. Самолету-снаряду такие эволюции не под силу, он полетит напрямую, через Фукуоку — авось не соьбют по дороге, никакой ПВО на самих японских островах, судя по донесениям Собакиной, еще нет. Вот пролив кончился, и я заложил поворот на девяносто градусов влево. «Хорошая все-

таки вещь дирижабль с фотоаппаратом, — думал я, рассматривая хорошо знакомые мне очертания бухты. — Так, что у нас там со снарядом?»

— Запуск успешный, — доложил оператор, — через двенадцать-тринадцать минут должен войти в зону контакта.

— Вниз посмотрите, — предложил я, — нормально получится с такой высоты наводить или мне еще немного опуститься?

— Попаду, — сказал оператор, поднимаясь с четверенек. Правда, некоторое сомнение в его голосе все же присутствовало, так что я решил снизиться до полутора километров.

— Есть контакт! — раздался голос у меня за спиной, — развернитесь носом на два часа! Так, чуть правее... как крикну, на пять и держите курс... давайте!

Ох, как красиво летела «кошка»! Мне удавалось парировать даже воздушные ямы, не говоря уж о точной выдержке курса, а краем уха я слушал азартные комментарии оператора:

— Так, вниз давай, еще чуть... левее... е-есть!!!

Я заложил крутой вираж, чтобы посмотреть вниз. Ничего особенного с высоты я не увидел, просто у южной стороны квадрата — дока — вспухало облако взрыва. Но у оператора было отличное зрение и бинокль с восьмикратным увеличением, поэтому он просветил меня:

— Точно в ворота! Их вообще снесло напрочь!

— Дядя, я «Конь», — ожили наушники, — мы на подходе.

— Работайте, истребителей противника нет, — разрешил я.

Две «кошки» свалились на крыло и с нарастающим воем помчались вниз. Кстати, сирены на пикировщики мы ставили вовсе не для психологического эффекта. Ведь когда пикируешь, надо точно знать свою скорость, но смотреть-то при этом требуется не на спидометр, а на цель! Так что по вою сирен летчик просто определял на слух скорость пикирования.

Самолеты отбомбились не по кораблям, во множестве стоящим в бухте, а по главному производственному корпусу верфи зажигалками. «Это хорошо, что тут любят строить из дерева», — подумал я, глядя вниз. Вот что-то мощно полыхнуло, как раз где стояло нечто вроде бы цилиндрическое — цистерна небось... А горит-то как хорошо, прямо душа радуется! Дым поднимался уже почти на километр.

— Второй — есть контакт! — отвлек меня от возвышенных размышлений голос оператора. — Курс три часа... так... боевой курс... есть!

— А этого куда? — поинтересовался я.

— Как положено — прямо между кораблем и стенкой. Там как раз зачем-то народ суетился...

«Теперь уже вряд ли суетится, — подумал я, глядя на дым внизу. — Ну ладно, нам пора — ждать второго прилета пикировщиков не обязательно, и без меня прекрасно справятся. И лететь к „Свете“ лучше напрямую, а то левый мотор что-то греется заметно сильнее правого...»

Мотор сдох за двадцать километров до посадки, но это было уже неважно, лететь оставалось всего ничего, вполне и на одном моторе сяду, приходилось уже.

Когда уже начинало темнеть, «Светлана» легла на обратный курс. Пикировщики сделали еще по три вылета, подожгли склады с углем и разнесли корабль, который посчитали плавмастерской. А теперь нам предстояла дорога в Порт-Артур...

Ведь как только японцы поймут, что сейчас наша авиация может дотянуться куда захочет — а не понять это после сегодняшнего веселья трудно, — они начнут делать выводы. Главный — снабжение по морю теперь безопасно только в нелетную погоду. Да и то не так чтобы очень, потому что есть еще и наши крейсера! А значит, генеральное наступление откладывать нельзя — или проводить его в ближайшее время, или вовсе от него отказываться! Вот только знать бы еще, куда они ударят. Вроде должны по Порт-Артуру, по данным разведки, там почти две армии — но вдруг! Поэтому Кондратенко и был теперь представителем канцлера в Мукдене.

Утром мы подошли к Порт-Артуру. Вообще-то один из вариантов плана предусматривал, что от места бомбежки я полечу туда своим ходом, но отказавший мотор поставил на нем крест, и генерал-адмиралу пришлось малость подработать извозчиком. Именно подработать — операция по бомбежке обошлась мне в семьсот пятьдесят рублей, проигранных генерал-адмиралу во время ожидания и на пути в бухту.

Выгрузив меня и «кошку», дядя адмирал уплыл, а я отправился навещать Макарова, лежащего в нашем поезде-госпитале. Деловой беседы не получилось, адмирал был еще слишком слаб, так что я просто пожелал ему скорейшего выздоровления от Гоши и от себя. Интересоваться ходом ремонта броненосцев я даже не стал — и так ясно, что в ближайших событиях они участия не примут, а до неближайших еще дожить надо... Вместо этого я заехал к племяннице.

Увидев меня, Маша хохотала минут десять, к вящему изумлению моей и ее охраны.

— Мюллер, блин, какой-то, — в голос ржала она, — неделю бомжевавший под платформой... Погон у тебя с какой стороны? И кто тебя надоумил под эсэсовский мундир водолазку натянуть? А на голове у тебя что? Это тебе кажется, что фуражка, а по мне, так оно больше панаму напоминает! Да когда же мне мой фотоаппарат принесут, в конце концов? Ой, не могу...

Результатом теплой встречи с родственницей стало то, что к Каледину я поехал не сразу, а сначала заскочил в свой поезд и переоделся в авиационный мундир. Действительно, новая форма по мне еще не обмялась, опять же требуются мелкие доделки... Не будем травмировать старых соратников непривычным внешним видом.

Но через день Маша сменила настроение на противоположное.

— Дядя Штирлиц, — заявила она прямо от двери купе, — я вами восхищаюсь! Позвольте взять назад все недостаточно учтивые слова, произнесенные мной позавчера исключительно от растерянности... Эта встреча стала для меня полной неожиданностью. Я, кстати, Гоше срочную радиogramму отправила — пусть хоть голову сломает, но найдет, чем таким таким тебя наградить, небывалым... Потому как тридцать два миллиона за два неполных дня — это фантастика!

— Да в чем же дело, объясни толком! — возмутился я, хотя в общем-то уже догадывался о сути происходящего.

— Поверили! — восхищенно заявила Маша. — Мы же эту легенду про разгром Камимуры и возвращение Паши в Индийский океан больше для прикола запустили, а они — я до сих пор офигеваю — поверили! Лондонская биржа как закрылась после утренних торгов, так до сих пор и стоит... Короче, все, можешь не волноваться, войну ты уже почти выиграл.

— А японцы-то чего молчат? — не понял я.

— Зачем молчат? Очень даже орут благим матом, только их плохо слышно. Кабель с Китаем в очередной раз оборвался, только-только починили... В общем, не меньше суток пройдет, пока до мира будет доведен их вариант текущих событий. Телеграф, он против радио как плотник супротив столяра... А потом, куда они особо попрут поперек фактов-то? Новейший крейсер Камимуры утонул? Утонул. Или сгорел? Нету его, короче. Сасебо ты разнес в щебенку? Вполне. Ну разве что местами крупноват щебень получился, но для непросвещенной публики сойдет. Так что еще дня три мы с этой истории сливки-то поснимаем... Одуванчику небось опять какие-нибудь гроши перепадут? Ведь признайся, ты наверняка ему собрался заплатить даже меньше миллиона!

Перед уходом племянница спохватилась:

— Да, а что за путаница с этими тихоокеанскими эскадрами? Вчера еще была одна-единственная в Артуре, а сегодня котировки уже плывут помаленьку от действий второй и выхода куда-то третьей...

— А, — махнул рукой я, — обычный блеф. Вторая — это тот же Одуванчик, только без торпедных катеров и деревянной шхуны. А третья — это Рождественский, которого ты упорно величаешь Рождественским. Неужели трудно запомнить, что его фамилия происходит не от «Рождества», а от «рожи»? Это мы с Гошей перед моим отъездом его срочно оприказили — за неделю собрать эскадру и дуть на Дальний Восток... Я, честно говоря, про него и забыл, а он, значит, почти месяц собирался? Ну правда, он не в курсе, что на самом-то деле от него требуется только выйти из Балтики. Значит, говоришь, котировки? Это хорошо... и у японцев будет дополнительный стимул взять Порт-Артур побыстрее, до прихода этой самой третьей эскадры.

ГЛАВА 42

Японцы дали нам почти четыре недели. За это время в Дагушань прорвалось не то семь, не то восемь транспортов, а потоплено, если верить летчикам, было не меньше одиннадцати. Еще три ухитрились разгрузиться в Бицзыво.

То, что основной удар будет по нам, прояснилось довольно быстро — все-таки армию от авиаразведки не скроешь. Но все равно под Мукденом наши все рыли и рыли окопы...

У Кондратенко вдруг прорезался еще один талант — он оказался незаурядным логистом, и под его руководством пропускная способность железки увеличилась в полтора раза. Нам тоже малость перепало — дирижабль летал в Мукден практически ежедневно.

Среди гражданских в Артуре царила тихая паника. Еще бы, почти двести тысяч японцев против наших неполных сорока! Тихой же она была потому, что громкая весьма не приветствовалась ни канцлером, ни особым, ни шестым отделами...

В порту Инкоу, это в ста с небольшим километрах от перешейка, вдруг появились подозрительные суденышки, весьма похожие на канонерские лодки, если на них замаскировать орудия. Мы их пока не бомбили, потому как точной уверенности не было, а порт все-таки китайский.

Гоша в Питере нервничал и уже дважды запрашивал: а не ударить ли Куропаткину по стоящей перед ним неполной армии, для отвлечения части сил от Артура? В ответ я посоветовал повнимательнее изучить документ Столыпина о грядущей земельной реформе, а если этого окажется мало, то почитать собранные мной материалы по вопиющему воровству при строительстве его дворца в Находке — с последующим повешением фигурантов, потому как они уже успели разбежаться и теперь находятся гораздо ближе к императору, чем к канцлеру, которому и без этой швали есть чем заняться.

Ну и наконец, началось — прямо как в песне: «Двадцать второго июня ровно в четыре часа...» Только никого японцы не бомбили, хотя и очень пытались, собрав даже большую армаду, чем пять месяцев назад. Естественно, их аэродромы были разведаны, но особых налетов на них не проводилось — просто потому, что в воздухе самолет уничтожить гораздо проще, чем на земле, причем вместе с пилотом.

Первая волна вообще шла к цели над позициями своих войск и вся без исключения туда обрушилась — с бомбами, у кого они были... Потом японцы сделали выводы, и горящие обломки «хаябус» и «сейку» сыпались исключительно в море. Мы же потеряли всего пять самолетов и двух летчиков, — это вам не февраль!

Затем началась артподготовка. Батареи успевали сделать по десятку залпов, потом прилетали наши самолеты и ровняли их с землей, но японцы подтаскивали новые пушки...

С моря подошли пять ихних корабликов, действительно оказавшихся канонерскими лодками. Но у нас уже стояли сухопутные катапульты, и два самолета-снаряда разнесли свои цели даже не в щепки, а в пыль. По оставшимся лодкам открыли огонь береговые железнодорожные батареи и стоящий километрах в пяти — ближе он не мог подойти из-за осадки — крейсер «Новик», однако японцы не отвечали, стреляя исключительно по перешейку. Их хватило минут на десять, а потом стрелять стало некому и в атаку пошла пехота. Честно говоря, такого я не ожидал.

К полудню у нас вышла из строя почти половина пулеметов, а японцы все лезли. К минометам кончались мины — они были в Хуицаинзе, но их просто не успевали подвозить, расход превышал все мыслимые цифры. Кончились мелкие авиабомбы, а весь перешеек заволокло дымом, под прикрытием которого японцы уже несколько раз прорывались на дистанцию автоматного огня.

— Или у нас сейчас резко вырастут потери, — озабоченно сказал Каледин, — или пора отходить.

— Вы командуете, вам виднее, — кивнул я.

Кроме штурма перешейка противник попытался высадить десант в бухте Десяти Кораблей, но специально на этот случай созданные мобильные отряды подтянулись туда и быстро прекратили это безобразие.

К вечеру самураи продвинулись на два километра. Даже приблизительно оценить их потери не представлялось возможным...

Первая половина ночи прошла спокойно, только с оказавшейся в окружении горы Самсон периодически раздавалось «бум-м-м» — выстрел крепостного ружья, который означал, что кому-то на огонек полетел подарок. За это время мы успели подвезти мины и отремонтировать часть пулеметов. А потом начался ночной штурм...

Ближе к утру был момент, когда я подумал, что дело швах — пробравшийся по горло в воде залива Цзинь-Чжоу полк сбил с позиций

наш левый фланг. Но мы быстро и в относительном порядке отступили, а преследующий нас мокрый полк с разбегу напоролся на минное поле. Но наконец — слава тебе, Господи! — к утру подул западный ветер, и на позиции у берега Талиенванской бухты потянулись повозки.

Наши ракеты летали не на порохе, а на эпоксидно-аммониевой смеси — отличное топливо, но вонючее аж до ядовитости. Практика показала, что огонь более чем из десяти установок в безветренную погоду невозможен — расчеты задыхаются. Некоторое количество наспех сделанных противогазов у нас имелось, но ведь и установок было отнюдь не десятков! Две с половиной тысячи ракет дождались своего часа — за холмами стояла изготовившаяся к очередной атаке чуть ли не вся армия генерала Марэсуке Ноги...

Раздался скрежещущий вой, и на север, оставляя за собой черный изогнутый след, улетели первые пристрелочные ракеты. Потом еще несколько. И видимо, самолет-корректировщик дал добро, потому что началось...

Ветер не успевал сдувать ядовитый дым в море, солдаты в окопах кашляли и зажимали лица мокрыми тряпками. Каково было ракетчикам — мне даже думать не хотелось, периодически оттуда вытаскивали потерявших сознание, но огонь не ослабевал. Десять минут на позициях стоял сплошной рев, потом он стих. Облако черного дыма со следами ракет выглядело как выползающий из-за артурских сопот гигантский спрут, хищно тянущий тысячи многокилометровых щупальцев в сторону японских позиций...

Наши солдаты ошарашенно крутили головами, глядя на поднимающееся из-за холмов зарево. Сзади начали бахать подъехавшие железнодорожные батареи — они обрабатывали тылы японцев, куда ракеты не доставали. И наконец почти все наши самолеты улетели бомбить тех, кто находился слишком далеко даже для восьмидюймовых снарядов...

Ни утреннего, ни дневного штурмов не было. «Ночного тоже не будет, — доложила разведка, — ибо некому там штурмовать!»

Перед тем как прямо у Каледина свалиться на топчан и заснуть на пару часов, я прочитал радиogramму от Маши. Она на «Алмазе» с двумя «бобиками» и двумя ротами десанта готовится к высадке на остров Кунашир, признаков противника не наблюдается. Часом раньше снова превратившаяся в черногорцев Пашина эскадра при поддержке «Светланы» заняла Итуруп. Там противник был, но в мизерных количествах, его хватило ненадолго.

Выспавшись и умывшись, я вылез на свет божий и обозрел открывшуюся передо мной картину. Да... учитывая, что ветер теперь был с севера, пованивало уже очень ощутимо.

— Георгий Андреевич, — отвлек меня от созерцания и обоняния Каледин, — пришел японский парламентар, просит суточного перемирия для захоронения погибших.

— Давно пора, — хмыкнул я, — а что, думаете, они за сутки управятся? Ну в случае чего мы не жадные, дадим им лишний денек-другой... Кстати, передайте парламентару, что канцлер Найденов хочет встретиться с самым старшим из находящихся здесь японских генералов.

Через два часа я, в отутюженном черном мундире, в белоснежной сорочке и галстукe с брильянтовой заколкой, сверкая начищенными до невозможного блеска сапогами и зеркальными очками, шел к точке встречи. Хорошо хоть, что она была назначена в месте, где очередной полк японцев попал под фланговый огонь пулеметов. Там, где работали минометы, окружающий пейзаж был куда менее эстетичен...

Передо мной стоял пожилой японец с предельно усталым лицом, в чистом, но в двух местах порванном мундире, с перевязанными рукой и головой... «Снаряд или бомба с „бобика“?» — мимоходом подумал я.

— Господин генерал, — сказал я по-английски, — прошу вас как можно быстрее передать по команде, что канцлер Найденов от имени русского императора просит прислать облеченных необходимыми полномочиями представителей японской стороны для обсуждения наших предложений о мире.

Через пять дней «Мономах» увозил русскую делегацию во главе с канцлером в заранее обусловленную точку Желтого моря. Там на крейсере «Цусима» меня должен был ждать японский премьер-министр Ито Хиробуми (кстати, в нашем мире он в 1901 году ушел в отставку с этого поста). А с севера к месту randevу спешила третья договаривающаяся сторона, крейсер «Алмаз» с находящейся на его борту курильской королевой Марией Первой...

«Вроде не должны они сильно упираться, — думал я, — никто их грабить не собирается. Корею пусть с потрохами забирают, и Артур, как мы отсюда уйдем, тоже, а Маша даже какой-то план Маршалла придумала по выводу Японии из послевоенного кризиса... В общем, попробуем договориться».

ЭПИЛОГ

Из дневников капитана 2-го ранга РИФ М. Н. Беклемишева

16.05.1904

Вчера утром получил приказ явиться к имперскому канцлеру, господину Найденову Георгию Андреевичу. Явился. Не знаю теперь, что и думать. Все мои прежние попытки вразумить Георгия Андреевича Найденова, не имевшие прежде успеха, вдруг в одночасье вылились в... Впрочем, по порядку.

После Йокосуки наша работа приняла характер челночных рейдов между Находкой и Дальним с посещением мест посадки и высадки японских войск. Для минирования этих мест. В целом получалось у нас совсем неплохо. Наши вояжи изрядно осложняли японской армии жизнь. Фактически наши невинные шалости посадили японскую армию на голодный паек как в переносном, так и в прямом смысле. Амуниция и провиант, вооружение и огнеприпасы — все тонуло вместе с подорвавшимися на минах пароходами.

Качественно тралить наши минные банки самураи так и не научились. Но, теряя людей и тральщики, в кои назначили они все мало-мальски подходящие суда вплоть до рыбацких джонок, кое-как поддерживали судоходство. Нам удалось минировать и Шимоносеки, и Пусан. Завалили минами подходы к Нагасаки. Наведались в проливы внутреннего моря и там тоже оставили свой след. Случались и торпедные атаки в японских водах. Семь грузовозов нашли приют на дне морском. Невидимые, вездесущие и неуловимые «Маша» и «Гера» приводили в ярость и страх весь японский флот и все японское правительство.

В апреле Трубецкой и Гадд увезли свои экипажи в Николаев для приемки «Мангуста» и «Комара». Именно так, никаких тебе «Омаров» и «Лангустов». А разве мыслимо без анекдота у нас на флоте? Все мои предложения блокировать эскадру адмирала Того в Сасебо и освободить море для действий крейсеров ВОК натывались на запрет. Как сказал Власьев: «У нашего штаба и отцов-командиров только одно в ответ: „Пожалуйста, господа, без авантюры. Вы понадобитесь в свое время“».

После трагической смерти императора Николая Александровича все ожидали, что новый император предпримет более активные действия против японцев. Однако шли дни, а особых перемен не ощущалось. Артур

сидит уже в осаде, Куропаткин пятится, ведя оборонительные бои, Макаров сцепился с Того, переломав и ему, и себе большую часть броненосцев. А надежд на одержание великих побед нет.

Наконец, в Находку прибыл, как всегда аэропланом, Г. А. Найденов и вызвал меня к себе. Выглядел он аки вахлак, прости господи. Потыкал носом меня в мои «преждевременные» предложения, огорошил указом нового императора о моем досрочном адмиральстве, сообщил о моем же назначении на пост командующего Имперским подводным флотом и приказал наглухо запереть корабли Того, вставшие в Сасебо на ремонт после боя в Желтом море. С целью последующей санации при помощи «дальней» авиации. Хитро придумал генерал авиационный. После чего мы с Найденовым отправились справлять себе новые мундиры.

По дороге шум в голове моей несколько рассеялся, и она пришла в пригодное для мыслительного процесса состояние. Я, поразмыслив, начал задавать канцлеру вопросы о планах на будущее, поскольку назвать неполный десяток разнотипных лодок «подводным флотом» у меня язык не поворачивался. Тем более что четыре из них, включая «Голланды» с «Дельфином» вкуче, уже устарели совершенно. Да и «членистоногие» со спуском на воду первой «кильки» та же участь ожидает. Разве что как учебные суда их использовать?

И полтора десятка «килек» — это еще не флот. Спросил между делом, кого считаем вероятным противником. Ответ меня, мало сказать, оглушил... С таким «невероятным» противником России недостаточно даже и сотни «килек». Никак не менее 120 надобно, чтобы мы смогли противодействовать флоту... этого «вероятного противника». Я собрался было сцепиться с ним по поводу программы строительства подводных лодок, но... рановато. Фактического материала подберу, аргументов повесомее. Посчитаем с Михаилом Петровичем досконально расходы на строительство и содержание, вот тогда я с канцлера не слезу, пока своего не добьюсь. Ибо подводному флоту российскому — быть. Вот сбегая напоследок к Сасебо, в гости к Того...

02.07.1904

Победа! Никто из нас не ждал ее так скоро. Отрадно думать, что в ней есть и наш немалый вклад. И немного стыдно вспоминать, как я собирался «образумить» Георгия Андреевича. Впрочем, наверное, такие желания еще возникнут, потому что с узла связи мне принесли радиограмму: «Михаил Николаевич, как отойдете от празднования, выезжайте в Питер для вступления в новую должность. *Георгий Первый*».

На этом дневник капитана второго ранга Российского Императорского флота Михаила Николаевича Беклемишева прервался. Видно, контр-адмиралу Беклемишеву стало совершенно недосуг дневники писать.

Москва, 2009

notes

Примечания

1

Мористее — в направлении условного центра данного моря.

Великий князь Николай Николаевич (младший) — сын великого князя Николая Николаевича (старшего), генерал-инспектор кавалерии. Имел большое влияние на Николая II. В отличие от своего покойного на описываемый момент папы, не воровал.

Кабельтов — морская мера длины, равная 182,5 метра.

Дневники лейтенанта Российского Императорского Флота
М. Н. Беклемишева можно прочитать на сайте: <http://zhurnal.lib.ru/s/sib/>

И. Г. Бубнов — соавтор Беклемишева в проектировании подводной лодки «Дельфин».

Немного дерьма (*англ.*).

Альфред фон Тирпиц — германский гросс-адмирал. С 1897 г. — морской статс-секретарь (министр) Германии.

По счислению — только по навигационным вычислениям, то есть без привязки к ориентирам.

Крейсерское положение, то есть подлодка плавает рубкой наружу.

Повесть А. и Б. Стругацких «Понедельник начинается в субботу».

Подводное положение.

Удачный выстрел! (англ.).